

А. УМРЕЙКО

БАРАНОВЫ
БРАТЯ

Александр Умрейко

Братья Барановы

Документальный очерк

Несвиж
Несвижская типография им. С. Будного
2016

УДК 82.1.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44
У55

Умрейко, А. Я.

У55 Братья Барановы : роман / А. Я. Умрейко. — Несвиж : Несвижская типография им. С. Будного, 2016. — 280 с.
ISBN 978-985-7078-26-4 .

Книга посвящена братьям Барановым – уроженцам д. Песочное, Копыльского района, Минской области, простым белорусам, которые в лихую годину Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. встали на защиту родной земли от немецко-фашистских захватчиков. Через судьбы братьев показана борьба белорусских партизан с гитлеровцами на оккупированной территории Копыльского и Дзержинского районов Минской области, военные события на фронтах Великой Отечественной войны, тяжелый, ратный труд человека на войне, его мужество и негнбимая воля перед врагом, готовность пожертвовать собой ради независимости своей Родины

УДК 82.1.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44

ISBN 978-985-7078-26-4

© Умрейко А. Я., 2016
© Оформление. КУП «Несвижская
типография им. С. Будного», 2016

Великой Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг., светлой памяти моих героических земляков, сражавшихся с немецким фашизмом, посвящается эта книга.

От автора

Идея написания книги, посвященной семье Барановых, уроженцев и жителей местечка Песочное Копыльского района Минской области, родилась в тот декабрьский день 2013 г., когда я, взяв несколько экземпляров только что отпечатанной документальной книги «Записки о Родине», посвященной д. Песочное, приехал в г. Дзержинск, Минской области, где проживают сегодня представители этого рода. В той книге было уделено определенное внимание братьям Барановым, но основной акцент в ней делался на старшем брате – Баранове Николае Юлиановиче. Это и понятно: из четверых братьев у Николая оказалась самая заметная и интересная биография. В книге «Записки о Родине» троим младшим братьям посвящены только краткие биографические справки, хотя они, также как и их старший брат, относятся к ярчайшим представителям довоенного поколения песочанцев. Они встали на защиту родной земли от врага, внесли свой посильный вклад в изгнание гитлеровских орд с оккупированной территории СССР, в окончательный разгром нацистской Германии. Эти три младших брата также заслуживают нашего самого пристального внимания, потому что они, как и многие их земляки, принимали активное участие в написании героической страницы биографии песочанской земли во время Великой Отечественной войны. Эти четыре брата заслужили полное право, как и миллионы других белорусов, участвовавших в этой войне, остаться в памяти народной на столетия. Для осуществления этого и должна послужить эта книга, и многие другие подобные ей.

Вот об этом и говорилось в тот зимний день с детьми братьев Барановых, в скромном доме их младшей сестры Елены Юлиановны. Тогда от них и прозвучала мысль о том, что всей прожитой жизнью, своими совершенными делами в ней братья заслуживают отдельной книги. Я отметил это себе в уме, подумав, что собрать материал и сделать книгу – можно, но кто профинансирует ее издание. В тот момент я издавал

книгу о Евфросинии Полоцкой за собственные средства. Как известно, такое мероприятие сегодня требует немалых денежных вложений. Поэтому идея написания книги о Барановых так и осталась на некоторое время идей. Но прошел год, и ситуация несколько изменилась. Осенью 2014 г. я решил сделать эту книгу.

Немаловажным фактором для принятия решения по написанию данной книги послужило и наличие материала, не вошедшего раньше в книгу «Записки о Родине». На руках у меня оставалась еще часть воспоминаний Баранова Н.Ю., посвященная боевому пути партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского, Дзержинского района, никогда и нигде не опубликованных. Подумалось, что пусть сейчас хотя бы малая часть его воспоминаний дойдет до читателя. Здесь имеется в виду то, что еще во времена СССР Баранов Н. Ю. написал и подготовил к печати большую рукопись своих воспоминаний о партизанской войне, которая так и осталась ненапечатанной из-за разногласий автора с идеологами КПСС. Хотя, чувствуется, что и эти его воспоминания, которые имеются у меня, датированные 1972 годом, изрядно вымараны, выхолощены, и несут в себе общую и ровную информацию о войне. Та большая рукопись, содержащая страшную правду о времени оккупации немецкими нацистами районов СССР, о партизанском сопротивлении в Беларуси, после его смерти была безвозвратно потеряна и судьба ее неизвестна.

Хотелось бы через судьбы и биографии этих четырех братьев показать события, которые касались не только непосредственно их, но и войну в целом, время оккупации Беларуси гитлеровцами, борьбу белорусского народа против захватчиков, оборону городов-героев, боевые действия Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны.

По данным известного исследователя истории Великой Отечественной войны, доктора исторических наук А.А. Ковалени, каждую неделю во всем мире выходит 10 книг по истории Второй мировой войны. Многие из них – в Беларуси. Свою посильную лепту в исследование этой темы стремлюсь внести и я – неизвестный широкому кругу читателей автор, историк по образованию.

Как автору мне приходится сожалеть о том, что книга о семье Барановых не вышла в 2015 году, в год 70-летия Великой Победы. Но, мне думается, что это обстоятельство не столь важно, потому что желающие ее прочитать могут сделать это и позже, после праздника. Ведь самое главное для нас, живущих сегодня, – это сохранение нашей памяти о таких героях, как братья Барановы, о миллионах таких, как они, вставших на защиту своей Родины в ее лихую годину, и положивших свое здоровье и жизни на алтарь всеобщей Победы.

Надеюсь, что данная книга вызовет интерес у определенного круга читателей, и найдет положительный отклик в их сердцах и душах.

И еще. Меня не покидает мысль, что кто-то, прочитав эту книгу, из обывателя превратится в настоящего патриота нашей Родины.

Р. Неман возле моста д. Песочное

Песочанские буслы

Песочанская Свято-Покровская церковь (фото до 1917 г.)

Церковный хор м. Песочное (фото до 1917 г.)

Глава 1. р. Неман. д. Песочное.

Всеверо-восточной части Копыльского района берет свое начало известная водная артерия Беларуси река Неман. Неман... Кто только о нем не писал, не славил его. На протяжении столетий многие писатели и поэты посвящали свои стихи и прозу нашей знаменитой реке. Вот имена только некоторых из них: Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович, Анатолий Астрейко, Адам Русак, Владимир Короткевич, Федор Тютчев, Элоиза Пашкевич (Цетка), Владислав Сырокомля (Людвиг Кондратович) и многие другие. Вот как о своей родной реке в 1939 г. написал поэт-песенник Адам Русак:

Закрасуйся, Нёман

*Закрасуйся, Нёман,
Каласамі ніў,
Што вясновым ранкам
Росамі паў.
Закрасуйся, Нёман,
Між лясоў і гор,
Панясі ты песню
Жніўную ў прастор.
Закрасуйся, Нёман,
Кронамі дубоў,
Хараством дзявочым,
Кветкамі лугоў.
Закрасуйся, Нёман,
Іскрамі крыніц,
Панясі духмяны
Водар медуніц.
Закіпі ў турбінах,
Вірам закруці,
Гарады і хаты
Сонцам асвяці.
Ты разлейся, Нёман,
Між палёў, дарог,
У вясновых казках,
Песняй перамог.¹*

О значении Немана, об отношении к нему белорусов очень точно сказал белорусский писатель В.Н. Киселев: “Беларусы па праву ганарацца рэкамі Дняпром, Заходняй Дзвіной, Прыпяццю, Сожам. Адаючы належае іх велічнасці і непаўторнасці, мы памятаем, яны толькі “транзітныя” – іх вытокі за межамі Беларусі. З вялікіх нашых рэк на тэрыторыі Беларусі атрымалі “нараджэнне” хіба толькі Неман, Бярэзіна, ды Вілія. Самая ж вялікая сярод іх – Неман. Неман для беларуса тое ж, што Волга для рускага, Днепр для украінца, Вісла для паляка ...”²

Многие ученые-филологи и исследователи пытаются дать обоснованное толкование названия «Неман». Одни говорят, что это слово имеет значение «немаленькая река», другие считают, что в основе слова «Неман» лежит старославянское «немыть» – «неширокий»... Еще в одном обосновании говорится, что название реки происходит от слова «немень» – граница, межа, рубеж. Такая трактовка названия реки, также имеет право на жизнь, т. к. Неман с древних времен является природной границей между землями восточных и западных славян.

В различных энциклопедиях и географических словарях мы можем найти немало информации о реке Неман. В Белорусской энциклопедии говорится, что Неман является одной из основных рек Беларуси и всего Балтийского региона. Длина реки составляет 937 км, по белорусской земле – 459 км (49%). Неман впадает в Куршский залив Балтийского моря на запад от г. Советска (бывший Тильзит).

В низовьях Немана, через систему каналов, которые, в свое время, возвели немцы Восточной Пруссии, и реку Преголю, можно попасть в г. Калининград (Кенигсберг, Кролевец (древн.) Российской Федерации, а через р. Минию – в г. Клайпеду (Литва).

До 1939 г. Неман протекал в границах СССР всего на 50 км. Остальная часть реки приходилась на территории Польши, Литвы и Германии. После присоединения западных областей Белоруссии и прибалтийских республик в границах Союза стало уже 95% площади бассейна Немана. Но, около 113 км реки еще относилось к Германии. До 1939 г. государственная граница СССР пересекала Неман на 874-м км реки (от устья) и проходила в 5 км от д. Николаевщина и в 15 км от д. Могильное.

С давних времен Минская губерния (воеводство) считалась основным поставщиком сплаваемого леса. Основная его масса сплавлялась по Неману.

В Немане течение сильное, стремительное, русло изобилует резкими поворотами и мелями. Поэтому сплав леса и судоходство по Неману всегда считались трудным делом. Но, несмотря на это, в 1897 году по Неману в белорусской части отгрузили 9 млн. 519 тыс. пудов грузов. Сюда прибыло 328 тыс. пудов (против течения).

Нёман – это белорусское название. Такой же корень имеют и все производные от основного названия: Неманец, Занеманец, Верх Неман, Наднеман. По-русски звучит так: Неман (вероятно от польского варианта «Немен»). Сейчас у поляков река звучит как «Ниемен», у литовцев – «НиEMONас» или «Ниемунас», а немцы когда-то называли «Немель». В древности, во времена Римской империи, Неман называли «Хронос» или «Хронон», что означало «река времени». Эти сведения можно найти в записках Клавдия Птолея (II в. н. э.).

В самых верховьях река небольшая, шириной 15-20 м, течение быстрое. За последние 30-40 лет Неман сильно обмелел. С каждым годом левобережье все больше заносится песком, зарастает кустарником, дикими травами, и все ближе подступает к правому берегу. В верховьях река постепенно погибает... В самом Немане и его притоках Лоше, Неманце, Барановке, Турье всегда было много рыбы. В Немане, в нашей местности, водился даже сом. Эти притоки Немана питались от болот, которых в то время на территории Копыльского и близлежащих районов было еще много. Но, после того как в начале 60-х гг. 20 века начали активно проводить мелиорацию, осушение заболоченных площадей, многие небольшие речушки подверглись уничтожению тяжелой техникой. По речкам Турье, Барановке прошли экскаваторы, бульдозеры и речки превратились в канавы. Смотришь, как постепенно гибнет природа и становится тревожно на душе. Сильно обмелел и начал зарастать Неман, не стало столько рыбы, сколько было в старые добрые времена. Когда-то глубина Немана и чистота берегов находились в прямой зависимости от сплаваемого леса. Бревна плотов, которые плыли по Неману в большом количестве, углубляли дно, очищали его и берега от речного зелья, побегов лозы, ольшаника, травы и т. д.

Вот, в самых верховьях Немана, на его левом берегу, и раскинулась д. Песочное, бывшее местечко. Вероятнее всего, что поселению, где находится Песочное, несколько тысяч лет. С давних пор на берегу реки люди возводили жилища столбовой конструкции, занимались рыболовством и охотой.

Несмотря на свой долгий путь развития на протяжении тысяч лет, который прошли люди, жившие на берегах реки Неман, Песочное, как населенный пункт, как административно-территориальная единица, впервые упоминается только с середины 16 века, с 1568 года. В то время на территории современной Беларуси, насчитывалось около 300 местечек, и среди них – Песочное. О Песочном до нас дошли отрывочные сведения. Полной биографической картины этого населенного пункта нет.

Примечания.

1. Русак. А.Г. Засцілайце сталы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. С. 28, 29.

2. Бацька наш Нёман. Кісялёў У.М. Які ён, наш Нёман? Мінск: Юнацтва, 2001. С. 11.

Глава 2. Семья Барановых. Родители.

Если пройти от базарной площади Песочного (от школы) по улице, которая когда-то называлась «Красная» и повернуть во второй переулочек налево, то по правой стороне можно оказаться возле дома, где жила до недавнего времени семья Бендь И.И. (по уличному «Биянки»). Вот на этом месте до Великой Отечественной войны жила семья Баран Юлиана Иосифовича и Дарья Григорьевны. Семья эта была бедной и многодетной. Всего Дарья Григорьевна родила 7 детей, двое из которых, девочка 1917 г. р. и мальчик 1930 г.р., умерли от болезней.

Глава семьи Юлиан Иосифович, 1895 г. р., уроженец м. Песочное, был малограмотным, не имевшим профессии, человеком. Чтобы что-то заработать, он на летний сезон нанимался плотником на Немане.

Дарья Григорьевна, 1898 г. р., малограмотная, не только занималась воспитанием детей и домашним хозяйством, но и работала в колхозе, являлась звеньевой в бригаде по выращиванию льна. Семья имела свое подсобное хозяйство. Держали корову, овец, гусей, курей. Имелся свой огород, на котором высаживали картофель, сеяли рожь, выращивали овощи.

О том далеком времени, после войны, вспоминал старший из детей Николай Баранов: «... Песочное. Когда-то в старину было местечком. Стоит Песочное в тихом красивом уголке вдалеке от больших дорог, далее Екатерининского тракта, в 35-ти км от ближайшей железнодорожной станции Негорелое. Зато на берегу реки Неман, у самого его начала. Это как раз в том месте, где сходятся в одно русло реки Усса, Лоша, Барановка и Неманец. Теперь, при современном транспорте, это недалеко от Минска, в юго-западном направлении около 100 км. В старину это было расстояние. А славилось Песочное на всю округу своими базарами, собиравшимися 2 раза в неделю – вторник да воскресенье – на площади в самом центре, за своими церквями. Их было две. Вот и съезжались в Песочное, кто на базар, кто в церковь помолиться, места хватало всем. Только те, что богаче были, шли в большую церковь, там роскоши было больше, хотя и

плата дороже была. А меньшая церковь для бедного люда. В ней как бы и богу другому молились, да и платить за обряды меньше следовало.

Простой люд в Песочном жил бедно. Абсолютное большинство народа, хотя и имело свои наделы земли, разбросанные вокруг на расстоянии до 10 км отдельными шнурками-полосками, но доход был небольшой. Земля сама тоже бедная, пески.

В 1915 году родился и я в зимнюю Миколу, в честь чего и имя ношу Николай. Жили мои родители тоже бедно. В хозяйстве все время не везло. Через каждые 3 года в семье появлялся лишний рот, т. е. «дармод», как тогда называл нас отец. Хлеба своего хватало еле-еле до Рождества, а там хоть зубы на поллицу: ни дать, ни взять. Словом, горя на полгода всегда было много. Но наша заботливая мать, сама по суткам ничего во рту не держала., а нас «дормодов» кормила, часто занимая у богачей да евреев-торговцев на отработок. И отработывала и за муку, и за картофель, и даже за солёный рассол из-под селедок (лёком звали его), а на селедку денег не хватало.

В семье из детей я был старшим и не один раз видел слезы матери, которые она скрывала от нас, мужа и по каждому случаю просила бога помочь ей. Уж больно верила она тогда в бога. Она никогда не пропускала религиозных праздников, чтобы не пойти в церковь и не помолиться. Молилась она в церкви, молилась и дома. Зато отец был противником религии, попов называл волосатиками и грабителями, и в церковь никогда не ходил.

Жизнь стала налаживаться в семье, когда вступили в 1929 году в колхоз. Я рос и учился в школе, впервые открытой при советской власти в поповском доме, большего здания, чем поповский дом, не было. Когда окончил 7 классов, уехал в город продолжать учебу, хотя расставаться с родными местами Наднеманского края было нелегко. До чего же они хороши. До сих пор не забыть задушевные лирические песни о прошлом. Они всегда волновали человеческую душу, да звали людей на труд, на подвиг, как бы чуяли беду. А она в те времена была уже не за горами.

Начиная с 1934 года я каждый год навещал Песочное в период каникул, а потом в период отпуска. Так, думал, вечно будет. Нельзя забыть родные места. Да, жизнь, к сожалению, сложилась не так, как думал, не так, как планировал...».¹

Вспоминает самая младшая из детей Елена Юлиановна: «Отца моего я запомнила строгим, даже немного злым человеком. Он любил выпить, случалось, устраивал дома скандалы, обижал маму и нас детей. Однажды, мне было тогда лет 8, отец поручил мне пасти гусей. Среди взрослой птицы находился и маленький приплод. Вдруг с неба на гуси-

ный выводок упал коршун. Я и опомниться не успела, как он схватил маленького гусенка и унес. От отчаяния и предчувствия отцовского наказания, я сидела и плакала. Эту невеселую картину увидел брат Саша, подошел ко мне и спросил, что случилось. Я все ему рассказала и стала плакать еще больше. «Чего ты так сильно плачешь, тебя же коршун не унес?» – попробовал пошутить он. Я сказала, плачу оттого, что отец меня накажет ремнем. Брат меня успокоил, сказал, что всю вину возьмет на себя. О случившемся он сам рассказал отцу. Отец сильно разозлился, но не бил меня, а только сказал, что если подобное произойдет еще раз, то он накажет и пастушку, и ее заступника.

Жилось нам трудно, даже в мирное время хватало горя. Помню перед войной в Песочном произошел большой пожар. Тогда сгорело много домов. Сгорела и наша хата. С помощью колхоза родителям удалось построить полдома, такую небольшую времянку, в которой мы и жили.

После того, как во время немецкой оккупации предатели-полицейские сожгли нашу хату, я с родителями жила у соседей, а потом у родственников. После освобождения мои родители не стали строить новый дом в Песочном, а решили уехать в г. Дзержинск, где жил и работал мой старший брат Николай. К тому времени я жила уже в Дзержинске, у брата, и ходила в школу. В конце осени 1944 г. к нам приехала жить и мама. Отец, на некоторое время, задержался в Песочном, работая в колхозе кладовщиком. К нам в Дзержинск он приехал жить в 1945 г. Мама начала тогда работать на веревочной фабрике, а папа трудился рубщиком мяса на городском базаре.»

Примечания.

1. Воспоминания Баранова Н.Ю. Из личного архива Синяковича В.И.

Глава 3. Война началась.

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стальных наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет.*

*Живым не верится, что живы.
А к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет...
И ставит, ставит обелиски.¹*

К. Симонов.

В тот далекий сорок первый год лето стояло жаркое. Высоко, почти в человеческий рост, поднялась рожь, обещая хороший урожай. Приятно лаская глаз, зеленели колхозные картофельные поля и огороды песочанцев. Налетавшие иногда густые, но скоротечные дожди, не приносили прохлады и облегчения. Духота коротких июньских ночей сменялась сухими рассветами и такими же днями. Занимавшиеся колхозными и своими домашними делами жители местечка Песочное не знали, что уже неотвратимо на них, на Беларусь, на всю огромную страну, надвигается беда. За сотни километров от Песочного, от верховьев Немана, за пограничным Бугом, скрежетали гусеницами невидимые немецкие танки и тягачи, тащившие на прицепах большие орудия, крадучись, передвигаясь только ночами, подходила многочисленная пехота. Днем над пограничными заставами и гарнизонами Красной Армии все чаще, никого и ничего не боясь, летали немецкие самолеты-разведчики. Из открытых военных архивов сегодня нам известно, что начиная с 1 января по 22 июня 1941 г. военные летчики фашистской Германии 324 раза нарушали воздушное пространство СССР, углубляясь на нашу территорию до 150 км и проводя разведку и фотосъемку западных районов страны. По приграничным городам, поселкам, деревням Беларуси расползались слухи о скорой войне. Жители, простые обыватели, стали избавляться от советских денежных знаков и покупать в большом количестве муку, соль, спички, керосин, мыло. Полки магазинов и лавок опустошались мгновенно. Командиры и политруки Красной Армии на занятиях с солдатами, в своих семьях, пытались опровергать подобные слухи, но им это плохо удавалось. Их выдавала застывшая на лице тревога и растерянность, давно поселившаяся в их глазах. «Какая война, товарищи? У нас же с Германией пакт о ненападении, они нам почти друзья», – говорили они, и сами себе не верили. Спали урывками, беспокойно, вскакивая среди ночи даже при раскатах далекой летней грозы: что, уже началось?

А колеса немецкой военной машины крутились все быстрее и быстрее, все ближе подступая к границам СССР. Уже вся Европа стонала под тяжелым сапогом германского вермахта. Настала очередь первого

в мире социалистического государства. Фашизм, эта страшная болезнь, «коричневая чума» 20 века уже успела поразить многие страны Европы, которые узнали новый нацистский порядок. Бесконечный поток беженцев, покидал свои разоренные жилища и уходил в неизвестность. Европейцы узнали расстрелы, виселицы и концентрационные лагеря со страшными дымными крематориями. Кровавые щупальца германского национал-социализма, для отвода глаз подкрашенные красным цветом знамен и итальянского чернорубашечного фашизма, коричнево-черными щупальцами-змеями тянулись по европейским просторам, оставив нетронутыми всего несколько «нейтральных стран». К этому времени пала славянская Польша, за ней быстро подняла руки вверх красавица Франция. Немецкие летчики радостно и весело бомбили города королевской Великобритании. К лету 1941 года германский «новый порядок» хозяйничал в Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Югославии и Греции. Чехословакия, Болгария, Румыния и Венгрия, как уличные девки, «легли» под немецкого фюрера, став союзниками фашистов, готовые отправиться вместе в военный поход на восток. Окровавленная Европа многое поняла, но уже было поздно, время заигрываний с немецким тигром закончилось. Вместе с европейским нацизмом и фашизмом она летела в тартарары ...

Обо всем происходящем на европейских просторах мало что знали слабо грамотные жители местечка Песочное, затерявшегося среди тысяч таких же деревень Беларуси. Им было известно, что в Европе полыхает Вторая мировая война, что немец стоит уже на Буге под Брестом, что война придет и к ним, но не думали, что произойдет это так быстро, произойдет сейчас, летом 1941 года. Все надеялись, что эта горестная чаша их минует, а если и придется ее испить, то много позже. Так успокаивали себя, тешили надеждой, жители Песочного, и многих, и многих деревень, поселков и городов нашей страны. Не обошлось. Эта беда обрушилась на нашу Родину ночью 22 июня 1941 года.

Что же происходило в Москве, в Кремле 21 и 22 июня 1941 г.?

«...Когда вечером 21 июня Сталину доложили о немецком фельдфебеле-перебежчике сообщившем о том, что немецкие войска сосредоточились в исходных районах для наступления на территорию СССР, которое начнется утром 22 июня, он не поверил. Сталин спросил у Тимошенко и Жукова, доложивших ему об этом:

—А не подбросили немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?

По этому вопросу видно, как Сталин стремился оттянуть войну на более поздние сроки, хотя бы до 1942 г. Он длительное время не разрешал предпринимать каких-либо действий у западной границы, которые могли

вызвать недовольство немцев, дать им предлог для начала войны. Такое поведение Сталина в то время считалось единственно правильным, его ближайшее окружение, и не только, верило в его непогрешимость. Тогда было недопустимо его не поддерживать, не разделять того, во что он верил. Но в тот раз Тимошенко решил быть более настойчивым и твердо ответил:

—Нет, считаем, перебежчик говорит правду.

Сталин приказал пригласить членов Политбюро.

—Что будем делать? – спросил Сталин собравшихся партийных функционеров и военных.

Все молчали. Тогда предложение внес Тимошенко, которое уже было обдумано вместе с Жуковым:

—Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность.

Сталин возразил:

—Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем.

Ему все еще казалось, что нападение не состоится, ведь раньше о нападении разведка сообщала не один раз, а оно так и не состоялось.

Сейчас, 21 июня, было решено дать короткую директиву № 1, в которой указать, что нападение может начаться с провокаций отдельных немецких подразделений. Войска Красной Армии, стоящие недалеко от границы, не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

После того, как Сталин одобрил текст директивы, ее подписали Тимошенко и Жуков – нарком обороны и начальник Генерального штаба соответственно.

Но уже после 3-х часов ночи 22-го июня начались телефонные сообщения о начале военных действий гитлеровскими войсками. Спустя некоторое время посол Германии в СССР Шуленбург был принят наркомом иностранных дел Молотовым и передал ноту германского правительства о начале войны против СССР. Молотов немедленно сообщил о ноте Сталину и членам Политбюро. Было решено немедленно ударить всеми силами на вторгнувшегося противника, остановить его продвижение и уничтожить. На основании этого решения появилась директива №2. Как известно, военные планы Советского Союза во многом исходили из следующей доктрины: если на СССР нападет враг, то он будет изгнан с нашей земли и разбит на его собственной территории. Война будет вестись малой кровью, а в тылу врага нам поможет рабочий класс. Главной частью доктрины являлось утверждение Сталина: «Ни одного вершка

чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому. В директиве приказывалось:

«1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100 – 150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».²

Из этого приказа мы видим, что ни Сталин, ни руководство Наркомата обороны не знали, что происходит на приграничной территории. Выполнить поставленные задачи авиации в директиве было нереально, потому что почти всю авиацию приграничных округов, в первые же часы вторжения, немцы уничтожили на аэродромах. В первый день нападения гитлеровские наземные войска глубоко вклинились на нашу территорию. На всем протяжении советско-германской границы немецкие диверсионные группы нарушили связь. Значительная часть советских войск приграничных округов не имела радиосредств. Ввиду всего этого распоряжения Наркомата обороны и штабов округов не могли быть выполнены. Ни директива №1, ни директива №2 до войск вовремя не дошли. Приграничные воинские части Красной Армии начали сопротивление агрессору разрозненно и в полном цейтноте.

22-го июня 1941 года появилась и директива №3. Если бы ее текст увидели некоторые гитлеровские генералы, стоявшие во главе своих войск и быстро продвигавшихся в глубину территории Беларуси, Украины, Прибалтики, то она вызвала бы у них смех, так этот документ был далек от действительности. В частности, штабу Юго-Западного фронта приказывалось: «Прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин, силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24.6 овладеть районом Люблин...»³. Из этой директивы видно, что ни Сталин, ни Генштаб, не имея достоверной информации, явно не представляли, какова обстановка на западной границе. Они не знали, где находятся в настоящий момент войска указанных в директиве армий, на какое уже расстоя-

ние они отошли от линии государственной границы под ударами наземных немецких войск и авиации, господствовавшей в воздухе. Приказание на овладение польским г. Люблином, находящимся глубоко на немецкой территории, было просто авантюрным и утопическим. Поэтому в своих дневниковых записях гитлеровский генерал Гальдер не раз отмечал, что ему непонятны действия советского командования. После войны, в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков Г.К. отмечал: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, что ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы.

В сложившейся обстановке единственно правильными могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев танковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели».⁴

Вот как о дне вторжения гитлеровских войск на территорию СССР вспоминал после войны немецкий полковник Луитпольд Штейдле, написавший мемуары под названием «От Волги до Веймара»: «... В середине июня мы получили приказ провести рекогносцировку вблизи границы. В столовой разговор шел вокруг договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенного в августе 1939 года. Мы все еще верили, что Гитлер будет соблюдать этот договор. День за днем в Германию шли из России поезда с зерном. Нарушение договора затронуло бы продовольственное положение Германии. ... В ночь на 20 и на 21 июня полк, в два перехода, занял позиции восточнее Буга, севернее Малкини. Однако почти никто не верил, что положение столь серьезно. И в прошлом не раз случалось, что Гитлер добивался своего путем военных демонстраций. Сомневаться мы стали лишь после того, как нам передали сообщение, что несколько отмобилизованных советских армий вплотную подошли к границе и что вот-вот они начнут наступать. Дошли также слухи о диверсионных актах. Однако штаб дивизии почти ничего не знал ни о противнике, ни о том, как наше командование оценивает обстановку в целом. После перехода у Вышкува, железнодорожной линии Варшава – Остроленка ночной марш был проведен в условиях полной секретности. Из Брока наш полк уже в развернутом виде, то есть с двумя батальонами в первом эшелоне и с третьим в резерве, после исключительно тяжелого перехода по пересеченной местности вышел на исходные позиции за-

паднее железнодорожной линии Малкия – Острув. Так как требовалось подтянуть роты как можно ближе к советским пограничным заставам, то уже примерно за пять километров до границы все огни гасились, собаки вылавливались. Населенные пункты и хутора прочесывались.

Вечером 21 июня командирам на последнем оперативном совещании в штабе дивизии у Брока был объявлен приказ Гитлера о наступлении. ... На следующее утро в 5.30 вдоль всей границы начался артиллерийский огонь небывалой силы. Подавлялся каждый объект, который мог служить обороне. Одновременно немецкая авиация начала массированные налеты. Все это говорило о том, что началось тщательно и заблаговременно подготовленное вторжение. Через несколько минут после начала артиллерийской подготовки вспыхнули пожары. Находившиеся на советских пограничных заставах передовые части были быстро опрокинуты. На моем участке никакого сопротивления не было. Только со стороны Малкини был слышен шум пехотного боя, и раздавались взрывы. ... Через километр наше продвижение было остановлено на некоторое время огнем из пулеметов и винтовок. Вскоре наша головная походная застава наткнулась на недостроенные легкие полевые укрепления. Солдат в них уже не было. По всему было видно, что стройка началась недавно. Мы были поражены увиденным. Ничем не подтверждалось, что готовилось нападение, которое мы предупредили. Где же противник, о котором геббельсовская пропаганда твердила, будто он приготовился смять нас невиданной массой людей и вооружения?»⁵

22 июня 1941 года, в 12 часов, с сообщением о начале войны по всесоюзному радио выступил В.М. Молотов, министр иностранных дел СССР. Вот как описана обстановка того дня в Кремле писателем В.В. Карповым в книге «Генералиссимус»: «... В одной из бесед Молотов рассказал мне, как готовилось это выступление:

—В тот страшный, тревожный день в горячке разговоров, распоряжений, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу. Все притихли, смотрели на Сталина. Я сказал, что выступать перед народом и страной, конечно же, нужно Сталину. Члены Политбюро молчали, ждали – что скажет на это Иосиф Виссарионович? Он довольно долго не отвечал, проахивался, как обычно, по кабинету, а потом ответил на это предложение отрицательно. Он считал, что рано ему выступать в первый день, будучи еще другие возможности, а сегодня пусть выступит Молотов. После этих слов Сталин стал ходить по кабинету и, как бы ни к кому не обращаясь, рассуждал о том, что стряслось.

Молотов сказал дальше, что он стал делать пометки на бумаге, на-

мереваясь при подготовке выступления использовать то, что говорил Сталин. А Сталин говорил о том, что все вроде бы делали мы правильно, взвешивали, оценивали и всячески показывали и свое стремление к миру, и доброжелательное отношение к Германии, и договор соблюдали неотступно, во всех деталях. Никакого повода не давали немцам для сомнения в нашей искренности в политике и в дипломатии. Потом он посетовал:

— Не хватило нам времени, просчитались мы именно в подсчете времени, не успели осуществить все необходимое для отражения врага. — После паузы, пройдясь по кабинету, добавил: - Вот мы-то договор соблюдали, а они, немцы, Гитлер, так вероломно с нами обошлись, нарушили договор. Ну что же от них ждать? У них свои понятия о порядочности и честности. Мы их считали честными, вот еще и поэтому просчитались, а они оказались коварными. Ну, ничего, Гитлер за это жестоко поплатится! Мы ему докажем, что он просчитался, мы уничтожим его!.. И потом, как бы подытоживая свои мысли, Сталин произнес:

— Нелегко нам придется, очень нелегко, но выстоять надо, другого выхода у нас нет.

Свое выступление Молотов подготовил здесь же, в кабинете Сталина, причем в подготовке участвовали и другие члены Политбюро, Сталин тоже вставил несколько фраз. Молотов же формулировал окончательный текст с учетом этих отдельных замечаний и того, что Сталин говорил, проаживаясь по кабинету.

В этом первом официальном выступлении Советского правительства прозвучали слова, которые стали своеобразным девизом всей Великой Отечественной войны, их продиктовал Молотову Сталин: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Во время нашей беседы Молотов еще вспомнил:

— После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: «Вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет еще время и повод, и мне придется выступать еще не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно, растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определенные обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, все равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия».⁶

Причины неудач Красной Армии в начале лета 1941 г. сегодня анализируются историками. Я намеренно не буду останавливаться на тактических ошибках и просчетах, что допускались командирами воинских

частей и соединений. Обратим внимание на наиболее значимые стратегические ошибки, которые бесспорно повлияли на развитие военной ситуации в 1941 г.

Во-первых, одной из серьезных причин неудач Красной Армии в начале войны был просчет военно-политического руководства СССР при определении времени начала войны и места нанесения главного удара немецким вермахтом.

Гитлеровцы смогли в короткий срок развернуть три группы своих армий на советско-германской границе и сконцентрировать в полосе наступления. В полную готовность немцы привели всю систему управления армиями – от разведки и контрразведки до органов и подразделений материального обеспечения, что в значительной степени определило успех боевых действий вермахта.

Во-вторых, большой ошибкой было то, что против согласия начальника Генерального штаба Шапошникова Б.М. было принято решение о демонтаже вооружений на укреплениях старой границы. Такой опрометчивый шаг лишил войска Красной Армии в ответственный момент необходимой сильно укрепленной второй полосы обороны.

В-третьих, одним из серьезных факторов, способствовавших трагедии 1941 г., явились репрессии командного состава Красной Армии. За 1937-1938 гг. было репрессировано около 44 тыс. командиров и политработников. В 1938-1939 гг. волна репрессий уничтожила еще более 35 тыс. На их места были назначены свыше 100 тыс. молодых малоопытных военных кадров, что, безусловно, отразилось на боеспособности частей и соединений армии. Во время начала боевых действий повсюду была нарушена связь, по причине чего в частях и подразделениях не могли получить точных приказаний вышестоящего военного начальства. Почти всюду царил паника и растерянность. Войска Красной Армии, имея материальное преимущество перед вермахтом, потерпели летом 1941 г. неудачи и огромные материальные и людские потери.

В-четвертых, переоценка политическим руководством СССР, а именно Сталиным, значения советско-германского договора; надежда на то, что с помощью политических и дипломатических средств получится оттянуть начало войны, а приведение войск Красной Армии в боевую готовность спровоцирует Германию на объявление войны Советскому Союзу. Поступающая в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел зимой-весной 1941 г. информация о подготовке гитлеровской Германии к агрессии против СССР и доложенная Сталину, не была оценена должным образом и проигнорирована им. Он был уверен, что война начнется не раньше 1942 г.

В-пятых, военно-экономический потенциал Германии на июнь 1941 г. превышал потенциал СССР в 2,5 раза.

В-шестых, начало Великой Отечественной войны убедительно показало, что прославленные полководцы гражданской войны Маршалы Советского Союза – Ворошилов К.Е., Буденный С.М., Кулик Р.И. – не смогли проявить военный талант в новой, современной войне. В новых условиях их стратегическое и тактическое мышление в значительной мере осталось на уровне гражданской войны 1918-1922 гг. Известно, что они возглавляли важнейшие направления развития военного дела в СССР. Ворошилов К.Е. был наркомом обороны, Кулик Р.И. – его заместителем. В сущности, Ворошилов К.Е. провалил и советско-финляндскую кампанию, за что был освобожден от должности наркома обороны. Он не справился и как Главнокомандующий Северо-Западного направления во время обороны Ленинграда летом 1941 г., куда, для исправления положения, Сталин направил Жукова Г.К. Провалил он и свое пребывание в должности представителя Ставки на Волховском фронте. Испытав его так и убедившись в его военных способностях, Сталин отстранил его от фронтовой деятельности и направил на тыловую военную работу.

Еще больше «отличился» Маршал Советского Союза Кулик Г.И. Перед войной он, находясь в должности заместителя наркома обороны, допустил немало ошибок. По его настоянию перед войной сняли с производства пушки калибра 76 мм, 45 мм и противотанковые ружья. Он утверждал, что пушки и ПТР такого калибра не нужны, т. к. танковые войска немцев перевооружены на новые машины с более толстой броней. Производство же новых конструкций не было налажено. За полгода до начала войны пушки и ПТР не выпускал ни один завод. В июле 1941 г. с прорвавшимися немецкими танками нечем было бороться. Обо всем этом знал Сталин...

Ошибки и просчеты Тимошенко, Кулика и других руководителей армии и правительства стали одной из причин крупнейших неудач Красной Армии, гибели и пленения миллионов бойцов и командиров.

За непринятие должных мер по наведению порядка в войсках, оборонявших Ростов и Крым Кулика отдали под суд и хотели расстрелять, но Сталин пожалел его за старые заслуги времен гражданской войны и, пока, оставил в живых, лишив высокого звания и наград (в марте 1942 г. был разжалован до звания «генерал-майор»). Следует отметить, что высшей меры наказания этот военный не избежал. По приказу Сталина он был расстрелян в 1950 г. В звании Маршала Советского Союза восстановлен в 1957 г. (посмертно).

Главный «конник» гражданской войны Буденный С.М. во время Ве-

ликой Отечественной войны также ничем себя не проявил и находился при Сталине на второстепенных должностях.

Из этого краткого анализа можно сделать вывод, что всей Красной Армии, начиная от Верховного Главнокомандующего до рядового красноармейца, начиная с лета 1941 г. пришлось учиться воевать, а главным учителем у них, как это ни странно звучит на первый взгляд, стала немецкая военная машина, германский гитлеровский вермахт.

3 июля 1941 г. состоялось выступление Сталина И.В. по радио. Шла война, и народы Советского Союза ждали этого выступления. Оно прозвучало, как вдохновляющий призыв советских людей на самоотверженное участие в отпоре агрессору, на мобилизацию всех сил и средств, для достижения победы над врагом. В своем выступлении Сталин делал анализ проводимой политики СССР в предвоенный период, давал пояснения о необходимости подписания с Германией договора о ненападении, что эта мера была вынужденной, но правильной. Это позволило нам укрепить армию и отодвинуть агрессию не менее чем на полтора года.

Далее Сталин предложил целую программу действий для страны. Необходимо было понять глубину опасности нависшей над страной и отрешиться от беспечности. Он говорил о том, что в советских рядах не должно быть паникеров, нытиков, трусов. Вся работа должна быть перестроена на военный лад. Отстаивать каждую пядь советской земли. При вынужденном отходе увозить с собой все, что возможно, а при невозможности сделать это, все уничтожать, чтобы не досталось врагу.

Выступление Сталина было рассчитано и на поднятие морального духа советских людей. И в этом смысле в некоторых местах выступления прозвучала явная неправда. Например, в самом начале выступления говорилось: «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения...» Это не соответствовало действительности и касалось скорее войск Красной Армии, а не вермахта. Информацию о потерях в немецкой армии за восемь суток войны мы находим в дневнике генерала Гальдера. 3 июля, в день, когда выступал Сталин, гитлеровский генерал записал следующее: «Потери: с 22.06 по 30.06 наши потери составляют в общей сложности 41 087 человек – 1,64% наличного состава (при численности войск, равной 2,5 миллиона человек). Убито 524 офицера и 8362 унтер-офицера и рядового; ранено 966 офицеров и 28 528 унтер-офицеров и рядовых».⁷

Как видим, потери были незначительными при таком большом масштабе военных действий (1200 км), который наблюдался на советско-германском фронте. Но эту неправду можно простить Иосифу Виссарионовичу, потому что она была оправданной в той обстановке, которая

сложилась в первые недели войны. Эта «деза» поднимала бойцовский дух у советских людей и звала на смертельный бой с врагом.

Подводя краткий итог вышеизложенного о первых днях войны, хочется привести слова Жукова Г.К., который сказал их через много лет после войны в беседе с писателем Константином Симоновым. Эти мысли маршала ценны вдвойне потому, что в книге воспоминаний мы их не найдем или они написаны не так. Я думаю, что эти суждения Георгия Константиновича (скорее всего их какая-то часть) есть именно то, что было когда-то запрещено к изданию в его «Воспоминаниях и размышлениях». Я помню, как в начале 70-х гг. 20 ст., перед смертью Жукова Г.К., ходила «осторожная» информация о том, что самые правдивые и честные главы его книги о войне к печатанию цензурой были запрещены. Пользуясь значительным трудом В. Карпова, каковым является его книга «Генералиссимус», я воспроизведу этот рассказ Маршала Советского Союза и в своей этой книге. Если кому-то из читателей этот кусок текста покажется повтором и неинтересным, можете его пропустить и не читать. И так: «Надо будет, наконец, посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми, и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге, это действительно так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней – бежала, испытал на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости. Обо всем этом следует говорить и писать...

Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, когда мы говорим о действии такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы.

У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина. С одной стороны, это верно. Но с другой стороны, нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение – Молотов, Маленков и Каганович. Не говорю о Берии. Он был личностью, готовой выполнить все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы. Так что вопрос о нем – особый вопрос, и в данном случае я говорю о других людях.

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны он оставался председателем Государственного Комитета обороны. Часть ответственности лежит и на нас – военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве. Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина, в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения...

Представить себе дело так, что никто из окружения Сталина никогда не спорил с ним по государственным и хозяйственным делам – неверно. Однако в то же время большинство окружавших Сталина людей поддерживали его в тех политических оценках, которые сложились у него перед войной, и, прежде всего, в его уверенности, что если мы не дадим себя спровоцировать, не совершим какого-либо ложного шага, то Гитлер не решится разорвать пакт и напасть на нас.

И Маленков, и Каганович в этом вопросе были солидарны со Сталиным; особенно активно поддерживал эту точку зрения Молотов.

Единственным из ближайшего окружения Сталина, кто на моей памяти и в моем присутствии высказывал иную точку зрения о возможности нападения немцев, был Жданов. Он неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чем.

Сталин переоценил меру занятости Гитлера на Западе, считал, что он завяз и в ближайшее время не сможет воевать против нас. Положив это в основу всех своих прогнозов, Сталин, после разгрома Франции, видимо, не нашел в себе силы по-новому переоценить обстановку.

Вспоминая предвоенный период, надо сказать, что, конечно, на нас – военных – лежит ответственность за то, что мы недостаточно настойчиво требовали принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более что, несмотря на всю непререкаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнезвился червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще недавно минувшие годы, и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, тогда могло означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии.

И все же это одна сторона правды, а я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше него оцениваю обстановку и больше него знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую я мог бы с уверенностью противопоставить, как более правильную, оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что, в конце концов, все выйдет так, как он предполагает, была сильнее. И как бы ни смотреть на это сейчас – это правда...»⁸.

Просчеты и ошибки руководства СССР, внезапность нападения Германии привели к тому, что наибольшие потери Красная Армия понесла в первые дни войны. За три-четыре дня немцы оккупировали половину Беларуси. Территория Минской области, которая занимала центральное место в БССР и составляла в 1941 г. 28,3 тыс. км², стала ареной ожесточенных боев войск Красной Армии с превосходящими силами захватчиков.

26 июня 1941 г. немцы оккупировали Слуцк, 27 июня – райцентр Копыль, 28 июня – райцентр Дзержинск и столицу БССР г. Минск, 2 июля – г. Борисов и райцентр Червень, а через четыре дня – остальные районные центры области – Холопеничи и Крупки. Основная часть мужского населения сельской местности Беларуси осталась дома и не была призвана в армию. Сражаться с врагом на фронт ушло меньшинство, преимущественно с восточных областей.

Почти весь Западный фронт оказался разгромлен. Сотни тысяч солдат и командиров Красной Армии были убиты, ранены или попали в плен. Только в ходе боев западнее Минска немцы взяли в плен более 330 тыс. советских бойцов и командиров.⁹ Десятки тысяч оказались в окружении. Они стремились выбраться из него и выйти за линию фронта к своим, но опередить стремительно продвигающиеся моторизованные колонны немцев не смогли и остались в тылу врага. Именно в это время стали стихийно возникать отряды из «окруженцев», которые стремились пробиться за линию фронта. Но это мало кому удавалось. Многие такие отряды немцы уничтожили, а уцелевшие остались на оккупированной территории и начали вести партизанскую войну. Она длилась до лета 1944 г.

В данной книге хотелось бы отметить еще вот что. Многие писатели, историки, мемуаристы, исследователи Второй мировой и Великой Отечественной войн часто в своих трудах делают ссылку на дневник немецкого генерала Гальдера. Считается общепринятым, что свидетельства этого гитлеровского военного высшего ранга, занимавшего долгое время должность начальника генерального штаба сухопутных войск Германии, являются наиболее точными и объективными среди ближайшего окружения Гитлера, отражавшими события, происходившие на советско-германском фронте в 1941-1945 гг. Вот как об этом говорится в книге «Генералиссимус» писателя В. Карпова: «... Гальдер вел дневник, занося туда только самые важные события минувшего дня, очень коротко, конспективно, но все же с четкостью и пунктуальностью генштабиста высокого класса. Этот дневник можно принимать за достоверный документ, потому что Гальдер не собирался его публиковать. А если и думал когда-либо писать мемуары и воспоминания, то он бы использовал этот дневник только как материалы. Поэтому все записанное было его личным реальным мнением и не имеет, на мой взгляд, каких-либо пропагандистских или конъюнктурных наслоений. Разумеется, в дневнике есть переоценка или недооценка каких-то эпизодов войны и действий сторон, это естественно для любого человека в соответствии с его взглядами и убеждениями, но, повторяю, записи в дневнике Гальдера вполне искренни и достоверны».¹⁰

Учитывая общеизвестную немецкую пунктуальность и точность в отражении того или иного события или явления (конечно же, исключая пропагандистские сентенции заправил гитлеровского рейха), запискам Гальдера, в этом смысле, можно доверять более, чем чьим-либо другим. Из этого буду исходить и я, время от времени обращаясь к ним в своем повествовании. Вот что он записал в первый же день войны с СССР: «Общая картина первого дня наступления представляется следующей. Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа). После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативно-го отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов. Но даже независимо от этого, учитывая влияние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления».¹¹

Исходя из тех сведений о начальном периоде Великой Отечественной войны, которыми мы располагаем на сегодняшний день, трудно не согласиться с тем утверждением, насколько эти записки гитлеровского генерала правдивы и отражают объективную картину происходящего, сложившуюся в первые дни вторжения немецких войск на советскую территорию.

Далее Гальдер записал: «... Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений».¹² Сегодня нам приходится признать, что как бы ни были обидными эти слова о нашей Красной Армии 1941 года, они, эти слова, были объективны. Начальник фашистского генерального штаба сухопутных войск точно и четко отображал общую картину военных действий.

И еще хотелось бы обратить внимание читателя, вот на какой аспект в вопросе причин поражения войск Красной Армии в 1941 году. Это касается методов ведения войны, которые сложились в мире к середине 20 ст. Сегодня нам известно, как в течение второй половины 20-х – 30-х гг. далеко шагнула советская военная мысль в вопросах ведения войны. Здесь можно сказать и так, что советские главные военные теоретики, такие как Тухачевский, Триандофиллов и другие, пожалуй, первыми в мире стали говорить о том, что современная война будет вестись на земле с помощью высокоманевренных войск. Они, за короткое время, смогут быстро подавлять противника, прорываться в глубину его территории, захватывать главные промышленные и политические центры, тем самым, нанося тому или иному государству поражение в этой войне. Эти задачи смогут решать только механизированные войска, вооруженные современными танками, автомашинами, артиллерией при поддержке авиации. Эти идеи быстро воплощались в жизнь и применялись на практике. В СССР, во время маневров в Белорусском и Киевском военных округах в 1935 и 1936 гг., было показано, как успешно могут решаться задачи военного характера с применением танковых, механизированных и воздушнодесантных войск. Да, в тот момент советская военная мысль шла впереди всего мира. Советское государство начало строить новую армию, которая должна была соответствовать всем требованиям того времени. В то время, в условиях репрессий, совершалось много ошибок, но и много в армии было сделано полезного и правильного. К 1941 году танковый парк (имеются в виду танки всех классов – тяжелые, средние и легкие) достиг более 20 тыс. единиц. Конечно, основную их массу составляли легкие с противопульной броней, но это были бронированные гусеничные машины способные (в отличие от простых колесных автомашин) преодолевать полевые фортификационные заграждения противника легкого типа и передвигаться по пересеченной местности. Такого количества бронеединиц не было ни у одной другой армии мира. Это хорошо понимали немцы и учились у нас. Да, в 30-х годах 20-го ст. они многому научились у нас, а мы – у них. Они по крупницам собирали и использовали наш военный опыт. Благо, их всегда допускали

на маневры, как друзей. Когда невозможно было узнать открыто о советских военных новинках на маневрах, они широко использовали разведку. Все 6-ть лет с момента прихода к власти в Германии Гитлера, и до начала Второй мировой войны, фашисты быстрыми темпами строили милитаристское государство и многочисленную сильную армию, предназначавшуюся, в первую очередь, для наступательных, захватнических действий. Кроме того, что они очень умело и грамотно использовали советский опыт строительства армии, все нужное и современное они собирали еще и по всему миру.

Главные танковые специалисты гитлеровской Германии, такие как Гудериан, Гепнер, Гот, Клейст изучали не только советскую теорию применения танковых и механизированных войск в войне, но и использовали в своем обучении труды французского генерала де Голля, будущего президента Франции. Еще в 30-х гг. из-под пера этого французского военного вышло несколько очень интересных книг и статей по теории применения танков во время военных действий. И эти идеи немцы взяли себе на вооружение. А, как известно, «курочка по зернышку клюет».

К моменту нападения на СССР в 1941 г., немцы имели уже двухлетний опыт войны в Европе и очень хорошо себе представляли, как нужно правильно применять танковые массы при прорыве вглубь вражеской территории. У них уже был накоплен большой военный опыт в этом вопросе. Вся Европа (за исключением Великобритании, нескольких нейтральных стран и союзников Германии) была очень быстро завоевана гитлеровским вермахтом. Такого опыта не было у Красной Армии. Военные кампании на озере Хасан в 1938 г., в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., освободительные походы по присоединению западных районов Беларуси и Украины, короткая война с Финляндией, не могли идти ни в какое сравнение с теми военными действиями, какие пришлось вести в Европе немецким войскам против армии Польши, объединенных вооруженных сил Великобритании и Франции, на территории последней, и в других странах. К 1941-му году по стратегии и тактике применения мобильных войск немцы обошли советскую военную мысль. Военные действия 1941 г. показали, что дело успеха кроется не только в количественном превосходстве всевозможной техники, но и в умении ее применять и хорошо пользоваться ею. Немцы показали, что они превосходные солдаты и умеют хорошо воевать.

Вышеизложенное подтверждает еще одна запись в дневнике Гальдера, сделанная 23 июня 1941 г.: «... Удары танковых групп лучше делать более концентрированными, направленными в одно место, чем обеспечивать массивность, и если Готт пойдет вперед да еще будет отклоняться к северу, а Гудериан задержится и пойдет несколько южнее, то

эту опасность следует учитывать, тем более, что именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений...».¹³

Заслуживает внимания и такая запись этого гитлеровского военного: «... кольцо окружения восточнее Белостока вот-вот замкнется, а также замыкается кольцо, которое создают танковые группы Готта и Гудериана восточнее Минска. Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен».¹⁴ Это правдивое изложение событий со стороны высокопоставленного немецкого военного.

Но, несмотря ни на что, разгромленные, истекающие кровью войска Западного фронта, оказывали упорное сопротивление гитлеровским захватчикам. Этого не скрывали и сами немцы. Гитлеровский полковник Л. Штейдле впоследствии написал: «... Однако в последующие дни картина изменилась. Наше продвижение нарушалось и замедлялось упорным сопротивлением советских воинских частей, которые дрались с исключительным умением. Неожиданно и, несмотря на явное превосходство немецкой авиации, советские истребители с необычайной смелостью атаковали с бреющего полета наши пехотные части, с трудом продвигавшиеся через поля, леса и болота. Они носились над безграничными березовыми лесами, чуть не задевая верхушки деревьев, обстреливали проселки и тропы, сея панику в немецких войсках.

Еще до того, как мы достигли окраин Минска, стало ясно, что перед нами серьезный противник¹⁵.

Подтверждением слов полковника Штейдле служат записи в дневнике немецкого солдата Э. Гольца: «... 28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе...

5 июля. В 10 час. мы были в мест. Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи. Взламывали двери топорами, ломami. Всех, кого находили в запертых изнутри домах, приканчивали. Кто действовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и прикладом. Я предпочитаю пользоваться пистолетом».

А это уже из дневника немецкого обер-ефрейтора И. Гердера: «... 25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли уже, таким образом, деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся 12 жителей и отвели на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет, и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда». ¹⁶

В первый же день войны Православная Церковь призвала и благословила народ на борьбу с фашистскими захватчиками. С обращением, со страстным словом к православным верующим, ко всем народам великой страны обратился митрополит Московский и Каломенский, глава Православной Церкви в России Сергей. В нем говорилось: « В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божеею помощью и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

...Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит

она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины... Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнью свою за родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу».¹⁷

22 июня 1941 года в 9 час. 30 мин. началось заседание Бюро ЦК КП (б)Б на котором приняли первое военное постановление «О задачах партийных организаций в связи с вероломным нападением фашистской Германии на СССР». Предпринимались попытки установить связь с западными областями, но многие районы молчали. С кем удавалось связаться – сообщали о немецких парашютистах, бомбардировках и прорывах бронетехники¹⁸.

После сообщения В.М. Молотова о начале войны, в 15. 00 состоялось собрание партийного актива Минска. На крупнейших предприятиях организовали антивоенные митинги. 24, 23, и 25 июня немецкая авиация произвела массированные налеты на столицу Белоруссии. Весь центр лежал в руинах и пожарищах, разбитыми оказались подъездные пути железнодорожного вокзала. Военкоматы попытались приступить к мобилизации военнообязанных. ЦК КП (б)Б принял постановление «Об организации вооруженных рабочих отрядов для усиления охраны предприятий и порядка в городе Минске», для чего предусматривалось просить Военный совет Западного фронта выделить 5 тыс. винтовок и соответственное количество патронов.¹⁹

Сводки с фронта абсолютно не отражали реальной обстановки. На рассвете 23 июня немцы выбросили крупный десант в районе железнодорожной станции Олехновичи, а в 10. 00 – у д. Королев Стан. Переодетые в форму командиров Красной Армии и сотрудников милиции диверсанты стали появляться на улицах белорусской столицы. Правительство приняло директиву «Об организации борьбы с вражескими диверсантами и парашютистами». Во второй половине 23 июня ЦК принял решение об

эвакуации из Минска в Москву банковских ценностей. Вопрос об эвакуации жителей столицы и промышленных предприятий остался открытым. Сколько железнодорожных эшелонов со станками и готовой продукцией смогло выехать из Минска – неизвестно. Цифры называются разные – от 10 до 50. «... Не успели эвакуировать оборудование ни одно из 332 предприятий Минска, остались в зоне оккупации многие секретные документы Совнаркома БССР, музейные коллекции, уникальные библиотечные собрания».²⁰

С 25-26 июня 1941 г. начались бои за Минск. 25 июня 1941 г. ЦК партии, Президиум Верховного Совета и правительство БССР эвакуировались в г. Могилев.

28 июня со стороны Болотной станции (район нынешней площади Бангалор) в г. Минск вошли передовые отряды немецкой 3-й танковой группы генерала Г. Гота. 29 июня по Брестскому шоссе в город ворвались танки 2-й танковой группы генерала Х. Гудериана. Внешнее кольцо окружения остатков войск Западного фронта, попавших в котел в Налибокской пуще, замкнулось.²¹

Сорок первый год

*Над землею нависли грозы,
Тучи серые, хмары черные.
По дорогам ползут обозы,
И летят, пролетают вороны
Во все стороны, во все стороны.
По дорогам идут солдаты,
По обочинам – тощие беженцы.
У солдат каски пулями мяты,
На плечах кровавые заплаты,
А у беженцев – морщин рубцы.
Опускают глаза бойцы.
К переправе идут солдаты –
Без патронов,
По две гранаты...
Вслед за ними понурые беженцы,
Взгляды просят:
“Расплаты, расплаты!...”
Им не смотрят в глаза солдаты.
Над землею нависли грозы,
Над землею – тьма невзгод...*

*Самый черный и самый грозный
Сорок первый год, сорок первый год!*

Валентин Солоухин.

Жаркое лето 1941 г. видело всякое. Пыльные, нескончаемые колонны наших пленных, центральные и проселочные дороги, забитые беженцами, дезертиры и расстрелы. Была паника и ощущение свершившегося чего-то страшного, катастрофического. Но если бы было только это, как сегодня часто нам показывают по телевидению в откровенно слабеньких художественных фильмах, и пишут в некоторых книгах, то в сентябре немцы действительно маршировали бы по Красной площади Москвы. Было и такое, о чем написал в одном из своих первых очерков о Великой Отечественной войне двадцатипятилетний писатель, поэт и публицист Константин Симонов, находясь в действующей армии в Белоруссии: "... Стойкую пехоту, которая успела хоть немного закопаться в землю и укрепиться, трудно выбить с ее позиций, трудно, даже если против одного полка действует танковая дивизия. Немцы понимали это не хуже нас, и пока полк окапывался, каждые пятнадцать минут над его головой с ревом пикировали чужие бомбардировщики.

Но расчет врага на панику, на замедление темпа оборонительных работ был сорван. Маскируясь, укрываясь за деревьями, ложась и снова вставая, бойцы хладнокровно и быстро продолжали свое дело. Не было ни беготни, ни беспорядочной пальбы из винтовок, каждый был занят своим делом: бойцы – своим, зенитчики – своим.

И надо сказать, что зенитчики в первом бою действовали довольно удачно. Спокойно выждав секунды, когда бомбардировщики переходили в пике, расчет крупнокалиберных зенитных пулеметов посылал очереди прямо в лоб, в моторную группу фашистских машин. Один за другим три бомбардировщика, горя и с грохотом ломая деревья, обрушились в лес.

Тем временем 2-й батальон уже принимал неравный бой. Противотанковые пушки били прямой наводкой. Отступая с рубежа на рубеж, пулеметчики метким огнем старались оторвать вражескую пехоту от танков, заставить ее лечь, не дать ей поднять головы.

Вот загорелся один танк, потом второй, третий, четвертый, остальные двигались уже медленнее, чем вначале, останавливаясь, чтобы пристреляться по нашим противотанковым пушкам, подтягивая свою не особенно храбро шедшую под огнем пехоту.

Между тем батальон, выполнив свою задачу и задержав противника, постепенно отходил за левый фланг полка.

Теперь по числу атакующих танков уже легко на глаз можно было

определить, что против нас в полном составе действует мотомеханизированная дивизия врага. Узкая полоса реки с единственным мостом отделяла нас от противника. Танки, выходя на берег, стягивались к мосту, но жестокий артиллерийский огонь не пускал их на самый мост...

Машины горели одна за другой. Немецкая пехота не привыкла к этому, она боялась, она не хотела сама идти вперед. Пусть первыми пойдут танки. И танки снова шли, и снова сгучивались у моста, и снова загорались...

Помогая артиллерии, пулеметчики метко били по смотровым щелям танков, ослепляя врага. Но потери все-таки сказывались. Наш огонь был уже реже, и, пользуясь этим, части немецкой пехоты доползли до берега реки и начали переходить ее вброд.

Заметив это, вторая рота полка вылезла из укрытий и перешла в стремительную контратаку. Испугавшись штыкового удара, немецкая пехота с поспешностью ретировалась на тот берег. Было уже темно. На несколько минут наступило затишье. Но ровно в десять часов вечера, видимо, отчаявшись овладеть нашими позициями с налету, противник подвез гаубичную артиллерию и открыл ураганный огонь. Под прикрытием огневого вала немецкая пехота стала переправляться через реку и скапливаться на этом берегу.

Ровно в двенадцать часов ночи немцы перенесли артиллерийский огонь вглубь. Убежденные, что наши части уничтожены и деморализованы двухчасовым ураганным огнем, они наконец решили идти в атаку.

Но ровно в двенадцать часов командир полка, решив не дожидаться немецкой атаки, подтянул все силы, собрал всех уцелевших бойцов и, подняв их, с криком “ура!” сам повел в контратаку. Грозное русское “ура” совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат. Они в беспорядке, кто вброд, кто вплавь бросились обратно, не принимая штыкового боя. Впрочем, далеко не все успели уйти за реку, многим поневоле пришлось все-таки испытать на себе силу русского штыка.

Так закончился этот трудный для полка день.

Немецкая танковая дивизия была задержана на двенадцать часов. Было выведено из строя до тридцати танков и восемнадцати орудий противника. Мы тоже понесли серьезные потери. Но как ни были они тяжелы, – бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями. Разбитые немецкие танки и орудия, уничтоженная немецкая пехота – все это только половина победы. Второй половиной победы был выигрыш времени. Двенадцать часов военного боевого времени! Бойцы знали, там, сзади, развертываются главные силы, используя эти двенадцать часов, выигранных ими в кровавом бою...”²²

Строки, написанные К. Симоновым 5 июля 1941 г. говорили о том, что было не только сплошное отступление и паника. Было и другое. Красной Армией наносились контрудары. Из глубины страны подтягивались резервы. Все, и маршалы и рядовые, учились воевать. А главное, открылось удивительное явление, присущее только гражданам Советского Союза – массовый героизм.

Уже 29 июня 1941 г. немецкий генерал Гальдер сделал запись в своем дневнике, где говорилось, что упорное сопротивление русских заставляет немцев вести бой по всем правилам боевых уставов. В Польше и на Западе немецкие солдаты могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов, теперь же это недопустимо.

Вечером 30 июня в Могилеве состоялось совместное заседание Бюро ЦК партии и Совнаркома республики. Участники заседания ознакомились с директивой ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о развертывании всенародной борьбы против нацистских оккупантов, обсудили практические меры по осуществлению указаний ЦК и Совнаркома. 3 июля 1941 г. содержание этой директивы было обнародовано в выступлении Сталина по радио. Принято решение немедленно приступить к созданию на временно оккупированной территории подпольных партийных ячеек. Бюро ЦК приняло директиву №1 «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом», в ней подробно излагались задачи подпольных партийных ячеек. В этот же день было принято решение о порядке формирования и направления за линию фронта организаторских групп, каждая из которых могла бы стать впоследствии ядром партизанского отряда.²³

1 июля 1941 г. ЦК КП (б)Б направил директиву партийным, советским и комсомольским организациям о развертывании партизанской войны в тылу врага. В ней говорилось: «... Все местности Белоруссии, занятые врагом, должны немедленно покрыться густой сетью партизанских отрядов, ведущих непрерывную ожесточенную борьбу на уничтожение врага. В районах и деревнях создаются подпольные партийные и комсомольские ячейки, главная задача которых – мобилизация народа на беспощадную расправу с врагом. Для этой цели все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, остаются на территории, занятой врагом... Задачи партизан: уничтожать всякую связь в тылу врага, взрывать и портить мосты, дороги, поджигать склады горючего и продовольствия, автомашины, самолеты, устраивать крушение поездов. Уничтожать врагов, не давать им покоя ни днем, ни ночью. Убивать их всюду, где застигнешь, убивать, чем попало: топором, косой, ломом, вилами, ножом. Объединить несколько партизанских отрядов, нападать неожиданно на отряды

противника и уничтожать. Особенно важно напасть ночью на аэродромы, сжечь самолеты, перебить летчиков... Нельзя ждать ни минуты, начинать действовать сейчас же, быстро и решительно».²⁴

7 июля 1941 г. по решению ЦК КП (б) Б был создан Минский подпольный обком партии. В его состав вошли Козлов В.И., Бельский И.А., Брагин А.Г., Варвашеня И.Д., Мачульский Р.Н., Бондарь А.Г., Степанова А.И. В этом составе обком начал действовать на территории Минской области по организации борьбы с немецкими захватчиками населения, оказавшегося на оккупированной территории. Подпольный обком решил воссоздать райкомы партии, теперь уже подпольные. Козлов В.И. говорил: «... Только воссоздав райкомы партии в подполье, мы приобретем силу, а опираясь на них, сумеем развернуть работу должным образом».²⁵

Для руководства борьбой против немецко-фашистских оккупантов на территории Минской области организовали 31 подпольный межрайонный, районный, и городской комитеты партии, создали густую сеть партийных и комсомольских организаций.²⁶

Осенью 1941 и зимой 1942 гг. в Копыльском районе уже действовали подпольные группы в м. Тимковичи, м. Старица, м. Песочное, д. Свиличи, д. Савичи, Харитоновке, Великой Раевке, Великих Прусах и других населенных пунктах. Из этих отдельных и пока еще разобщенных групп бывших военнослужащих и местных жителей и начали создаваться первые партизанские отряды.

К осени 1941 г. в лесах Копыльского района находилось несколько групп военнослужащих-окруженцев и бежавших из фашистского плена бойцов. В Раевском лесу располагались группы И.И. Радченко, А.М. Межновца, Н.А. Шестопалова, в Рудниковском лесу – группы И.Д. Ананченко, С.И. Гадлевского. Группы И.С. Корниенко и В.Г. Еременко, находившиеся в Савичском лесу, связались с коммунистами из Братковского сельского совета Петром Бондариком и Адамом Пархомчиком и создали в д. Дегтяные партийно-комсомольскую организацию, которая была связана с подпольными группами в шести деревнях и м. Тимковичи. Деятельность этой подпольной организации подчинялась задаче создания в ближайшее время партизанского отряда. Партийно-патриотическая группа во главе с комиссаром батальона И.С. Савеловым в м. Песочное поддерживала связь с группой В.Г. Еременко и И.С. Корниенко, а также с группами в районе м. Старица.

В соседнем Узденском районе подполье также начало создаваться с первых дней оккупации. Подпольные группы возникли в г. п. Узда, м. Могильное, в деревнях Озеро, Бервищи, Теляково и других населенных пунктах. С июля 1941 по декабрь 1942 г. в районе действовал Узденский

подпольный партком (секретарь С.П. Шибко – довоенный прокурор г. Волковыска, погиб), который распространял свое влияние на г. п. Узда, ряд сельсоветов района. Партком имел тесную связь с минским подпольным горкомом КП(б)Б и вместе с ним весной и летом 1942 г. создал первый в Узденском районе партизанский отряд Н.М. Никитина.²⁷

«Бесноватый Адольф» думал, что он будет воевать только со сталинским режимом и Красной Армией. Гитлер оказался наивным глупцом. Он совершил такую же стратегическую ошибку, какую в свое время сделал и Наполеон. А ведь корсиканец был профессиональным военным, офицером-артиллеристом, и более талантливым, чем зарвавшийся и не состоявшийся, как художник, австриец. Гитлеру пришлось воевать не с режимом, а с народом. Пусть не весь народ, не все 100% выступили против завоевателей, пусть не сразу, а постепенно, со второй половины 1942-1943 г., но основная часть граждан восточной Беларуси, лучшие ее сыны и дочери вступили в смертельную схватку с врагом. И такую войну немцы выиграть никогда не смогли бы. Почему? Потому что ее вела не одна Красная Армия, а широкие народные массы. С самого начала этой великой войны, с 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия была обречена на поражение.

Простые люди, крестьяне и рабочие, служащие и интеллигенты понимали, что родную землю захватил жестокий и коварный враг, который стремиться занять не только территорию, но и покорить ее жителей. Они видели, что над Родиной нависла смертельная опасность. Нацисты думали, что этих, как они называли “унтерменшей” (недочеловеков) они покорят легко и быстро, главное занять их территорию и дело будет сделано. Но не тут-то было. Фашисты жестоко просчитались. В 1941 г. партизанских групп и отрядов еще насчитывалось мало, и они были малочисленны. Состояли они, в основном, из воинов-окруженцев. Некоторые из них немцы разгромили или полностью уничтожили. Но постепенно в партизанские отряды потянулись местные жители. Особенно картина изменилась после разгрома гитлеровцев под Москвой. Весной-летом 1942 г. начало быстро расти число партизанских отрядов, которые стали объединяться в бригады. На территории восточной Беларуси развернулась борьба не на жизнь, а на смерть.

“... Уже с конца июня 1941 года из оккупированных районов Белоруссии начали поступать первые донесения о боевых действиях партизан. Правда, из-за отсутствия средств радиосвязи они с большим трудом и опозданием пересылались через линию фронта. Факты активной боевой деятельности партизан подтверждались и вынужденными признаниями германской прессы и радио, и захваченными нашими войсками

документами вражеских штабов. Хотя в первые месяцы войны народные мстители еще не проводили крупных диверсий, они оказывали на оккупантов значительное деморализующее влияние, отвлекали часть войск противника на охрану тыловых объектов, особенно коммуникаций²⁸ – вспоминал впоследствии о начале партизанского движения на белорусской земле бывший первый секретарь ЦК КП(б)Б, бывший начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования Пономаренко П.К.

Самые первые партизанские отряды в Беларуси создали 26 июня 1941 г. в Пинской области. Отрядом “Комарава” командовал В.З. Корж, а отрядом “Красный Октябрь” – Т.П. Бумажков и Ф.И. Павловский. За успешные боевые действия против немецких захватчиков уже 6 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, присвоил звание Героя Советского Союза Т.П. Бумажкову и Ф.И. Павловскому. Они первые из партизан СССР получили это высокое звание (Т.П. Бумажков погиб на Украине 23 сентября 1941 г. при выходе из окружения). В.З. Корж стал Героем Советского Союза только в августе 1944 года...²⁹

Первый партизанский отряд в Минской области начал действовать в конце июня 1941 г. на территории Борисовского района, который насчитывал 60 бойцов. Командовал им начальник Управления НКГБ БССР по Минской области А.Е. Василевский. Боевые действия отряд вел совместно с частями Красной Армии. 29 июня 1941 г. в неравном бою в Березинском районе он понес большие потери. Погиб и А.Е. Василевский. Оставшиеся партизаны стали действовать отдельной группой в Червенском районе.

Группа Минского подпольного обкома КП(б)Б под руководством В.И. Козлова постепенно расширяла зону своих действий. Вскоре десятки подпольных партийных и комсомольских организаций были созданы в Слуцком, Краснослободском, Копыльском, Стародорожском, Борисовском, Руденском и других районах. Большая организаторская работа проводилась и среди беспартийных граждан оккупированных районов. Во многих деревнях жители сформировали отряды самообороны и антифашистские группы. Почти все бойцы отрядов самообороны имели оружие. Хотя они и не значились партизанами, но тоже вели вооруженную борьбу против оккупантов: участвовали в разгроме заготовительных команд, нападали на немецкие обозы с награбленным продовольствием и имуществом. Заслуга партийных органов состояла в том, что они сумели вовремя возглавить это патриотическое движение.

В сводке Совинформбюро за 18 августа 1941 г. сообщалось. “Партизанские отряды, действующие в зоне г. Слуцка (здесь имелся в виду и

Копыльский район – авт.), оккупированного немцами, создают исключительные трудности для фашистов. Изо дня в день партизаны уничтожают немецкие транспорты с боеприпасами, горючим и продовольствием, истребляют немецких разведчиков, связистов, отставших от своих частей немецких солдат и даже отдельные подразделения фашистской армии. Немецкое командование неоднократно предписывало военному коменданту Слуцка ликвидировать партизанские отряды, “как совершенно нетерпимые, особенно в районе прохождения важнейшей шоссейной магистрали”. Меры, принимавшиеся комендантом, ни к чему не привели. В начале августа фашистский комендант был вынужден доложить командованию, что “партизанские отряды растут количественно, вооружение их улучшается, нападения на наши (немецкие) транспорты и войска совершаются в самых неожиданных местах и своим отчаянным характером опрокидывают всякое представление о нормальных военных операциях”. Получив это донесение, немецкое командование вновь обязало коменданта в “десятидневный срок полностью ликвидировать все партизанские отряды, чего бы это ни стоило”. Однако партизанское движение продолжает расти и шириться”.³⁰ Вот такое сообщение информационного агентства прозвучало на всю страну уже в августе 1941 г. о действиях партизан Слуцкого и близлежащих районов Минской области.

Нацистских захватчиков обеспокоил размах партизанского сопротивления. В сентябре 1941 г. начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал В. Кейтель издал приказ о подавлении “коммунистического повстанческого движения” в оккупированных областях. В этом документе, озаглавленном как “Приказ Кейтеля о беспощадном подавлении освободительного движения в оккупированных странах и расстрелах заложников” от 16 сентября 1941 г. с грифом “Секретно” говорилось следующее:

“1). С самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение. Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских выступлений и покушений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и организованной партизанской войной.

Установлено, что речь идет в данном случае о массовом движении, направляемом в централизованном порядке из Москвы...

2). Использувавшиеся до сих пор средства для подавления коммунистического повстанческого движения оказались недостаточными.

Фюрер приказал применять повсюду самые решительные меры для того, чтобы в кратчайшие сроки подавить это движение.

3.б). Для того, чтобы в зародыше задушить недовольство, необходимо при первых же случаях незамедлительно принимать самые решительные меры для того, чтобы укрепить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение движения. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер. Искушением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, в общем и целом, смертная казнь 50-100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия...

в)... Подлинным средством устрашения при этом может служить лишь смертная казнь...”³¹

Гитлеровцы бросали против партизан значительные силы. Но это не могло погасить пламя борьбы. Это признавали и немцы. Командование охранных войск противника доносило в Берлин о том, что с началом немецкой операции “Тайфун” под Москвой резко возросла боевая активность белорусских партизан. В этих документах сообщалось, что 3 октября 1941 г. из-за диверсий со станций Минск, Брест, Белосток, Гродно, Молодечно и Барановичи не сумели отправить на фронт 113 воинских эшелонов; 6-9 октября группа армий “Центр” своевременно не получила 430 эшелонов с живой силой, боеприпасами, техникой и продовольствием.

Огромное влияние на активизацию действий партизан и рост их рядов оказал разгром гитлеровских войск под Москвой. Эта победа Красной Армии, весть о которой разнеслась по всей оккупированной территории, развеяла миф о непобедимости фашистской армии, еще больше укрепила веру советских людей в разгром врага.

При создании партизанских формирований на территории Минской области имелись серьезные трудности. Не было практического опыта организации и ведения партизанской борьбы в тылу врага. Этот опыт накапливался постепенно, приобретался дорогой ценой, подчас ценой человеческих жизней. Приходившие в отряды люди мирных профессий, как правило, не владели тактикой партизанских действий. Отсутствие в должном количестве командных кадров, заранее подготовленных продовольственных баз, недостаток оружия и боеприпасов, также отрицательно сказывалось на развертывании партизанского движения.

Зимой 1942 г. подпольный обком Минской области принял решение имеющимися партизанскими силами провести рейд по районам области. Задачами рейда являлись: “... разгром немецких и полицейских гарнизонов в деревнях и районных центрах, разрушение мостов, складов, нефте-

баз, проведение широкой политико-массовой работы среди населения и вовлечение его в борьбу с врагом... Никто не сомневался, что население всюду поддержит и обеспечит нас всем необходимым. В свою очередь и мы поможем населению. В гарнизонах много складов с зерном, продуктами, одеждой. Все захваченное будет роздано людям. Это еще больше поднимет авторитет партизан и укрепит нашу связь с массами..."³² Так писал после войны о том рейде в своей книге "Верен до конца" В.И. Козлов. Во время этого рейда партизаны Козлова встретились с группой генерал-майора М.П. Константинова, бывшим командиром 6-й кавалерийской дивизии, который присоединился к ним. С боями партизаны прошли Дзержинский, Узденский, Столбцовский, Несвижский, Клецкий, Копыльский, Слуцкий, Гресский районы. Не минули они и такой большой населенный пункт, как Песочное, где разгромили полицейский участок. Захваченных живыми полицейских партизаны казнили в Заморговском лесу, который расположен, примерно, в 1 км. от Песочного. Прежде чем убить, предателей подвергли жестокому допросу. Почему? Видимо потому, что к тому моменту эти полицейские успели достаточно пограбить и всячески издеваться над жителями Песочного, и совершить множество других уголовно наказуемых деяний.

Примечания.

1. Брускова Е.С. "Долгое эхо". Москва: Молодая гвардия, 1986. С. 84.
2. Карпов В.В. "Генералиссимус". Москва: Вече, 2013. С.262.
3. Там же, с.275.
4. Там же, с.274.
5. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Москва. "Прогресс", 1973. С. 108-111.
6. Карпов В.В. "Генералиссимус". Москва: Вече, 2013. С. 263, 264.
7. Там же, с. 282.
8. Там же, с. 285-287.
9. Каваленя А.А., Саракавік І.А. Беларусь напярэдадні і у гады другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мінск: Беларусь, 2008. С.111.
10. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 271.
11. Там же, с. 271, 272.
12. Там же, с. 272.
13. Там же с. 272.
14. Там же, с. 273.
15. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Москва : Прогресс, 1973. С. 113.

16. Каваленя А.А., Саракавік І.А. Беларусь напярэдадні і у гады другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мінск: Беларусь, 2008. С. 226, 227.
17. Там же, с. 221, 222.
18. Шарков А.В., Грозов В.В., Бествицкий Ю.А. Под крестом судьбы. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. С. 37.
19. Там же, с. 39, 40.
20. Там же, с. 41.
21. Там же, с. 42.
22. Симонов К.М. Части прикрытия. В одной газете. Москва: Агентство печати Новости, 1979. С. 19-21.
23. Марушкевич Н.Т. Смысл его жизни. Москва: Политическая литература, 1976. С. 32.
24. Калинин П.З. Партизанская республика. Минск: Беларусь, 1973. С. 17, 18.
25. Марушкевич Н.Т. Смысл его жизни. Москва: Политическая литература, 1976. С. 33.
26. Мачульский Р.Н. На передовой лесного фронта // В боях за Белоруссию. Минск: Беларусь, 1970. С. 146.
27. Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области 1941-1944. Минск: Навука і тэхніка, 1992. С. 32-34, 42.
28. Пономаренко П.К. Всегда с народом // Партийное подполье в Белоруссии 1941-1944. Минск: Беларусь, 1984. С. 27.
29. Великая Отечественная война советского народа. Минск: Издательский центр БГУ, 2009. С. 177.
30. Калинин П.З. Партизанская республика. Минск: Беларусь, 1973. С. 32.
31. Преступные цели – преступные средства. Сборник документов об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). Москва: Политическая литература, 1968. С.89-91.
32. Партийное подполье в Белоруссии 1941-1944. Минск: Беларусь, 1984. С. 29-30.

Глава 4. м. Песочное.

В июне 1941 г. жители м. Песочное, люди среднего возраста знали и помнили события первой мировой, гражданской войнаў, которые непосредственно затронули их. Им пришлось пройти через оккупацию кайзеровской Германии и панской Польши. С большим трудом можно понять, что происходило в умах и душах людей в 1941 г., когда на-

чалась новая война. Они знали, что если придет чужой, если придет враг, опять прольется кровь, будут грабежи, насилие и унижение любого – женщины, старика или ребенка. Мысли такие посещали головы песочанских людей, потому что несколько дней и ночей в конце июня через Песочное и окрестные деревни шли отступающие воинские части, разрозненные группы, по двое, по трое бойцы и командиры Красной Армии. Среди них встречалось много раненых. Характерной особенностью их панического, подавленного и растерянного настроения явился массовый отказ от оружия и боеприпасов. Все окрестные леса и поля были усыпаны пулеметами, винтовками, пистолетами, револьверами, гранатами и патронами.

Деревенские женщины выносили на улицу и раздавали отступающим продукты. Отдавали хлеб, сало, яйца, молоко. Некоторые женщины варили картошку прямо в “мундирах” (“з лушпінкай” – авт.) и в чугунках выносили на улицу. Чугунки пустели быстро. Жуя на ходу картошку и запивая холодной водой, солдаты и командиры, пряча глаза и опустив головы, уходили на восток, в сторону Заморговского леса, Свинки, Слобода-Кучинки.

В первые дни войны в Песочном разграбили и разгромили продовольственный магазин и столовую. Двери сломали какие-то военные. Они взяли себе что было нужно и ушли. Уходя, один из них крикнул: “разбирайте все, чтобы не досталось немцам”. Песочанцы бросились в магазин. Хватали все подряд: соль, сахар, спички, крупы, другие товары.

Вот с такими мыслями и настроениями встретили войну жители Песочного. Об этом я услышал от своего отца, матери и некоторых жителей Песочного, которые еще живы и помнят о том далеком и страшном времени.

В первые недели оккупации Песочное словно замерло в ожидании чего-то, местечко затаилось. Люди думали, как выжить под тяжелым сапогом немца-оккупанта, как приспособиться к новым условиям жизни. Некоторые – коммунисты и комсомольцы, беспартийные и “окруженцы”, воспитанные в патриотическом духе, думали, как и с чего начинать борьбу с захватчиками. Среди них были и братья Барановы – Александр, 17-ти лет и 14-летний Семен.

О первых днях войны вспоминает самая младшая из семьи Барановых, жительница г. Дзержинска Минской области Елена Юлиановна Баранова: “О самом начале войны мне в детскую память врезалось следующее. Когда в июне 1941 г. фронтовая немецкая часть заняла наше местечко, то она расположилась в здании школы. Немцы прибыли в Песочное на автомашинах и мотоциклах. До начала войны я успела закончить 1-й класс Песочанской средней школы. Средней она стала перед самой

войной. Мы, хотя и были еще маленькими, понимали, что вокруг происходит что-то страшное, что к нам, в нашу жизнь, вторгся враг, пришла война, и от этого ничего хорошего ждать не приходится. Поэтому, чтобы как-то навредить немцам, наши мальчишки, кто был постарше, в несколько мотоциклов насыпали песка в бензобаки. Мотоциклы немцы не смогли завести и очень злились и ругались. Наверное за это немцы вырубали весь наш школьный сад. Но, думаю, это было не главной причиной. Сад вырубали в целях безопасности, чтобы никто не смог подойти незаметно к школе, в которой они отдыхали. Нам, детям, было очень жалко наших вишен, яблонь и груш. Мы стояли и плакали. Немецкая воинская часть в Песочном долго не стояла. Может, пару недель. Они отдохнули и уехали”.

Примерно в конце лета – в начале осени 1941 года в Песочном появился раненый в руку “окруженец” Иван Савелов. Он стал жить и лечиться у одной жительницы местечка. Впоследствии оказалось, что он в армии служил политработником и занимал должность камиссара батальона. По его инициативе, через некоторое время, из местечковых активистов и комсомольцев создали подпольную группу. К тому времени в местечке немцы установили новые органы власти: управу со старостой и писарем, полицейский участок с 10-ю вооруженными полицейскими. Из песочанцев служить в полицию пошли три человека. Четвертым служил молодой парень Степан по заданию партизан. В старосты пошел Стретинский, а в писаря – Баран Сергей. В местечке установили комендантский час.

Вскоре на улицах Песочного стали появляться листовки, в которых разъяснялось положение дел на фронте, суть немецкой оккупации и войны в целом. Листовки призывали жителей подниматься на борьбу с врагом.

В то время неполная семья Барановых, как и все жители Песочного, оказавшиеся в оккупации, пыталась как-то жить дальше. Неполной она стала после того, когда несколько лет назад старший сын Николай уехал учиться в военное училище на командира Красной Армии. Вскоре, когда исполнилось 18 лет второму сыну Ивану, его также призвали в ряды рабоче-крестьянской армии. Юлиан Иосифович и Дарья Григорьевна знали, что Николай, после окончания училища, направлен служить в далекий, солнечный Узбекистан. Вместе с ним в Ташкенте находятся и его жена с маленькой дочерью. Иван служил в танковых войсках и последние весточки домой присылал перед войной из Московского военного округа, из далекой Калуги. Где сейчас их старшие сыночки, на фронте уже, или еще в тылу, родители не знали. А может уже и в живых нет, и косточки их белеют где-нибудь в смоленских полях или брянских лесах. Не раз, и не два материнское сердце обливалось кровью, глаза не высыхали от слез,

душа разрывалась от горя, думая о своих сыновьях, тоскуя от неизвестности. Не легче было и отцу. Но такая уж участь по жизни мужская: переносить все несчастья и горести без слез, молча, тая все это внутри себя. Юлиан Иосифович стал еще более молчаливым, ушел в себя. Но надо было как-то жить, несмотря на войну, на немцев, предателей-полицаев, ведь на руках родителей оставалось еще трое детей. Тогда они не знали, что Николай и Иван были живы, но оказались в самом пекле, в аду, той страшно кровопролитной войны. И мать, и отец не знали тогда, и не узнали никогда после, что сберегло их детей в той кровавой пляске смерти. Они не узнали об этом никогда, не знаем и мы сегодня.

Вот что вспоминал о том далеком 1941 годе после войны Николай Юлианович Баранов: "... В рядах Советской Армии мне сражаться на белорусской земле не пришлось. Враг захватил Белоруссию раньше, чем мне удалось попасть на фронт. В те годы служил я в гаубичном артиллерийском полку в г. Ташкенте в должности первого помощника начальника штаба полка, хотя был еще довольно молодым офицером. Я в 1939 г. окончил первое Московское артиллерийское училище им. Красина в звании "лейтенанта". До сих пор помню разговор в штабном вагоне по пути следования к фронту с комиссаром полка.

— Обстановка на фронте усложняется. Ваши прогнозы, лейтенант, о большом сражении на Немане, Березине не оправдались, — угрюмо произнес комиссар и сожалеющим голосом добавил:

— Немцы уже в Минске, Борисове, Орше.

— Тогда что ж, товарищ комиссар, история может повториться? Опять до Бородино? Как с французом? В Москву тогда вошли они, — с большой ненавистью повышенным тоном произнес я, как будто в этом была вина нашего комиссара.

— Правда, в сожженную, безжизненную, но вошли, — опять выпалил я, как из автомата. — Неможем же и теперь допустить до такого! Советские мы!

Комиссар внимательно глядел в мои глаза и, как мне показалось тогда, как бы даже осуждающе.

— Да, до такого допустить нельзя. Но... и он долго рассказывал нам, как было, да как должно быть. Потом подумал, несколько раз затаился и, поднявшись, произнес:

— Времени не хватило нам. Хотя бы еще 2-3 года.

Комиссар подошел к окну вагона, молчал.

Подлинный смысл комиссарского "но" я понял на фронте, под Вязмой, в боях с превосходящими нас силами врага. Тогда, в 1941 году, наши автомашины — "полуторки", с которыми мы приехали на фронт, были

против немецких, что муха против слона. А наши “ястребки” не догоняли даже немецкие бомбардировщики. Мы даже наши гаубицы 122-х и 152-х мм возили на лошадях. Нам было тяжело. Но мы преградили путь врагу на Москву тогда, когда Гитлер приказал разгромить советские войска на Вяземско-Московском направлении и, обойдя Москву с севера и юга, овладеть ею в короткий срок.

Наши войска, развернув оборону по Днепру, изрядно потрепали немецкие части вместе с механизированными танковыми колоннами Гудериана, неоднократно пробовавшими форсировать Днепр.

Враг нес большие потери. Взятые в плен фашистские солдаты говорили: “теперь Москва стала намного дальше от Смоленска, чем в начале войны она была от Брестской границы...”

Борьба шла не только за километры русской земли, а и за метры, которые теперь впитывали много немецкой крови. Но силы наши с каждым днем слабели. Пополнения мы не получали. Но все же мы были рады тому, что Москву опоясали четырьмя рядами обороны, – так тогда говорили под большим секретом. Значит там, под Москвой, должны сломать окончательно хребет фашистской армии в том надломанном нами месте. И потом погонят врага на запад по старой Смоленской дороге, как и французов когда-то. А пока каждому – свое. Нам было приказано стоять до последнего солдата, и мы стояли насмерть.

Помню и до смерти не забуду последнее совещание командного состава в штабе полка. Было это в первой половине октября 1941 года, на котором выступил командир полка. Вот его слова:

—Дорогие товарищи, боевые друзья мои! Нас уже не так и много осталось. За последние дни мы потеряли больше половины личного состава, много боевой техники, лошадей. Среди нас нет уже прославленных командиров, какими были... Он перечисляет бывших командиров дивизионов, батарей, взводов. Их много. Командиры стоят молча, как вкопанные в землю.

—Но мы выстояли, не дрогнули и выполнили приказ товарища Сталина. Мы сорвали вражескую операцию “Тайфун”. В этом колоссальная наша заслуга перед Родиной, партией, народом...

Через несколько дней после того совещания наш гаубичный артиллерийский полк, в котором осталось только 157 человек с 4-мя 122-х мм гаубицами, потерявшими свое боевое свойство от непрерывной стрельбы, держал курс на восток. Ему предстояло выйти из окружения, которое врагу удалось осуществить под Вязьмой, перед своим разгромом нашими войсками под Москвой...”

Большинство жителей Песочного не были коммунистами или ком-

сомольцами, но в партизанские отряды ушло более 50-ти жителей местечка. Коммунистов, комсомольцев и беспартийных, грамотных и безграмотных, всех объединила и подравняла война. Эти люди отбросили прочь обиды, злобу на советскую власть, потому что понимали – нужно вступить в кровавую схватку с бандитами и убийцами, насильниками и мородерами, со всеми теми, которые представляли армию фашистской Германии. Они вступили в кровавую схватку не за большевистскую партию и советскую власть, не за символ в виде головы на красном флаге, а за своих матерей, отцов, дедов, сыновей и дочерей, за свой огород, за свой дом, за свою родную землю. В партизаны, в основном, ушла молодежь 17-30 лет.

Из бесед с односельчанами я понял, что этим молодым людям, которые уходили партизанить, не нужны были митинги, призывы, хотя коммунистическая идеология в то время была очень действенной, никто не рвал рубаху на груди. Они уходили на войну, понимая, что идут делать тяжелую, грязную и кровавую работу. Уходили воевать с ненавистным врагом-поработителем, уходили убивать оккупантов, чтобы отомстить за погибших близких и любимых. Они уходили, чтобы защитить свою родную землю от крестоносцев 20 в., как когда-то это делали наши предки-литвины на поле Грюнвальда, во время нашествия Наполеона, и во время множества других больших и малых войн, которые прокатились за долготлетнюю историю по многострадальной земле Беларуси. Шли воевать, понимая, что если не они, то кто?

Первыми из Песочного ушли в лес и стали партизанами Астрейко Иван Григорьевич (по уличному “Ксенз”), Астрейко Иван Васильевич (по уличному “Зейда”), Никанович Александр Дмитриевич (по уличному “Климанов”), его двоюродный брат Федор. В марте 1942 г. стал партизаном и старший из братьев Барановых Николай Юлианович. В мае-июне 1942 г. ушли в партизаны Умрейко Константин Лукич (по уличному “Карпеев”, деда звали Карпом), Астрейко Василий (по уличному “Паромщик”), Астрейко Василий (по уличному “Воробей”), Астрейко Дмитрий (родной брат поэта Анатолия Астрейко), Астрейко Василий (родной брат Ивана Григорьевича). За ними в лес потянулись и другие.

О тяжелом времени начала войны вспоминал Баранов Н.Ю.: “... Сотни километров прошел я из-под Вязьми до Песочного в зимние морозы, ночью на лугах в стогах сена, в лесу на еловых ветках, наложенных на мерзлый снег, иногда – в холодной бане на окраине деревни. Это была большая удача. С тыловой стороны, огородами, подошел я к дому отца. Какая-то невидимая сила ударила в голову, и я остановился около двери, не решаясь войти в дом. “Кто в живых? Как встретят?” Ох, сколько

я задал себе вопросов в эту тяжелую минуту. К этому были основания. По всему пройденному пути по оккупированной белорусской земле я видел сожженные до тла деревни, лежавшие в руинах города и много, много убитых, искалеченных и нищих, плетущихся по дорогам в разных направлениях. Среди них и старики и дети. Все они голодные, страшные и с воспаленными глазами.

А теперь – вот он, отчий дом, а зайти в него боязно. По телу пробежала дрожь, стало холодно. Дрожали руки, ноги, тело стало непослушным. За несколько секунд в памяти пробежала вся моя жизнь. Я вспомнил, как уезжал из этого дома учиться в техникум, вспомнил военное училище, фронт и оставленную в Ташкенте свою семью. И вот он – дом отца, родина моя. Здесь родился, вырос. И опять все те же вопросы, догадки. “А не принесли ли я им дополнительное горе? Ведь они теперь на оккупированной земле проживают...” В это время по улице шел какой-то человек: “Вроде сюда, к дому отца” – подумал я. “Кто он? Хороший или плохой? Вот она, ситуация какая...” А почему я не задавал таких вопросов в 1939 году, когда приезжал в отпуск с женой, дочерью? Тогда для меня все люди Песочного были равными и хорошими. Разве они стали другими? Человек шел, он уже был недалеко и я открыл двери, чтобы не делать с ним встречи, чтобы укрыться, вошел в сени, потом открыл дверь в хату и еле-еле переступил порог. Передо мной, как в тумане, промелькнули лица отца, матери, братьев и сестры. Все они живы, в доме. Ноги окончательно отказались повиноваться, и я, прислонившись к ушаку дверей, еле успел проговорить: “Здравствуйте” и начал опускаться на землю, почти теряя сознание. Силы оставили меня. Вот такая она, непредвиденная встреча. Я без сил.

—Коля! Сынок! Разве это ты? Где же форма твоя? Где солдаты твои? Отвечай! – услышал я, как во сне, сердитый, прерывающийся спазмами, голос отца. – Почему ты здесь? – не утихал он.

Я ничего не ответил. Не мог, хотя и понимал, что в тоне и смысле его слов выражена недобрая мысль и опасения... Отец в ту минуту посчитал меня дезертиром, изменником Родины. Мать, братья и сестра сильно засуетились, нервничали, но стояли молча. Они, как и отец, не ждали такой встречи. Бросились ко мне, когда я упал на глинобитный пол в доме отца, заплакали в голос, не сдерживая своих слез то ли от радости, что я еще живой, то ли от предстоящего горя, которое я принес им вместе со своим приходом. Здесь власть другая. Белорусская земля оккупирована немцами, а они (родители) хорошо помнили 1918 год, сожженный свой дом, отнятую корову, поросенка... Открыл я глаза на второй день, к вечеру. Родные стояли надо мной, рассматривая меня как чужого человека. А я действительно был непохож на того сына, что приезжал в отпуск в 1939

году в форме лейтенанта-артиллериста. Я был в гражданской одежде с отросшей бородой, с упавшими щеками и воспаленными глазами. Было это во второй половине декабря 1941 года. Родное Песочное, как оно изменилось. Не работает электростанция (от мельницы – авт.), радиоузел, не собирается молодежь по вечерам, не поют песни, как бывало. Не собираются и колхозные базары, закрыты все магазины. Теперь негде купить керосина, соли, спичек, мыла... Козхоз разграбили. Даже начали разбирать общественные постройки. Некоторые люди ушли на восток, остальных как подменили – угрюмы, неразговорчивы и недоверчиво относятся друг к другу. Так тогда мне бросилось в глаза. В здании, где до войны была столовая, теперь волость, во главе с бургомистром, бывшим нашим соседом. Лучшее здание – для немцев, поменьше – полиции. Вся улица от Центральной площади до реки Неман отведена для еврейского населения, тут гетто. Работает только мельница на реке Барановка во главе с братом бургомистра, да что-то вроде довоенного леспромхоза. Возглавляет его некто Крылов, говорят, бывший высланный хуторянин, большой кулак в прошлом. Он не песочкий. Яро взялся он за заготовку леса для немцев в зимний период. Весной заготовленный лес думает по Неману сплавать поближе к Германии. В Песочном ввели комендантский час. “Говорят, где-то, вроде недалеко, партизаны действуют, – говорит мне отец, как бы между прочим. – Где бы им тут? И укрыться негде,” – рассуждал он. Я почему-то промолчал, по-видимому усталость давала себя знать. Отец отошел к окну и смотрел в замерзшее стекло на улицу, о чем-то думая.

—Холодно в хате у вас. Печь протопить бы, – вырвался хрипловатый голос из моей груди.

—Это горячка у тебя, – ответил отец, по-прежнему глядя в окно, хотя через замерзшее стекло совершенно ничего не видел.

—А топить печь нельзя, полицаи тут как тут будут. По дымку сагогон ищут, заодно шубы забирают, даже с плеч снимают. У баб – шерстяные плотки, даже варежки, носки теплые. Думают, немцев спасут от морозов. Отец подошел ко мне.

—Явятся в хату... Что с тобой будет? Мы же не заявили о твоём приходе... А по немецким законам должны были...

Он опустил голову, как бы пряча глаза. Я понял, что ему было больно от этих слов, но по-другому он не мог. Он высказал свои опасения, с которыми я не мог не считаться.

—Что же делать, отец? – в тревоге спросил я.

—Паспорт бы оформить тебе. Немецкий. Да вот как?

—Ну что ж, отец, не волнуйся за меня. Что-то придумаем, – как можно спокойнее ответил я, стараясь не показать отцу своей тревоги.

—Ведь я же не первый. Получают же как-то люди эти немецкие паспорта. Значит, и я получу.

—Получают, сынок. Только на это деньги большие нужны. А у нас... К тому врагов много, всех не купишь, всем не подмажешь. Сивчиков, ты помнишь? Настоящая фамилия их, как и наша, Баран.

—Помню, чего ж не помнить, — отвечаю отцу.

—Так вот знай: и отец, и сын полицаи. Ох, сколько они уже причинили горя людям! Как звери. Особенно, когда пьяными врываются в гетто. Золото у евреев выколачивают. Грабят, насилюют. Страшно, сынок...

—От воров, пьяниц иного и ожидать было нельзя, — ответил я, а сам здорово задумался...

... Когда я узнал от отца, что уже больше трех месяцев дома проживает Иван Григорьевич Астрейко, я здорово обрадовался и попросил отца организовать с ним встречу. Такая встреча через два дня была организована. Наш разговор был большим, как по времени, так и по затронутым вопросам, и самое главное, что он был откровенным, без каких-либо подозрений.

—Значит, подполье уже действует, — переспросил я его, — я был в восторге.

—Да, да! Без этого теперь нельзя, Николаша, — ответил он. Я не унимался.

—Говори, говори, Иван Григорьевич! Говори.

И он говорил.

— Во главе нашего подполья — Иван Сергеевич Савелов. Это в прошлом военный, комиссар батальона. Какая-то часть оставила его раненым в Песочном. Теперь ходит в латаных ватных штанах, стеганой куртке. Рука еще до сих пор подвязана на груди через шею. Ростом небольшой, худенький, а силы воли, ума... много. Словом, человек деловой, но, как мне кажется, за ним уже следят. Я ему высказывал это не раз. Спасает его пока Лапич Константин. Он и продукты для него достает. Кое-что припрятали колхозное. В случае чего — в защиту вступается. А Лапич теперь господин-староста. Но ты этой приставки не бойся. Он наш, от начала и до конца.

—Кто же еще входит в вашу подпольную группу? — спрашиваю его.

—Ну, обовсем сразу нельзя, дорогой мой, ответил Иван Григорьевич и заулыбался. Потом, как бы подумавши, продолжал:

—Членом подпольной группы является мой однофамилец Иван Астрейко, ну “Зейдов”, как их называют. Также Умрейко Константин, молодой паренек, но деловой, многое делает... Но для начала хватит. О нашей встрече я доложу Савелову, да встречу попоробуем организовать...

При встрече с Иваном Григорьевичем Астрейко я сказал ему, что мне нужно получить немецкий паспорт, и он поддержал эту мысль, даже пообещал прислать Константина Лапича – старосту, который и возьмется все оформить. Условились и о многих других вопросах. В ту ночь я почувствовал себя тоже членом подпольной группы, хотя и не имел еще официального решения ее руководителя Ивана Сергеевича Савелова.

—Значит условились. Профессия твоя теперь зоотехник, осужденный Советами и освобожденный из тюрьмы немецкими властями, - подтвердил Иван Григорьевич, собравшись уходить домой.

—Да, в этом кое-что совпадает, – отвечаю ему. – Старо-Борисовский зоотехникум, хотя и не работает теперь, но это не за горами. Там я учился. Пусть наведут справки, если кто не поверит.

Так, с той ночи, начиналась моя новая биография, которую мы решили пустить в народ. За два дня до наступления Нового, 1942 года, я присутствовал на совещании у подпольщиков, на котором впервые познакомился с Иваном Сергеевичем Савеловым. Здорово понравился он мне. Много было обговорено вопросов, проблем, которые были положены в основу нашей дальнейшей деятельности. Мне было поручено, кроме других вопросов, подготовить листовку с обращением к народу. Я добросовестно выполнил это поручение, используя всю бумагу и копирку, переданную мне. На многих улицах, домах, даже на здании волости, на доме бургомистра и нашего Константина Лапича, расклеили листовки. Назавтра Лапич, зная о листовке, заранее оккуратно снял ее и, по нашему заданию, принес шефу-немцу, и первым доложил. Шеф поблагодарил его за предупреждение и высказанные предположения. Лапич входил в доверие. Как-то в одну из зимних ночей на посту был убит полицейский Бовтрик. Он тоже песочанский, как и Сивчики. Убили его партизаны Никитина, уходившие с Дзержинского района на восток, с которыми нам так и не удалось установить связь. По этому случаю мы также выпустили массовую листовку, которой предупреждали, что: "... с каждым будем поступать так, как поступили с полицаем Бовтриком...".

После этого случая комендантский час был усилен, а тревог в Песочном прибавилось. Тревожно, в большом напряжении проходила и наша жизнь, хотя в скором, после Нового года и мне удалось все же временный немецкий паспорт получить, которые немцы выдавали людям на оккупированной земле. Помогли мне в этом, поручившись за мою "лояльность" к немецким властям, подписав мои ложные документы, заранее зная, что за это немцы вешали, мои земляки, славные патриоты Шаблюк Поликарп, Белозарович Федор, Астрейко Иван (Паромщик), Лапич Константин, заставивший под угрозой заверить и подписать бургомистра воло-

сти. Начиная с февраля 1942 года Савелов редко, и то скрытно, появлялся в Песочном. Его хотели арестовать, а в марте он уже был партизаном, точнее, комиссаром партизанского отряда имени Котовского. Я оставался за него в Песочном на таком полулегальном положении.

И вот однажды на рассвете к нам в дом постучали, сначала тихо, потом громче, и отец вынужден был идти открывать дверь. Я быстро оделся и стал у дверей с пистолетом “ТТ” в руках. В дом вошел полицейский Степан, сын тетки Насти, “Настулишин,” как тогда мы его звали. Степан носил форму полицака по нашему с Савеловым настоянию. Узнав его, я опустил руку с пистолетом вниз, а Степан, понимая, что с улицы кто-нибудь может услышать наш разговор, намеренно строго произнес:

—Вы знаете где скрывается Савелов, проводите меня к нему, и немедленно.

—Мы знали, где он когда-то жил. Но теперь его что-то не видно в Песочном, господин полицейский, — ответил, подыгрывая ему, отец.

—Я не к вам обращаюсь, а к сыну, вашему, — и, повернувшись ко мне, понизив голос, произнес:

—Проводите меня к нему. Слышите?

Я понял, что мне нужно выйти со Степаном. Что-то случилось срочное. Я быстро набросил свое короткое полупальто, в котором пришел домой с фронта, и вышел. В доме слезы, тревога, но я долго не задержался. Как только вышли, Степан мне передал:

—Вы в списках на арест. Немедленно уходите. Дом ваш должен быть пустым. Все должны скрыться, аресты начнутся утром. Понимаете?

—Все понял, Степан. Спасибо тебе, — пожимая ему руку, отвечал я.

... Все мы ушли тогда, успели, а славные патриоты-земляки наши укрыли родных. Я же оставил Песочное, хотя и на время. С того дня начались аресты и многие домой не вернулись: одних отправили в Копыль — райцентр, в том числе многих песочанских евреев, а кое-кого расстреляли. Группа полицаев, которая все время находилась здесь, оставила Песочное и перебазировалась в Копыль. Последние дни сидели они как на острове, даже без связи. Уехал с ними и наш разведчик в полицейской форме Степан. Только в 1943 году немцы и полицаи стали подозревать о его работе на партизан, но Степан своевременно почувствовал это и, захватив с собой две винтовки, два пистолета и несколько гранат, прибыл благополучно в отряд. Степан был хорошим и смелым партизаном. Он погиб в открытом бою с врагом, с оружием в руках, не дожив до дня Победы. Позже я еще вернулся в Песочное, но ненадолго.”²²

Примечания.

1. Из личного архива Синяковича В.И.
2. Там же.

Глава 5. Партизанская война разгорается.

Закончилась суровая зима и весной 1942 г. началось широкое развертывание партизанской борьбы на Копыльщине. 28 марта 1942 г. в Зараковском лесу, Копыльского района был создан партизанский отряд. Командиром отряда назначили старшего лейтенанта В.Г. Еременко, комиссаром – А.И. Валишина. В мае месяце отряду присвоили имя героя гражданской войны Г.И. Котовского. В это же время, в Раевском лесу, подпольщики деревень Большая и Малая Раевка, соединившись с находящимися там группами “окруженцев”, создали партизанский отряд им. Н.А. Щорса (командир Игнащенко, комиссар А.М. Межновец).

В окрестностях д. Великие Прусы в конце марта 1942 г. был образован партизанский отряд им. С.М. Буденного. Его командиром назначили М.Н. Изюмского, а комиссаром – М.Г. Яновского. Примерно в это же время начал действовать отряд им. В.И. Чапаева в районе м. Старица под командованием лейтенанта И.Н. Тараховича (псевдоним “Дунаев”).

Вскоре партизаны этих трех отрядов провели успешный бой с немцами и полициями возле деревни Шестаки (лес “Гнилуха”, недалеко от Тимкович – авт.). Тогда было уничтожено более 70-ти немцев и полицейев. Вот как об этом бое вспоминает бывший партизан Синякович Владимир Иванович, уроженец д. Свинка Копыльского района: “... 30 апреля 1942 г. партизаны пошли в д. Шестаки, чтобы разжиться продовольствием. Возле деревни паслись овцы. Они взяли себе три овцы и ушли в лес. Двух овечек зарезали сразу же, а третью привязали и оставили на завтра. Овца каким-то образом освободилась и ушла домой. К этому времени хозяин уже успел заметить пропажу. На росной траве остались следы, которые вели в лес. Он понял, что овец кто-то похитил и увел в лес. Долго не думая этот человек поехал в Копыль и заявил в жандармерию. Немцы, живущие всегда и везде по принципу “аллес унд орднунг” (порядок во всем), со случившимся поручили разобраться полицаям-“бобикам”. На тот момент немцы и полицайи не знали, что в “Гнилухе” находятся партизаны. Полицаяев поехало на подводах более 10-ти человек. Партизаны их вовремя заметили и устроили засаду. Копыль от того места находится недалеко,

поэтому партизаны решили стрельбу не открывать, и взять полицейских “на ножи”. Уцелел каким-то образом только один, который убежал в Копыль. Зная, что немцы приедут за трупами, отряды подняли по тревоге и сделали засаду. В то время гарнизон Копыля был небольшой, поэтому немцы вызвали подкрепление из Слуцка. Гитлеровцев прибыла большая колонна на автомашинах и мотоциклах. Партизанская засада оказалась многочисленной и по немцам ударили плотно и дружно. Несмотря на то, что бой длился не долго, немцев и полицаяев полегло много. Командиры отрядов решили не ввязываться в затяжной бой и отряды ушли в сторону Старицы. Потом они сосредоточились в Лавском лесу, где 8 мая была создана партизанская бригада им. К.Е. Ворошилова...”

В том бою взводом партизан командовал лейтенант Николай Баранов.

Командиром партизанской бригады им. К.Е. Ворошилова был назначен майор Ф.Ф. Капуста, комиссаром – И.К. Жижик, начальником штаба – П.З. Игнащенко. Сосредоточение командования и управления в одних руках позволило более оперативно управлять отрядами, своевременно и успешно реагировать на угрозы со стороны немцев и полицаяев, усилить удары по врагу, а также значительно расширить территорию своего влияния. Кроме Копыльского, бригада действовала еще и на территории Узденского, Столбцовского, Нескижского, Краснослободского, Гресского и Слуцкого районов. Ряды партизан пополнялись новыми бойцами. Процесс объединения отрядов продолжался.

В своих послевоенных воспоминаниях Н.Ю. Баранов тепло отзывался о Филиппе Филипповиче Капусте: “... Вскоре партизаны, гражданские лица полюбили своего комбрига и стали называть – “батько Боженко”. Так хорошо звучало. А фамилия “Капуста” для комбрига стала вроде неподходящей. Комбриг наш был на редкость смелым человеком. В боях был всегда вместе с партизанами, ходил и на засады и на диверсии. Он быстро завоевал доверие, и партизаны раскрывали перед ним душу. Часто комбриг бывал в своих отрядах. Выезжал он и в деревни. А поговорить с народом комбриг любил, да всегда с шутками-прибаутками. Веселый он и по натуре. Бывало, разгладит буденновские усы, раскинет широко в стороны руки и крикнет гармонисту: “Ну, ... давай! Нашего... настоящего гопака”. И пойдет... Не остановишь. Помню, как однажды, в воскресный день, ускакал в своем фэзтоне в деревню, да без охраны. Народу собралось много. Долго рассказывал он людям о партизанских делах, а потом и до гопака дошло. Когда возвращался в лагерь, хотя и другой дорогой, наскочил на засаду врага. Забрали немцы фэзтон с парой хороших лошадей, а комбриг еле ноги унес. Тут же вся бригада была поднята по тревоге. Отрезали мы немцам отход, почти окружили их и здорово потрепали. Забрали и фэзтон с лошадь-

ми. Зато потом часто разыгрывали комбрига командиры. А он нервничал, возмущался и всерьез отвечал: “Я их, подлецов, отучу в зону партизанскую ходить навсегда”. Но потом отходил, начинал смеяться, рассказывая, как он бросил фаэтон и на глазах у немцев через болото ушел.

—Если бы не фаэтон, да лошади, я, возможно, бригаду и не поднял бы, — говорил он как бы в оправдание. — Так ведь стыдно же. Люди узнают, что у комбрига немцы фаэтон отняли. Что тогда? Засмеют...”²

Летом 1942 г. партизанское движение в Беларуси приняло большой размах. С каждым днем росло сопротивление населения гитлеровским оккупационным властям и в Минской области. С этого времени партизанское движение вступило в период более активной борьбы с оккупантами. Успешные удары партизан всерьез обеспокоили гитлеровцев. В начале лета 1942 г. фашистская полиция безопасности и СД в одной из своих сводок, среди многочисленных случаев боевых действий партизан на минщине, отмечала и копыльских партизан:

“... Из сообщений полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР о деятельности партизан в Белоруссии № 223.

Из сообщения № 6. 5 июня 1942 г.

Активность партизан в Белоруссии принимает все более угрожающий характер. В многочисленных сообщениях приводятся следующие случаи:

“С 9 мая 1942 г. гор. Копыль был окружен партизанской группой численностью в 300 человек. Только через 2 недели полицейские и немецкие воинские части смогли отогнать партизан. 18 захваченных в плен партизан публично повешены.

В гор. Слуцке было повешено 30 партизан и 38 заложников расстреляно...”³

Борьба против немецко-фашистских захватчиков принимала все более осмысленные, стройные и упорядоченные формы и методы. Постепенно подпольные партийные органы и командование партизанских формирований пришли к мысли о необходимости введения единого текста партизанской присяги для всех партизан Беларуси. В этом тексте клятвы должно было быть сказано о стоящих задачах и конечных целях борьбы белорусских партизан против немецких захватчиков. Присяга должна была нести в себе определенные обязательства дисциплинирующего и морально-психологического характера, дающего эту клятву не только перед командованием и своими товарищами, но в первую очередь перед самим собой, перед своей совестью.

Текст такой присяги подготовили и утвердили. “... На заседании 12 мая 1942 года бюро ЦК КП(б)Б приняло решение: “Утвердить текст

“Присяги белорусского партизана”. С этого дня незабываемым законом жизни каждого партизана становилось единое для всей республики торжественное обязательство...⁴ Вот его текст:

“Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, верный сын героического белорусского народа, присягаю, что не пожалею ни сил, ни самой жизни для дела освобождения моего народа от немецко-фашистских захватчиков и палачей и не сложу оружия до тех пор, пока родная белорусская земля не будет очищена от немецко-фашистской нечисти.

Я клянусь строго и неуклонно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать военную дисциплину и хранить военную тайну.

Я клянусь за сожженные города и деревни, за смерть и кровь наших жен и детей, отцов и матерей, за насилие и издевательства над моим народом жестоко мстить врагу и непрерывно, не останавливаясь ни перед чем, всегда и везде смело, решительно, дерзко и беспощадно уничтожать немецких оккупантов.

Я клянусь всеми путями и средствами активно помогать Красной Армии повсеместно уничтожать фашистских палачей и тем самым содействовать скорейшему и окончательному разгрому кровавого фашизма.

Я клянусь, что скорее погибну в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и белорусский народ в рабство кровавому фашизму.

Слова моей священной клятвы, сказанные перед моими товарищами партизанами, я скрепляю собственноручной подписью, и от этой клятвы не отступлю никогда.

Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу свою присягу и изменю интересам народа, пускай умру я позорной смертью от рук своих товарищей”.⁵

Принятие присяги производилось в торжественной обстановке. Через несколько дней за линию фронта переправили первую партию листовок с текстом присяги. В бригадах и отрядах начался ее прием.

Особое место на оккупированной территории занимала политическая работа среди населения. Уже в первые дни оккупации, налаживая агитацию среди населения, были подобраны специальные люди, которые дежурили у приемников и записывали последние новости. Затем эти записи размножались и распространялись среди партизан и местного населения. Потом постепенно начали налаживать выпуск газет. Вышли номера “Звезды”, “Чырвонай змены”, потом вышли в свет районные газеты. Всего на минщине издавалось в тылу врага 34 газеты.

Советская литература также смело и решительно выступила против

фашистских захватчиков. Она всегда отличалась сильными традиционными связями с народом, честно и взволнованно выражала дела, мысли, чувства народа. Грозные военные годы стали периодом ее мощного военного подъема. Многие советские литераторы находились на фронте или в партизанах. Их произведения были очень популярны в народе и воодушевляли на подвиги и на борьбу с ненавистным врагом.

В годы войны увидели свет такие книги, как “Василий Теркин” А. Твардовского, “Дни и ночи”, “Югославская тетрадь”, “Фронтовые стихи”, “От Черного до Баренцева моря”, К. Симонова, “Война”, “Свобода” И. Эренбурга, “Суд у лесе” Я. Коласа, “Сцяг бригады” А. Кулешова, “Беларусь” П. Бровки, “Янук Сялиба” М. Танка, “Слуцкий пояс” А. Астрейки и другие.

А с каким глубоким смыслом, наполненным душевной болью звучит стихотворение еще одного нашего земляка, поэта-песенника Адама Русака “Слова байцу”, написанное в 1942 году:

*Таварыш, як выйдзеш за вёску,—
Убачыш паранены дол,
Чародку кантужаных соснаў
І снежнае поле вакол.*

*Не вер цішыні той маўклівай,
Спыніся, на полі пастой
І чулай душою паслухай,
Як стогне зямля пад табой.*

*Ступі ты затоеным крокам
І снег пад нагой прагарні,
Не вер беласнежным узорам, —
Пад снегам зямля у крыві.*

*Ты бачыш за хатамі ў полі
Засыпаны снегам курган.
Здымі сваю шапку, таварыш,
Над братняй магілай сялян.*

*Сустрэнешся з ворагам лютым —
Сягоння ідзеш ты у бой, —
Напоўні крыніцы і рэкі
Ты чорнай варожай крывёй.*

*Хай будзе ў баі тваё сэрца
Бязлітасным гневам гарэць.
Нясі ты прысуд справядлівы,
Прысуд свой захопнікам – смерць! ⁶*

Ни с чем несравнимой, невиданной была популярность статей И. Эренбурга. С них начинали чтение газет; в партизанских отрядах, где каждый клочок бумаги шел на курево, сохраняли только статьи Эренбурга. Позже, в конце войны, об этом написал Константин Симонов: «Мне рассказывали люди, заслуживающие полного доверия, что в одном из больших объединенных партизанских отрядов существовал следующий пункт рукописного приказа: «Газеты после прочтения употреблять на раскурку, за исключением статей Ильи Эренбурга». Это поистине самая короткая и самая радостная для писательского сердца рецензия, о которой я когда-либо слышал...»⁷

В особом ряду среди статей И. Эренбурга стояла статья «О ненависти», которая была написана в мае 1942 г. Она потрясала своей простотой, знанием европейской истории и жестокой правдивостью. Вот некоторые выдержки из этой статьи: «Неутолимая темная злоба испепеляет сердце фашизма. Это злоба магнатов Рура, которые в двадцатые годы нашего века испугались утренней зари, зрелости народов, идеи справедливости. Это злоба Круппа, Феглера, владельцев «Фиат», Шнейдера, призвавших на выручку шайку авантюристов и бессовестных убийц. Это злоба прусских баронов, андалузских герцогов, румынских бояр, венгерских графов, бездарных и слабоумных эпигонов некогда пышного мира, которые рассматривают страны как землю для охоты с гончими, а крестьян, подбирающих желуди на барской земле, как дичь. Это злоба мелких невежественных мещан, возмущенных сложностью культуры, смелостью мысли, прогрессом. Это злоба неудачников, провинциальных цезарей, захолустных наполеонов, жаждущих войти в историю хотя бы с черного хода. Это злоба ренегатов, стремящихся осквернить все то, что они некогда любили. Это злоба старости, бездушья, смерти.

Итальянские фашисты, выйдя на сцену, вырядились в черные рубашки, установили культ волчицы, переняли у волчьей стаи крик «ала-ла». Испанские фалангисты ввели обряд «обручения со смертью», носили свои знамена на кладбища, устраивали шествия с голубыми горбунами, с юродивыми, с могильщиками, – шествия, похожие на кошмарные видения великого Гойи. Французские кагуляры надевали на себя глухие капшоны, взятые из средневековья и рожденные чумными эпидемиями.

Немецкие эсэсовцы носят на рукавах череп и скрещенные кости. Геринг возродил палача во фраке с топором. Гиммлер перенес в свои застенки орудия пыток, хранившиеся в Нюрнбергском музее. Даже бутафория фашизма свидетельствует о черной безвыходной злобе.

...Неудивительно, что фашизм притягивает к себе отбросы человечества, людей с неопрятной биографией, садистов, духовных уродов, предателей. Бездарный живописец Гитлер, бездарный романист Геббельс, бездарный драматург Муссолини – разве не поразительно, что во главе фашистских государств стоят люди, мечтавшие о лаврах художника и освищенные как плохие фиגляры? Фашизм притягивает к себе всех ренегатов. Иуда в тоске повесился. Фашистские иуды предпочитают вешать других... Половые извращения, в первую очередь садизм, стали оплотом фашизма. Морфинист Геринг, блудодей Геббельс, садист Гиммлер, специалист по растлению малолетних «доктор» Лей, вырожденки, о местонахождении которых должны были бы спорить начальники тюрем и директора госпиталей, оказались на постах министров.

Злоба – мелкое и низкое чувство. В жизни мы справедливо стыдимся проявлений злобы... Фашисты из злобы сделали религию.

...Злоба движет каждым солдатом фашизма. Проигрывая битву, они после этого вешают женщин или пытаются детей. Зайдя в чужой дом и не найдя в нем добычи, фашистский солдат убивает хозяйку. Один немецкий ефрейтор написал в своем дневнике, что пытки его «веселят и даже горячат». В речах Гитлера нет любви к немецкому народу, его речи дышат одним: злобой. Даже голос Гитлера похож на хриплый лай гиены. Гитлер пытается согреть злобой сердца немецких солдат: жгите, грабьте, убивайте!

...Русский народ пережил большую и трудную жизнь; не розами была устлана его дорога к счастью и к совершенству. Но и в самые тяжелые годы своей истории русский человек ограждал себя от темной злобы. Не на презрении к другим народам, но на любви к своему был вскормлен русский патриотизм. Русский солдат жалел пленного и никогда не обижал безоружных... Чувство злобы не соблазняет нас и теперь. Идея мести не может удовлетворить нашего возмущенного разума. Мы говорим не о злобе – о ненависти, не о мести – о справедливости. Это не оттенки слов, это – другие чувства. Ненависть, как и любовь, присуща только чистым и горячим сердцам. Мы ненавидим фашизм, потому что любим людей, детей, землю, деревья, лошадей, смех, книги, тепло дружеской руки, потому что любим жизнь. Чем сильнее в нас любовь к жизни, тем крепче наша ненависть... Для нас гитлеровцы не просто противники: для нас гитлеровцы не люди, гитлеровцы для нас – убийцы, палачи,

нравственные уроды, жестокие изуверы, и поэтому мы их ненавидим... Немецкий солдат с винтовкой в руке для нас не человек, но фашист. Мы его ненавидим. Мы ненавидим каждого из них за все, что сделали они вкупе. Мы ненавидим белокурого или чернявого фрица, потому что он для нас – мелкий гитлеряга, виновник горя детей, осквернитель земли, потому что он для нас – фашист. Если немецкий солдат опустит оружие и сдастся в плен, мы его не тронем пальцем – он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает: сделает из тупого убийцы труженника и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашей земле, о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы умеем любить... Кто сильно любит, тот сильно ненавидит. Красное знамя полков и дивизий, иди на поле боя – в тебе кровь жертвенной любви, в тебе наш гнев и наша ненависть, в тебе наша клятва. Россия будет жить, фашисты жить не будут!»⁸

Эти яростные строки воодушевляли и звали на беспощадный бой с ненавистным врагом не только бойцов и командиров на фронте, но и партизан и подпольщиков на оккупированной территории.

За годы войны было опубликовано около полутора тысяч статей, заметок, фельетонов И. Эренбурга. «Никогда так я много не работал», – вспоминал это время он. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян писал: «Перо Эренбурга воистину было действенное автомата».

Воины на фронте и партизаны в тылу врага всегда с большим волнением ждали новых произведений Я. Купалы, К. Крапивы, П. Глебки, П. Панченки, К. Буйло и других белорусских поэтов и писателей. Они были нужны в то время как хлеб, вода и воздух, как самое грозное оружие. И “Большая земля” не забывала о сражающейся Беларуси. Наряду с вооружением, боеприпасами, медикаментами белорусские партизаны обеспечивались листовками, газетами, плакатами и другой печатной продукцией, в которой были произведения не только белорусских, но и авторов других народов СССР. Это и неудивительно. В рядах лесных мстителей Беларуси находилось много русских, украинцев, евреев, казахов, татар, представителей народов Кавказа, Сибири и Дальнего Востока.

Летом 1942 г. продолжался количественный рост партизанских рядов. В бригаду им. Ворошилова вошел отряд им. Жукова, в августе – им. Суворова, в октябре – им. Фрунзе и “Боевой”. “Окруженцы-приписники” также значительно пополнили отряды.

В течение 1942 г. в Минской области сформировали 16 партизанских бригад. К концу года действовало 15 бригад (бригада Н.М. Никитина в ноябре 1942 г. вышла в советский тыл, где ее расформировали), в состав которых входили 54 отряда, и 25 отдельных отрядов, насчитывавших в своих

рядах более 14 тыс. партизан. К началу 1943 г. в рядах белорусских партизан числилось свыше 56 тыс. человек. Четвертая часть всех белорусских партизан действовала в тылу врага на территории Минской области.

Так, не призванные военкоматами, не ушедшие воевать в ряды Красной Армии, добровольно, по зову сердца и души, белорусы, взяли в руки оружие, чтобы сражаться с врагом, посягнувшим на независимость родной земли, честь и свободу ее жителей.

Уже зимой 1942 г. на оккупированной территории Беларуси проводился сбор советских денег, облигаций, драгоценностей и отправка их на Большую землю. Эта операция имела большое материальное и агитационное значение. Партизаны организовывали в деревнях митинги, объясняли, какую помощь можно оказать фронту. Люди верили в победу над врагом и приносили все, что у них было. Говорили: “Пусть строятся на эти средства новые самолеты и танки, пусть быстрее возвращается с победой родная Красная Армия”.⁹

Партизаны Минской области собрали более 3 млн. рублей советских денег и облигаций. Вместе с деньгами и ценностями в Москву граждане направили письмо следующего содержания: “Трудящиеся города Минска и Минской области, партизаны и партизанки, следуя благородному почину патриотов нашей Родины, полные жгучей ненависти к врагу и желая как можно скорее прогнать немецких захватчиков с родной земли, собрали на строительство самолетов денег и облигаций на сумму 3 075 827 рублей. Кроме того, собрали золотых монет царской чеканки 2 810 рублей, золота бытового – один килограмм, серебра – 10 килограммов. Собранные деньги и ценности доставлены через линию фронта в советский тыл и сданы в Государственный банк. В сборе средств приняли активное участие рабочие, работницы, колхозники, колхозницы и интеллигенция временно оккупированной Минской области. Сбор средств продолжается.

Просим вас дать распоряжение о строительстве на собранные нами средства самолетов для Красной Армии и присвоить им названия “Партизан Минска”, “Партизан Слуцка”, “Партизан Борисова”...

В ответ пришла телеграмма, подписанная И.В. Сталиным:

“Секретарю Минского обкома КП(б)Б тов. Козлову.

Передать трудящимся города Минска и Минской области, партизанам и партизанкам, собравшим 3 075 827 рублей деньгами и облигациями, 2 810 рублей золотыми монетами, золотые и серебряные вещи на строительство самолетов “Партизан Минска”, “Партизан Слуцка”, “Партизан Борисова”, мой братский привет и благодарность Красной Армии”.¹⁰

О телеграмме быстро узнали в подполье и в партизанских отрядах, в

городах и деревнях минщины и всей Беларуси. Телеграмму отпечатали и распространяли в виде листовок на оккупированной территории. В средствах, собранных на строительство боевых самолетов, оказался и скромный вклад тружеников Копыльского района и местечка Песочное.

Здесь, невольно, напрашивается вопрос: “При возникновении сегодня угрозы порабощения нашей земли, оккупации Беларуси, отдавали бы наши люди все деньги, золото, иные ценности для победы над врагом или нет, учитывая ту болезнь, поразившую наше общество, обладания материальным, фантастическую тягу к накопительству, к увеличению недвижимости, стремлению иметь несколько автомобилей и т. д., и т. д.? Что случилось бы с нашими людьми, особенно с молодежью, проповедующей западные ценности, если бы им пришлось в одночасье расстаться с вышеупомянутым? Лично я на этот вопрос затрудняюсь ответить...

В “Правде” от 14 ноября 1942 года был напечатан приказ И. Сталина “О задачах партизанского движения”. В нем давался анализ первых итогов всенародной партизанской борьбы, поставлены конкретные задачи.¹¹

В.И. Козлов, став Героем Советского Союза, от имени партизан минщины участвовал в 3-м Всеславянском митинге. Там в своей речи он говорил:

“Братья славяне!

Неистовствует фашистская банда на нашей родной белорусской земле. Почти 23 месяца родную землю заливают потоки крови наших отцов, матерей, братьев, сестер и детей. От Буга до Днепра, от Припяти до Двины – всю белорусскую землю покрыли руины и пепелища разрушенных и сожженных городов и деревень. Все, что было создано потом и кровью белорусского народа, фашистские бандиты предали дикому, варварскому опустошению.

Гитлеровские бандиты рассчитывали путем террора и зверств покорить белорусов, превратить свободолюбивый белорусский народ в послушных рабов немецких баронов. Но фашистские разбойники жестоко просчитались. Белоруссия захвачена, но не покорена. Священная ненависть и справедливая месть белорусского народа смертоносными ударами обрушивается на головы оккупантов. Грозен белорусский народ в години своего гнева. В Белоруссии нет покоя оккупантам ни днем, ни ночью. Летят под откос эшелоны врага. Тысячи гитлеровцев нашли свою бесславную могилу на белорусской земле...

Братья славяне! Вспомним в этот грозный час свою ответственность перед нашим поколением! Горе будет нам и нашим детям, если мы не уничтожим фашистскую гадину.

К оружию, братья славяне! На борьбу за свободу, за свою родную землю, за свою национальную независимость и культуру, за счастье своих детей!

Смерть немецким оккупантам!”¹²

Примечания.

1. Из личного архива Синяковича В.И.
2. Там же.
3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944): Документы и материалы. Минск, 1973, Т.2. с. 367.
4. Калинин П.З. Партизанская республика. Минск: Беларусь, 1973. С. 130.
5. Там же, с. 130, 131.
6. Русак А.Г. Засцілайце сталы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. С. 32, 33.
7. Симонов К.М. В одной газете. Москва: Агенство печати Новости, 1979. С. 13.
8. Эренбург И.Г. В одной газете. Москва: Агенство печати Новости, 1979. с. 72-77.
9. Марушкевич Н.Т. Смысл его жизни. Москва: Политическая литература, 1976. С. 42.
10. Там же, с. 43.
11. Там же, с. 51, 52.
12. Там же, с.53, 54.

Глава 6. Оккупационный режим.

Еще в 1932 г. А. Гитлер сказал: “Восточные территории станут большим экспериментальным полем по установлению нового общественного строя в Европе, и в этом большое значение нашей восточной политики”.¹

В первую очередь этим “экспериментальным полем” из всех территорий СССР должна была стать Беларусь. Нацисты запланировали это потому, что считали в хозяйственном отношении этот край лесов и болот – не самым “ценным”. Они решили, что очень удобно и правильно будет использовать его как огромный “загон и резервации”, куда будут пересе-

латься целые европейские народы для последующей обработки в особых карантинных условиях. По планам нацистов со всей Европы туда должны были быть переселены евреи и другие народы, чьи земли заселялись бы немецкими колонистами.

Как известно, цели в войне против СССР были окончательно определены 30 марта 1941 г. на совещании Гитлера и нацистской верхушки Германии. В военном вопросе главное заключалось в достижении линии “Архангельск – Астрахань”. Политическая сторона вопроса коротко, по мысли Гитлера, формулировалась следующим образом: “... Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство..., чтобы никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала...”.

Также четко цели “русской кампании” еще в начале 1941 г. в одном из своих выступлений определил Г. Гиммлер: “... расстреливать славянское население – каждого десятого, чтобы уменьшить их количество на тридцать миллионов. Почему бы заранее, не ожидая окончательной победы, не начать на деле снижать биологический потенциал восточных народов? Дело это уже начато – в концлагерях и в лагерях для военнопленных. Перенести это и в деревни, откуда каждая нация наиболее черпает человеческие ресурсы...”² В соответствии с планом гитлеровцев предусматривалось выселение 75% белорусского населения с территорий, какие они занимали.

Еще в самом начале “восточной кампании” А. Гитлер и его помощники старались, насколько это было возможно, скрывать свои истинные цели. Они понимали, были уверены, что наступит момент, когда об этих целях можно будет заявить на весь мир, никого не боясь. Это время придет тогда, когда будут повержены все основные противники Германии. В этом смысле Гитлер говорил: “... Теперь важно, чтобы мы не раскрывали своих целей и установок перед всем миром. К тому же это и не нужно совсем. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим... Мотивировка перед миром наших действий должна исходить из тактических соображений. Значит, мы снова будем подчеркивать, что мы вынуждены были занять определенный район, навести там порядок и установить безопасность. Мы были вынуждены, в интересах населения, беспокоиться о спокойствии, продовольствии, коммуникациях и т. д. Отсюда и идет наше регулирование. Таким образом, не должно быть разгадано, что дело касается окончательного урегулирования. Тем не менее, мы все же будем употреблять все необходимые меры – расстрелы, выселения и т. д... Русские в настоящий момент отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет свои преимущества: она дает нам возможность уничтожать все, что восстает против нас...”³

Сентенции А. Гитлера нашли свое отражение в приказе генерал-фельдмаршала Кейтеля, в котором говорилось, что: "... фюрер распорядился всюду пустить в ход самые крутые меры... При этом нужно учитывать, что на отмеченных территориях человеческая жизнь ничего не значит, а устрашать можно только необыкновенной жестокостью..."

После нападения на СССР Главное управление имперской безопасности начало разработку "генерального плана "Ост". В его основу были положены все идеи, указания гитлеровской верхушки о германской политике на оккупированных территориях. Сам план стал достоянием мировой общественности только через 30 лет после окончания войны. Сохранившиеся различные документы, подписанные руководителями гитлеровского рейха, комментируют и дополняют этот план.⁴

Для осуществления своей преступной политики в оккупированные районы прибыли различные органы и части специального назначения: зондеркоманды, тайная полевая полиция, полиция безопасности, служба безопасности (СД), фельдкомендатуры, айнзатцкоманды и т. д. Перед всеми ими стояла одна задача – грабеж и физическое уничтожение народов СССР.

Основные положения оккупационного режима были подробно изложены в плане "Барбаросса" (директива №21 от 18.12.1940 г.), "Инструкции об отдельных областях" к этой директиве, в генеральном плане "Ост". Эта программа подразумевала колонизацию территории, ее германизацию, выселение и уничтожение народов Восточной Европы, управления экономикой оккупированных земель.⁵ К этому списку необходимо еще присоединить секретный меморандум Г. Гимmlера "Некоторые мысли об обращении с населением на Востоке" от 25 мая 1940 г., в котором говорилось, что оккупационная политика должна быть направлена на то, чтобы в максимальной степени "... превратить активную массу инородного населения в полуграмотных рабов..."⁶

На мартовском 1941 г. совещании гитлеровская верхушка приняла решение о передаче всех вопросов будущего административно-политического планирования на "восточных" территориях в ведомство А. Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим.⁷

17 июля 1941 года Гитлер подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных советских территориях. В соответствии с этим приказом было создано Министерство оккупированных восточных областей. Оно стало главным руководящим органом для указанных административных единиц. Министерство возглавил Альфред Розенберг.

К середине осени 1941 г., в основном, немцы завершили раздел оккупированной Беларуси. Территории по линии Полоцк – Борисов на востоке, Старые Дороги – озеро "Чырвонае" на юге, по реке Зельвянка и

восточной кромке Беловежской пуши на западе, выделили в генеральный округ “Белоруссия”. Это была четвертая часть территории довоенной Беларуси и равнялась она 53 тыс. 660 кв. км. с населением 2 млн. 411 тыс. 333 чел. (по состоянию на 04.12.1941 г.). Генеральный округ “Белоруссия” являлся составной частью рейхскомиссариата “Остланд”, в который еще входили генеральные округа “Литва”, “Латвия” и “Эстония”. Южные районы Беларуси, а также часть Брестской области вошли в рейхскомиссариат “Украина”. Белостокскую область выделили в отдельную административную единицу и присоединили к Восточной Пруссии. К генеральному округу “Литва” были присоединены некоторые северо-западные районы Беларуси.⁸

Высшим органом гражданской оккупационной администрации в генеральном округе “Белоруссия” являлся генеральный комиссариат. Возглавлял комиссариат СС-группенфюрер Вильгельм Кубе. Наместник Гитлера в Беларуси гауляйтер В. Кубе говорил: “Мы прибыли в страну с общей директивой управлять этой страной и поставить экономику этой страны на службу войне, какую Германия ведет на Востоке, получить со страны все, что только можно извлечь из ее экономической мощности”.

В длинном списке преступлений нацистских захватчиков на белорусской земле особое место занимает угон мирных жителей в Германию. Для осуществления своих преступных планов по направлению на предприятия Германии и стран Западной Европы, а также в сельское хозяйство бесплатной рабочей силы в составе “восточного министерства” А. Розенберга была образована специальная служба по использованию рабочей силы под руководством главного уполномоченного Завкеля. Его агенты разъезжали по городам и деревням Беларуси, создавали “вербовочные” пункты, брали на учет трудоспособных людей и предлагали им “добровольно” уехать работать в Германию. Если и нашлись такие, кто захотел уехать добровольно – это были единицы. Люди понимали, что это обман и не попадались на “удочку” гитлеровцев. Затянувшаяся война требовала все больше и больше выпуска промышленной продукции, а, следовательно, большего количества рабочей силы. Видя, что план “добровольного” направления белорусов на работы в Европу провалился, нацисты начали загонять людей туда силой. Для решения этого вопроса проводились облавы и карательные операции. Из Берлина имелось указание, что ежедневно в рейх должны направляться до 1 тыс. рабочих. Фактически началась “охота” на людей.⁹ В общественных местах людей хватали без разбора, а потом, в комендатурах, полицейских участках производилась “сортировка”. После соответствующей проверки, убедившись, что они не связаны с подпольем или партизанами, больных и пожилых, могли отпу-

стить домой. А молодежь, здоровую и трудоспособную, загоняли в товарные вагоны и как скот увозили к месту назначения в Германию. Всего с временно оккупированной территории СССР на работы в Германию немцы угнали более 5 млн. 269 тыс. советских граждан. Из Беларуси нацисты захватили и вывезли 399 тыс. 374 чел.¹⁰ Из Копыльского района – 749 человек.¹¹

К нападению на СССР в 1941 году фашисты готовили свою армию не только чисто в техническом плане. На всю мощь работала и обрабатывала солдат и офицеров гитлеровская пропагандистская идеологическая машина. Каждый солдат должен был знать, что население оккупированных территорий – это не люди, а недочеловеки, “унтерменши”, скот, пыль, которых нужно уничтожить для завоевания жизненного пространства, чтобы они не мешали жить “чистой арийской расе господ”. Каждому солдату вермахта выдали на руки памятку, в которой говорилось, как он должен себя вести и поступать на завоеванных территориях: “У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны... Убивай всякого русского, советского, не останавливайся, когда перед тобой старик, или женщина, девочка или мальчик, – убивай”.¹²

Уже с середины 1942 г. гитлеровцы почувствовали на себе еще большую силу ударов белорусских партизан. С каждым днем их противодействие фашистам все более нарастало. Тыловые коммуникации работали с большими перебоями. Это стало беспокоить немецкое командование. Для борьбы с партизанами 11 ноября 1942 г. гитлеровцы издали “Инструкцию об обхождении с бандитами и их помощниками”. В ней говорилось: “В отношении бандитов и их добровольных помощников проявлять крайнюю жестокость... Сама жестокость мер и страх перед карой должны удержать население от помощи и содействия бандитам”. На основе этой инструкции начальник Генерального штаба вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель издал приказ. В этом приказе партизанские формирования оккупированных районов СССР объявлялись бандитами, не имеющими ничего общего с подразделениями Красной Армии, “...ведущими войну не по правилам, не по воинским уставам, из-за угла, поэтому их (партизан) нужно только уничтожать... Эта борьба не имеет больше ничего общего с солдатским рыцарством или с положениями Женевской конвенции... Поэтому войска правомочны и обязаны без всяких ограничений использовать в этой борьбе любые средства, в том числе против женщин и детей, только бы это принесло успех. Ни один немец, какой участвует в борьбе с бандами партизан, не должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности или судебной ответственности за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников”.¹³

Неисчислимым горем и морем огня дымилась наша родная Беларусь. Смерть, слезы и страдания принес белорусскому народу национал-социализм. Узнала сполна и копыльщина, что такое “аллес унд орднунг” – “порядок во всем”. Носители креста 20 ст. уничтожили на территории района все советские школы, библиотеки, клубы, больницы, разграбили имущество 106 колхозов, 4-х машино-тракторных станций (МТС). В Германию было вывезено более 117 тыс. голов крупнорогатого скота, более 13 тыс. овец, 23 тыс. голов свиней. И все же никогда и никакие материальные потери не сравнятся с потерями людскими. Арийские “сверхчеловеки”, эти варвары 20 ст. убивали, насиловали, сжигали заживо женщин, стариков, детей. За время оккупации на территории Копыльского района было разрушено и сожжено 28 деревень. Только в одном Копыле за годы оккупации немецкие изверги умерщвили 2 тыс. 915 чел., 990 чел. – в Тимковичах, 612 – в Грозове...¹⁴

За время оккупации в Копыльском районе были сожжены следующие деревни Копыльского района (в скобках убитые или сожженные жители): 1. Прогресс – февраль 1943 г. (16 чел.); 2. Масевичи – февраль 1943 г. (130 чел.); 3. Мокраны (с 1964 г. Красная Дубрава – (11 чел.); 4. Черничное – июнь 1944 г. (1 чел.); 5. Старица – июнь 1941 г. (11 чел.); 6. Старина – октябрь 1943 г. (15 чел.); 7. Бор – июнь 1944 г. (4 чел.); 8. Великая Раевка – июль 1942 г. (25 чел.); 9. Великие Прусы – сентябрь 1942 г. (258 чел.); 10. Дегтяны – июль 1943 г. (4 чел.); 11. Жаволки – февраль 1943 г. (512 чел.); 12. Колодезное – февраль 1943 г. (213 чел.); 13. Кондратовичи – декабрь 1943 г. (8чел.); 14. Корзуны – июнь 1944 г. (21 чел.); 15. Киевичи – 3 июня 1944 г. 16. Лешня – июнь 1944 г. (13 чел.); 17. Раек – январь 1944 г. (9чел.); 18. Рудное – июль 1942 г. (8 чел.); 19. Славинка – 19 июня 1942 г. (15 чел.); 20. Цеховка – 19.06.1942 г.; 21. Рог – июнь 1944 г. (1 чел.); 22. Рулево – февраль 1943 г. (22 чел.); Подверглись частичному сожжению: 23. Тимковичи – в 1944 г.; 24. Филипповичи – июнь 1944 г.; 25. Душево – 8 февраля 1943 г. (35 чел.); 26. Комсомольская – 1943 г. (46 чел.); 27. Патежки – 30 января 1943 г. (62 чел.); 28. Семежево – июнь 1944 г. (65 чел.).

Не возродились после войны: Масевичи, Рог, Рулево, Цеховка.¹⁵

Да, партизанские деревни, партизанскую зону гитлеровцы выжигли огнем и каленым железом. Убивать жителей и жечь деревни в Копыльском районе немцы стали с лета 1942 г., когда широко развернулось партизанское движение и лесные мстители сильно “допекли” фашистов.

За все время оккупации у немцев были намерения сжечь и Песочное, но по какому-то стечению обстоятельств это им осуществить не удалось. Однажды карательный отряд (произошло это после того, как в феврале 1943 г. сожгли Масевичи – авт.) вошел в Песочное. Его встретили

жители. Люди стали просить, чтобы они не жгли местечко. Сидевший на одной из подвод офицер, командовавший карательным отрядом, отдал приказание двигаться дальше и не жечь этот населенный пункт. Почему он так поступил – осталось неизвестным. Возможно, спасением для Песочного послужило то, что жители тогда стали нести и отдавать карателям продовольствие. Несли картофель, сало, хлеб, яйца, овец, курей, теплые вещи. А может, немец отложил уничтожение Песочного на более поздний срок. Вместе с немцами тогда приехал из Копыля и песочанский полицейский Баран Иван (по уличному “Сивчик”). Женщинам, которые несли что-нибудь тяжелое, он, улыбаясь золотыми зубами, издевательски-шутливо говорил: “Не волнуйтесь, женщины, не поднимайте ничего тяжелого, потому что детей рожать не будете”. И громко хохотал.

У немецкой службы безопасности (СД) и предателей-полицаяев, пусть и неполные, но были данные на партизанские семьи. В феврале 1943 г. в Песочном карательным немецко-полицейским отрядом из Узды, был произведен массовый расстрел партизанских семей. Расстреливали людей в здании школы. Вот как о том страшном дне вспоминает уроженец м. Песочное, житель г. Москвы Лапич Петр Иванович, 1932 г. р.: “... Через окно я с мамой видел, как немцы и полицаи вывели на улицу наших соседей Бушило Ольгу и ее свекровь Анастасию. Муж Ольги Степан в это время находился в партизанах. На руках Ольга держала самого маленького сына Сашку. Моя старшая сестра Мая убежала домой к нашим родственникам Дубовикам. Они тогда жили в доме, где находилась раньше еврейская школа. Бушиловых немцы повели к нашей школе. Через некоторое время мы услышали приглушенные выстрелы и поняли, что происходит что-то нехорошее. Мы решили, что стреляют людей. У нас в доме больше никого не было. Так, я и мама находились дома несколько часов. Когда выстрелы прекратились, и стало тихо, возле школы начал собираться народ. Стоял сплошной крик, плач и причитания. В этот же день я узнал, что каратели в здании школы расстреляли более 40 песочанцев. Они были разного возраста: старики, женщины, дети. В живых остались наша соседка Бушило Ольга, у нее оказалась простреленной рука. Ее маленького сына Сашку ранили пулей в живот. Ольга вынесла его из школы, ему сделали перевязку, но ранение было тяжелое, и он через пару дней умер. Тогда в живых еще остались Бендь Павлик (по уличному Горбачев), две девушки из партизанской семьи Бендь, девочка лет 10-ти и женщина из семьи Хаптусей. В тот день могло быть расстреляно людей в Песочном намного больше, но карателям помешали партизаны. Бригада отступила на Полесье во время карательной экспедиции, но была оставлена небольшая группа партизан. Их база находилась в д. Шама. После того, как те партизаны убили часово-

го на окраине Песочного, каратели быстро удрали в Узду, в свой гарнизон, думая, что местечко занимают лесные мстители...”

В тот страшный для жителей Песочного день каратели расстреляли 43 человека, из них взрослых – 30 чел., детей – 13 чел. Список этих расстрелянных находится в книге “Памяць. Капыльскі раён”. В нем присутствует и фамилия Умрейко Евдокии Ипполитовны. Но она не была расстреляна карателями в тот февральский день в Песочанской школе. Ее немцы и полицаи арестовали в другое время и увезли в Копыль. Там Евдокию подвергли страшным пыткам, а потом повесили. Ее казнили в центре Копыля, на площади, куда немцы и полицаи согнали много местных жителей. О причинах ее ареста и убийства мне рассказал мой отец Умрейко Я.Л. Дело в том, что Умрейко Авдотья Ипполитовна проживала по-соседству с Михаилом Стасевичем, у которого в партизанах находились сын Алесь и зять Кастрицкий Михаил (секретарь Краснослободского подпольного райкома партии). Хаты Авдотьи и Стасевича имели один общий двор. Не зная этого, можно было подумать, что здесь проживают близкие родственники или одна семья. Михаль Бродцов (по уличному – авт.) и Авдотья являлись не родственниками, а соседями. У Авдотьи имелось трое детей: две дочери и сын Борис. Из них в партизанах не был никто. Немцы и полицаи думали, что Авдотья может знать что-нибудь о партизанах-соседях.

Немцы и полицаи сожгли и родной дом со всеми надворными постройками Юлиана Иосифовича и Дарьи Григорьевны Барановых. В этой акции тогда участвовал и песочанский полицейский Баран Иван. Моя мама Умрейко Е.Д. тогда все это видела. О том, как сожгли ее родную хату, рассказывает младшая сестра Барановых Елена Юлиановна, жительница г. Дзержинска: “... Хорошо помню, как нашей семье пришлось уйти из дома и прятаться у Бовтриковых. Это та семья, из которой пошел в полицию Бовтрик Василий, казненный партизанами. Нас разыскивали немцы и полицаи, как семью партизан. Три моих брата ушли в партизаны. Немцы и полицаи приехали из Копыля, окружили наш дом, сарай и подожгли. В сарае находилось много сена. Полицаи думали, что мы спрятались в нем. Они ждали, что мы выскочим во двор или сторим заживо. Но меня и родителей там не было. Мой отец Юлиось прятался у Бовтриковых, а я – у их соседей Савоновых. Мама находилась у родственников Савоновых. У Савоновых были две девочки моего возраста. Их отец Николай и мама научили меня, что нужно делать, если в дом придут полицаи. Они сказали, чтобы я их называла мамой и папой. Для большей убедительности мы, дети, должны были затеять между собой потасовку, и чтобы я пожаловалась. Когда в дом зашел Сивчик, мы втроем сидели на печке. Он прошел по дому, посмотрел, увидел нас, и обратился к хозяевам:

—А почему это у вас трое девок? Мне помнится, что у вас был хлопец и двое девчат.

В это время мы начали намеренно драться, и я закричала:

—Мама, а Зоя бьет меня.

Мама Зои замахнулась на нас полотенцем и крикнула:

—Что вы не помиритесь, ты же старшая, кобыла, зачем ты ее обижаешь?

Отец Зои Николай сказал, что я их дочка, родилась в 1933 году. Он уменьшил мой возраст на один год. Сивчик угрожающе проговорил:

—Гляди, Коля, если ты скрываешь дитя Барановых, то ответишь за это. Вас всех расстреляют. Я знаю, что у них была малая девочка.

Николай ему ответил:

—Барановых здесь в Песочном вообще нет, они куда-то выехали.

Я сидела на печи и все мое детское нутро колотилось и разрывалось от страха. Мне казалось, что он никому не поверит, стянет меня с печи и заберет с собой.

Сивчика я запомнила одетым в черную полицейскую форму, вооруженным автоматом. Когда он ушел, я соскочила с печки и подошла к окну. Увидела большой столб дыма и сказала:

—Нашу хату подпалили, – и заплакала. Жена Николая обняла меня, стала плакать и успокаивать меня:

—Леночка, не плачь, главное, чтобы вы были живы, а хата построится другая.

Да, в это время мои братья Коля, Саша и Семен находились в партизанах, а Иван – на фронте. Я подумала, что они нас защитили бы, будь они здесь.

Когда подожгли наш сарай, то во двор выбежала корова. Полицейские кричали: “Лови, лови”. Животное не далось в чужие руки и убежало на выгон. Об этом нам потом рассказали соседи. Корову поймал наш песчанский человек. Вечером он пришел к Ульяне Бовтриковой и сказал, что наша корова находится у него, и мы можем ее забрать”.

Но чем больше зверствовали гитлеровцы на захваченных землях, тем шире и сильнее становилось сопротивление оккупантам. Преследуемые карателями, измотанные в “блокировках”, росли и крепили партизанские отряды. В лес, к партизанам, уходили и стар и млад.

Примечания.

1. Адамовіч А., Брыль Я., Калеснік У. Я з вогненнай вёскі... Мінск: Мастацкая літаратура, 1983. С. 30.

2. Там же, с. 30.

3. Преступные цели – преступные средства. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. Москва: Политическая литература, 1968. С. 51-53.

4. Памяць. Капыльскі раён. Акупацыя і акупацыйны рэжым. Лемяшонак В.І. Мінск: Беларуская навука, 2001. С. 201.

5. Там же.

6. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. Москва: Вече, 2008. С. 23.

7. Там же, с.24.

8. Там же, с. 25.

9. Памяць. Капыльскі раён. Акупацыя і акупацыйны рэжым. Лемяшонак В.І. Мінск: Беларуская навука, 2001. С. 203.

10. Великая Отечественная война. Справочник / под ред. Ковалени А.А. Минск: Издательский центр БГУ, 2009. С. 153.

11. Памяць. Капыльскі раён. Акупацыя і акупацыйны рэжым. Лемяшонак В.І. Мінск: Беларуская навука, 2001. С. 204.

12. Адамовіч А., Брыль Я., Калеснік У. Я з вогненнай вёскі... Мінск: Мастацкая літаратура, 1983. С. 225.

13. Преступные цели – преступные средства. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. Москва: Политическая литература, 1968, с. 132, 133.

14. Памяць. Капыльскі раён. Акупацыя і акупацыйны рэжым. Лемяшонак В.І. Мінск: Беларуская навука, 2001. С. 207.

15. Там же, с. 218, 219, 619.

Глава 7. Партизаны копыльщины сражаются.

Более года уже вели священную войну с немецко-фашистскими захватчиками партизаны Беларуси. Ширилась, разгоралась борьба с ненавистным врагом и в самой центральной области – Минской. Появлялись новые приемы и методы партизанской войны, постепенно приходило умение и сноровка воевать. Со временем лесные мстители приобрели особый партизанский профессионализм в ведении боевых действий. Изо дня в день ряды партизан пополнялись новыми бойцами. Летом 1942 г. бригада им. Ворошилова К.Е. в Копыльском районе превратилась в грозную боевую силу.

В июле 1942 г. партизанская бригада им. Ворошилова К.Е. дисло-

цировалась в Раевском лесу Копыльского района. К этому времени партизанами в зоне действия бригады были уничтожены почти все мелкие гарнизоны немцев и полицаев. Поэтому все свои силы немцы сосредоточили в районных центрах в Копыле, Узде, Несвиже, Клецке, Слуцке. Эти райцентры были превращены в сильно укрепленные опорные пункты, откуда гитлеровцы совершали свои грабительские набеги на местечки и деревни, с целью захвата продовольствия и расправы над партизанами и их семьями.

20 июля 1942 г. немцы решили ограбить жителей деревни Великая Раевка. Командование бригады решило уничтожить грабителей. В ходе трехчасового боя, в котором участвовали отряды им. Буденного и им. Котовского, немцы и полицаи потеряли более 60 чел. убитыми. Партизаны захватили 50 винтовок, 6 пулеметов, 1 миномет с минами. Награбленное немцами имущество было возвращено крестьянам. Партизаны потеряли 6 чел. убитыми, 9 ранеными.

Разгром вражеских гарнизонов – опорных пунктов немецких оккупационных властей – занимал, наряду с операциями на дорогах, одно из центральных мест в боевой деятельности партизанских формирований. На страницах данной книги об известных операциях и значительных боях партизан я буду рассказывать кратко, т. к. более подробно это освещалось мной в книге “Записки о Родине”.

Партизаны копыльщины провели ряд успешных операций против гитлеровцев и полицаев, находящихся в гарнизонах. В Копыле разгромили маслосырзавод, на котором немцами выпускалась молочная продукция для нужд своей армии. 16 июня 1942 г. по приказу Ф.Ф. Капусты бригада провела смелую и дерзкую операцию по уничтожению гарнизона на железнодорожной станции Тимковичи. На тот момент там скопилось много продовольствия и фуража. Все это фашисты собирались отправить на фронт. Партизаны сожгли и взорвали продовольственные склады, водокачку, здание железнодорожной станции, волостной управы, уничтожили несколько десятков немцев и полицаев. До марта 1943 г. немцы боялись держать гарнизон в Тимковичах. В июле 1942 г. бригада также разгромила немецко-полицейские гарнизоны в деревнях Смоличи и Солтановщина Несвижского района.

К сентябрю 1942 г., после активных действий партизан бригады им. Ворошилова К.Е., оказались уничтоженными почти все небольшие гарнизоны гитлеровцев и полицейских на территории Копыльского и частично Несвижского районов. Удары по врагу наращивались и дальше. Летом 1942 г. у командования бригады им. Ворошилова К.Е. родился замысел уничтожить гарнизон в г.п. Узде. К реализации своего плана

командование бригады приступило 20 сентября 1942 г. Утром 21 сентября отряды бригады заняли исходные позиции. Отряд им. Котовского наступал со стороны дороги Узда – Семеновичи – Могильное. Отряд им. Чапаева – от д. Зеньковичи, отряд им. Щорса – от д. Тычинки. Главную задачу выполнял отряд им. Котовского. Он должен был прорваться к центру Узды, уничтожая живую силу врага. Гарнизон имел серьезные укрепления, поэтому фашисты оказали сильное сопротивление. В ходе боя партизаны уничтожили веревочный цех, производство по изготовлению пуговиц, легковую автомашину. На электростанции взорвали локомотив, подожгли складские помещения и учреждения. Бой затягивался. У партизан заканчивались боеприпасы, появились убитые и раненые. За это время к Узде могло подходить подкрепление из других райцентров и даже из Минска. Комбриг Ф.Ф. Капуста, посоветовавшись с командирами отрядов В. Еременко, И. Тараховичем, Н. Шестопаловым, начальником штаба П. Игнащенко, комиссаром И. Жижиком, принял решение отходить т. к. существовала высокая вероятность того, что если задержаться в Узде и продолжать бой, то это приведет к большим потерям. А они были не нужны. Необходимо сохранить силы для дальнейших боев с врагом. Отряды, прикрывшись заслонами, оставили Узду и ушли через Семеновичи и Песочное на свои базы.

В этом тяжелом и долгом бою гитлеровцы потеряли убитыми начальника узденской жандармерии и несколько десятков солдат и офицеров, а также изменников Родины – полицейских.

Геройски показали себя в бою партизаны-песочанцы Астрейко Иван, Астрейко Василий (“Паромщик”, был ранен), Никонович Александр, Бендь Василий (по уличному “Тетиков”), Сенкевич Иван (“Миرونчик”), Терешко Иван (“Доуги”), Король Алексей, Никонович Григорий, Астрейко Василий (“Воробей”), Умрейко Константин, Бушило Степан и другие. Умело руководил действиями партизан начальник штаба отряда им. Котовского Николай Юлианович Баранов.

В первых числах ноября 1942 г. в Копыльском районе началась карательная экспедиция немцев под кодовым названием “Альберт – 1”. Целью этой операции было ограбить население, изъять скот, продовольствие, а деревни Дегтяны, Зараковцы, Савичи сжечь. Командование бригады им. Ворошилова К.Е. решило дать бой карателям и защитить жителей от нависшей над ними смертельной опасности. 7 ноября в местечке Песочное должен был состояться партизанский парад в честь революционного праздника. Торжество пришлось отменить и вступить в бой с превосходящими силами гитлеровцев. Против партизан немцы бросили большую силу. Наступала воинская часть, следовавшая к линии фронта,

но которую немецкое командование задержало и направило на борьбу с партизанами. Пять тысяч человек с танками, бронемашинами и артиллерией. Главные события развернулись возле м. Старица. В Старицком лесу насчитывалось около 500 партизан с двумя 45-мм пушками, пятью станковыми, 27-ю ручными пулеметами, 30-ю автоматами, 2-мя ротными и 1-м батальонным минометом, винтовками, гранатами. Весь день 7 ноября отряды бригады вели тяжелый бой с превосходящими силами противника. Доходило до рукопашных схваток и партизанских контратак. Сражение утихло только с наступлением темноты. Партизаны покинули Старицкий лес и отошли в Лавский.

На поле боя немцы оставили убитыми более 300 солдат и офицеров, 3 танка, 2 бронемашины, 16 автомашин, в том числе 2 легковые и другую военную технику.

Особенно отличились орудийные расчеты 45-мм пушек в составе 7 человек: Шульга Петр, Чаша Леонид, Семенов Алексей, Чертовский Александр, Березяк Макар., Бабкин Илья, Лобан Константин. В этом бою героически погиб командир отряда им. Чапаева лейтенант И.М. Тарахович (Дунаев) и еще 30 партизан.

Озверевшие от неудач и тяжелых потерь гитлеровцы выместили все свое зло на мирном населении. После отхода партизан они прочесали весь Старицкий лес и расстреляли всех, кого обнаружили: стариков, женщин, детей. В глазах фашистов они все были партизанами и очень опасными. Второй раз за войну Старицу снова частично сожгли.

После небольшого затишья бои возобновились. Каратели большими силами двигались в сторону деревень Зарудное, Калюга, Лавы, Язвины, Рудники и др., где дислоцировались основные силы бригады им. Ворошилова. В это время в партизанский отряд им. Котовского пришел воевать младший брат Баранова Н.Ю. Александр. Тогда ему исполнилось 18 лет.

3 декабря 1942 года произошел знаменитый Лавский бой. Слава о героях-партизанах, погибших в этом бою, в то время прокатилась по всей сражающейся Беларуси. После войны, в 1963 г., подвигу партизан, погибших в неравном бою с карателями, посвятил свое стихотворение поэт-песенник, уроженец м. Песочное, Адам Русак:

Лаўскі бой.

*Паміж лясоў сасновых
Капільшчыны маёй
Квітнее вёска Лавы
Над рэчкаю Тур'ёй.*

*Складаюць тут легенды
Пра нашых партызан,
Што Лаўскі бой трымалі
І падалі ад ран.
Для бою не было ў іх
Ні танкаў, ні гармат,
Каб супыніць навалу,
Малы быў іх атрад.
Адважных васемнаццаць –
З арлінаю душой –
Навекі абняліся
З бацькоўскаю зямлей.
Разлогі веснавыя –
Наш вольны, светлы край,
Красуеш ты і ў снежань,
Красуеш ты і ў май.
Ніхто не пераможжа
Цябе навек-вякоў,
Калі узгадаваў ты
Вось гэтакіх сыноў.¹*

Прикрыть отход бригады и партизанского госпиталя было поручено взводу партизан из отряда им. Котовского. Командовал взводом из 18 человек Викентий Дроздович. Партизаны разместились на кладбище д. Клетиче. Среди них находились и три наших земляка-песочанца: Астрейко Василий, Король Алексей и Никонович Григорий. Из воспоминаний Баранова Н.Ю., бывшего в то время начальником штаба отряда им. Котовского: "...Первую атаку врага герои отбили успешно. Но атаки повторялись. Вот уже шестая по счету. Отбиты 7-я и 8-я атаки. А партизан на кладбище осталось только трое, с четырьмя патронами и несколькими гранатами. Наскоро написав записку, В. Дроздович вложил ее в ствол ручного пулемета, он уже был без патронов, и зарыл в снег. Последние его слова гласили: "Погибаем за Родину. Просим считать нас всех коммунистами и комсомольцами". Фашисты пошли в 9-ю атаку. Вначале полетело в них несколько гранат, а потом все стихло. Тревожно только шумели на кладбище деревья, сгибая низко свои головы к земле. Они были немыми свидетелями мужества партизан, героев-"котовцев". И та вложенная в ствол пулемета записка, рассказала обо всем в деталях. Трое, оставшиеся в живых, застрелились, чтобы не попасть в руки врагов. Среди них был и сам командир взвода Дроздович..."²

Все 18 партизан, находившихся в засаде, героически погибли. Бой длился более трех часов. Каратели потеряли более 80 человек убитыми и ранеными. В этой группе партизан было 3 коммуниста, 9 комсомольцев и 6 совсем молодых беспартийных парней. Самому молодому из них исполнилось 15 лет, а старшему – 32 года. Вот их имена: Василий Михайлович Астрейко, Михаил Иванович Десюкевич, Александр В. Жданович, Алексей Алексеевич Король, Владимир Алексеевич Качановский, Франц Алексеевич Климович, Павел Иванович Лыч, Григорий Прокофьевич Никонович, Эдуард Александрович Петрашевский, Николай А. Сеневиц, Иван Порфирьевич Тумилович, Александр П. Харитонович, Дмитрий Константинович Титко, Николай Трофимович Тертычный, Константин Васильевич Шитыко, Николай Васильевич Якимович, Александр П. Ясученя, Викентий Иосифович Дроздович.

Социальный состав погибших партизан был разным. Командир взвода В. Дроздович до войны учительствовал в одной из школ Копыльского района. Н. Тертычный, военный летчик, награжденный орденом Боевого Красного Знамени, во время выполнения одного из заданий командования был сбит в небе Беларуси, попал к партизанам Копыльского района и стал здесь воевать. Один партизан до войны служил милиционером, остальные – колхозники и школьники.

В.И. Дроздовичу посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Погибшие в этом бою песочанские партизаны были похоронены на кладбище родного Песочного.

Из воспоминаний Н.Ю. Баранова: “... Навсегда вошли в летопись партизанской славы мужественные герои Лавского боя. Уцелел из засады только один, Иван Яковлевич Жигалкович, посланный в начале боя с донесением в бригаду. Все остальные погибли.

Погиб в Лавском бою и лейтенант Захаров, прикрывший отход партизан. До последнего дыхания он стрелял из пулемета у старого дота и не отошел. Он замерз, истекши кровью. Зато не прошел враг. Похоронили мы его в д. Зараковцы, оплакивая героя вместе с народом.

Да! Среди нас были убитые и раненые. Но потери наши были не напрасны. На мерзлом снегу в Лавском бою в десятки раз больше осталось лежать мертвых фашистов, да еще больше было раненых. В который раз на Копыльщине в большом открытом бою немцы почувствовали нашу партизанскую силу. Вырос огромный авторитет партизан и среди гражданского населения. К нам, в партизаны, как тогда говорили, “повалил народ”. “Оружия бы... Оружия бы побольше” – говорили тогда люди в тылу врага...”

Отбившись от немцев, бригада им. Ворошилова К.Е. стала отходить в сторону Полесья. Фашистам так и не удалось уничтожить копильских партизан, так как они представляли уже большую и грозную силу. Бывший партизан Синякович В.И. вспоминал: "... В конце ноября 1942 года в бригаде им. Ворошилова насчитывалось более 3 тысяч человек, входивших в 9 отрядов. После Лавского боя Слуцкий межрайком и штаб бригады им. Ворошилова приняли решение временно оставить свои базы на Копыльщине и перейти в Клецкий и Краснослободский районы, в Орликовский лес. На 5 декабря 1942 г. отряды бригады имели 8 орудий, много минометов и 435 подвод. Такой партизанской "машиной" в условиях немецкой карательной экспедиции и сложной лесисто-болотистой местности управлять стало затруднительно. Поэтому 8 декабря 1942 г. межрайком принял решение об организации Слуцкого партизанского соединения на базе бригады им. Ворошилова. Командиром соединения назначили Ф.Ф. Капусту, а комиссаром – И.Д. Варвашеню. Эти организационные мероприятия обсуждались на партийной конференции, которая проходила 22 декабря 1942 г. На ней присутствовало 260 делегатов от всех бригад и отрядов, подпольных партийных организаций Слуцкой зоны.

С докладом "О задачах коммунистов в дальнейшем развертывании партизанского движения" выступил секретарь межрайкома И.Д. Варвашеня. Бригаду им. Ворошилова разделили на 3 бригады: им. Суворова, за которой закрепили Слуцкий район; им. Чапаева – Копыльский район; 300-я им. Ворошилова – Узденский район. "Ворошиловцами" стал командовать В.И. Еременко".

О тех тяжелых блокадных днях написал в своих воспоминаниях и Н.Ю. Баранов: "... В составе Слуцкого партизанского соединения было образовано три партизанских бригады. Одной из них было оставлено прежнее имя "Ворошиловская", комбригом которой стал В.Г. Еременко, а я – начальником штаба бригады, а Иван Сергеевич Савелов – ее комиссаром. Вот она, безлесная копыльщина. Кто мог подумать! Такое мощное партизанское движение выросло потому, что и народ и партизаны в борьбе с фашистскими захватчиками были едины, они радовались вместе успехам и вместе были огорчены неудачами. Вот почему мы, первые партизаны, до конца дней своих не забудем людей копыльщины, как и они не забудут нас.

Мы, бывшие партизаны, никогда не забудем неутомимого секретаря Минского подпольного обкома Ивана Денисовича Варвашеню. Это его талант партийного работника, организатора, обладающего большим партийным чутьем, помог нам вырасти в такую грозную партизанскую силу. Бывало, склонит голову на правое плечо, закинет за спину автомат, и пойдет к людям. Везде, где бы он ни появлялся, у него были дела, со всеми

ему надобно было переговорить. И он говорил, уточняя настроение людей, обстановку в данном районе и пламенно рассказывал людям о делах партизан, о положении на фронтах.

С партийной душой, всегда на ногах, и днем и ночью, от отряда к отряду, от деревни к деревне, ходила и Александра Игнатьевна Степанова. Она была секретарем Слуцкого межрайонного подпольного комитета КП(б)Б. Мы, партизаны, часто называли ее “наша Саша”. Неутомимой и бесстрашной она была в те годы.”⁴

Немцы продолжали теснить партизан в сторону полесских болот. По замыслу гитлеровцев, партизанские бригады необходимо было оттеснить в болота, блокировать и уничтожить. Базы в Орликовском лесу пришлось оставить. Ведя непрерывные бои, партизаны отошли на Пинцину, где стали совместно действовать с народными мстителями, которыми командовал В. Корж.

*О Нёман, о бацька мой Нёман,
Як сонца, як дзень дарагі!
Касцямі заяругаў шалёных
Усланы твае берагі...
... З тваіх адышлі мы прыгоркаў,
Так трэба, мой Нёман, было.
Я знаю, што цяжка і горка
Свой дом пакідаць і сяло.
Мы вернемся хутка, мы прыйдзем,
Мы будзем навекі з табой.
Заплаціць за гора нам злыдзень
Сваёю фашыскай крывёй.*

А. Астрэйка.⁵

Из воспоминаний бывшего партизана отряда им. Котовского, бригады им. Ворошилова К.Е., уроженца м. Песочное Астрейко Василия Григорьевича: “... Немцы все время хотели нас уничтожить и постоянно преследовали. Мы уходили как могли. Часто даже приходилось обвязывать тряпками копыта лошадей, чтобы они не издавали шума, так как немцы находились рядом. Помню такой случай. Командование бригады приказало двигаться в полной тишине, не разговаривать и не курить. Рядом со мной ехал повозочник. Он не выдержал, взял и закурил. Было это ночью. А ночью, как известно, дым в лесу, запахи, разносятся далеко. Запахом табака он мог выдать немцам наше нахождение. Один командир отряда, ехавший верхом на коне, подъехал к этому повозочнику и, ни слова не говоря, со

всего размаха ударил его топором по голове. Повозочник умер на месте. Мы немного повозмутились, выбросили труп из повозки, и пошли дальше. Сейчас, когда прошло много лет, я понимаю, что тот командир был прав, потому что в той ситуации убийство того нетерпеливого партизана было продиктовано жестокой необходимостью. Дымом он мог невольно указать немцам наше нахождение и тогда могли погибнуть многие. Произошло это тогда, когда мы двигались вдоль какого-то мелиоративного канала.

У нас не было продовольствия и соли. Спасались тем, что резали лошадей. Хлеба – ни крошки. От голода очень страдали, опухали руки и ноги. Нам выдавали по куску конины. Положишь этот кусок вместе с патронами в подсумок и носишь. А он замерзнет и его не укусить. У многих, кто был более старшего возраста, началась цинга. Зубы шатаются и укусить эту замерзшую конину они не могут. Приходилось это мясо лизать, сосать, резать маленькими ломтиками и класть в рот. Сварить или поджарить не могли, так как нам запретили разводить костры.

Однажды утром, когда взошло солнце, мы вышли на большую поляну, залитую каким-то, казалось, красным огнем. Вначале от неожиданности не поняли, что бы это могло быть, но потом, присмотревшись, заулыбались. Вся поляна оказалась усеянной клюквой, т. е. нашими белорусскими журавинами. Врачи бригады сказали, что от цинги это первое спасение. Всем партизанам приказали есть чем побольше этой ягоды. Вокруг выставили секреты и мы, ползая на коленках по земле, собирали эти ягоды и горстями отправляли в рот. Вот такой был у нас подножный корм и одновременно лекарство.

Но пришла наконец весна и мы поняли, что выжили. Помню, у нашего начальника штаба бригады, песочанца Николая Баранова имелась карта, на которой отмечен весь полесский путь нашей бригады. В конце весны 1943 г., примерно через 4,5 месяца, мы вернулись на копыльщину и узденщину”.

Несмотря на то, что в блокаде партизан на Полесье участвовало около 45 тыс. немцев, в ночь с 13 на 14 февраля 1943 г. бригады Слуцкого соединения в районе д. Гоцк прорвали кольцо гитлеровских войск и вышли из окружения. Весной 1943 г. бригады возвратились в места своей постоянной дислокации в Копыльском и соседних районах и начали снова громить фашистских захватчиков.

Из воспоминаний бывшего секретаря Копыльского подпольного райкома КП(б)Б Емельянова Нила Денисовича: “... Партизаны наносили удары из засад и в открытых боях, совершали нападения на железные дороги Минск – Брест, Слуцк – Тимковичи, на шоссе Минск – Слуцк, Слуцк – Брест, громили вражеские опорные пункты и гарнизоны... в апреле

1943 года межрайком Слуцкой зоны создал Копыльский подпольный райком партии... Райком базировался в 27-й бригаде им. В.И. Чапаева. Члены райкома, вместе с командованием, участвовали в разработке планов боевых операций. Они готовили заседания. Например, изучали состояние политико-воспитательной работы среди личного состава, уровень дисциплины, партизанский быт, другие вопросы, а затем на заседаниях вырабатывались рекомендации комиссарам, секретарям парторганизаций отрядов... Готовясь к “рельсовой войне”, мы организовали сборы по обучению партизан подрывному делу... Партизаны бригады в ночь со 2 на 3 августа 1943 г. действовали на двух участках: Столбцы – Барановичи и Слуцк – Клецк. На одном взорвали рельсы на протяжении трех километров, а на другом – двух километров. “Рельсовая война” продолжалась и в дальнейшем. Николай Чижов вместе со своими подчиненными пустил под откос 7 вражеских эшелонов, в Старицком бою взял в плен командира немецкого батальона, довел свой личный счет до 18 убитых гитлеровцев. В 1944 году Николая Александровича назначили комиссаром отряда имени Дунаева... Группа партизан во главе с коммунистом Т.К. Журидом из противотанкового ружья повредила 5 паровозов на участке железной дороги Столбцы – Негорелое...”⁶

В непрекращающихся боях, разгромах немецко-полицейских гарнизонов, диверсиях и засадах на железной и шоссейных дорогах народные мстители уничтожили тысячи гитлеровцев и их пособников полицаяев. Но не сидел сложа руки и враг, который старался противодействовать нападениям партизан, нанося свои “уколы” в ответ. Также как и партизаны, немцы и полицаи, довели успешно освоили тактику внезапных налетов на деревни и действий из засад. Предатели Родины, враги советской власти, разное отребье из уголовников и мородеров часто доносили на партизан, подпольщиков, их родных в немецкую службу безопасности и полицию. Поэтому на путях вероятного появления народных мстителей враг устраивал засады. Вот в одну из таких полицейских засад, сделанных узденскими полицаями, и попали два партизана из отряда им. Котовского Г.И. весной 1943 г. Командование бригады им. Ворошилова К.Е. направило их для сбора разведанных к Узде. Одним из этих двоих партизан был Астрейко Иван Васильевич (по уличному “Зейда”), уроженец и житель м. Песочное. Возвращаясь назад, недалеко от Тереховского леса, на р. Немонце, они попали в полицейскую засаду. Напарником Ивана был татарин Мухаммед. Подходя к Неманцу, некурящий Иван почувствовал запах табачного дыма. На тот момент, в лесу, он пробыл почти полтора года, стал опытным партизаном и мог отличить табачный дым от дыма костра. Он сказал:

—Мухаммед, недалеко от нас курят, как бы не нарваться на немцев или на полицаев.

—Тебе, Ваня, показалось, я ничего не чувствую, – зашептал татарин, после того как, поводя носом в разные стороны, несколько раз втянул прохладный весенний воздух.

Мухаммед не мог почувствовать папиросный или мохорочный дым, потому что сам был курящим. Иван не стал настаивать на своих сомнениях, и они продолжили свой путь – путь к смерти. Засада ударила внезапно из пулемета и винтовок. Ивана, шедшего первым, убило наповал. Татарина не задело и он спасся. Пробежав пригнувшись по берегу, он спрыгнул в Неманец. Пользуясь темнотой и маскируясь береговой травой и кустами, побрел по дну неглубокой речки в сторону от засады. Он слышал как полицейские бегали по берегу, ругались и искали его. Так он ушел и в тот раз остался жив. Придя в отряд, Мухаммед рассказал о гибели Астрейко Ивана. На место полицейской засады выслали группу партизан, которые и нашли тело своего товарища. По каким-то причинам полицейши не взяли мертвого с собой в Узду. Так к могилам партизан-песочанцев, героически погибших в Лавском бою, добавилась еще одна, в которую легло тело Астрейко Ивана Васильевича.

О похоронах Астрейко И.В. рассказал в своих воспоминаниях его земляк, в то время находившийся в должности начальника штаба бригады им. Ворошилова К.Е. Баранов Н.Ю.: “... До смерти не забуду такой случай. Однажды, возвращаясь с боевого задания, партизаны отряда им. Котовского взяли с собой убитого партизана Ивана Астрейко. Проезжая местечко Песочное, откуда он был родом и в котором проживали его родные, кто-то из партизан предложил похоронить его на родине. Все согласились и оставили своего товарища у его родных, подготовив все необходимое для похорон. Назавтра с большой группой партизан я поехал в Песочное, чтобы похоронить своего боевого друга и земляка. Выставив необходимые посты вокруг местечка, я с частью партизан приехал к родным Ивана. Когда вошли мы в дом, наш боевой друг и товарищ лежал в гробу, а около головы его стояли принесенные из церкви хоругви. В доме было много народа. С нашим появлением присутствовавшие люди и особенно старуха-мать и отец сильно заплакали. Мать сначала бросилась на грудь сына, горько рыдала, а потом начала кричать: “За тобой..., за тобой..., пришли, сынок..., не отда-а-ам...” – заламывая свои руки, в истерике кричала она. “Трагическая картина, а тут еще эти хоругви...” – подумал я и остановился рядом с ними. Пройти дальше было невозможно. Встали в почетный караул и мои боевые друзья. С Иваном я учился в первой семилетке, когда-то были подпольщиками и стали первыми партизанами из Песочного. И вот – смерть,

коварная, неумолимая вырвала Ивана из наших рядов. Слезы заполнили глаза и потекли по лицу. Сказать что-либо людям, даже отцу с матерью, я не мог. Мне было тяжело и больно. И я стоял тихо, не шевелясь, а слезы текли по моему лицу. Я прощался с другом. Так прошло минут 10-15. А потом подошел ко мне отец Ивана и со слезами произнес: “Я думаю, что Вы, Николай, возражать не станете?” Он показал головой на хоругви. Я как-то даже растерялся, не по нутру они мне были, да не знал, что ответить ему. А он как бы понял мою неопределенность и как бы в свое оправдание добавил: “Попа нет и не будет. Только дяк, да хор церковный...”

—Нет, нет, пожалуйста, — ответил я, быстро взвесив сложившуюся ситуацию. — Только и вы не возражайте против наших военных обычаев.

Отец Ивана несколько раз, соглашаясь, кивнул головой и отошел, а рядом со мной встали два брата Никоновичи: Федя и Саша. Они, поняв мое состояние, решили меня поддержать. Федя, повернув ко мне голову, тихо произнес:

—Тебе необходимо выйти во двор... Хотя чуть-чуть развеяться.

Я ничего не ответил ему и вышел из дому. Нервы мои были напряжены до предела. Во дворе тоже много народу, а к дому все шли и шли люди. Воскресный день был на редкость теплый и солнечный.

—Да, похороны будут необычными. Только как мне себя взять в руки? — заговорил я с Иваном Григорьевичем Астрейко (Астрейко в Песочном много). В тот момент я был старшим среди партизан и нес непосредственно ответственность за всех.

—Было бы только спокойно, — ответил он.

Вдруг послышались глухие пулеметные очереди. Стреляли где-то далеко, по направлению райцентра Узда. Стрельбу эту я пропустил мимо ушей, даже не среагировал. И только потому, что народ зорко следил за моим поведением. Я чувствовал их взгляд на себе и хотел быть спокойным. К нашему счастью, все обошлось благополучно.

Траурная процессия шла к церкви, растянувшись на большое расстояние. Впереди несли венки из свежих весенних цветов. Крышку от гроба и гроб с телом несли партизаны, земляки и боевые друзья Ивана, а пожилые мужчины несли за гробом хоругви. Потом шел церковный хор, за хором — больше роты вооруженных партизан и потом уже шли родные. С ними шел и я. За нами нескончаемым потоком в разноцветных платьях шли земляки Ивана Астрейко. Хор все время исполнял какие-то траурные песни. Когда гроб был установлен в церкви, весь народ войти внутрь не смог, во много раз больше оставалось во дворе. Молебен шел недолго. Хор еще исполнял какую-то религиозную песню, а дяк, как-то даже неожиданно для всех, оборвал на полуслове молебен и предоставил

мне слово. Говорить в церкви я не смог. Спазмы сдавили глотку. Я тут же дал команду моим друзьям поднять гроб к выносу. Процессия пошла к кладбищу. А народу собралось еще больше. Кладбище было большое и уместились все, хотя ребятишки влезли на деревья... На кладбище я уже выступил. Выступил, как никогда и нигде не выступал раньше. Это, по-видимому, потому что в моем сердце, душе, было так много ненависти к врагам и обиды. Это была и моя клятва перед гробом друга, Ивана Астрейко, перед моими земляками..."⁷

Словно присутствуя на тех памятных похоронах песочанского партизана И. Астрейко, находясь в эвакуации вместе с оркестром Ленинградского Малого академического театра оперы и балета в далеком городе Чкалове (Оренбурге), поэт-песенник А. Русак, посвятил следующие строки своего стихотворения "На смерть партизына", написанного в 1943 г.:

*... Як лажылі яго
У магільны пясок у сыры,
Застагнала зямля,
Зашумелі бары-гушчары.
І агнём бліскавіц,
І раскатам-стральбой перуноў.
Заклікала на бой
Зноў радзіма сыноў.
І на роднаму краю ўсяму
Ветры славу спявалі яму.*⁸

"...После того, как закончился траурный митинг, и Ивана уже не было с нами, ко мне начали обращаться мои земляки. До этого с местечка Песочное уже много было партизан. Но после похорон десятки человек с оружием в руках влились в боевые ряды народных мстителей. Вот оно, какое Песочное. Оно оправдывало название "партизанской столицы", я гордился и горжусь своими земляками. С таким народом легко жить, легко работать. С таким народом немудрено было и воевать против коварного врага. Оружия бы тогда больше. Как его не хватало.

В тот день я не сумел повидать своих родных. Неделию тому назад они оставили свой дом, еле успев скрыться от немцев и полицаев узденского гарнизона, совершивших набег на Песочное. Много раз враги намеревались арестовать моих родных, но они, своевременно предупрежденные добрыми людьми, заранее уходили из Песочного. Сумели они уйти и на этот раз. А фашисты с предателями-полицаями сожгли дом отца, разграбили все имущество. Долго скрывались родные в болотах, лесах,

голые и голодные, а потом патриоты из д. Язвины приютили их в деревне,⁹ – вспоминал впоследствии Баранов Н.Ю..

Партизанам д. Песочное, своим землякам, погибшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками, и похороненными на партизанском кладбище в центре деревни, возле школы, в 1956 г. посвятил свое стихотворение “Пясоцкім партызанам” поэт-песенник Беларуси Адам Русак:

*Іх на плошчы сяла пахавалі,
Каля хат і шумлівых садоў.
На магілы ім кветкі саджалі,
Што прыносілі з родных палёў.*

*На заданне ішлі яны смела
І жыццё за свой край аддалі,
Каб заўсёды зямля маладзела
І каб людзі у шчасці жылі.*

*Сціхла сэрца у іх маладое,
Ім хацелася жыць і любіць,
Бачыць сонца сваё залатое,
Чуць, як ніва на ветры шуміць.*

*Мы выходзім з брыгадай на працу,
Не хапае іх рук маладых.
Цяжка сёння без іх будавацца,
Цяжка жыць нам на свеце без іх.*

*Іх на плошчы сяла пахавалі,
На магілах вяргіні цвітуць,
І калышуцца Нёмана хвалі,
Пра іх славу у далі нясуць.¹⁰*

Комсомольской работой в районе сначала руководили политработники партизанского отряда, позже 27-й бригады им. Чапаева, с августа 1942 г. – Слуцкий межрайком ЛКСМБ, а с апреля 1943 г. – Копыльский подпольный РК ЛКСМБ (секретари Виктор Сергиеня, Александр Кандыбович, Владимир Лобан). Во всех отрядах и в 15 ротах бригады (16-я состояла из поляков-антифашистов) имелись комсомольские организации.¹¹

В суровое время войны в нашей стране никогда не прекращалось патриотическое движение по сбору денежных средств в фонд обороны Родины. Эта инициатива нашла поддержку и среди населения Копыльского района. С июля по октябрь 1943 года трудящиеся копыльщины собрали

120 тыс. рублей, 310 рублей золотом, 530 рублей серебром, облигаций на 455 тысяч рублей и вещей из золота 1,8 килограмма...

Проводилась большая работа по разложению вражеских гарнизонов. В частности, партизаны и подпольщики забрасывали в полицейские участки листовки, в которых призывали обманутых гитлеровцами людей повернуть оружие против общего врага – фашистских оккупантов. Это давало свои результаты. Так, 56 чел. из гарнизона в д. Филипповичи Краснослободского района, перебив командование, с оружием, влились в партизанские отряды. В 27-ю бригаду им. Чапаева перешли полицейские из д. Николаевщина Столбцовского района. В отряде им. Пономаренко создали роту, в которую вошли 122 польских патриота. Командовал ею поляк Адам Некраш. Он имел на своем счету 5 спущенных под откос вражеских эшелона, 10 уничтоженных автомашин. В июне 1944 г. при разгроме вражеского гарнизона в д. Трухановичи Гресского района он получил смертельное ранение и вскоре скончался.

В бригаде им. Ворошилова под псевдонимом Иван Орлов воевал Ян Рачковский. В мае 1942 г. он пришел из Несвижа с винтовкой в отряд им. Щорса... Рачковский вначале был разведчиком, потом командиром разведзвода. Отличался смелостью и находчивостью, доставал ценные сведения. После освобождения Беларуси вступил в ряды Войска Польского.¹²

К лету 1943 г. большая часть Копыльского, Гресского, Слуцкого, Узденского, Краснослободского районов находилась под контролем партизан. Слуцкое соединение под командованием Ф.Ф. Капусты очистило от оккупантов территорию общей площадью 1100 км². Здесь была образована партизанская зона. Оккупанты и их пособники полиция вынуждены были размещаться главным образом в крупных населенных пунктах, таких как Слуцк, Копыль, Гресск, Узда, Тимковичи и других.

После разгрома немцев под Сталинградом более эффективными стали бои по разгрому вражеских гарнизонов и опорных пунктов. В течение второго периода Великой Отечественной войны партизаны нанесли свыше 600 ощутимых ударов по опорным пунктам врага. В конце 1943 г. под контролем партизан находилось 108 тыс. км². территории Беларуси, в том числе 37,8 тыс. км² были полностью очищены от противника. Действовало 20 крупных партизанских зон, которые являлись настоящими форпостами советской власти.¹³

Большой размах партизанского движения, пришедший опыт в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками создали условия для нанесения еще более сильных ударов по транспортным коммуникациям врага с целью полной дезорганизации перевозок. В большой мере это касалось железных дорог. Эти операции вошли в историю партизанского движения Беларуси под названием “Рельсовая война”.

“... Рельсовая война в Белоруссии проводилась по инициативе Центрального Комитета КП(б)Б, одобренной ЦК ВКП(б). ЦК КП(б)Б 24 июня 1943 года принял постановление “О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом “рельсовой войны”... Операция готовилась с сохранением строгой военной тайны под непосредственным руководством подпольных парторганов и командования...”¹⁴ – писал после войны В.И. Козлов.

Первый этап этой операции состоялся в ночь на 3 августа 1943 г. Он продолжался почти до середины сентября. Второй этап – сентябрь-октябрь 1943 г. Он известен под кодовым названием “Концерт”. Эти две операции были очень эффективны. Третий этап “рельсовой войны” проходил непосредственно перед началом операции “Багратион” по освобождению Беларуси от гитлеровцев в 1944 г. Эта третья операция в значительной степени способствовала развитию наступления Красной Армии и освобождению республики.

Горячий отклик у населения страны вызвало обращение воинов-белорусов “К партизанам и партизанкам, ко всему белорусскому народу”. Вот как об этом вспоминала бывший секретарь Слуцкого подпольного райкома партии А. Степанова: “... Как-то мы получили очередную почту из Минского обкома партии. В ней было 10 экземпляров “Правды” за 8 августа 1943 г. с текстом обращения воинов-белорусов “К партизанам и партизанкам, ко всему белорусскому народу”. Мы с вдохновением читали пламенные слова: “... К тебе, народ наш, народ-богатырь, обращаются сыны твои – белорусские воины. Шлем мы сыновий поклон родной земле. Посылаем боевой привет матерям и отцам, братьям и сестрам, женам и детям нашим. Посылаем мы наш братский привет героическим партизанам и партизанкам...” С этим обращением мне пришлось быть в д. Старица Копыльского района и читать его. Многие люди плакали, по подписям узнавали своих родных и близких. Обращение оглашалось на митингах; тут же подписывали ответное письмо. Люди клялись громить фашистов, не давать им ни грамма хлеба, ни одной картофелины, ни глотка молока, ни грамма мяса, всемерно помогать партизанам. Крестьяне организовывали обозы с зерном и картофелем и доставляли его партизанам. В лесах создавались продовольственные базы.”¹⁵

Говоря об обращении воинов-белорусов, следует отметить, что этот документ вместе с другими воинами подписал и уроженец м. Песочное Умрейко Степан Андреевич, который в 1943 г. воевал на Западном фронте.

Это обращение воодушевило белорусский народ на новые победы над заклятым врагом.

Мощное партизанское движение в Беларуси подрывало и расстраи-

вало тыл немецко-фашистских войск, держало их в постоянном страхе и напряжении. Враг предпринимал большие усилия, чтобы ликвидировать партизан. Только в 1943 г. немцы провели на территории Беларуси десятки карательных операций. Во время этих преступных акций захватчики сжигали деревни, убивали женщин, стариков и детей. Партизаны как могли спасали жителей от уничтожения и угона в Германию на каторжные работы. Зимой 1943 г. в Копыльском районе каратели сожгли деревни Прогресс, Мосевичи, Колодезное, Рулево, Жаволки в которых убили и сожгли 893 человека. Частично сожжению подверглись Душево, Комсомольская и Потейки. В них погибло 143 человека. Каратели воспользовались тем, что населенные пункты и их жителей некому было защищать, так как партизаны находились на Полесье и были скованы постоянными боями. Этим и воспользовались двуногие звери в человеческом обличье. О ужасах того времени в 1942 г. написал свое стихотворение “Узнімайце на катаў нажы” белорусский поэт Михась Василек:

*Навалаю грозныя хмары
Ахуталі зрокамі палі –
І ноччу і днямі пажары,
Пажары на роднай зямлі...
Палаюць пасёлкі і вёскі,
Штодзень, то магілы гусцей,
І стрэлаў разносіцца лёскамі,
І крык прадсмяротны дзяцей.
Не веру, каб хтосьці склаў рукі
І моўчкі на гора глядзеў,
Такіх праклянуць нашы ўнукі...
Не будзе ім месца нідзе.
Браты, дарагія, за зброю!
Ўзнімайце на катаў нажы!
Мы іхняй крывёй іх напоім,
Навучым як трэба чужых!¹⁶*

Примечания.

1. Партизаны, партизаны... Зборнік паэзіі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 221
2. Из личного архива Синяковича В.И.
3. Там же.
4. Там же.

5. Партизаны, партизаны... Зборнік паэзіі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 91.
6. Воспоминания Емельянова Н.Д.
7. Личный архив Синяковича В.И.
8. Русак А.Г. “Засцілайце сталы”. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. С. 133.
9. Личный архив Синяковича В.И.
10. Русак А.Г. Засцілайце сталы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. С. 164.
11. Партизанское подполье в Белоруссии 1941-1944. Минск: Беларусь, 1984. С. 219-221.
12. Там же, с. 222, 223.
13. Там же, с. 240, 241.
14. Там же, с. 112, 113.
15. В боях за Белоруссию. Степанова А.И. Народные мстители. Минск: Беларусь, 1970. С. 134.
16. Партизаны, партизаны. Міхась Васілек. “Узнімайце на катаў нажы”.

Глава 8. Дзержинщина в огне.

Чтобы читателю в дальнейшем было легче ориентироваться в тексте книги, который относится к Дзержинскому району и его населенным пунктам, кратко обратимся к географии этой территориально-административной единицы Минской области.

Дзержинск, город областного подчинения в Минской области, центр Дзержинского района. По его территории проходит железнодорожная линия (ст. Койданово) и автомобильная дорога Минск – Барановичи. Расположен за 38 км от Минска. В 2004 г. город насчитывал около 25 тыс. жителей. В нем работают промышленные предприятия: опытно-механический, экспериментально-механический, мотороремонтный, по переработке льна, молочный, хлебозаводы и др. Также действуют швейная фабрика «Элиз», текстильная фабрика.

Сегодня городу Дзержинску более 850 лет. Жилищный фонд города смешанный. Наряду с частными владениями, большой процент жилья составляют современные многоквартирные дома. Летом город утопает в тенистой зелени кленов, лип, берез и фруктовых деревьев. После городской реконструкции Дзержинск приобрел красивый, современный, благоустроенный вид.

Дзержинский район находится в центральной части Минской об-

ласти. Образован 17. 4. 1924 г. Его площадь 1,2 тыс. км.² Численность населения, достигает, примерно, 50 тыс. человек. Район располагается в границах Минской возвышенности и Столбцовской равнины. Основные ветви сельского хозяйства – производство мяса, молока и льна.

По территории района проходят железная и автомобильная дороги Минск – Брест, автодороги на Ивенец, Заславль, Станьково – Добриневе, Негорелое – Узда, Негорелое – Самохваловичи, Дзержинск – Рубежовичи.

В г. Дзержинске и сельской местности проживают трудолюбивые, гостеприимные, добрые люди. Они горячо любят свою малую родину. Впрочем, эта черта характерна для всех граждан Республики Беларусь. Об этом и сказал в своем стихотворении, посвященном 850-летию Дзержинска, его уроженец и житель Игорь Баранов:

*Дзяржыншчына, мая Радзіма,
Ты нас, як маці, нарадзіла.
Сярод лясоў нас гадала,
Вады і хлеба нам дала.*

*У Крутагор'е век былога,
Ў часіну пращучура сівога,
Цераз мурогі і палі
Свае пусціла карані.*

*З табою рознае бывала,
Нага варожая таптала,
І, сцяўшы зубы, ты і зноў.
Хавала дочак і сыноў.*

*Кайдана полчышчы стрымала,
На пана ў полі працавала,
Ў гадзіну жудасцей Айчыннай
Ў зямлянках ззяла ты лучынай.*

*Спрадвеку радасці, няўзгоды,
З табой дзялілі мы заўсёды
І куды б лёс нас не закінуў,
Цябе я ў думках не пакіну.*

*Табе, радзіма дарагая,
На вернасць сэрцам прысягаем,*

*Нясем любоў к нагам тваім –
Прымай, як ад дзяцей сваіх.*

18 августа 1943 года штаб Слуцкого партизанского соединения был расформирован, как выполнивший свою задачу. Все партизанские бригады перешли в подчинение Минского подпольного обкома КП(б)Б и его секретаря В.И. Козлова. В этом же месяце Ф.Ф. Капусту назначили командиром партизанского соединения Белостокской области. С Капустой ушли более 1 тыс. копильских партизан. 1 сентября они начали большой рейд из Минской области к Западному Бугу и в Августовские леса. Главной задачей, которую перед ними поставил ЦШПД, было разжигание партизанской войны в районах Западной Беларуси.

Из воспоминаний Н.Ю. Баранова: «... В 1943 году в составе соединения Слуцкой зоны уже действовало 9 партизанских отрядов. И вот весной нашего прославленного командира Капусту вызвали в Москву. Ждали мы его, как ждут отца дети. И он вернулся, только уже не в звании майора, а полковника. Мы долго рассматривали его новые погоны, не зная о том, что «батька Боженко» уже не наш командир. Собрал нас уполномоченный ЦК КП(б) Белоруссии Михаил Васильевич Зимянин, прилетевший из Москвы вместе с Капустой, и объявил приказ Центрального партизанского штаба о том, что полковник Ф.Ф. Капуста назначен командиром соединения в Белостокскую область. Ахнули мы тогда от неожиданности да сердито посмотрели на уполномоченного. Но приказ – закон. И командир ушел, оставил дорогу для него Копыльщину. Вскоре ему было присвоено воинское звание «генерал-майор».

Второй приказ зачитал И.Д. Варвашеня, по которому Слуцкое соединение расформировывалось, а созданные 4-е партизанские бригады закреплялись за районами и начали подчиняться командующему партизанами Минской области В.И. Козлову. Партизанская бригада имени Калинин, командиром которой назначили В.П. Кочкова, комиссаром А.З. Дробеню, закреплялась за Краснослободским районом; партизанская бригада им. В.И. Чапаева под командованием Н.А. Шестопалова и комиссара Н.Д. Емельянова оставалась на копыльщине. На узденщину ушла партизанская бригада им. К.Е. Ворошилова под командованием В.Г. Еременко, комиссара Н.С. Степанова. Бригада им. А. В. Суворова занимала Слуцкий район.

Поставил и я копыльщину, родное Песочное. Жаль было расставаться с родными местами, с «котовцами», «ворошиловцами», в которых я вырос от командира взвода до начальника штаба Ворошиловской бригады. Я тоже был назначен командиром партизанской бригады им. К.К.

Рокоссовского, а П.Г. Мартысюк – ее комиссаром, но уже по приказу В.И. Козлова. За нашей бригадой закреплялся Дзержинский район. Вокруг нашей «усадьбы» стояло тогда 18 вражеских гарнизонов...»¹

О том далеком времени рассказывает В.И. Сняжкович: «... Летом 1943 года из наших отрядов и частично из местных, в Дзержинском районе была создана партизанская бригада им. К.К. Рокоссовского. В общем, каждая из 3-х бригад (им. Суворова, им. Чапаева и 300-я им. Ворошилова), которые были созданы из «копыльской» им. Ворошилова, создавала еще 2 – 3 бригады. Фактически все главное партизанское движение в Копыльском, Слуцком, Узденском, Несвижском, Дзержинском, частично в Греском, Краснослободском районах пошло из бригады им. Ворошилова».

В первые дни войны в результате бомбардировок вражеской авиации г. Дзержинск получил сильные разрушения. С 23 июня райвоенкомат начал проводить мобилизацию военнообязанных в Красную Армию. Она продлилась всего до 28 июня. Часть Минского укрепленного района (всего 40 км.) проходила по территории Дзержинского района. Здесь и развернулись ожесточенные бои. Оборону Минска возложили на войска 44-го стрелкового корпуса. На запад от столицы Белоруссии оборонительный рубеж проходил по линии Стайки – Заславль – Красное – Дзержинск – Кукшевичи. Здесь оборонялись 64-я стрелковая дивизия полковника С.И. Иовлева, 108-я стрелковая дивизия генерал-майора А.И. Мавричева, 100-я стрелковая дивизия генерал-майора И.Н. Руссиянова и 161-я стрелковая дивизия полковника А.И. Михайлова. С востока стык между Слуцким и Минским УРами прикрывали части 20-го механизированного корпуса генерал-майора А.Г. Никитина. Усилиями тысяч жителей Минска и близлежащих сельских районов и воинов Красной Армии были возведены оборонительные сооружения вокруг столицы Белоруссии. С 25 июня начались бои в Минском Уре. Особенно ожесточенные бои развернулись 26 и 27 июня. Наступление войск немецких 3-й танковой группы генерала Г. Гота и 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана воинские части Красной Армии остановили на 3 суток. Используя частично демонтированные укрепления, проходившие ранее по старой советско-польской границе и природные пересечения местности Дзержинского района, мужественно сражались бойцы и командиры 24-й стрелковой дивизии генерал-майора К.Н. Галицкого. Их окружили, но после продолжительного и ожесточенного боя, они прорвались и отступили в леса на север от Узды. Особенно напряженные бои проходили в районах Дзержинска, Старого Села, Заславля, Ашнарво, Рогово, Ломшина, Жуков. Многие населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

В ходе боев немцы понесли тяжелые потери. Более 100 танков были

сожжены и более 200 подбиты, уничтожено много другой боевой техники, убиты и ранены сотни солдат и офицеров.

Под угрозой окружения воинские части Красной Армии были вынуждены отойти от Минска, а 64-я и 108-я дивизии продолжали воевать в полном окружении. Только по приказу командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, в ночь на 2 июля они прорвали вражеское кольцо и отошли в юго-восточном направлении.

28 июня, после ожесточенных боев немецкие механизированные колонны запыхали по улицам Дзержинска. К. Борисов вспоминал: "... Фашисты шли цепью и стреляли в людей не разбирая. Они убили много ни в чем не повинных жителей. Под автоматную очередь попал комсомолец Григорий Хомёнок. Пуля прошла ему грудь навылет, другая повредила правое бедро. Через некоторое время он пришел в сознание. Женщины его спрятали, а потом доставили домой в д. Дягильно. Требовалась срочная операция, но в больнице уже хозяйствовали фашисты. Сделал операцию и спас Григория врач Юрий Анатольевич Алтунин. После выздоровления парень пошел в партизанский отряд им. Г.И. Котовского. Он участвовал во многих боевых операциях, имел награды".²

С началом немецкой оккупации в Дзержинском районе начали образовываться подпольные патриотические группы. С августа 1941 г. и до октября 1942 г. в деревнях Кукшевичи и Станьково действовала патриотическая группа. Она являлась составной частью Дзержинского подполья. В его входили В.Н. Вашкевич (руководитель группы), К.М. Бабок, Г.П. Бохан, А.П. Вашкевич, Я.П. Гриценевич, Я.М. Казей, М.П. Пекарский и другие. Подпольщики собирали для партизан оружие и прятали его в Звариковском лесу, а также в Станькове в доме Г.А. Казей, которая привлекла к борьбе односельчан и своих детей Марата и Аду. В октябре 1941 г. Г.А. Казей была схвачена фашистами и после мучительных допросов повешена. Подпольщики распространяли сводки Совинформбюро, листовки, оказывали помощь раненым красноармейцам, уничтожали телефлнно-телеграфную связь между Дзержинском и Станьково, Добриново – Ляховичи; сожгли мост через р. Усу, возле д. Ляховичи. Осенью 1942 г. патриоты ушли в партизаны.

С лета 1941 г. по октябрь 1942 г. патриотическая группа действовала и в д. Большие Новоселки. В ее входили М.А. Лимонтов, С.А. Бурко, Л.И. Ермолович, Н.И. Жданович, М.П. Жданович, З.И. Кросовская, Н.М. Черенок и другие. Эта группа поддерживала связь с Минским подпольем, партизанским отрядом им. Сталина. Они распространяли листовки, вели разведку, собирали оружие, продукты, медикаменты и переправляли все это партизанам. Летом 1942г. подпольщики уничтожили мост на шоссе

Новоселки – Гарутишки. В борьбе против немецко-фашистских захватчиков погибли И.М. Горкун, З.И. Красовская, А.И. Попов, А.С. Шевцова, Н.М. Черенок.³

В августе 1941 г. в д. Даниловичи в помещении школы находился подпольный госпиталь. В нем подпольщики М.А. Глунина, В.К. Козел, А.М. Морозова, В.В. Шибко и др. лечили 72-х раненых красноармейцев. После выздоровления многие из них ушли в партизаны сражаться с немецко-фашистскими захватчиками.

Подпольные патриотические группы действовали еще в д. Мезеновка, Боровое, Касиловичи, Шатилы, Невеличи и в других населенных пунктах района.

Первая подпольная группа в Дзержинске была образована в артели “Красный штамповщик” в августе 1941 г. Ее организовали коммунисты И.А. Жуковец, Г.В. Будай, комсомолец П.Н. Хмелевский. Они начали организовывать вокруг себя патриотически настроенных людей. Вскоре в подпольную группу вошли братья А.К. П.К. Дробленовы, В.М. Чупецкий, П.А. Ковалев, Георгий Будай, Н.Ф. Катешова, И.С. Рымкевич, Ю.А. Алтунин, Н.А. Коробкин, военнослужащие Я.Н. Коротков, Н.И. Сорбайцев и другие, а также участник гражданской войны и Октябрьской революции М.М. Носко.

Через некоторое время для общего руководства объединенной подпольной организацией района создали Дзержинский антифашистский комитет “Смерть фашизму”. Его руководителем стал Г.В. Будай, членами комитета – И.А. Жуковец, П.Н. Хмелевский, С.Ф. Юхович. С организацией комитета деятельность отдельных подпольных групп, разбросанных по всему Дзержинскому району приобрела организованность и целенаправленность. Осенью 1942 г. подполье Дзержинского района насчитывало до 120 человек. Дзержинские подпольщики поддерживали тесную связь с Минским патриотическим подпольем. Связь осуществлялась через В.С. Омелянюка (Минск) и Г.В. Будая (Дзержинск), которые хорошо знали друг друга по совместной учебе в Минском коммунистическом институте журналистики.

Дзержинское подполье имело тесные связи с партизанскими отрядами им. Буденного, им. Фрунзе, им. Чкалова, “Боевой”, спецгруппами, заброшенными в немецкий тыл с “Большой земли”. Подпольщики проводили разведывательную, массово-политическую работу среди населения, собирали оружие и боеприпасы. Много славных дел совершили подпольщики Дзержинщины. В этой борьбе погибли многие герои-подпольщики. 17 апреля 1942 г. на центральной площади Дзержинска фашисты повесили подпольщиков А.И. Карницкого, Н.А. Лишневецца, В.И. Щуплика, С.Ф.

Юховича, В. Стельмаха, С. Живицкого, А. Козела, П. Сороку. Позже, в октябре 1942 г. были арестованы П.Н. Хмелевский, М.Н. Хмелевский и Н.Ф. Катешова. Двое последних погибли, а П.Н. Хмелевскому, с помощью минских подпольщиков, удалось бежать.

В октябре-ноябре 1942 г. большинство подпольщиков Дзержинского района влились в партизанские отряды и продолжили бить фашистов.

Деятельность подпольщиков Дзержинского района была высоко оценена советским правительством. Более 60 человек наградили орденами и медалями, некоторых – посмертно.⁴

Первый партизанский отряд на территории Дзержинского района был образован в начале марта 1942 г. В это время на квартире советского патриота П.М. Хмелевского произошло заседание Дзержинского подпольного комитета, где приняли решение об образовании партизанского отряда из подпольных групп деревень Боровое и Косиловичи. Отряд получил имя И.В. Сталина. Командиром отряда назначили С.А. Рыжак. Комиссаром стал И.А. Жуковец, начальником штаба – Н.И. Ярославцев. Отряд расположился в лесу, недалеко от д. Бакиново. Уже 19 июня 1942 г. партизаны отряда им. И.В. Сталина на участке железной дороги Негорелое – Колосово, разъезд Комолово, провели бой и уничтожили блокпост с охраной. Также был сожжен танк, взорвано противотанковое орудие, 2 радиостанции, 3 станковых пулемета, убито 24 и ранено до 30 гитлеровцев. В этом бою смертью героев погибли командир отряда С.А. Рыжак и начальник штаба Н.И. Ярославцев.

Весной 1942 г. в районе острова Долгий, Дзержинского района группа военнослужащих-окруженцев во главе с В. Романовым, объединившись с местными жителями и прибывшими из Минска, образовали партизанский отряд, который возглавил капитан Н.М. Никитин. Комиссаром отряда назначили П.И. Знака, а начальником штаба – Васильева. Отряд начал вести активные боевые действия против гитлеровцев. “Никитинцы” так “допекли” фашистов, что те вынуждены были уже 14 июня 1942 г. направить карательную экспедицию. Отбив все атаки, партизаны незаметно оставили о. Долгий и вышли из-под удара карателей. В мае к “никитинцам” присоединился партизанский отряд Бочкарева, организованный в Червенском районе в июле 1941 г. В конце июля 1942 г. отряды были развернуты в бригаду. При ее формировании созданы 1, 2, 3 и 4-й отряды. В начале августа 1942 г. в бригаду влились отряды И.К. Кузьмина и А.И. Каменева. Они получили 5-й и 6-й номера. Партизаны бригады действовали на железной дороге Койданово – Минск, на шоссе Минск – Валерьяны – Узда Дзержинского и Узденского районов, а также в Руденском, Червенском, Бегомльском районах Минской, Ивенецком, Воложин-

ском Барановичской и Ушачском районе Витебской областей. За время боевых действий партизаны бригады взорвали 3 эшелона, 32 автомашины, 12 мостов; разгромили 8 немецко-полицейских участков и волостных управ. В сентябре 1942 г. в ее составе насчитывалось 410 партизан. В ноябре 1942 г., пройдя через Налибокскую пушу, бригада рейдировала в Витебскую область, где через “Витебские ворота” перешла через линию фронта. Там она была расформирована.

В августе 1942 г. возле д. Путчино был создан партизанский отряд им. М.В. Фрунзе. В сентябре 1942 г. на базе партизанских отрядов им. Фрунзе и им. Дзержинского создана бригада им. Фрунзе под командованием Ф.И. Серебрякова.

В разное время на территории Дзержинского района действовали и другие партизанские бригады, отряды и специальные группы. В них всего входил 51 отряд общей численностью свыше 10 тыс. человек.⁵

Еще до формирования в Дзержинском районе 200-й партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского народными мстителями района были проведены крупные бои с немецкими захватчиками. К ним можно отнести Александровский бой в лесном массиве на Долгом острове, о котором говорилось выше, Бакиновский бой, который произошел в 3 км от д. Бакиново. Бой вел в течение 6 часов 125-й отряд им. Сталина (командир С.А. Рыжак) против 450 карателей. Партизаны отбили все атаки и вышли из окружения, Комоловский бой, во время которого партизаны отряда имени И.В. Сталина под командованием С.А. Рыжака атаковали сильно укрепленный немцами блокпост, который прикрывал шоссе и железную дорогу между Негорелым и Колосовом. Бой сложился тяжело. Подошедшим подкреплением немцев партизаны были почти окружены. Погибли несколько партизан, в том числе и их командир С.А. Рыжак.

Немало славных дел совершили партизаны отрядов им. 25-летия Октября и “Боевого”. Гитлеровцы и их пособники полиция все время стремились уничтожить партизан. Для этого они проводили операции не только частного характера, охватывающие какую-то одну местность, но и, сосредоточив значительные силы, окружали обширный район, проводя большие карательные экспедиции. В декабре 1942 г., когда в Копыльском районе была в разгаре большая карательная экспедиция, немцы начали такую же операцию и против партизан Дзержинского района. Вот как об этом впоследствии вспоминал, на тот момент комиссар отряда имени 25-летия Октября, П.Г. Мартысюк, ставший через некоторое время комиссаром 200-й партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского: “ Накануне нового, 1943 года, от подпольщиков, в том числе служивших в полиции, от чеха Франца Рубенто, который находился в гарнизоне Ме-

лешево, в отряд стали поступать сведения о том, что оккупанты готовят большую карательную операцию. Вначале дошли только слухи: то один, то другой гитлеровец грозился, что вот-вот партизанам будет “капут”. Потом данные стали более определенными: готовится окружение, прочесывание лесных массивов в зоне железной и шоссейной дорог Минск – Барановичи. 8 января сразу от нескольких подпольных групп доставили донесения о прибытии в зону наших действий крупных гитлеровских сил: два эшелона разгрузились в Дзержинске, появились каратели в Узде и ряде других пунктов. В тот же день собрался совет командиров отрядов имени 25-летия Октября и “Боевого” для разработки совместного плана действий... Было принято решение встретить карателей боем и, пока возможно, удерживать свои позиции, оборонять базу... Много лет миновало с тех пор, а все не дает покоя мысль: решение-то оказалось ошибочным. Сильные маневренностью, непобедимые в коротких, буквально молниеносных стычках, страшные для врага своей вездесущностью, партизаны в открытых, позиционных боях сразу теряли эти преимущества. В таких боях мы ничего, кроме собственного мужества, не могли противопоставить отлично вооруженным карателям, их минометам, артиллерии, танкам. Впрочем, к убеждению в ошибочности принятого тогда решения об обороне я пришел, как говорится, задним числом, уже с высоты последующих событий, разговора на партийном собрании и позже накопленного опыта... Воздух, казалось, разрывался от огневого шквала артиллерийской подготовки. В двух отрядах всего-то насчитывалось несколько сот человек, а оборону держали только передовые партизанские заставы – по две роты от каждого отряда. Если оценивать соотношение сил с точки зрения их военного потенциала, то ни о каком серьезном сопротивлении партизан и говорить не стоило. Горстка слаба вооруженных людей против огромной волчьей стаи, поддерживаемой артиллерией.

Но каждый из нас стремился не просто уцелеть в этом сражении, а жить дольше, чтобы дольше продолжать бить врага. И чем труднее приходилось в бою, тем яростнее дрались партизаны, ведь позади находились их семьи – жены, дети, родители, братья и сестры. Кто же их защитит от смерти, от издевательства гитлеровцев, если не мы. Каратели обрушили на нашу, увы, слишком растянутую и жидковатую оборону тонны металла... Они приближались. Сотни подвыпивших, расхрабренных вояк. Напряженно загибли наши бойцы, выискивая цели и ожидая сигнала... Первой вступила в бой рота С.Н. Сундукова. Часто забили два пулемета, захлопали винтовочные выстрелы... Тут же начался бой на позициях всех засад – и нашего отряда, и отряда “Боевой”. Фашисты медленно, прикрываясь еще более усилившимся пулеметно-артиллерийским огнем,

отползали от леса... Вскоре бой разразился с новой силой, тем более что на этот раз каратели наступали одновременно с нескольких направлений. Со стороны Узды и Дзержинска оборону держал наш отряд, со стороны слущкого шоссе – “Боевой”.

Апарович, я и Егоров торопились, когда схватки были особенно напряженными, в роты, а в минуты затишья сходились вместе, чтобы обменяться полученными о враге сведениями и обсудить положение. Оно становилось угрожающим. К концу дня гитлеровцы почти полностью окружили станьковский лес. Стало ясно, что они намерены сжимать свое кольцо. Мы так и не уступили своих позиций, нанесли гитлеровцам немалые потери, но и сами измотались, а главное – на исходе патроны. У многих партизан их оставалось лишь по несколько штук. Почти полностью израсходовали гранаты – наше самое мощное оружие ближнего боя.

Впрочем, с наступлением сумерек гитлеровцы прекратили атаки. Вновь сошлись командиры обоих – нашего и “Боевого” – отрядов. Теперь уже никто не настаивал на защите баз: для второго такого боя наших боеприпасов не хватит. Значит, надо воспользоваться темнотой, попытаться вырваться из блокадного кольца. Решили пробиваться в Копыльский район на соединение с действовавшей там бригадой имени К.Е. Ворошилова... Глубокой ночью двумя плотными группами – слева мы, правее “Боевой” – рванулись на прорыв... Заглушая пальбу, загредело “Ура!”, “За Родину!”. Взяв под обстрел наш отряд, каратели на какое-то время ослабили сопротивление на участке прорыва “Боевого”, где к тому же оказался разрыв между их подразделениями. Отряд Я.П. Гриценевича пробился через блокадное кольцо. Мы отошли в лес и, маневрируя, меняя направление движения, стали быстро уходить от преследования. Несколько наших небольших групп оторвались от основного отряда и стали действовать самостоятельно. Все они, в конце концов, вырвались из окружения, хотя и со значительными потерями. Особенно трудно пришлось взводу Ивана Веселовского: затаившись между двумя подразделениями врага, партизаны много часов пролежали на снегу, пока фашисты не сменили позиции. В итоге часть бойцов, в том числе Ариадна Казей, Михаил Гречаник и другие, отморожили ноги... На рассвете 12 января мы вышли к деревне Слобода Узденского района. Каратели потеряли нас из виду, зато наши разведчики все время держали их в поле зрения... Нам удалось благополучно разминуться с карателями и выйти из заблокированной зоны. На следующий день мы догнали отряд “Боевой”, а затем у деревни Роспы встретились с 300-й бригадой имени К.Е. Ворошилова.

Так закончилась самая, пожалуй, тяжелая для нашего отряда за всю войну блокада. Конечно, за полтора последующих года борьбы отряд уча-

ствовал еще во многих боях с карателями. Но был уже опыт январской блокады. И действовали мы не в одиночку, а в составе бригады и даже, при необходимости, нескольких бригад. А бои 9 – 12 января 1943 года стали невероятно сложным экзаменом для каждого его бойца и командира. Этот экзамен все выдержали с честью, хотя и потеряли многих своих товарищей. В тех боях погибли пришедший с группой Апаровича из-за линии фронта Иосиф Городничук, Евгений Личко, Николай Островский, Николай Самойлов, Тимофей Гончаров, Николай Миркин, два брата Пашковские – Владимир и Иван, Анна Брытикова и другие. Более двадцати партизан получили ранения, столько же обморозились, в том числе несколько человек – сильно... Положение отряда после соединения с бригадой имени К.Е. Ворошилова коренным образом изменилось. Мы уже не избегали встреч с неприятелем, а зачастую сами искали его...

Опыт блокадных боев и продолжавшиеся схватки показали: один отряд в этих условиях не мог действовать достаточно эффективно, наладить должное самообеспечение боеприпасами, разведанными, многообразное хозяйственное снабжение. Поэтому мы – Апарович, я, Егоров, коммунисты отряда, - обсудив на партийном собрании предложение командира 300-й бригады имени К.Е. Ворошилова Василия Григорьевича Еременко о присоединении к бригаде, поддержали его. Командование Минского партизанского соединения одобрило это предложение и отдало соответствующий приказ: отряд имени 25-летия Октября временно стал подразделением 300-й бригады имени К.Е. Ворошилова. Эта вынужденная в условиях блокады мера не меняла основной задачи отряда – активно действовать в Дзержинском районе... Бои с карателями продолжались. Им удалось окружить партизанские бригады имени К.Е. Ворошилова и имени В.И. Чапаева. Вновь завязались тяжелые бои, чередовавшиеся с дальними переходами. Случалось, приходилось за ночь преодолевать до 40 километров, чтобы оторваться от врага, выиграть время. Так постепенно, то уходя от преследования, то наваливаясь на небольшие подразделения гитлеровцев, мы двигались в сторону Полесья – в Клецкий, затем в Краснослободский районы...»⁶

Весной, когда партизаны прорвали немецкую блокаду на Полесье, бригады возвратились в центральные районы Минской области, чтобы продолжать священную войну с врагом-поработителем. Отдохнув несколько дней в глухом лесу, вернулся в Дзержинский район и отряд имени 25-летия Октября.

К вышеизложенному необходимо добавить, что во время нахождения партизанского отряда имени 25-летия Октября в 300-й бригаде им. К.Е. Ворошилова, комиссар этого отряда П.Г. Мартысюк хорошо позна-

комился с начальником штаба бригады Н.Ю. Барановым. Тогда, во время блокадных боев, длительного похода по болотам Полесья, они еще не знали, что вскоре судьба их сведет вместе, чтобы командовать таким крупным партизанским соединением, каким к 1944 г. станет в Дзержинском районе 200-я бригада им. К.К.Рокоссовского. Эта их совместная деятельность перерастет в крепкую боевую дружбу, которую они пронесут через всю свою жизнь.

Впоследствии, после войны, Н.Ю. Баранов написал о комиссаре 200-й партизанской бригады следующее: "... Мне хочется сказать очень коротко о самом близком моем друге, комиссаре бригады имени Рокоссовского, первом секретаре подпольного райкома Дзержинского района, Петре Григорьевиче Мартысюке. Петр Григорьевич был душой бригады. Он всегда находил время побывать в отрядах и поговорить с партизанами о предстоящих делах. Он создавал им настроение, уверенность в победе нашего правого дела. Много выступал Петр Григорьевич как настоящий большевистский комиссар и среди гражданского населения и среди партизан, пламенно рассказывая о наших партизанских делах, о положении на фронтах, ни на минуту не забывая об ответственности перед народом, нашей партией. Помогал он часто и мне, как командиру бригады, своими хорошими советами. В самые тяжелые дни, когда обстановка складывалась, как тогда казалось, невыносимой, мы по-особому были вместе, друг другу помогали и обоюдно принимали решения, неся одинаковую ответственность за бригаду, за гражданское население. Мы понимали, что наша партия нам, партизанам, поручила представлять советскую власть на оккупированной земле Дзержинского района. И мы ее неплохо представляли".⁷

П.Г. Мартысюк вспоминал: "Грустным было наше возвращение: сердце разрывалось при виде следов расправы карателей над жителями. В деревне Литавец фашисты всех согнали в большой сарай, заперли двери и одновременно со всех сторон подожгли. Кому удавалось выбраться из огня, на тех фашисты натравливали овчарок, а потом пристреливали. Малышей, беременных женщин, старух... Никого не осталось в деревне. Вместе с жителями – от мала до велика – сожгли и Самодуровщину.

В Шикотовичах расстреляли партизанские семьи. Погибли родные Бронислава Татаричко, Владимира Тобиаша, Евгения Сороки, многих других наших товарищей. Страшно было смотреть на людей, готовых сейчас же броситься на любой гарнизон, чтобы мстить. То один, то другой подходил ко мне с просьбой отпустить в разведку. Я понимал, что дело не в разведке. Те, о судьбе чьих родных мы еще ничего не знали, хотели побывать в своих деревнях, выяснить, что и как. А те, кто лишился близких, не могли дожидаться боя.

Одна из первых, посланных мною, разведывательных групп, встретила Тамару Бондаренко – жену нашего партизана. Она с грудной дочуркой оставалась в деревне, и ее захватили каратели. У какого-то сарая поставили к стене – расстреливать. Убивали не сразу. Сначала измывались. Очередью из автомата прошли крохотное тельце дочери – прямо в материнских руках. Тамара не выдержала. Потеряв сознание, упала на землю. А в это время стреляли уже в нее. Опоздали на какое-то мгновение, и пули прошли над Тамарой. Так она уцелела. Сразу постаревшая, с густой проседью еще недавно темных шелковистых волос, с мутным, каким-то отсутствующим взглядом, она еще долго приходила в себя в отряде, прежде чем подошла ко мне с просьбой, звучавшей как требование:

—Я хочу ходить на боевые задания. Я должна их убивать. Не разрешите – уйду сама. Хоть одного-двух, но прикончу...

Вернувшись под вечер в свой старый лагерь, разожгли костры. Настроение подавленное, люди злились, и я опасался, что ночью кто-нибудь без разрешения уйдет сводить с фашистами счеты, пусть ценой собственной жизни. Поэтому, выбрав подходящий момент, я собрал всех у своего костра. Не знаю, как назвать мое выступление – беседой, политинформацией, внушением, но слушали меня внимательно, не сразу, видимо, соглашаясь в душе.

—Клянусь вам, что за все убийцами содеянное мы отплатим. Не забудем и не простим. Но действовать должны не каждый сам по себе, а только в рамках жесткой дисциплины. Многие просят в разведку. Так вот, договоримся: кого, когда, куда посылать – решаю я. Любая отлучка без моего ведома расценивается как предательство. Именно сейчас особенно нужны коллективные действия, четко продуманные операции. Невелика заслуга, сделав несколько выстрелов, погибнуть. Надо действовать так, чтобы убитыми оказались враги. А мы – живыми. Нам еще предстоит прогнать гадов с родной земли, разгромить их и отстроить, восстановить, воскресить все разрушенное, все уничтоженное. Поэтому героически жить важнее, чем героически умереть... Сегодня на диверсию уйдет только группа Алексея Шалая. Задача – эшелон. Две группы пойдут в разведку. Задачи и маршруты уточним сейчас. Остальным – отдыхать, нести охрану дагеря, готовить шалаши, землянки к приходу отряда... В эту ночь, 30 апреля 1943 года, под самым Дзержинском, в двух-трех километрах от станции, группа Алексея Шалая пустила под откос эшелон с гитлеровцами, шедший в сторону фронта. Так возвестили мы о своем возвращении”⁸

После блокады в составе 300-й бригады имени К.Е. Ворошилова так и остался отряд “Боевой”. Получив новое назначение, не вернулся в Дзерж-

жинский район секретарь райкома партии В.Л. Герасимович. Секретарем райкома обком КП(б)Б утвердил П.Г. Мартысюка. Одновременно он оставался комиссаром отряда им. 25-летия Октября, который продолжал свои боевые действия против гитлеровцев в Дзержинском районе. Но это продолжалось только до лета 1943 г. Руководство Минского обкома партии понимало, что для осуществления одновременных ударов по железным и шоссейным дорогам, разгрому немецко-полицейских гарнизонов, защиты мирного населения деревень, противодействия карательным экспедициям, усилий отдельных партизанских отрядов, крайне недостаточно. Пришло время ведения широкомасштабных партизанских действий против врага. Таких действий, когда под ногами фашистов действительно должна гореть земля, когда они не будут знать ни днем, ни ночью покоя, и станут проклинать тот день, когда они пришли на белорусскую землю. А чтобы вести такие действия, необходимо создать в Дзержинском районе мощную, полноценную головную партизанскую бригаду, которая объединит действия отрядов и возьмет на себя ответственность за положение дел в своей зоне.

Вслед за утверждением секретарем райкома, П.Г. Мартысюка пригласили в Минский подпольный обком КП(б)Б. Вызвали туда также и начальника штаба 300-й бригады им. К.Е. Ворошилова Н.Ю. Баранова. Взяв с собой группу разведчиков и хозяйственников, двинулись на нескольких подводах в Любанские леса. Первую часть пути – мимо сильных гарнизонов, через несколько важных для гитлеровцев дорог, прошли удачно, без происшествий. Достигнув Любанского района, копыльские и дзержинские партизаны почувствовали близость крупных партизанских сил. Окрестные территории полностью контролировались народными мстителями: во всех деревнях реяли красные знамена, действовали сельские Советы. Передвижение по партизанской зоне контролировалось коммандатурами, осуществлялась пропускная система. Отдохнув сутки в д. Бояничы быстро преодолели последние 30 км, и оказались в штабе соединения, располагавшегося в лесу между деревнями Загалье и Альбинск, в землянках. Вот как об этой поездке вспоминал после войны Н.Ю. Баранов: “... Хорошо помню, когда меня и П.Г. Мартысюка вызвал к себе В.И. Козлов в Любанские леса. Он был тогда не только командующим, но и первым секретарем подпольного обкома партии Минской области. Он предложил мне должность комбрига, а Мартысюку – комиссара во вновь создаваемой партизанской бригаде имени Рокоссовского. Мы почти вместе спросили: “В каком районе будет действовать бригада?”

—В Дзержинском, – ответил спокойно он и показал на карте небольшое зеленое пятно, обозначавшее Станьковский лес.

—Вот, думается мне, будущая ваша “усадьба”.

Он опять обвел на карте район дислокации, потом положил карандаш и отошел от нас и от карты. Видно хотел дать время обоим на размышление. П.Г. Мартысюку этот район был уже знаком. В должности комиссара партизанского отряда “25 лет Октября” он пережил в этом районе большую блокировку: были потери, неудачи. Сейчас он почему-то ничего не сказал. А я посмотрел на зеленое маленькое пятно на карте и, откровенно говоря, стало страшновато. Мои глаза, помимо моей воли, смотрели на большие лесные полосы Налибокской и Беловежской пуш. На карте это были большие зеленые пятна. От Дзержинского района не так далеко. “Туда бы”, – сказал я Мартысюку. Сказал тихо, только для него, но Василий Иванович услышал.

—Там тоже есть партизаны. А где нет – будут, – спокойно сказал он, не выпуская изо рта папиросу, и опять подошел к карте.

—Тяжелый район для дислокации, Василий Иванович, – как бы в оправдание несмело произнес я, и показал на карте Станьковский лес... Через весь район проходит железнодорожная магистраль Минск – Брест. Сколько охраны на ней, гарнизон на гарнизоне. Окружена “усадьба” эта и хорошими шоссейными дорогами, не устоим там... Люди не поддержат нас, – продолжал доказывать я.

Козлов посмотрел на меня изучающе, потом, как мне показалось, даже чуть-чуть улыбнулся и тихо, но уверенно сказал:

—Белорусы все одинаковые, что на копыльщине, что на дзержинщине... Я их хорошо знаю. И власть Советскую одинаково любят и коммунистической партии преданы.

—Народ хороший, – подтвердил и П.Г. Мартысюк. – Не продадут.

—А вот условия... Я согласен, – опять медленно заговорил Василий Иванович, – несколько особые, повидимому, будут. Представляю, трудновато будет вам, не скрою. Думаю, что вначале и тактику придется поменять вам. Открыто общаться, на первых порах, с народом, не придется. А то немцы всех перевешают. А вот, когда окрепнете силой, войдете в доверие и получите народную поддержку, тогда все можно делать. Только это потом, потом.

Василий Иванович говорил тихо, не спеша.

—Незря же немцы запретили называть район своим именем “Дзержинский”. Они боятся этого названия, как и людей Дзержинского района. Одно имя “Дзержинский” на них страх нагоняет. Мы располагаем данными, что теперь Дзержинский район немцы называют Койдановский, как встарины когда-то. Кстати, вы знаете, откуда произошло это название “Койданово”? – спросил он нас.

Я, переступив с ноги на ногу, ответил:

— Не знаю.

Петр Григорьевич вслух ничего не сказал, только отрицательно закачал головой. Поняв наше смущение, Василий Иванович начал нас просвещать.

— Вот, друзья мои, и это надо знать. Дело-то вот в чем... Когда-то действительно Дзержинский район называли Койдановский. Родилось это название тоже в жестокой борьбе белорусского народа, а точнее, наших предков-славян, еще в далекие, далекие времена, когда происходило монгольское нашествие...

И он начал рассказывать, как когда-то в глубокую старину монголы дошли чуть ли не до города Вильнюса.

— И вот, в те времена, и разбили русско-литовские войска монголов, которыми командовал их военачальник Койдан. А деревушку Крутогорье, где проходило это сражение, назвали Койдановым. Так, как это было давно, немцы и посчитали, что мы все забыли. А их, немцев, это название устраивает, как-никак оно от поработителей осталось. Вот почему, друзья мои, вам и это необходимо знать, — закончил он.”⁹

Вновь сформированной партизанской бригаде обком партии помог оружием: привезли оттуда автоматы, патроны, взрывчатку, несколько десятков парашютов — на белье для партизан. Но главное, получили типографское оборудование: простой малогабаритный печатный станок, шрифт, немного краски.

Возвратиться обратно “в тихую” не получилось: нарвались на фашистов, но сумели отстреляться и уйти. Пройти этот маршрут туда и обратно без происшествий почти никогда не удавалось. Немцы и полиция знали этот партизанский путь и нередко устраивали там засады.

Более подробно вопрос о создании бригады, ее командных кадрах, местах дислокации отрядов и системе их сближения был рассмотрен на заседании подпольного райкома партии Дзержинского района. Заседание проводилось в новом, утвержденном обкомом КП(б)Б, составе. В него вошли: П.Г. Мартысюк, секретарь райкома, Н.Ю. Баранов, командир созданной бригады им. К.К. Рокоссовского, В.Т. Говорковский, комиссар отряда им. 25-летия Октября, С.П. Питкевич, комиссар отряда им. Чкалова, А.М. Шалай, член райкома. Райком назначил редактором районной газеты “Ленинская правда” В.И. Яблосhevского. П.Г. Мартысюк был утвержден комиссаром бригады им. К.К. Рокоссовского, И.Ф. Егоров — начальником штаба, М.Я. Новиков — помощником комиссара по комсомолу.

При формировании бригады важнейшим вопросом для райкома и командования являлся подбор, выдвижение и воспитание командных ка-

дров. Здесь нельзя было ошибаться, ибо это могло стоить десятков человеческих жизней. Приходилось присматриваться к человеку, как он проявил себя в боях, получится ли у него командовать людьми, и если нужно будет, сможет ли их повести за собой на смерть, обладает ли он необходимым жизненным опытом и смекалкой.

Так, командиром нового отряда им. В.П. Чкалова стал С.Н. Сундуков, командовавший до этого лучшей ротой отряда им. 25-летия Октября. Комиссаром этого отряда утвердили С.П. Питкевича, который командовал одной из пришедших из-за линии фронта групп, на базе которых родился отряд им. 25-летия Октября. По распоряжению штаба Минского соединения в бригаду им. К.К. Рокоссовского вошел отряд им. Д.А. Фурманова. Командовал им И.З. Гончаров, прозванный “Испанцем” за участие в войне с фашистами в Испании в 1936 – 1939 гг, награжденный за это орденом Боевого Красного Знамени. Позже, когда его назначили на другую должность, командовать отрядом стал Николай Григорьевич Росляков – участник освободительного похода в Западную Белоруссию в 1939 г. Потом он служил на одной из застав Западного пограничного округа, стал комсоргом той заставы. 22 июня 1941 г. он, вместе со своими товарищами, стоял насмерть, защищая белорусскую землю от наседавших фашистов. Во время боя его ранило и контузило, и он, почти в бессознательном состоянии, попал в плен. Вместе с другими пленными Рослякова отправили в Германию. Но и в концлагере, вдали от Родины, этот мужественный патриот не сдался, не отчаялся, а боролся против немецко-фашистских захватчиков. Он возглавил группу военнопленных, подготовил с ними побег из лагеря, который находился в районе Магдебурга. Они понимали, что шансов остаться в живых у них всего один из тысячи, потому что, чтобы добраться до родной земли нужно было пройти часть Германии, всю Польшу и Западную Белоруссию. Но это не остановило Николая Рослякова и его товарищей. Они совершили дерзкий побег и стали уходить на восток. Одними ножами они уничтожили охрану железнодорожного моста через реку Одер, захватили оружие и продолжили свой путь. Продвигаясь по оккупированной территории Польши и Западной Белоруссии совершали нападения и диверсии на небольшие подразделения, автотранспорт врага. В мае 1942 г. группа Рослякова дошла до Копыльского района, встретила партизан и влилась в отряд им. Г.И. Котовского. И здесь воюя, Николай Григорьевич отличался смелостью, смекалкой и отвагой, командуя диверсионной группой, потом взводом, ротой, затем будучи начальником разведки 300-й бригады им. К.Е. Ворошилова. Во время дерзкой и смелой операции по захвату бургомистра Гресского района он получил тяжелое ранение. После излечения в партизанском госпитале Рослякова напра-

вили в Дзержинский район на должность начальника штаба отряда им. В.П. Чкалова. Вскоре его назначили командиром отряда им. Д.А. Фурманова. Вот как, уже после войны, о Рослякове написал в своей книге П.Г. Мартысюк: "... Не считали мы и Гончарова плохим командиром, и при нем партизаны не бездействовали. Все же при Рослякове отряд стал иным. Изменились сами отношения людей, появилась какая-то – в самом лучшем смысле этого слова – удасть, когда любое задание выполнялось с энтузиазмом, выдумкой, неожиданными для врага маневрами. Во всем этом сказывался характер нового командира – веселый, общительный, неугомонный. Росляков, человек физически сильный и отчаянно смелый, на отдыхе и в бою задавал тон, увлекал за собой партизан. Там, где другой приказывал, он говорил:

—Слушай, а смог бы ты вон того гитлеровца с винтовочкой тихо-нечко, без крика снять, а?

И уползал партизан. Исчезал гитлеровский часовой, а потом взлетал, поднятый взрывом, мост.

—Ну-ка держитесь, милые-хорошие, - подбадривал партизан Росляков.

И никто не сомневался: удержат "милые-хорошие" оборону..."¹⁰

К вышеизложенному можно добавить и слова моего отца Я.Л. Умрейко, который, будучи подростком во время войны, лично знал Н.Г. Рослякова: "Коля Росляков не раз бывал в нашей хате вместе с моим старшим братом Константином и другими партизанами. Отдыхая, обедая или ужиная у нас, они говорили о своей партизанской жизни, о боях и операциях, которые они проводили против фашистов и полицаяв. Многие из этих бесед я слышал и запомнил. Я помню, что уже тогда о Рослякове ходили легенды, как о бесстрашном командире и разведчике..."

Таким же человеком из легенды был в то время и Алексей Михайлович Шалай. Вот как о нем говорил командир бригады им. К.К. Рокоссовского Н.Ю. Баранов: "... Нельзя не вспомнить и группу подрывников под командованием Шалай Алексея Михайловича. Лично им было пушуну под откос 15 вражеских эшелонов. А.М. Шалай был еще и членом Дзержинского подпольного райкома партии и замечательно выполнял функции агитатора-пропагандиста. Ему всегда поручались самые сложные задания командованием бригады и подпольным райкомом..."¹¹

Эти слова комбрига дополняют и искренние воспоминания комиссара бригады: "... Самый старший по возрасту из членов райкома, он никогда не бравировал ни своим уже тогда солидным партийным стажем, ни огромным опытом подпольной работы и партизанской борьбы. До войны – дежурный по станции Дзержинск, Алексей Михайлович хорошо

знал железнодорожников, да и горожан, что помогало ему и в подполье, и потом в диверсионной работе. Это он, Шалай, с первых дней оккупации, возглавил подпольную группу в Кукшевичах. Это он установил связь с управляющим банком Бондаренко и помог ему доставить в отряд большие ценности. Это он, Шалай, вместе со старым, с 1918 года, членом партии Иваном Рудаковым в корзине с яйцами пронес тол на станцию Фаниполь. Там, отдав яйца гитлеровскому охраннику, Алексей пробрался к водокачке и взорвал ее... О многих подвигах Алексея Михайловича знали не только в его, но и в других бригадах, хотя сам он никогда не рассказывал о себе. Завоевал он большой авторитет и своим спокойным, уравновешенным характером, искренней доброжелательностью в отношении с людьми. К его мнению прислушивались и коммунисты, и комиссары отрядов, и их командиры.”¹²

Вот такие люди воевали в партизанской бригаде им. К.К. Рокоссовского. С ними невозможно было не добиваться побед над гитлеровскими захватчиками. И их было не два и не десять. Их было много, и они честно и самоотверженно воевали, и побеждали врага.

Несколько позже командиром созданного отряда им. Ф.Э. Дзержинского стал Я.М. Черняков, комиссаром – А.М. Лапицкий. Об этом сообщал в своей докладной записке в октябре 1943 г. обкому партии секретарь Дзержинского подпольного райкома КП(б)Б П.Г. Мартысюк: “... Из отрядов “25 лет Октября”, им. Чкалова, им. Фурманова был выделен командный состав спецгруппе т. Чернякова и была поставлена задача организации отряда. Эта задача выполнена. За короткий период группа с 12 человек выросла до 80 и сейчас группе присвоено название отряда им. Дзержинского. Она вооружилась за счет местного населения: 52 винтовки, 12 гранат, 2000 патронов.”¹³

“...Вот так и появились под самым Минском партизаны-“рокоссовцы.” Станьковский лес, в котором мы простояли до освобождения, находился в 50 км от г. Минска. В Копыльском и Узденском районах нам было тяжело, но теперь стало еще тяжелее. Наша бригада находилась в более трудных условиях, чем те партизанские формирования, которые дислоцировались в больших лесах, и вдалеке от столицы. Самым большим гарнизоном, располагавшемся недалеко от Станьковского леса был гарнизон в деревне Станьково, в бывшем военном городке. Это только в одном километре от нашей “усадьбы”. Вначале нам было очень трудно. Трудно было и жителям Дзержинского района. Гарнизон на гарнизоне. А бригада могла действовать активно только при полной поддержке народа. И мы, партизаны, эту поддержку в полной мере получали. Добрые, преданные люди копыльщины, Узденского и Дзержинского районов, и даже

самого г. Минска, всегда говорили нам, где найти врача, какой дорогой лучше пройти, где целесообразнее сделать засаду...”,¹⁴ – вспоминал впоследствии Н.Ю. Баранов.

Хочется сказать, что в числе партизан в бригаде им. К.К. Рокоссовского из уроженцев м. Песочное, Копыльского района, воевали не только братья Барановы. В ней находились и другие их земляки. Например, одним из них был уроженец Песочного Николай Николаевич Бендь, 1923 г.р. Он воевал в отряде им. Фурманова с 19 июля 1943 г. по июль 1944 г. И, надо сказать, воевал героически: за свои партизанские подвиги он был награжден медалью “За отвагу”. После освобождения Беларуси, в августе 1944 г. его призвали в действующую армию. Николая Николаевича направили служить в 339-й стрелковый полк на 3-й Белорусский фронт, который штурмовал гитлеровские твердыни в Восточной Пруссии. Н.Н. Бендь воевал честно и мужественно автоматчиком в пехоте. Бывший партизан показал себя опытным и знающим бойцом, хорошо выполняющим задания командования. В марте 1945 г. он был ранен в кисть левой руки. За смелые и грамотные действия в боях был награжден орденом Славы 3-й степени. После войны Н.Н. Бендь до самой пенсии трудился в совхозе “Луч”, в родном Песочном, воспитал троих сыновей и двух дочерей. Был награжден юбилейными: орденом Отечественной войны 2-й степени, многими медалями.

Становление партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского в Дзержинском районе проходило в сложных условиях. Перед Дзержинским подпольным райкомом партии, командованием бригады стояла архиважная задача: постоянно, где бы ни находились партизаны, не прекращая ни на день, ни на час, проводить политическую, разъяснительную, информационную работу среди местного населения о положении на фронте, о партизанской борьбе, о грядущей победе над врагом. Главным результатом такой работы должно было стать лояльное отношение к партизанам простых деревенских людей, которые в любой момент могли бы оказать помощь народным мстителям, и не только могли бы, но и хотели это сделать. В начале осени 1943 г. уже не стоял вопрос, который был актуален в 1941 и в начале 1942 г.: “Займет народ выжидательную позицию по принципу: “чья возьмет?” Будет тихо сидеть по своим хатам, заботясь только о пропитании и выживании в условиях оккупации, или он, народ, даже если не всей Беларуси (имеется в виду Западная Беларусь, где партизанское движение было слабым), то основная его часть, начнет противодействие оккупантам?” Положение изменилось в лучшую сторону, как на фронте, так и в умах советских людей, в том числе и белорусов, после победных битв под Москвой, в Сталинграде и на Курской дуге. Советским людям стало ясно то, что что-то неладное происходит с огром-

ным механизированным телом хваленого немецкого вермахта, что уже по нему пробежали первые судорожные конвульсии, что Красная Армия будет и дальше наращивать удары по ненавистному врагу и покатится он с нашей земли в свою фашистскую Германию.

Без преувеличения можно утверждать, что партизанское движение не смогло бы развиваться без поддержки местного населения. А эта поддержка возможна была только тогда, когда местное население убеждалось в том, что партизаны действительно являются их защитниками от немецко-фашистских захватчиков и их помощников-полицаев, и, обратившись к ним за помощью, они получают ее. Командиры Ф.Ф. Капуста, В.Г. Еременко, Н.А. Шестопалов, Н.Ю. Баранов и др. всегда предупреждали младших командиров и рядовых партизан, что поскольку воюем за народ, то не нужно обижать этот народ. Лучше продовольствие попросить, но никогда не отнимать его силой. Обидишь жителя деревни – и он не поддержит ни продовольствием, ни жильем, не поможет в трудную минуту. Известно, что командир Пинского партизанского соединения В.З. Корж был беспощаден в случаях самоуправства и мародерства партизан. Зимой 1942 г. он расстрелял перед строем старшего лейтенанта за то, что тот разорил ульи на пасеке крестьянина.¹⁵

Необходимо отметить, что за годы войны на территории оккупированных районов СССР по приговорам партизанских судов за совершение тяжких преступлений было расстреляно 2345 человек, в том числе: 7 командиров отрядов, 2 комиссара, 12 начальников штабов, 7 командиров рот, 49 командиров взводов.¹⁶

В тот период командование партизанских бригад и подпольные партийные райкомы и обкомы имели постоянные контакты с Большой землей. Это позволяло получать свежую достоверную информацию, зачастую и важные политические документы, которые сразу же использовались в пропагандистских целях среди населения оккупированных городов и деревень.

Об активизации такой политической деятельности и ее результатах, мы можем судить, ознакомившись с докладной запиской секретаря Дзержинского подпольного райкома КП(б)Б П.Г. Мартысюка Минскому подпольному обкому от 15 октября 1943 г. В ней говорилось:

“РК КП(б)Б за период с 1.09 по 15.10.1943 г. было создано два расширенных совещания с командным составом включительно до командира взвода бригады им. Рокоссовского. На этих совещаниях были поставлены вопросы: активизации действий отрядов, вопрос дисциплины, вопрос о мародерстве и активизации работы среди населения...”

Массово-политическая работа среди населения в районе проводи-

лась и проводится систематически. Отрядам во главе партийных органов закреплены отдельные участки работы, за которую несут полную ответственность. Путем массовых собраний в деревнях Станьково, Добринево, Каменка, Мигдаловичах, Сломище, Даниловичах, Кленовке, Сосновке и других систематически доводились до сведения материалы Совинформбюро о наступлении Красной Армии. Проработаны и распространены материалы: 1. Статья Ярославского 12 экз. 2. Приказ т. Сталина от 24.7.1943 г. – 40 экз. 3. Книга т. Сталина о Великой Отечественной войне Советского Союза – 50 экз. 4. Газета “Советская Беларусь” – 30 экз. 5. Два года Отечественной войны Советского Союза.

С момента получения типографии в районе регулярно выпускается газета “Ленінская праўда”, три раза в месяц в количестве 150 экз. каждый номер. Кроме этого, выпущено листовок: “Обращение к полицейским” – два номера 150 экз., “Обращение к населению” – 8 листовок 775 экз., “Ответ на очередную провокацию немецких оккупантов”, помещенную в газете “За свободу” от 20.9.43 г., один номер 200 экз.

С гарнизона Дзержинск посредством связи систематически получаем бумагу, копиру, мастику. В этом отношении нужды не ощущаем...”¹⁷

Усилия Дзержинского подпольного райкома партии и партизанского командования по вовлечению в борьбу против гитлеровских захватчиков местного населения, не пропали даром. Все больше простых тружеников втягивались в борьбу против врага. Многие, взяв в руки оружие, становились стрелками-партизанами, но основная масса людей сознательно начала участвовать в сопротивлении гитлеровцам, примерно, со второй половины 1943 г. Оно выражалось по разному: кто-то выпекал хлеб для партизан, кто-то чинил одежду, обувь, кто-то на зимний период обеспечивал партизанских лошадей фуражом, кто-то доставлял в лес разное продовольствие и т. д. В Беларуси началась та война, которая называется народной. Подтверждение этому мы можем видеть, ознакомившись с тем же донесением П.Г. Мартысюка Минскому подпольному обкому партии в октябре 1943 г.:

“...На основании решения 5 пленума РК КП(б)Б нашего района укрепил партийные органы отрядов бригады по работе с населением на определенных участках... В г. Дзержинске созданы две группы из коммунистов, которые ведут наблюдение за всеми общественными зданиями с целью их сохранения. На станции Фаниполь и в самом г. Минске формируются такие группы.

По вопросу угона населения в рабство в Германию РК КП(б)Б провел во всех деревнях и проводит систематические беседы. В результате в деревнях Станьково, Добринево, Даниловичах, Мигдаловичах и многих других все то мужское население, предназначенное по повесткам в

Германию, перешло в партизанские отряды. В части партизанских семейств организован лагерь в лесу, которому систематически оказывается помощь, как в материальном, также и в моральном плане (состоянии). Часть населения из деревень Станьково, Добринево, из Минска, устроили в более безопасные места – села находящиеся в лесах. Работа в этом отношении не прекращается.

В г. Дзержинске организована группа специально по разведывательному делу. Был случай своевременного сообщения разведгруппе, действующей в Дзержинском районе, о постройке аэродрома. Своевременно сообщается продвижение частей по железной дороге...¹⁸

... В отрядах созданы группы резерва из населения. Например, в отряде им. Чкалова в деревне Каменка одна группа 9 человек, в д. Даниловичи одна группа 7 человек. Эти группы уже действуют с холодным оружием по уничтожению телефонной связи, разрушению (уничтожению) шоссе путем диверсий. Работа продолжается и дальше по организации резервных групп в других местах.

За период организации бригады с 1.9. по 15.10. 1943 г. отряды выросли в численном составе: отряд им. Фурманова на 23 чел., отряд “25 лет Октября” на 54 чел., отряд им. Чкалова на 52 чел.

Вооружились за счет трофеев: отряд “25 лет Октября” – пулемет и винтовка, 1500 патронов. За счет местного населения 24 винтовки, 3 автомата, 2 пулемета, 1822 патрона, один миномет, 20 гранат, 2 нагана.

Отряд им. Фурманова за счет местного населения достал 22 винтовки, пулемет, 4 нагана, 6 гранат, 260 патронов.

Отряд им. Чкалова за счет местного населения достал 25 винтовок, 790 патронов, один наган, 5 гранат, один автомат...¹⁹

Вопросы рассмотрения случаев мародерства, самоуправства, допущенных рядовыми партизанами и командирами, относились к наиболее важным, и всегда находились в поле зрения командования бригады им. К.К. Рокоссовского. Это видно из того же октябрьского 1943 г. донесения:

“... О недопущении мародерства, незаконных изъятий имущества, неправильного отношения к местному населению со стороны отдельных партизан комиссары и политруки отрядов специально провели беседы в своих подразделениях. Кроме этого, командование бригады специально издало приказ, в котором предупреждает весь личный состав бригады о недопущении вышеуказанных нарушений...²⁰”

Сеvu зерновых и уборке урожая во время оккупации всегда придавалось огромное значение. Наличие у людей хотя бы небольших запасов хлеба позволяло как-то выживать в условиях войны. Это хорошо понимали как партийно-партизанское руководство, так и немецкие оккупа-

ционные власти. И каждый из них старался получить от крестьян свой кусок хлеба. Партизанам крестьяне отдавали хлеб в добровольно-принудительном порядке, потому что видели и понимали, что лесные мстители – единственная реальная сила, которая может их защитить. Немцы и полиция просто грабили население, зная и понимая, что это население их ненавидит и повсеместно помогает партизанам. При этом грабежи и разбои сопровождались страшным насилием, убийствами, выжиганием целых деревень вместе с жителями.

Партизанские отряды Минской области в августе 1943 г. выдержали в борьбе за хлеб 59 крупных схваток с оккупантами. Особенно ожесточенными были бои с гитлеровцами и полицией в Копыльском, Борисовском, Червенском, Смолевичском, Пуховичском, Дзержинском и других районах области.

В донесении Дзержинского подпольного райкома КП(б)Б Минскому подпольному обкому о проделанной работе от 30 сентября 1943 г. говорилось:

“... В основном все население проявляет симпатию к партизанам и к проводимой ими работе, за исключением отдельных лиц, которые продались немецким властям. Было проведено собрание с населением в д. Станьково, после чего на добровольных началах население сдало хлеба 150 пудов партизанскому отряду “25 лет Октября”. Организованы в районе и деревнях диверсионные группы. 28 сентября группа, которая находится в имении Шикотовичи, совершили поджог сарая, в котором было сожжено 60 тонн зерна. Несмотря на охрану немецкого гарнизона, зерно в количестве 60 тонн сгорело.

Население активно восприняло указание партизан по вопросу обмола зерна и его хранения от немецких оккупантов. Население всячески срывает выполнение поставок зерна немецким властям...

Фашисты проводят свою пропаганду через газеты и листовки, которые были изъяты от населения и сожжены. Листовок за отчетный период не обнаружено.

За отчетный период проведено собраний с населением в деревнях Дзержинского района 32...

... Собрания проводились на тему обмолотить хлеб, сеять быстрее, а остальной спрятать, чтоб не попал в руки оккупантов.

Население это указание восприняло, хлеб прячут. В отдельных деревнях как Кукшевичи, Мигдаловичи, Добрилева, Сломище под нажимом немецких властей начали сдавать хлеб немцам. Нами были сделаны засады, сдачу хлеба запретили. В немецких имениях стоят гарнизоны. В имении Шикотовичи гарнизон приступил к обмолоту хлеба. В это время

организован поджог гумна, где было 60 тонн хлеба. Хлеб сгорел. В других имениях организовываем это дело – поджоги, но сильно охраняют.

Заготовка хлеба для партизанских отрядов происходит так, как сказано в решении, проводили собрания, после чего народ дает согласие оказывать помощь партизанам. Не знаю почему врывается в наш район отряд Мармулева, самовольно накладывают на хозяина по 6-8-10 пудов хлеба и проводят заготовку, нарушая указания обкома. Даже берут последних коров у населения. Я это им запретил, но они, пока мы узнали, часть хлеба увезли. Народ обижается, что таких партизан мы не видели...

(На этом месте документа резолюция секретаря Минского подпольного обкома КП(б)Б И. Бельского: “Дано указание об устранении и виновных наказать”. 12.10.43 г.).

За отчетный период распространено среди населения в районе газет органа Дзержинского РК “Ленинская праўда” два номера – 300 экз. Распространено листовок: листовка – обращение к населению Дзержинского района – 200 экз., листовка – обращение к полицейским – 150 экз.

Размножена листовка, издания политуправления РККА в своей типографии 200 экз. и распространена...

Состояние дисциплины среди бойцов и командиров вполне удовлетворительное.

Случаи мародерства за отчетный период есть по бригаде... Все факты мародерства обсуждены командованием бригады и приняты меры, имущество, незаконно изъятое, возвращено населению...

Секретарь Дзержинского РК КП(б)Б Мартысюк”²¹

Чувствуя консолидацию патриотических сил в Восточной Беларуси, усиление ударов партизан по своим гарнизонам, базам и коммуникациям, немцы пытались противодействовать этому народному движению. Эти их действия выливались во все более частое и усиливающееся проведение карательных экспедиций против партизан и мирного населения Дзержинского района. Вся картина действий гитлеровских захватчиков хорошо просматривается в донесениях и докладных записках Дзержинского подпольного райкома КП(б)Б Минскому подпольному обкому. Так, в политдонесении от 30 сентября 1943 г. говорится: “... Посылка карательной экспедиции проводилась в первой половине сентября месяца. Из гарнизона Дзержинска ворвался карательный отряд в д. Самодуровщина. Деревню сожгли, расправу над населением учинить не удалось. Население ушло в лес, осталось в деревне 4 человека, которые ими убиты.

12 сентября карательный отряд вышеуказанного гарнизона ворвался в д. Станьково, захватил у населения 27 коров и 6 лошадей., обвиняя население в неадаптации поставок немецким властям и связи с партизанами.

28 сентября с воздуха бомбили пятью самолетами Станьковский лес, вреда нашей бригаде не причинено, так как бомбы падали от расположения за 1-2 километра...²²

Партизанская бригада им. К.К. Рокоссовского в проведении крупных операций чаще всего взаимодействовала с бригадами им. И.В. Сталина, им. К.Е. Ворошилова и им. В.И. Чапаева. Зоны действий двух последних бригад – Узденский и Копыльский районы, но так уж сложилось, что партизанские связи с ними оказались более прочными и регулярными, чем с некоторыми бригадами “своего” Дзержинского района. В этом, видимо, сыграло свою роль то, что, во-первых – большую помощь во время формирования 200-й бригады оказало командование и партийные органы бригад им. Чапаева и им. Ворошилова; во-вторых – многие партизаны и командиры были родом из Узденского и Копыльского районов и начинали воевать там; в-третьих – сам комбриг Н.Ю. Баранов был родом из Песочного, Копыльского района, хорошо знал лично очень многих партизан и командиров копыльской и узденской бригад, что несомненно улучшало взаимопонимание и взаимодействие при решении боевых задач. Об этом психологическом и тактическом моменте деятельности вышеуказанных партизанских бригад писал после войны в своей книге “С оружием в руках” П.Г. Мартысюк: “... Видимо, те критерии, которые обусловили границы района в мирное время, оказались не самыми удачными для партизанской борьбы. Бригада им. К.К. Рокоссовского нацеливала свои удары главным образом на шоссейные и железные дороги Минск – Слуцк и Минск – Брест. Этими магистралями, как правило, и очерчивался с двух сторон район действий бригады. В северную же часть Дзержинского района, за брестскую магистраль, где располагались бригады имени И.В. Сталина и имени М.В. Фрунзе, пробираться трудно и в общем-то особой нужды не было. Поэтому связь райкома с теми бригадами была нерегулярной. Тем не менее райком партии постоянно держал в поле зрения те отдаленные бригады, направлял там партийную работу и контролировал ее, принимая все меры для активизации боевых действий.”²³

Создание таких крупных партизанских объединений, как “бригада”, несло в себе много преимуществ над врагом в ведении войны партизанскими методами. Здесь изменился сам характер партизанских действий. Пришлось менять саму тактику борьбы. Если ранее отдельные небольшие партизанские отряды в 100-150 чел. проводили мелкие операции на дорогах и нападали на небольшие вражеские гарнизоны, то с появлением такого крупного формирования, как 200-я бригада им. К.К. Рокоссовского, появилась возможность приступить к выполнению более масштабных

и сложных операций во вражеском тылу. Она выражалась в разгроме более крупных вражеских гарнизонов, а при невозможности этого – в блокировании их, и в конечном итоге в полном очищении зоны своих действий от гитлеровцев. Эту задачу вскоре начали выполнять. С середины 1943 г. партизанам 200-й бригады им. К.К. Рокоссовского ни разу не пришлось, как это случилось в январе 1943 г., уйти из района своих постоянных действий. Приходилось вести позиционные бои, маневрировать, но “рокоссовцы” не ушли со своих баз и до самого освобождения защищали население деревень от карателей. Все карательные экспедиции оккупантов разбивались о непреодолимое сопротивление бригады. Нередко враг сталкивался и с партизанским контрнаступлением.

Во второй половине 1943 – начале 1944 гг. стало понятно, что нанести самый ощутимый урон врагу можно ударами по его коммуникациям, железным и шоссейным дорогам, питавшим гитлеровские войска на фронте. Из всех видов партизанской борьбы, такие операции были самыми трудными и сложными. Дороги немцы охраняли особенно бдительно. Для этого они вырубали на 50-100 метров подступавшие к ним леса, создавали блок-посты, укрепляли проволочными заграждениями, дотами и дзотами, устанавливали минные поля. Фашисты строили вышки, откуда просматривали все окрестности, патрулировали полотно дороги нарядами. В 1941 и 1942 гг. обеспечение партизан взрывчатыми веществами было неудовлетворительным. Не хватало толковых шашек, минных взрывателей, бикфордового шнура. И здесь партизаны проявляли народную смекалку. Тол выплавлялся кустарным способом из неразорвавшихся авиабомб, артиллерийских мин и снарядов. Это было опасное занятие, порой приводившее к жертвам, но в тех условиях взрывчатку взять было неоткуда, а врага необходимо было чем-то уничтожить. Позже, в 1943-1944 гг., по мере укрепления связей с Центральным штабом партизанского движения, в бригадах, отрядах и группах в достаточном количестве появился тол, специальные магнитные мины, подрывные машинки, взрыватели, детонирующий шнур, который позволял взрывать одновременно несколько фугасов. Технику подрыва освоили многие партизаны. Это позволило партизанским бригадам и отрядам захватывать целые многокилометровые участки железной дороги и путем подрыва уничтожать их. Сейчас уже часто минирование железной дороги сочеталось со штурмом остановленного взрывом поезда. Засады на дорогах стали столь частыми, что, по сути дела, блокировали эти коммуникации. Почти к каждому прорыву партизан к дороге, фашисты готовились, как к крупной боевой операции. Так, стало возможным проведение масштабных операций “Рельсовая война” и “Концерт”. В этих операциях накапливался боевой опыт, закалялось мужество людей.

П.Г. Мартысюк вспоминал о проведении операции “Рельсовая война”: “... Подготовку к этой грандиозной операции райком партии взял под особый контроль. Я и Алексей Шалай заблаговременно выяснили, какому отряду, чем надо помочь для выполнения задания, в том числе взрывчаткой и взрывателями: по мере возможности командование бригад удовлетворяло заявки на боеприпасы. Четко распределили между бригадами и отрядами участки железной дороги, наметили маршруты движения к ним, договорились о системе прикрытия, сигнализации, связи.

В 2 часа ночи 11 августа 1943 года охрану железной дороги на всех участках партизаны атаковали почти одновременно. На перегоне Фаниполь – Дзержинск действовала бригада имени К.К. Рокоссовского, западнее – бригада имени К.Е. Ворошилова, еще ближе к Столбцам – бригада имени В.И. Чапаева. Далеко громыхала канонада бесчисленных взрывов. На участке отряда имени 25-летия Октября у станции Колосово неожиданно открыл огонь не обнаруженный раньше дот. Но всего несколько минут понадобилось штурмовой группе, в состав которой входили Алексей Сватиков, Евгений Прокофьев и другие, чтобы забросать его гранатами.²⁴

В создавшихся неблагоприятных для него условиях, враг вынужден был менять тактику своих действий на транспортных коммуникациях. Например, по шоссе на дорогах фашисты начали направлять автоколонны только днем под усиленной охраной. Обычная партизанская тактика – вести ночные бои и диверсии – на шоссе на дорогах уже не годилась. Поэтому командование партизанских бригад отказалось от союзницы-темноты и решило бить врага в любое время суток, даже днем.

Об одной из самых известных и значительных по масштабу и результативности засад на шоссе, вспоминал после войны комбриг Н.Ю. Баранов: “... Мы часто практиковали массированные удары по врагу силами трех партизанских бригад, особенно в засадах на большие колонны. Так произошло и 14 декабря 1943 года, когда на дорогу Минск – Слуцк вышли партизаны бригад имени К.К. Рокоссовского, имени К.Е. Ворошилова и имени В.И. Чапаева. Вышли мы на шоссе на рассвете в расчете на большую колонну. Засада залегла между деревнями Валерьяны и Колки. Долго пришлось лежать на снегу. Мороз сковал снег ломкой, скрипящей коркой, холодом стягивало кожу, деревенели ноги, но мы своего дождались. Около 10 часов утра большая колонна немцев появилась из Минска на Слуцк. Впереди шел броневик, затем десятки крытых автомашин. У некоторых на прицепе – орудия. Левый фланг пропустил колонну, и как только она разместилась по фронту, т. е. голова колонны поровнялась с правым флангом, по сигналу красной ракеты, партизаны открыли

ураганный огонь и сразу бросились в атаку. Выстрелы, взрывы гранат, крики “Ура-а-а!” . Вся охрана немцев была ошеломлена неожиданным сильным партизанским ударом и почти не оказала сопротивления, была истреблена. Вражеские машины запылали в огне. Мы уничтожили 24 грузовые и одну легковую автомашины, 9 прицепов с военными грузами, 2 броневика, четыре орудия и более 100 убитых немецких солдат и офицеров. В числе пленных оказался инженер-строитель, майор немецкой армии, с большим портфелем ценнейших документов, с военными картами. Этот майор был вытянут из горящей кабины автомашины юным разведчиком Маратом Казеем.

Только партизанским отрядом “25 лет Октября” в этом бою было разбито 12 вражеских автомашин и убито несколько десятков немецких солдат.

Весть об этом бое и партизанской славе разнеслась далеко за пределы Минска, нагнав панический страх на немцев и полицаев гарнизонов. А мы, командование трех партизанских бригад, предпринимали совместные удары и дальше. Когда одной из бригад становилось тяжело, мы другу помогали живой силой...”²⁵

Об этом бое написал после войны и П.Г. Мартысюк: “... Бой заканчивался, когда со стороны Слуцка раздалась выстрелы: на помощь уже не существовавшей колонне торопились броневики и танки. Поздно: партизаны отошли. Отход прикрывали бронебойщики роты Александра Баранкевича из отряда имени 25-летия Октября... Наши потери минимальны. Но, теряя друзей, не хочется как-то верить, что смерть их вписывается в слова сводок и рапортов “незначительные потери”. Нет, ни об одной из отданных жизней партизан никогда не думалось, как о “незначительной” потере. Каждая из них – невосполнимая утрата. Вот и бесстрашного командира роты Михаила Слизского, молодого, душевного человека, который любил жизнь, людей, свою Белоруссию, не стало... А тихий, застенчивый земляк Якуба Коласа из Николаевщины Чеслав Стомма? Кто заменит таких парней? Нет, неправда, будто незаменимых нет. Да, на место павших вставали новые бойцы. Но погибших они не заменили. Под залп прощального партизанского салюта похоронили мы пятерых павших товарищей на опушке соснового бора у крутого солнечного берега Лоши возле деревни Румок.”²⁶

К весне 1944 г. партизаны-“рокоссовцы” попортили фашистам много “крови”. Враг – жестокий, хитрый, коварный – не мог мириться с создавшимся положением и готовил против партизан одну карательную экспедицию за другой. Одна из таких экспедиций была подготовлена с соблюдением такой секретности, что разведка бригады им. Рокоссовского вовремя не получила об этом никаких сведений, и руководство бригады было по-

ставлено перед фактом. Тогда и произошел внезапный и тяжелый Румский бой. Штаб бригады располагался тогда в деревне Румок. Здесь же находились отряды имени 25-летия Октября и имени В.П. Чкалова. В Есенце стоял отряд имени Ф.Э. Дзержинского. В километрах 7-ми, в д. Иванов Бор, располагался отряд им. Д.А. Фурманова. Наступление фашисты начали 8 марта 1944 г. Еще в темноте, в 6 часов утра, партизанские заставы увидели приближающиеся вражеские цепи. Одна из застав, подпустив карателей метров на 50, открыла огонь. Это послужило сигналом боевой тревоги. Внезапно обрушится на партизан у врага не получилось. Почти вдоль всей линии обороны бригады загремело сражение. Командир бригады Н.Ю. Баранов принял решение, что необходимо, сколько возможно, удерживать позиции. Свой приказ об обороне он обосновал так:

—Во-первых, это позволит нанести врагу наибольшие потери; во-вторых, даст возможность жителям не только самим уйти в лес, но и угнать скот, захватить с собой продовольствие; в-третьих, мы успеем отвести от места боя госпиталь и хозяйственные подразделения.

С доводами командира согласились комиссар П.Г. Мартысюк и начальник штаба И.Ф. Егоров. План обороны и взаимодействия отрядов, порядок эвакуации обоза и раненых, командный состав знал. Поэтому в действиях партизан и их командиров нервозности не было. Но с каждым часом обстановка усложнялась. Отряды им. Дзержинского, им. Чкалова, им. 25-летия Октября уже отбили несколько вражеских атак. Вне боя, пока, оказался отряд им. Фурманова. В стороне д. Иванов Бор стояла тишина. О нахождении там партизан гитлеровцы, видимо, не знали. Поняв это, Н.Ю. Баранов приказал доставить приказ в этот отряд, чтобы “фурмановцы” внезапно ударили немцам во фланг и тыл. Однако путь в отряд лежал по открытому полю. Проскочить на виду у фашистов означало пойти почти на верную гибель. Двое связных, направленных комбригом в Иванов Бор, погибли. Создалось критическое положение. Вот как об этом бое вспоминал П.Г. Мартысюк: “... И вот тогда к командиру бригады шагнула маленькая фигурка юного разведчика Марата Казея.

—Товарищ комбриг! Разрешите мне добраться в Иванов Бор...

—Нашел время ребячиться! – раздосадовался Баранов. – Не видишь, что ли, что делается.

—Вижу, но проскочу. Я знаю как.

Выхода не было. Кто-то все равно должен был добраться к отряду имени Д.А. Фурманова, доставить приказ их командиру Николаю Рослякову. А Марат был удачлив, смел, находчив...

—Давай, – согласился комбриг. Он быстро написал коротенькую записку, вручил ее Марату. – Остальное передашь на словах...

И вот уже мчится голопом Орлик по гибельному полю. Низко припала к конской шее шупленькая фигурка Марата. Гитлеровцы открыли огонь по всаднику, мы – по гитлеровцам... И все следят за поединком смельчака со смертью. Треть открытого пространства уже позади, еще сотня метров выиграна. Вдруг Орлик падает. На несколько секунд смолкают выстрелы. “Неужто убили?” – сжимается в тревоге сердце? Но что это? Смотрю и глазам своим не верю: Марат снова верхом, и Орлик уже выносит его в густолесье...

Какой мальчишка не увлекается верховой ездой, не горит стремлением обучаться джигитовке? Любил лошадей и Марат. А кадровый кавалерист И.И. Парамонов, как сына, лелеявший Казея, охотно обучал его в свободное время, да и коня подобрал ему кавалерийского. Партизаны всегда с улыбкой смотрели на эти занятия – нужна, мол, пареньку забава. Но обернулась забава подвигом.

Потом я узнал: ни Казея, ни Орлика даже не ранило...”²⁷

За этот подвиг, за образцовое выполнение других заданий, командование 200-й партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского представило юного разведчика к награждению медалью “За отвагу”.

Бригада им. К.К. Рокоссовского выдержала удар карателей, нанесла им чувствительные потери, благодаря грамотным и хладнокровным действиям ее командира Н.Ю. Баранова, героическим действиям рядовых партизан всех отрядов. В том тяжелом бою понесли потери и “рокоссовцы”. Пал смертью героя и командир первой роты отряда им. Чкалова Михаил Герасимович Аскерко. Весь израненный, с перебитыми ногами, он до последнего вздоха прикрывал отход товарищей вдоль реки Лоши. Когда закончились патроны в автомате и гранаты, он отстреливался из револьвера системы “наган”. Последнюю пулю он направил в себя. (Написав эти строки, я подумал о том, что гибель Михаила Аскерко была очень похожа на смерть моего дяди, старшего брата моего отца, партизана отряда им. Котовского бригады им. Ворошилова Константина Умрейко, погибшего на границе Копыльского и Несвижского районов в этот же день 8 марта 1944 г. Попав в полицейскую засаду возле д. Куноса, он с перебитыми ногами отстреливался из автомата, потом из “нагана”, и последнюю пулю также пустил в себя. Поступил он так правильно и осознанно потому, как знал, что делают гитлеровцы и полицейские с пленными партизанами). Госпиталь и тылы бригады были отведены в безопасное место. Уничтожение бригады не состоялось. Этого и не могло произойти, потому что перед карателями стояли не партизаны отдельного небольшого отряда поры 1941-1942 года, а накопившая большой боевой опыт, в том числе блокадных боев предыдущей зимы, готовая к любым неожиданностям, мощная партизанская бригада.

Нельзя умолчать и еще об одной категории граждан, принимавших участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за независимость своей Родины. Это – белорусские дети, подростки, отбросившие в сторону свои подростковые занятия, в одночасье быстро повзрослевшие, и вставшие на опасный путь подпольной и партизанской борьбы против ненавистного врага. Они, не уклоняясь от трудностей и лишений, не боясь возможности самой смерти, становились смелыми связными-подпольщиками, отважными разведчиками, дерзкими подрывниками, и наравне со взрослыми ковали нашу общую победу. Некоторые из них получили ранения и увечья, некоторые отдали свои молодые, детские жизни за свободу и счастье других людей, не склонившись перед ненавистными поработителями. Среди них находится и имя Марата Казея – юного белорусского пионера-героя, отважного партизана 200-й бригады им. К.К. Рокоссовского, погибшего в неравном бою с карателями почти перед самым освобождением родной земли. После войны о нем тепло вспоминал Н.Ю. Баранов. “... В нашей бригаде воевали и пионеры, школьники, подростки. Мы, бывшие партизаны и партизанки, гордимся тем, что нашему юному партизану-разведчику Марату Казею посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Мы гордимся, что ныне, бывшая наша партизанка, сестра Марата Казея, Ариадна Ивановна Казей стала Героем Социалистического Труда.

Из одной семьи – два Героя. А ведь они росли сиротами. Их отца Ивана Георгиевича Казея, прослужившего около 20 лет на флоте, в 1937 году по ложному доносу арестовали, и он к семье больше не вернулся. Несмотря на большую душевную боль, его жена Анна Александровна Казей не затаила злобу на Советскую власть. Она знала, что мужа предали и убили враги Советской власти. Как только началась Великая Отечественная война, Анна Александровна помогала отступающим бойцам Красной Армии, кормила их, лечила и предоставляла уют. Потом, чуть позже, она стала партизанской связной. Это она приютила в своем доме политрука И.А. Домарева, которого тяжелораненного притащил ее сын Марат. Она лечила его, чтобы потом отправить в партизаны. Но задуманное не исполнилось. Какой-то подлый человек выдал их, и гестапо арестовало обоих. Анна Александровна Казей и политрук Иван Андреевич Домарев были повешены на площади в г. Минске на телеграфном столбе. Дети остались круглыми сиротами, но не пали духом. В возрасте 12 лет Марат Казей пришел в партизаны, чтобы отомстить врагам за мать. И он мстил. Не суждено было дожить Марату до дня победы. Он погиб 11 мая 1944 года в неравном бою с врагом. Погиб, но не сдался. Когда фашисты окружили его плотным кольцом, а стрелять уже было нечем, Марат бросил в цепь гранату, а второй подорвал себя и

несколько немецких солдат, которые хотели схватить его живым. Марату Казею посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

За Маратом в партизаны пришла и его старшая сестра Ариадна. Ей тогда было 16 лет. Тяжело сложилась и ее судьба в партизанах. Она лишилась обеих ног, и мы вынуждены были отправить ее, как и многих других, за линию фронта. Много перенесла она, пока советские врачи поставили ее на протезы, научили ходить. Ныне, кто не знает ее близко, даже не заметит, что она ходит на протезах. Она сама водит машину, а под настроение даже танцует. Мы, ее друзья, бывшие партизаны, часто зовем ее “наш Маресьев”. Она похожа на него своим характером, натурой, трудолюбием. Она никогда никому не говорила и не говорит, что ей тяжело без ног работать, воспитывать двоих детей, ходить на работу в школу и по ступенькам подниматься на второй, третий... этажи. Много она работает со школьниками, комсомольцами не только в своей школе, а и далеко за ее пределами. Ее письма десятками в день работники связи отправляют почти во все концы необъятной Родины и даже за ее пределы.”²⁸

Говоря о Марате Казее и его последнем бое, хочется сказать еще следующее. Рассказывая о подвиге этого юного разведчика, всегда говорилось о нем одном, о его героической гибели. На самом деле, в тот майский день он погиб не один. Вот что говорится об этом в очерке “Так загінуў Марат Казей” в книге “Памяць. Дзяржынскі раён.”: “... Во время вражеской блокады начальник разведки партизанского отряда “25 лет Октября” Михаил Ларин и его адъютант разведчик Марат Казей 11 мая 1944 г. при возвращении после успешного выполнения разведывательного задания были окружены в д. Хоромицкие Узденского района. В неравной схватке с карателями пал Михаил Степанович Ларин. Когда кончились патроны, Марат Казей встал в полный рост и гранатой подорвал себя и приблизившихся к нему гитлеровцев. Юный герой предпочел смерть позорному плену...”²⁹

Подвигу Марата Казея, и другим героическим деяниям, совершенным партизанами-подростками в оккупированной Беларуси, в 1944 г. посвятил несколько четверостиший поэт Михась Василек:

*Туман ападаў на лагчыны
Вячэрняя летняя парою.
Смяротныя раны хлапчыны
Сцякалі гарачай крывёю...*

*Паўзлі па дарозе, як гады,
На захад дуброваю каты,
А ён – нечакана – з засады
Пад ногі ім кінуў гранату!*

*Ён помсціў за родныя вёскі,
Сяццёр і братаў скатаваных...
Шапочуць, шапочуць бярозкі
Аб славе яго – партызана.³⁰*

Накануне 50-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков краевед и историк А.И. Валаханович, работая над историко-документальной хроникой “Памяць. Дзяржынскі раён”, обнаружил интересный, до сих пор неизвестный документ об обстоятельствах гибели Марата Казея.

В архиве НКГБ БССР хранится дело, озаглавленное «Карательные операции немецких оккупантов», в котором имеется «Справка о карательном батальоне «Дерливангера»...

Ввиду новизны материала этот документ помещается полностью:

«Справка о карательном батальоне «Дерливангера», дислоцировавшемся в период немецкой оккупации на территории Узденского района

Карательный батальон в Узденский район Минской области прибыл в конце января или в начале февраля 1944 года, где находился до мая 1944 года и размещался в городском поселке Узда и в деревне Зеньковичи, что расположена от районного центра в 5 километрах.

Батальон «Дерливангера» был укомплектован в основном из крымских татар, карачаевцев и других национальностей, которые в своем составе насчитывали около 1 тысячи человек. Время и место формирования батальона, а также присвоенный ему порядковый номер полевой почты неизвестны.

За время нахождения в Узденском районе батальон «Дерливангера» занимался активной карательной деятельностью против партизан и мирного населения, которая выразилась в следующем:

В марте 1944 года названный батальон в полном составе принимал участие в крупном бою с партизанами в районе шоссе между деревнями Лоша и Валерьяны. Какие были потери со стороны партизан в результате данного боя, не установлено. В апреле 1944 года участники батальона Дерливангера совместно с жандармерией и полицией полностью сожгли деревню Островок (в 7-ми км от Песочного – авт.) Узденского района, а жителей этой деревни в количестве 76 человек согнали в сарай и сожгли живыми. В этом же месяце (апреле) личный состав батальона совместно с жандармерией и полицией выезжали на территорию Дзержинского района, где ими были сожжены деревни Литавец и Александрово. В это время всех жителей названных деревень, которые относились к партизанской зоне, зверски уничтожили путем сожжения.

В мае 1944 года участники батальона «Дерливангера», примерно в количестве 500 человек, совместно с полицией, выезжали в партизанскую зону в деревню Хоромицкие Узденского района, где ими были убиты начальник разведки партизанского отряда бригады имени К.К. Рокоссовского Ларин, его адъютант, связной партизан Виктор Кухаревич, семья Лиходиевского в количестве 7 человек, и еще одна женщина, фамилия которой не установлена.

При этом выезде каратели всех жителей деревни Хоромицкие ограбили, забрав весь скот и другое имущество.

Весной 1944 года Дерливангер со своим батальоном окружил Узденский базар, и лиц, находящихся на нем, избивали нагайками, в чем принимал участие сам Дерливангер и его подчиненные.

Особой циничностью отличались участники батальона Дерливангера, размещавшегося в деревне Зеньковичи, которые ловили девушек, женщин и публично их насиловали.

Из участников батальона Дерливангера УМГБ Минской области никто не арестован и из командного состава его, за исключением самого Дерливангера, никто не известен. Дерливангер по национальности немец, имел звание штандартенфюрер.

Документ составлен в июле 1951 года в УМГБ Минской области Носковым». ³¹

Во время освобождения Дзержинского района Красной Армией летом 1944 г. произошел и вовсе неординарный случай, когда подростки вступили в открытый бой с гитлеровцами. Вот как об этом написал в своих воспоминаниях П.Г. Мартысюк: "... Группа партизан во главе с Павлом Габелкой, выполнив свою задачу, направилась в расположение своего отряда им. 25-летия Октября. Шли напрямик, по лесу. И вдруг со стороны Даниловичей послышалось громоханье боя. Частой дробью строчили автоматы. Тяжело перестукивались винтовочные выстрелы... Партизаны поняли: кто-то защищает деревню, а кто-то пытается прорваться через нее. Вскоре последние сомнения рассеялись: на Даниловичи наступали гитлеровцы. По ним с тыла и ударила группа Габелки. Бой выиграла. Оказалось, 12-13-летние подростки давно припрятали оружие и теперь спасали свою деревню от отступавших и потому особенно зверствовавших оккупантов. Саша Кургузова, шедшая с партизанами, перевязала единственного раненого паренька: пуля насквозь пробила легкое. Затем самодеятельного защитника отправили уже в армейский госпиталь."³² Этот случай свидетельствует о том, что в условиях оккупации, по примеру более старших подпольщиков и партизан, у детворы формировались ее взгляды, ее позиция ненависти к захватчикам, и при первом же удобном случае она выплескивала эту ненависть против врага.

Во время осенне-зимнего (1943-44 гг.) наступления Красной Армии были освобождены некоторые районы Гомельской области. Но фронт остановился и замер. Противники занялись укреплением позиций, проведением боев местного значения и активной разведки. Советское командование начало подготовку к проведению летней кампании, целью которой должно было стать освобождение Беларуси и разгром немецкой группы армий “Центр”. Наступление началось 23 июня 1944 г. Уже в конце месяца бои велись в окрестностях Минска, в том числе и на территории Дзержинского района.

Когда пришло сообщение о начале наступления Красной Армии, командир 200-й партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского Н.Ю. Баранов произнес:

—Началось, – и посмотрел в сторону комиссара бригады П.Г. Мартысюка.

—Наступление? – поняв сразу, что имеет ввиду командир, переспросил тот.

—А что же еще? – радостно воскликнул Николай Юлианович. – Вот и на нашей улице наступил праздник. Иди, комиссар, читай сводку, потом наметим план действий.

В те дни самым приятным для комбрига и комиссара стало заходить утром и вечером к радисту, чтобы первым слышать последние известия и по ним следить за тем, как стремительно движется фронт. А забот у командования бригады стало невпроворот. Немцы никогда не отличались человеколюбием, а теперь, отступая, всю горечь военных неудач спешили выместить на мирных жителях Беларуси. Заполыхали уцелевшие до этого хаты, сараи, уничтожалось все: люди, скот, сельхозинвентарь, отбиралось и уничтожалось продовольствие. Поэтому, главной задачей для партизан стала защита жителей от обезумевших захватчиков. Первое, что было сделано, это командование распределило между отрядами населенные пункты, охрану которых они обеспечивали. Одновременно нужно было создавать всевозможные помехи отступающим под ударами советских войск, немецким частям, вплоть до вступления с ними в бой и уничтожение или пленение. Перекапывались дороги и устраивались завалы. В эти дни партизаны уже не взрывали мосты, т.к. они сейчас были необходимы для быстрого продвижения частей Красной Армии.

Не дожидаясь частей Красной Армии еще 30 июня 1944 г. партизаны 200-й бригады им. К.К. Рокоссовского заняли г. Дзержинск. Вот как об этом написал Н.Ю. Баранов: “... Наша партизанская бригада имени Рокоссовского еще 30 июня 1944, т. е. до прихода нашей армии заняла г. Дзержинск, имея к этому времени 2162 пленных немецких солдат и

офицеров. Когда большая колонна партизан появилась на ул. Ленина г. Дзержинска, люди сначала не поверили своим глазам. Тогда под Минском еще шли большие бои с окруженными немецкими частями. Наша колонна шла в город, к центру, и, по мере продвижения, положение в городе менялось. Вначале робкие, несмелые шаги людей. А потом...!? Сколько объятий, радости, торжества, цветов... И, ясное дело, слез. Не все дожили, не все вошли в Дзержинск. Кто пережил это, никогда не забудет. Находясь в тылу врага, ни мы – партизаны, ни они – гражданские люди, не сомневались, что фашистская армия будет разбита. Мы были уверены, что на помощь белорусскому народу придет Красная Армия, люди всего Советского Союза и освободят нас. И мы не ошиблись.³³

За последние недели партизаны привыкли к частым победным сводкам. Но в один из дней, услышав в числе освобожденных городов Слуцк и Старые Дороги, радист не выдержал и крикнул:

— Вот-вот наши будут у нас!

Эта весть молнией пронеслась по партизанскому лагерю. От землянки к землянке забегали партизаны, чтобы поделиться радостной вестью. Улеглись, успокоились поздно, а утром лагерь снова был весь на ногах. Прибывшие разведчики объявили, громко крича:

— Всем привет от нашей армии. Мы уже с ними повстречались. Сейчас они, наверное, в районе Валерьян.

Со всех мгновенно слетел сон. Через несколько часов партизаны установили связь с танковым корпусом, наступавшим на Минск с запада. Сразу же договорились о том, какую помощь окажут партизаны нашим армейцам и приступили к выполнению этой задачи. Часть разведчиков сели на головные танки и стали проводниками армейских колонн. Совместной главной задачей стало перекрытие всех дорог, лишение окруженных гитлеровцев маневра при попытках прорвать окружение, недопущение уничтожения населенных пунктов Дзержинского района и самого райцентра.

В открытый бой с окруженными фашистами бригада вступила 4 июля недалеко от д. Литовец, где находился отряд имени 25-летия Октября. Партизаны дрались смело и находчиво. В какой-то момент боя создалась угроза прорыва фашистов через партизанские порядки. И тогда командир Иосиф Апарович поднял отряд в атаку. Эта смелая атака и определила исход боя в пользу партизан. Гитлеровцы дрогнули, заметались, и подняли руки вверх. Всего сдалось в плен 170 солдат и офицеров. На поле боя осталось более трех десятков немецких трупов.

Отряды им. В.П. Чкалова, им. Д.А. Фурманова и им. Ф.Э. Дзержинского вступили в схватку с врагом восточнее Дзержинска. На город шли отборные эсесовские части. Сражение началось недалеко от деревень

Невеличи и Кукшевичи, где находились партизаны-“чкаловцы”. Исход схватки был решен в нашу пользу совместным наступлением советских войск и грамотной и упорной обороной партизан. Отряды уничтожили в этом бою свыше ста немецких солдат и офицеров, 360 взяли в плен. Победа “рокоссовцам” далась нелегко. Смертью храбрых погибло 17 партизан. С воинскими почестями героев похоронили. В свои объятия их приняла родная койдановская земля.

А по району могучим, все сокрушающим штормом, катились войска Красной Армии. Уже ничто не могло остановить ее могучего движения. Фашистские воинские части в беспорядке бежали, дробились, пытались раствориться в густых белорусских лесах, лелея надежду пробиться к отступившему на запад фронту. С ними в панике бежали и местные гарнизоны, разные карательные зондеркоманды, другие, еще недавно считавшимися тыловыми, подразделения.

После войны известный дагестанский поэт Расул Гамзатов написал об этом времени следующие строки:

*... Я помню – диктор Левитан
Ликует: наша мощь удвоена,
В пути с полками партизан
Соединились наши воины.
Все, что оставить нам пришлось,
Мы возвращаем в наступлении.
Оно победно разрослось
В боях на минском направлении.³⁴*

7 июля 1944 г. территория Дзержинского района была полностью очищена от гитлеровских войск. Наконец пришло долгожданное освобождение родной земли. Партизаны бригады им. К.К. Рокоссовского были горды сознанием того, что в деле изгнания немецко-фашистских захватчиков с белорусской земли, есть и их немалая доля участия. Об этом говорят цифры: только за время освобождения района партизаны-“рокоссовцы” уничтожили или взяли в плен около 2 тыс. гитлеровцев. Помощь партизан высоко оценило армейское командование. Командующий 3-й гвардейской армией генерал-полковник А.В. Горбатов партизанам 200-й бригады им. К.К. Рокоссовского объявил благодарность.

За неполный год боевых действий в тылу врага партизанская бригада под командованием Н.Ю. Баранова уничтожила 4 тыс. 864 оккупанта, пустила под откос 113 вражеских эшелонов, уничтожила несколько десятков мостов, сотни километров связи, 3 завода, один блокпост, 2 во-

докачки на станции, 5 молочных пунктов, 149 автомашин, 17 танков, 8 броневиков, разгромила 3 гарнизона.

На 16 июля в Минске назначили партизанский парад. В город прибывали отряды и бригады из партизанских зон областей Беларуси. Партизан встречали немногочисленные жители столицы. Потом минчан стало больше. По обочинам дороги бежали, вздымая, похожую на пудру пыль, ватаги минских мальчишек. Они пристраивались сбоку колонн и стараясь попасть в такт шагали, сверкая голыми пятками. Никаких праздничных оркестров и фанфар не было. Колонны партизан стекались на ипподромное поле, недалеко от завода им. С.М. Кирова. Подтягивались и неорганизованные группы минчан. Движение происходило от окраин к центру. Во время оккупации из центра на окраины и в пригород Минска ушли жители – там уцелело жилье, были пригодные для возделывания земли.

Вокруг, с озабоченными лицами, сновали фотокорреспонденты. Вооруженные чаще всего трофейными фотоаппаратами, они норовили попасть поближе к трибуне, фотографировали готовившуюся к параду партизанскую технику.

Недалеко от украшенной белорусским орнаментом, в кумаче лозунгов трибуны, расположился военный оркестр. Перед трибуной растянулись в цепочку линейные с флажками на примкнутых штыхах.

Торжественные минуты еще не наступили. Встречи, объятия, приглашенный говор...

Народу собралось много по обе стороны трибуны, намного больше, чем партизан – участников парада. В параде должно участвовать до 30 тыс. партизан. Жителей же собралось тысяч пятьдесят. Уже через Свислочь был восстановлен мост, рельсы положили на широкую колею, по которой прошли несколько эшелонов с подарками для минчан от трудящихся Горьковской области.

На трибуну поднялись первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, командующий 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховский, другие военачальники, руководители партии и правительства республики. Наступила тишина и прозвучали слова:

—Товарищи! Торжественный митинг, посвященный освобождению столицы советской Белоруссии города Минска, объявляю открытым.

Потом говорил Пономаренко. И наконец послышалось:

—Парад, смирно! К торжественному маршу... поотрядно... шагом марш!

И тут же на ипподромное поле, на колышущееся людское море, обрушилась медь оркестра.

Открывала партизанский марш бригада “народные мстители” име-

ни В.Т. Воронянского. Впереди шел знаменосец с ассистентом, за ними – командование.

В торжественном парадном строю прошли и партизаны 200-й бригады им. К.К. Рокоссовского Дзержинского района. Среди них были и три брата Барановы: Николай, Александр и Семен. Во главе бригадной колонны шел комбриг Николай Юлианович Баранов. Рядом с “рокоссовцами” прошли и боевые товарищи – “ворошиловцы” и “чапаевцы” Узденского и Копыльского районов.

Народных мстителей, жители Минска забрасывали цветами, над ипподромом раскатами катилось громовое “Ура”.

После пехоты прошла партизанская техника, промчались пулеметные тачанки, проскакали на рысях около тысячи всадников.

Этот парад вошел в тысячелетнюю историю Беларуси, как торжество духа, стойкости и мужества белорусского народа, в отстаивании своей свободы и независимости от внешнего врага. Его принимало все население освобожденного Минска.

Десятки тысяч гитлеровских солдат и офицеров войска Красной Армии захватили в плен во время освобождения Беларуси в ходе операции “Богратион”. Они, эти фашисты, осенью 1941 г. планировали парад победы в Москве – уже были напечатаны пригласительные билеты, оставалось проставить только дату. И вот, некоторые из них, кто должен был принять участие в этом параде, потом все-таки увидели Москву – это произошло в июле 1944 г., когда по улицам столицы СССР провели более 50-ти тысяч немцев в качестве военнопленных. Во главе колонны шли более двадцати фашистских генералов. Завшивевшие, небритые, невымытые, эти “горе-завоеватели” арийцы, жаждавшие господства над всем миром, понурились, прошаркали по нескольким центральным улицам Москвы. Москвичи стояли по обе стороны улиц, взирали на это скопище грабителей и убийц, сжимая кулаки, в основном молчали, но слышались и проклятия. Вслед за длиннющей колонной военнопленных шли поливочные машины городского хозяйства и струями воды смывали с мостовой весь грязный арийский дух. Обновленная, чистая мостовая сверкала всеми цветами радуги в лучах летнего солнца. Люди радовались этому, хлопали в ладони, смеялись и были счастливы.

Примечания.

1. Личный архив Синяковича В.И.
2. Памяць. Дзяржынскі раён. Мінск: БЕЛТА, 2004. Першыя ахвяры. З успамінаў К. Борысава. С. 273, 274.
3. Там же, с. 301

4. Там же, с. 301
5. Там же, с. 317
6. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 84-89.
7. Личный архив Синяковича В.И.
8. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 96-98.
9. Личный архив Синяковича В.И.
10. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 107, 108.
11. Личный архив Синяковича В.И.
12. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 110, 111.
13. Памяць. Дзяржынскі раён. Мінск. БЕЛТА, 2004. С. 328.
14. Личный архив Синяковича В.И.
15. Каваленя А.А., Саракавік І.А. Беларусь напярэдадні і ў гады другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мінск: Беларусь, 2008. С. 113.
16. Там же, с. 114.
17. Памяць. Дзяржынскі раён. Мінск. БЕЛТА. 2004. С. 327.
18. Там же, с. 328.
19. Там же, с. 328.
20. Там же, с. 329, 330.
21. Там же, с. 330.
22. Там же, с. 330.
23. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 142.
24. Там же, с. 140, 141.
25. Личный архив Синяковича В.И.
26. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 162, 163.
27. Там же, с. 165.
28. Личный архив Синяковича В.И.
29. Памяць. Дзяржынскі раён. Мінск. БЕЛТА, 2004. “Так загінуў Марат Казей”. С. 394, 395.
30. Партизаны, партизаны... Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 119, 120.
31. Памяць. Дзяржынскі раён. Мінск. БЕЛТА, 2004. С. 394, 395.
32. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 182, 183.
33. Личный архив Синяковича В.И.
34. Гамзатов Р.Г. В мирном труде. Стихи-поэмы. Москва: Издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 9, 10.

Глава 9. В мирном труде.

Еще где-то на западе громыхала война, до штурма рейхстага оставался почти год, а многие белорусские партизаны уже приступили к мирному труду. Партизанские бригады и отряды, с честью выполнив свою миссию по освобождению родной земли от немецко-фашистских захватчиков, начали расформировываться. Вопреки радости победы, оказалось грустно и трудно расставаться со многими и многими боевыми друзьями. Одни уходили в армию, чтобы уже сражаясь дальше на фронте против фашистов, добить их в собственном логове. И многие из партизан так и не вернулись домой, погибнув на полях сражений европейских стран, покрыв себя неувядаемой славой. Другие уезжали в Минск на восстановление разрушенной до основания столицы Беларуси. Такие, как Н.Ю. Баранов и П.Г. Мартысюк, оставались в Дзержинском районе восстанавливать разрушенное народное хозяйство. Комиссара бригады назначили руководить районной партийной организацией, а командира – председателем райисполкома. Эти назначения не были какими-то неожиданными и спонтанными. Еще в 1943 г., за полгода до освобождения, Минский обком КП(б)Б стал заранее готовить партийные и хозяйственные кадры для послевоенной работы. Тогда и был Николай Юлианович рекомендован на должность председателя Дзержинского райисполкома. Об этом говорилось в постановлении Дзержинского подпольного райкома КП(б)Б “О подборе кадров для освобожденного района” от 10 декабря 1943 г.:

“Слушали: Секретаря райкома об утверждении ответственных работников района, которые приступят к своим обязанностям при освобождении района от немецких оккупантов.

Постановили: Утвердить председателем райисполкома тов. Баранова Николая Юлиановича, секретарем райисполкома тов. Лукашевича Ивана, зав. Плановым отделом тов. Рослякова Николая Григорьевича, зав. Райфо тов. Афанасьева, зав. Райзо тов. Тимошика, зав. Районо тов. Гинзбург Зинаиду Юрьевну, зав. Доротделом тов. Курильщика Иллариона Ивановича, председателем райсоюза тов. Гладкого, директором лесхоза тов. Чернякова Я.М., начальником НКГБ тов. Пупейко А.А., райпрокурором тов. Говорковского Владимира Т., народным судьей тов. Вашкевича Владимира Н., зав. Райздравом тов. Игнатова А.В.

Секретарь Дзержинского подпольного РК КП(б)Б Мартысюк.”¹

Тогда же, в декабре 1943 г. Минским подпольным обкомом КП(б)Б за подписью секретаря обкома И.А. Бельского было направлено директивное письмо о укомплектовании кадров низовых звеньев сельских исполкомов. В нем говорилось: “ При освобождении территории райо-

нов Минской области и организации органов Советской власти встанет такой вопрос, как укомплектование низовых звеньев советских органов сельских исполкомов. Для этого необходимо в настоящее время провести большую подготовительную работу, а именно:

а). Укомплектовать состав председателей сельских исполкомов.

б). Организовать в условиях подполья специальные курсы для подготовки секретарей сельисполкомов. Курсы необходимо комплектовать из числа женщин-комсомолок, имеющих образование в общем 7-9 классов.

Для проведения занятий необходимо привлечь председателей, секретарей райисполкомов или опытных председателей, секретарей сельских исполкомов. Программу занятий разработайте и утвердите на РК КП(б)Б.

О ходе этой работы информируйте обком КП(б)Б.

Секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б И. Бельский.^{”2}

И вот, с первого дня освобождения района два бывших партизанских руководителя, засучив рукава, опираясь на помощь коммунистов и комсомольцев, активных тружеников района – бывших партизан и подпольщиков, взялись за тяжелую, но такую необходимую работу. Впоследствии П.Г. Мартысюк вспоминал: “... Дел с первого дня освобождения оказалось так много, что и сегодня, спустя десятилетия, не перестаю удивляться тому, как мы тогда, в короткие сроки управились. Ведь все, что могли, гитлеровцы взорвали, уничтожили, истребили... Не хватало рабочих рук, специалистов, руководителей, нужны были материалы, оборудование, техника...”^{”3}

Не покладая рук, день и ночь, часто не досыпая, трудился Николай Юлианович Баранов. А дел было невпроворот. Буквально из руин пришлось поднимать Дзержинский район.

Немецко-фашистские захватчики хозяйствовали в Дзержинском районе на протяжении долгих 1105 дней и ночей. За время оккупации в районе были разграблены и уничтожены все промышленные предприятия, множество общественных строений, большая часть жилого фонда. В этом числе оказались здания РК КП(б)Б, райисполкома, клуб им. В.И. Ленина, городской кинотеатр, мебельная артель им. А.Р. Стаханова, артель скобяных изделий “Красный штамповщик”, промышленная артель “Труд”, торфопредприятие “Энергия”, здания базы райпотребтоварищества, железнодорожных вокзалов на станциях Койданово и Негорелое, районной больницы, 22 средних, семилетней и начальной школ, мелово-известковый завод в д. Дягильно, спиртзавод в д. Большие Новоселки, другие предприятия.

Но самыми тяжелыми и непоправимыми оказались потери в людях. Немецко-фашистские звери уничтожили в районе 17 тыс. 606 жителей – почти каждого четвертого жителя района, в том числе 1200 женщин и 450

детей, вывезли в фашистское рабство 504 мужчин и 435 женщин.

Большой материальный ущерб нанесли гитлеровские оккупанты сельскому хозяйству района. Они разграбили 111 колхозов района, сожгли 1838 общественных строений, 863 жилых дома колхозников, уничтожили четыре МТС – Дзержинскую, Негорельскую, Фанипольскую и Путчинскую, все культурно-просветительские учреждения, магазины и др. Оборудование почти всех МТС было вывезено в Германию. Пять деревень района – Глухое Перхурово, Литавец, Любожанка, Садковщина, Скирмонтово были сожжены вместе с жителями.

На фронтах Великой Отечественной войны погибло 1847 человек, в партизанских отрядах, бригадах и патриотическом подполье – 349 человек. В одном только Дзержинске от рук немецко-фашистских карателей погибло 2 тыс. 180 человек, на фронтах войны полегло 256 уроженцев города, в подполье и партизанах – 140.

Вот в такой обстановке, среди еще неостывших пожарищ, незаживших телесных и душевных ран людей, среди слез и стонов стариков, женщин и детей, пришлось начинать свою работу почти с нуля на должности председателя райисполкома бывшему партизану Николаю Юлиановичу Баранову. Уже 17 июля, сразу после знаменитого партизанского парада, проходившего в Минске, произошло заседание Дзержинского РК КП(б)Б, на котором рассматривался один из самых важных вопросов – подбор и расстановка кадров в восстановлении разрушенного хозяйства. На главные и самые важные должности назначались опытные, проверенные в боях, бывшие партизаны и партизанки. В рассмотрении этого вопроса самое активное участие принимал председатель райисполкома Н.Ю. Баранов. Он хорошо знал своих бывших партизан и подпольщиков, которые во время оккупации района, не жалея сил и здоровья, боролись с врагом. Он им доверял, Доверяли ему и они. С первых дней освобождения почти все руководящие должности заняли бывшие партизаны 200-й бригады им. К.К. Рокоссовского. Вчерашние партизаны начали налаживать мирный труд и жизнь в районе. Населенные пункты, сельское хозяйство в районе находилось в таком состоянии, о котором обычно говорят: “Без слез не взглянешь”. Посевные площади за 3 года оккупации сократились с 45 тыс. гектаров в 1941 г. до 23 тыс. га в 1944 г. поголовье скота, в т. ч. крупнорогатого уменьшилось на 60%, около 11 тыс. голов его было уничтожено или вывезено в Германию. В 1941 г. в районе насчитывалось свыше 7 тыс. лошадей, а на момент освобождения – около 3,5 тыс. Но коммунисты, комсомольцы, простые беспартийные жители, несмотря ни на что, под руководством бывших комиссара бригады П.Г. Мартысюка и командира Н.Ю. Баранова, начали поднимать народное хозяйство. Жителям дзержинщины,

как и белорусам других районов и областей, пришлось пройти через большие трудности, чтобы через некоторое время они смогли почувствовать результаты своего непосильного труда. Еще где-то далеко грохотала война, на фронтах умирали наши отцы и сыновья, а здесь на многострадальной земле Беларуси, через пот и слезы, рождалась новая жизнь. Не хватало жилья, продуктов, нормальной одежды, зерновых и картофеля для посева, но люди преодолели все, потому что они верили и знали, что своим этим непосильным трудом, они также приближают победу над врагом. Они понимали, что их выращенный хлеб, картофель, овощи, и направленные на фронт для снабжения Красной Армии, также приближают конец войны, после которой вернуться домой мужчины. Ах, как же тогда их не хватало в разбитой и сожженной белорусской деревне, как нужны были для восстановления разрушенного их сильные руки. Но все это будет потом, а сейчас – в 1944 – первой половине победного 1945 г., в освобожденных городах и деревнях, не покладая рук, трудились в основном, женщины и дети. И их тяжелый, каторжный, но благородный труд, принес свои результаты.

Постепенно начало подниматься сельское хозяйство. Уже с конца июля – начала августа возобновили работу 109 колхозов и совхозов, которые действовали и до войны. Несмотря ни на что, осенью 1944 г. хозяйства района, в целом успешно, провели сев озимых. В начале ноября в хозяйствах начали работать 35 ферм крупнорогатого скота, в которых насчитывалось 298 голов. Возобновили работу 2 свинофермы, 57 овцеферм на 348 голов.

В сентябре 1944 г., хотя и не на полную мощность, но заработал Дзержинский райпромкомбинат. Работал лесопильный завод, который за день мог распилить свыше 15 кубометров леса на так необходимые для хозяйства района доску и брус.

В числе объектов, которые подлежали первоочередному вводу в эксплуатацию, была Дзержинская городская электростанция. Благодаря самоотверженному труду жителей города и района, первый ток электростанция дала уже в конце 1944 г. Она тогда работала на пару. Примерно в то же время возобновила свою работу и Негорельская электростанция.

В 1944 г. заработал Дзержинский маслозавод. Осенью 1944 г. из 5 печей хлебозавода работало только 3, в которых выпекалось только 1,5 тонны хлеба. Этого было слишком недостаточно для населения района, поэтому хлебоцех стал работать и в Негорелом. Там также были открыты 2 магазина.

Отстраивались поселки и деревни. Для ремонта и строительства домов государство бесплатно отпустило жителям Дзержинского района 45 тыс. кубометров лесоматериалов и выдало долговременный кредит в 1,5 млн. рублей. Каждый житель района, кто остался без жилья, получил

бесплатно 30 кубометров стройматериалов. Артель железных изделий начала выпускать, так необходимые при строительстве, гвозди, замки, различные засовы и другие изделия.

Все республики СССР оказывали Беларуси братскую помощь. Они направляли в Беларусь станки, машины, стройматериалы, продовольствие.

Постепенно возобновляла свою деятельность и социальная сфера. В Дзержинске стали работать райбольница, ветеринарный пункт, парикмахерская, баня, кинотеатр, несколько магазинов.

1 сентября 1944 г. дети Дзержинского района начали учебу в 83 школах (до войны их было 85). Стали действовать столовые, буфеты, другие учреждения общественного обслуживания.

Трудящиеся Дзержинского района, как и все трудящиеся республики, самоотверженно работали и на военные нужды. До октября 1944 г. ими было собрано 62 250 руб. деньгами и 30 425 руб. облигациями на строительство танковой колонны. Кроме этого, они приняли активное участие в сборе денег на строительство авиационной эскадрильи “Советская Белоруссия”. В фонд обороны страны рабочие и служащие спиртзавода д. Новоселки собрали 25 тыс. руб. Все это белорусами делалось ради скорейшей победы над гитлеровской Германией.

За три года мирного труда трудящиеся Дзержинщины добились значительных успехов. Были полностью отстроены и введены в строй все промышленные предприятия, которые дали трудящимся города и района разных товаров на сотни тысяч рублей, возобновлена деятельность колхозов и совхозов района, МТС.

Нужно отметить, что практически все вопросы, касающиеся хозяйственной жизни района, проходили через председателя райисполкома Н.Ю. Баранова. От его внимательности, компетентности, ответственности, принципиальности, честности, часто зависело претворение в жизнь того или иного, жизненно важного для людей, вопроса. И он вникал, изучал, одновременно учился у людей сам, нисколько не боясь “уронить” тем самым свой авторитет. Люди знали простоту в общении своего председателя райисполкома, его внимательность и доброту к простым труженикам. Дверь его кабинета никогда не оказывалась закрытой для них. Жители Дзержинского района уважали и любили Николая Юлиановича. Он им платил тем же. В те первые послевоенные годы жители Дзержинского района знали, что в поднятии из руин, налаживании нормальной жизни для людей, большую роль сыграл их председатель райисполкома, бывший комбриг “рокоосовцев”, Николай Юлианович Баранов. И это правда.

О том времени вспоминал П.Г. Мартысюк: “... И только на заседаниях бюро райкома, на совещаниях и собраниях удавалось увидеть друзей по оружию и труду – вчерашних партизан. Даже с ближайшим из них

– председателем райисполкома Николаем Юлиановичем Барановым не часто доводилось вместе посидеть вечер, вспомнить славные и тяжелые годы партизанства, по-дружески о чем-то потолковать. Никак не хватало времени. И только тогда, когда нам пришлось расставаться: я уезжал на учебу в партийную школу, а Баранов – на работу в Минск, – только тогда стало жалко, что мало мы встречались не по служебным делам, не из-за черствости своей, а из-за стремительного ритма жизни, почти не оставившего времени для семьи, для отдыха, для друзей.

В столице Николай Юлианович возглавил трест пищевой промышленности. Через много лет ушел на пенсию с должности первого заместителя министра пищевой промышленности БССР.⁷⁴

Примечания.

1. Памяць.Дзяржынскі раён. Мінск: БЕЛТА, 2004. С. 332, 333.
2. Там же, с. 333.
3. Мартысюк П.Г. С оружием в руках. Минск: Беларусь, 1985. С. 189.
4. Там же, с. 190.

Баранов Николай Юлианович 06.12.1915 – 03.04.1996 гг.

Первый заместитель министра продовольственной промышленности БССР, заслуженный работник промышленности БССР, бывший командир 200-й партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского.

*Величайшее испытание мужества человека –
потерпеть поражение и не пасть духом.*

Р. Ингерсолл

Родился 6 декабря 1915 г. в местечке Песочное Игуменского уезда Минской губернии в бедной крестьянской семье. После окончания Песочанской семилетки решил учиться дальше и поступил в зоотехнический

техникум в г. Борисове, который закончил в 1935 г. В 1936 г. добровольцем пошел служить в Красную Армию, стал курсантом 1-го Московского артиллерийского училища, которое закончил в 1939 г. В звании лейтенанта был направлен для прохождения службы в гаубичный артиллерийский полк, который дислоцировался в Ташкенте, столице Узбекской ССР. Женится, родилась дочь. Когда началась война, в 1941 г. служил в должности первого помощника начальника штаба полка. Полк направили на фронт. До октября 1941 г. участвовал в боях на Западном фронте. Под Вязмой полк попал в окружение и, после тяжелых, кровопролитных боев почти весь был уничтожен. Фронт откатился далеко на восток и Н.Ю. Баранов решил пробираться на родину, в Беларусь. Поздней осенью 1941 г. он пришел в Песочное. Отдохнув и набравшись сил, через некоторое время, установил связь с подпольщиками Песочного, которыми руководил комиссар, «окруженец», Савелов Иван Сергеевич. Николай Юлианович начал участвовать в работе группы по сбору оружия, распространении листовок, в которых местное население призывалось к борьбе против немецких захватчиков, а также по направлению земляков-песочанцев в лес, где они брали в руки оружие и становились партизанами. Когда над Н.Ю. Барановым нависла угроза ареста, он, в марте 1942 г., ушел в лес. Командовал взводом, был начальником штаба партизанского отряда им. Г.И. Котовского. С октября 1942 г. стал командиром этого отряда. В декабре 1942 г. был назначен начальником штаба бригады им. К.Е. Ворошилова.

Н.Ю. Баранов являлся организатором проведения многих боевых операций партизан. В августе 1943 г. стал командиром 200-й партизанской бригады им. К.К. Рокоссовского. Основным районом боевых действий бригады был определен Дзержинский. Базой дислокации бригады стал Станьковский лес. Свои боевые действия бригада вела не только в Дзержинском, но и в Копыльском и Узденском районах. Партизанской бригадой им К.К. Рокоссовского под командованием Н.Ю. Баранова были уничтожены многие немецко-полицейские гарнизоны, проводились операции на железной дороге Минск – Барановичи. Бригада пустила под откос десятки немецких воинских эшелонов, взорваны и сожжены сотни единиц другой военной техники, уничтожены тысячи немецких солдат и офицеров. Партизаны под командованием Николая Юлиановича 30 июня 1944 г. очистили г. Дзержинск от немцев и полицаев и удерживали его до подхода войск Красной Армии. На момент соединения с частями Красной Армии 4 июля 1944 г. в бригаде им. К.К. Рокоссовского было 4-е отряда и насчитывалось 1187 партизан.

После войны Н.Ю. Баранов работал председателем Дзержинского райисполкома. Вместе с трудящимися района, в течение самых трудных двух лет после освобождения, восстанавливал разрушенное войной на-

родное хозяйство. Вскоре его перевели в Минск, где он, после окончания партийной школы, возглавлял трест пищевой промышленности и одно из главных управлений министерства. Потом, до выхода на пенсию в 1984 г., трудился на должности первого заместителя министра пищевой промышленности БССР.

Проживая и работая в Минске, Николай Юлианович не забывал Дзержинщину и ее тружеников. Он часто приезжал на встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Изредка навещал и родное Песочное. В деревне Колодники Дзержинского района он имел небольшой сельский домик-дачу. Находясь на заслуженном отдыхе, он любил проводить летнее время в этом тихом, живописном месте.

Николай Юлианович Баранов прожил трудную и долгую жизнь, прожил ее честно. Люди и сейчас вспоминают его добрым словом.

За заслуги перед Родиной и народом его наградили орденами Боевого Красного Знамени, двумя Отечественной войны 1-й степени, двумя Трудового Красного Знамени, многими медалями, тремя Почетными грамотами Верховного Совета БССР, ему было присвоено звание «Заслуженный работник промышленности БССР». Умер Н.Ю. Баранов 3 апреля 1996 года.

Баранов Н.Ю. похоронен на кладбище г. Дзержинска Минской области.

О своем старшем брате вспоминает Баранова Елена Юлиановна:

«... До войны Коля служил в армии в Узбекистане. У него была семья, жена и дочка. Во время войны дочка Коли умерла. После освобождения Беларуси Коля все время писал жене Юзефе в Ташкент, чтобы она переезжала оттуда в Беларусь. Она приехала к Николаю в Дзержинск в 1945 году. Прожили они вместе всю жизнь. Была ли та жизнь счастливой – не знаю. Своих детей у них больше не было. Они взяли на воспитание девочку из детского дома, вырастили ее, помогли получить образование. Потом, когда выросла, она стала известной спортсменкой. Но ее судьба сложилась трагически. Она умерла в молодом возрасте... Юзефа, после смерти Николая, прожила всего год. Похоронена она на кладбище г. Дзержинска рядом с Николаем. Жили вместе, а теперь вместе и там...

Когда и как мой брат Николай пришел домой в Песочное в 1941 г., я уже хорошо не помню, потому что маленькая была. В 1941 г. мне исполнилось 9 лет. Но я хорошо помню случай, когда к нам домой, вскоре после того, как брат вернулся, пришел староста Стретинский и стал уговаривать его идти служить в полицию. Он говорил: «Николай, иди в полицию, ты же офицер, грамотный человек, ты в полиции получишь хорошую должность». Я помню, как сейчас вижу, Коля лежал на кровати тогда. Он быстро поднялся, подошел к Стретинскому, взял его за шиворот и вышвы-

рнул во двор. Мама заплакала и сказала, что он пойдет, заявит и брата арестуют. Но отец нас успокоил, сказал, что Стретинский побойтся. Еще отец сказал, что новая немецкая власть Николая в покое не оставит. Где-то в начале весны отец зарезал теленка. Он сказал Николаю, что нужно отнести немного мяса нашему родственнику Алексею Воронцову. Коля понес это мясо и домой уже не вернулся. Потом мы узнали, что в тот день он и еще 8 человек из Песочного ушли в партизаны. Шла весна 1942 года.

... Когда Николай с инфарктом попал в больницу, он находился на своей даче в Колодниках, Дзержинского района. Мне позвонила его жена Юзефа и сообщила, что «скорая» его забрала, лежит он в реанимации в больнице Дзержинска. Я сразу же позвонила в «скорую помощь» и спросила: «Скажите пожалуйста, доставляли ли сегодня к вам Баранова из Колодников?» Врач спросил: «А кто спрашивает?» – «Его родная сестра». Врач сказал мне: «Немного приходит в себя, уже открыл глаза, но состояние тяжелое». Я извинилась и сказала, что это мой старший брат, я за него очень волнуюсь, сердце мое не выдерживает. Врач ответил: «Ничего, звоните, и мы всегда скажем вам, как он себя чувствует». Уже потом я узнала, что Коля сказал главному врачу, чтобы связались с «лечкомиссией» в Минске и за ним приедут. В больнице Дзержинска он полежал только 3 дня. Потом на реанимационной машине его отвезли в «лечкомиссию». Тогда у Коли был инфаркт. Всего их у него было три. После того случая он прожил где-то 2 года. Умер он дома, в квартире в Минске, 3 апреля 1996 года. По его завещанию похоронили Николая на городском кладбище г. Дзержинска».

Росляков Н.Г., бывший командир партизанского отряда им. Фурманова Д.А., бригады им. Рокоссовского К.К.

Баранов Н.Ю. и Мартысюк П.Г., бывшие командир и комиссар партизанской бригады №200 им. Рокоссовского К.К.

*Баранов Н.Ю.
с женой Юзефой Иосифовной
и дочерью Неллой, 70-е гг. 20 ст.*

*Баранов Н.Ю.
с женой Юзефой Иосифовной
и дочерью Неллой, 80-е гг. 20 ст.*

Глава 10. **Баранов Иван Юлианович** **10.06.1920 – 03.06.2009 г.р.**

*Судьба всегда стоит за храбрых.
П. Кальдерон*

С 1927 по 1934 год Иван Баранов учился в Песочанской неполной средней школе (семилетке). Потом учебу продолжал в средней школе местечка Могильное Узденского района, которую закончил летом 1938 г. В армию на действительную службу призван в 1939 г. Весь его воинский путь был насыщен большими событиями военного характера, главным из которых явилась Великая Отечественная война.

Не имея на руках рассказа И.Ю. Баранова (он умер летом 2009г.), я попытаюсь рассказать о его боевом пути через события 1939-1945 гг., участником которых ему довелось быть. Для этого я буду использовать

документы из его личного архива, предоставленные его детьми, а также многочисленные данные из архивов, мемуарной, специальной литературы, появившейся за последние 20-30 лет, из периодических изданий.

Думается, что будет совсем не лишним, прежде чем писать о И.Ю. Баранове, когда началась его воинская служба танкистом, остановиться на характеристике личного состава и технического парка автобронетанковых войск, как составной части Красной Армии, в предвоенные годы. Рассмотрим этот вопрос подробнее, опираясь на некоторые факты.

В июне 1941 г. в автобронетанковых войсках РККА насчитывалось около 1 млн солдат и командиров. За 1,5 года до начала войны численность личного состава в этих войсках возросла в 7,4 раза. Быстрыми темпами формировались новые танковые дивизии и корпуса. Особенно много личного состава было призвано в первой половине 1941 г. Естественно, что те, кто не служил ранее, не могли за несколько месяцев достигнуть высокого профессионального уровня в командовании танковым экипажем, вождении танка и стрельбе из его орудия. С этой мыслью соглашается и автор книги “Танковая дубина” Сталина” А. Мелехов. Вот что он говорит: “... Предлагаю консервативно считать, что не менее половины личного состава мехкорпусов накануне войны являлись плохо подготовленными восемнадцатилетними юнцами, которым пришлось столкнуться в бою с давно сформированными соединениями Вермахта, укомплектованными исключительно матерыми “панцер-ветеранами...”¹

Необходимо отметить и то, что в автобронетанковые войска Красной Армии призывались не кто попало, а люди, обладавшие определенной профессиональной подготовкой, например, бывшие трактористы и шоферы. Мало того: в танкисты брали далеко не всех технически грамотных людей. Не брали в танковые войска сыновей “врагов народа”, судимых по уголовным статьям. Каждый из призываемых проходил проверку на благонадежность.

Те, кто попадали в танковые части, не сидели без дела. В военных городках, на танкодромах шла интенсивная учеба. На учебных полях постоянно стояла пыль, строились и перестраивались в боевые порядки танковые подразделения. Учения и стрельбы продолжались непрерывно вплоть до начала войны.

В книге “Механизированные корпуса РККА в бою” автор Е. Дриг приводит в качестве примера 5-ю танковую дивизию 3-го механизированного корпуса: “Практическая подготовка частей тоже находилась на должном уровне. Только в сентябре 1940 года с частями было проведено шесть тактико-строевых учений. ... Проводилась подготовка и на более высоком уровне (корпусном и армейском)”.² Это же отмечал впоследствии

и известный советский танковый генерал Д. Д. Лелюшенко. В своей книге Дмитрий Данилович писал: “В корпусе (21-м) шла напряженная работа по его организации, непрерывно шли занятия по повышению боеспособности войск. Красноармейцы и младший командный состав частей овладевали новой техникой: учились управлять танком, вести из него огонь, ремонтировать машину в полевых условиях, приближенным к боевым”.³

Ветеран Великой Отечественной войны, танкист с довоенным опытом, А.В. Боднарь говорил: “... Учили очень хорошо. Было много практических занятий. Основной упор делался на вождение танка и стрельбу из танковых огневых средств. На полигоне были как неподвижные, так и движущиеся фанерные мишени. ...Очень подробно мы изучали моторную часть. Двигатель М-17 очень сложный, но мы его знали до последнего винтика. Пушку и пулемет – все это разбирали и собирали. Сегодня так не учат...”⁴

В то время в армиях других стран (пожалуй, за исключением Германии) так не учили. Подтверждением этому служат слова британского историка Роберта Кершоу: “Обучение профессиональных офицеров-танкистов в Красной Армии велось на уровне, совершенно беспрецедентном в Европе”.⁵ Рядовой и сержантский состав готовился также хорошо.

И.В. Маслов, призванный в танковые войска еще до войны, поделился своими впечатлениями о довоенной подготовке советских танкистов: “Танкисты до войны служили по три года. Все были хорошо экипированы, великолепно обучены, накормлены досыта. ... Механикам-водителям, кстати, полагалась двойная порция масла. Я увлекался спортом и даже играл в футбол за сборную танковых войск на окружных первенствах.”⁶

Этот рассказ И.В. Маслова о себе, почти с точностью (только нет участия в войне с Финляндией) можно перенести и на И.Ю. Баранова, который прослужил и провоевал в танковых войсках почти семь лет.

С сентября 1939 г. И.Ю. Баранов проходил службу механиком-водителем в 36-м танковом полку 18-й танковой дивизии. Будучи курсантом учебной танковой роты принял присягу. В то время эта воинская часть имела на вооружении, в основном, легкие и средние танки, а также танкетки. Танкетку Т-27 приняли на вооружение в феврале 1931 г. Она имела коробчатый корпус, собранный методом клепки из катаных броневых листов. Боевая масса – 2,7 т. Экипаж – 2 человека. Вооружение – 1 пулемет калибра 7,62 мм. Эта машина развивала максимальную скорость 40-42 км/час, и хорошо применялась для связи и разведки.

Легкий танк Т-26 являлся основным танком общевойсковых соединений и танковых частей Красной Армии, предназначенный для поддержки пехоты. Всего на базе танка Т-26 разработали 53 типа боевых ма-

шин различного назначения, из которых 23 типа находились на серийном производстве. В 1933 г. начался выпуск однобашенного варианта этого танка. Эта модификация и получила обозначение Т-26. Машина имела 45-мм пушку со спаренным пулеметом ДТ. Военная промышленность выпустила 5000 танков такой модификации, а танков Т-26 всех типов – 11218 штук.

Вот на таком танке и началась воинская служба нашего земляка И.Ю. Баранова в предвоенные годы. Помимо этого, через некоторое время, ему пришлось изучать материальную часть и проходить службу на танке БТ-7. Легкий танк БТ-7 (быстроходный) имел вес 14,7 т., толщину брони 15-22 мм, орудие – 45 мм, двигатель – 500 лошадиных сил. Основным недостатком этого танка являлось слабое бронирование, которое защищало экипаж только от пуль и осколков. Прямого попадания снаряда, даже малокалиберной артиллерии, такая броня не выдерживала. Главная задача, которая ставилась перед таким танком, заключалось в том, чтобы, вырвавшись на оперативный простор европейских дорог, перерезать коммуникации, захватывать склады, железнодорожные станции и аэродромы, распугивать подходящие к фронту резервы противника, расстреливать грузовики, паровозы, сеять панику. Эти танки, таким образом, должны были избегать решительных столкновений и действовать во вражеском тылу. Согласно советской довоенной доктрине, такой танк мог обойтись легкой броней, должен был иметь достаточно высокую скорость и не предназначался для встречных танковых боев и дуэлей.

БТ-7 оснащался двигателем М-17Т – лицензионный аналог германского авиационного BMW VI. Впоследствии, танки самой «продвинутой» серии – БТ-7М – имели дизель В-2 – такой же, что и Т-34. Многие из них оснащались зенитным пулеметом на турели: немаловажное по тем временам преимущество. БТ-7М имели огромный по тому времени запас хода – 600-700 км, что в сочетании с такой же большой скоростью – 62-86 км/ч – делало их идеальной машиной для глубоких прорывов. В отличие от британских «крейсеров», танки БТ обладали хорошей отработанной ходовой частью и, соответственно, более высокой надежностью.

Пусть читателя не раздражает мое отступление от изложения текста о И.Ю. Баранове. Я намеренно остановился на тактико-технических характеристиках советской бронетехники, которой были вооружены танковые части Красной Армии в довоенный период. Такое отступление позволяет нам глубже понять, с какой техникой они вступили в бой с врагом в июне 1941 г.

Однако вернемся к герою нашего изложения. В разгар занятий 1 сентября 1939 г. подразделениям танковой дивизии объявили, что Германия

вступила в войну с Польшей. В целом, и молодые, и бывалые танкисты, это известие встретили спокойно. Ни на чью сторону из воюющих стран явно не становились и давали острожную оценку складывающейся ситуации в Европе. Но, если о Германии говорили сдержанно (все-таки имеем мирный дружественный договор), то в отношении Польши раздавались злорадные смешки и реплики. Дескать, пусть сейчас эти поляки повоюют на конях с немецкими танками. Это было понятно: Польша, на протяжении веков, и для царской России, и для коммунистического СССР, всегда была извечным врагом. Особенно эти чувства у советских людей проявились после 1920 г., когда польское панское государство отобрало у великой державы западные районы Беларуси и Украины.

Но при всех тех больше радостных, чем грустных, настроениях, многие уже немолодые, опытные военные, понимали, что придет время и Советскому Союзу придется схлестнуться с фашистской Германией в открытой схватке. И она будет не на жизнь, а на смерть.

Иван Баранов, вместе с другими такими же, как и он, молодыми солдатами Красной Армии постигал танковую науку. Каждому удачному вождению, выстрелу из танковой пушки, молодые танкисты радовались как дети. На танковом полигоне командиры учили их поражать не просто цели, а видеть в них врага. А враг, как известно, воевать умел. Говоря так, все командиры и танкисты-курсанты понимали, что под словом «враг», имелся в виду немецкий солдат. Командиры доводили до молодых танкистов, что танковая наука и промышленность Германии не стоят на месте. Во время войны в Испании в 1936-1939 гг. у немцев, воевавших на стороне франкистов, были танки Т-I. На последнем параде в Берлине, уже прошли Т-II. А сейчас на потоке средний танк Т-III, у которого калибр пушки – 45 мм. И молодые танкисты представляли себе нашу 22-мм броню против этих немецких танковых орудий: один снаряд – и машины нет.

... Европа уже воевала. Газеты, которые приносили в подразделение Ивана, будто пахли порохом. Танкисты знали, что им придется воевать, и что противник – фашистская Германия. Знали, но никто об этом не говорил вслух. Главная тема раздумий танкистов была словно под запретом. Германия и СССР. Договор о ненападении. Во всех газетах твердилось, что договор действует и соблюдается. Это ежедневное напоминание вселяло тревогу и наводило на мысли: скоро будет война.

Прослужив короткое время, И.Ю. Баранова, в составе дивизии, направили в Беларусь, где он принял участие в освободительном походе по присоединению Западной Беларуси к Восточной.

На основании секретного соглашения между Германией и Советским Союзом войска Красной Армии вошли 17 сентября 1939 г. в Запад-

ную Беларусь и Западную Украину, захваченных Польшей в 1920 г. В этот же день были заняты Барановичи, 18 сентября – Новогрудок, Лида, Слоним, 19-го – Вильно, Пружаны, 20-го – Гродно, 21-го – Пинск, 22-го – Белосток и Брест. Польские воинские части пытались сопротивляться. Наиболее жестокие бои происходили в районе Гродно, в которых принял боевое крещение и Иван Баранов. Поход войск Красной Армии продолжался 12 дней. Советские войска заняли территорию, примерно, в 190 тыс. км² с населением около 12 млн. чел., в основном украинцев и белорусов. Западную границу СССР отодвинули на запад на 200-300 км.

25 сентября 1939 г. Польша, как государство, перестала существовать на карте мира.

В честь победы над Польшей в Гродно, Бресте, Пинске и других городах происходили совместные советско-германские парады.

На Белорусском фронте всего в боевых действиях участвовало 200 тыс. бойцов и командиров Красной Армии. Потери на территории Украины и Беларуси составили 1475 чел., из них 339 младших и средних командиров.

После этой военной кампании Иван Юлианович продолжил военную службу в 36-м танковом полку 18-й танковой дивизии, где активно постигал танковую науку. 21 ноября 1939 г. ему было присвоено воинское звание “сержант”.

Летом 1941 г. сержант И.Ю. Баранов служил командиром башни танка Т-26. В боевых действиях начал участвовать с 26 июня 1941 г. на Западном фронте. Ему пришлось стать участником Лепельского танкового сражения, которое происходило в Беларуси с 6 по 11 июля 1941 г. На Лепельском направлении был осуществлен контрудар 7-го и 5-го механизированных корпусов в полосе 20-й армии Западного фронта. Для разгрома лепельской группировки противника, которая оценивалась, как главная, командующий 20-й армией генерал-лейтенант П.А. Курочкин поставил задачу силами двух механизированных корпусов – 5-го (командир генерал-майор танковых войск И.П. Алексееenko) и 7-го (командир генерал-майор В.И. Виноградов) – нанести контрудар в направлении Сенно. Предполагалось, что 5-й и 7-й механизированные корпуса, имевшие в своем составе на 6 июля 974 и 571 танк соответственно, обеспечат разгром вражеской группировки с дальнейшим развитием успеха на Лепель и Кубличи.

Вначале действия советских механизированных корпусов на Лепельском направлении развивались успешно. Противник выдвинул на встречу им 17-ю и 18-ю танковые дивизии, насчитывавшие около 500 танков. Оба корпуса, преодолевая сопротивление врага, достигли района

севернее и южнее Сенно. Однако уже к исходу 6 июля танки израсходовали почти весь запас горючего (в баках оставалось около 25% заправки). Многие формирования понесли большие материальные потери. Так, из 61 танка 14-й танковой дивизии 7-го корпуса, принимавшего участие в атаке, в исходное положение, после ее отражения противником, вернулось только 30 танков. Проведенная несколько позже атака 28-го танкового полка этой дивизии успеха также не имела. Переправившиеся через реку советские танки попадали под огонь противотанковых орудий противника и фланговый огонь его танков, подошедших ночью. В итоге в исходное положение после неудачной атаки вернулись всего 20 танков из 51. Людские потери составили около 30%.

“В целом действия мехкорпусов в первые недели войны против ударных группировок противника с целью изменения хода событий не увенчались успехом ни на одном из стратегических направлений. Только в боях на Западном фронте советские танковые войска понесли огромные потери. В период с 22 июня по 9 июля 1941 г. было потеряно 4799 танков при среднесуточных потерях в 267 машин. Почти весь танковый парк мехкорпусов Западного фронта остался на территории Беларуси”⁷. Танки были сожжены, подбиты немцами, а многие брошены из-за нехватки горючего.

Уже во время этого сражения немцы столкнулись с ставшими впоследствии знаменитыми советскими “тридцатьчетверками” и почувствовали силу их ударов. Немецкий историк Пауль Карель в своей послевоенной книге “Восточный фронт” описал первую встречу немецкой 17-й танковой дивизии с Т-34 8 июля 1941 г. во время той танковой битвы в районе Сенно в Беларуси, на Западном фронте. Он написал, что немецкие артиллеристы испытали шок от неуязвимости советского танка, когда 37-мм снаряды отскакивали от брони “тридцатьчетверок” проходивших насквозь германские боевые порядки. Один из Т-34 остановить смогло только болото, где он застрял, уже в пятнадцати километрах от передовой. Там его и “прикончило” длинноствольное орудие дивизионной артиллерии. “...Трудно даже представить, какие последствия могло повлечь за собой массированное применение Т-34 в первые недели войны,”⁸ – делает вывод немецкий историк. Это говорит о том, как к 1941 г. советская инженерная мысль далеко обошла конструкторов гитлеровской Германии в технологическом процессе по производству танков, полностью отвечавшим требованиям того времени.

... Бой отгрохотал, как весенний гром. На поле боя догорали советские и немецкие танки. наших было больше. От резиновых катков, охваченных пламенем, валил черный, как тушь дым. Сейчас выяснилось, что немецкие наводчики почти не мажут на значительном расстоянии. На полигонах Германии их приучали стрелять, когда цель не ближе, чем за

километр. Из этого тяжелейшего боя Иван Баранов вынес уверенность в том, что нам предстоит учиться воевать. И во многом учиться придется у врага. Были взяты в плен немецкие солдаты – первые пленные этой войны, которых увидел Иван. У них в глазах не было страха. На допросах они смотрели на советских бойцов и командиров нахальным, звериным, ледянящим взглядом, и как заведенные повторяли: “Сталин капут”. У многих из них были тяжелые, заскорузлые руки говорившие о том, что принадлежат они отнюдь не буржуа-капиталисту, а человеку, привыкшему к повседневному тяжелому физическому труду. Перед нашими бойцами и командирами находились представители немецкого рабочего класса и крестьянства. От этого горького признания Иван и другие танкисты вдруг себя почувствовали жестоко обманутыми. Как часто до войны советские газеты писали, что рабочие Германии не поднимут руку на первое в мире социалистическое рабоче-крестьянское государство. От таких встреч с пленными на душе оставался горький осадок...

В лучах знойного июльского солнца волнами летели немецкие бомбардировщики. Нашей авиации не было видно. Надрывный гул множества моторов давил. Фашисты летели бомбить наши войска и тыловые объекты. Тогда еще танкисты не знали, что бомбы вскоре посыплются и на танки. От них негде будет укрыться и ежедневно танкисты будут нести потери не от наземного боя. Так почему же произошло такое страшное избиение танковых войск Красной Армии летом 1941 года? Здесь несколько причин: 1-я – лучшая готовность гитлеровских танкистов и артиллеристов к действиям в военных условиях, и намного худшая – у советских. Немецких танкистов-наводчиков учили стрелять по целям с больших расстояний (более 1 км), а советских – на более короткие дистанции. Поэтому советских танков поражалось намного больше, чем немецких. 2-я – слабое бронирование советских танков. Оно было в основном противоположное. 3-я причина – отсутствие такого боевого опыта у советских танкистов, каким к 1941 г. обладали немецкие танкисты. К началу Великой Отечественной войны немцы являлись участниками крупных операций по захвату стран Европы, где в большом количестве применялись танки. Советские танкисты с такой тактикой и стратегией массового применения мотомеханизированных войск знакомы не были. Все это вместе взятое и предопределило поражение советских танковых и механизированных корпусов в 1941 г.

С первых дней войны с мест, захваченных немецкими войсками, стали поступать сведения о жестокости и бесчинствах завоевателей в отношении пленных красноармейцев и гражданского населения. Вот некоторые из многочисленных сообщений, опубликованных в “Правде” летом 1941 г.: “Если бы мне месяц назад сказали, что есть на земле люди, способные

на такие гнусные зверства, какие чинят германские фашисты в Бресте, я не поверила бы. (Елену Ковальчук, рассказ которой поместила “Правда”, красноармейцы нашли в лесу почти в бессознательном состоянии. Спасшись бегством от фашистов, она поведала, какой ад они уготовили мирным жителям Бреста). Только хищные звери могут так терзать людей.

Ворвавшись в город, фашистские бандиты занялись грабежом. День и ночь они рыскали по квартирам, забирали все, что можно взять. Там, где ночью им не открывали квартир, фашисты силой выламывали двери, убивали обитателей жилищ, расхищая и уничтожая их имущество.

24 июня гестаповцы согнали на футбольное поле много жителей Бреста. Тут были белорусы, поляки, украинцы, русские, евреи, здесь были мужчины и женщины, старики и дети. У многих женщин на руках были грудные дети. Путь к футбольному полю был ужасен. Удары прикладов фашистские изверги обрушивали на головы своих жертв. Не пот, а алая кровь струилась с лиц мужчин и женщин в тот жаркий летний день.

Но настоящая дикая расправа над безоружными людьми началась на футбольном поле. Фашистские изуверы, садисты начали расстреливать людей поодиночке. На глазах у матерей расстреливали их детей. Одна молодая женщина крепко прижала к груди своего плачущего младенца. Жирный фашистский изверг вырвал у матери ребенка и с силой бросил его на землю. Мать бросилась, как львица, на душегуба, но другой фашист сбил ее с ног ударом приклада в голову. Над полем стояли стон, крики, неистовые вопли, плач, рыдания. Мужчины стояли молча, спокойно. Только в глазах их можно было прочесть великую ненависть к лютым врагам.

Оставшимся в живых фашистский офицер скомандовал: “Бегите!” – и толпа побежала. Вслед бегущим застрочил пулемет. Поле покрылось трупами. Меж трупов убитых с земли привстал смертельно раненный старик с окровавленной головой. Он поднял кверху сжатый кулак и крикнул палачам:

— Помните, гады, придет возмездие, и скоро придет. Сыны наши, Красная Армия отомстят за нас!

Подбежавшие фашисты затоптали старика своими грязными сапогами.

После расправы на футбольном поле не проходило ни одного дня без новых кровавых жертв. Несколько дней я скрывалась на чердаке одного дома. Темной ночью бежала из города, как из ада, где воздух отравлен смрадом гниющих трупов. Три дня бродила я голодная, обессиленная по лесу. Много других жителей каждый день бежит из города куда глаза глядят.

Братья, родненькие! Бейте фашистских разбойников, истребляйте

лютых злодеев. Муж мой, младший лейтенант, бьется с врагами. И я буду драться до последнего вздоха с фашистскими разбойниками, палачами, грабителями.

Елена Ковальчук.
Правда, 1941, 11 августа.”⁹

А вот еще одно сообщение: “Внезапным разбойничьим ночным налетом немцам удалось захватить один из наших городов в районе Минска. Жители, не успевшие уйти из города, были согнаны на площадь. Пьяное фашистское офицерье, глумясь над населением, прежде всего разлучило матерей с детьми. Детей на грузовиках увезли в одном направлении, матерей погнали в другом... Те из мужчин, которые пробовали протестовать, были брошены на землю, избиты до потери сознания и вывезены за город. Никто их больше не видел.

Оставшихся мужчин немцы стали делить на группы. Евреев, рабочих, пленных красноармейцев, коммунистов, командиров, работников городского Совета поставили в разные места площади и тут же стали чинить расправу. Всех евреев, командиров и пленных красноармейцев били прикладами, топтали сапогами, выламывали пальцы, зубы. И когда избиваемые перестали стонать, облили их водой, привели в чувство и заставили тех, кто еще мог двигаться, построиться в шеренгу. Эту шеренгу погнали через город в лес и там расстреляли.

Те из рабочих и советских работников, которых не тронули, ждали своей участи. Они были уверены, что за первой шеренгой последует и вторая.

“Мы были готовы к смерти, - рассказывает рабочий Мураев. – К нам подошел офицер и на ломаном русском языке крикнул, что жизнь будет сохранена тем, кто будет послушно себя вести и хорошо работать. А тот, кто осмелится протестовать, пусть вспомнит то, что он видел сейчас на площади...”

После такого напутствия нас согнали в сарай и заперли. Восемь дней мы пробыли там без пищи.

В виде особой милости нам иногда совали ведро мутной, тухлой воды, и несколько десятков заключенных делили между собой каждый глоток. Восемь дней мы медленно умирали с голода. Те из нас, кто был нездоров, так и не дожили до того дня, когда нас послали на работу... А работа заключалась в том, что нас заставили разобрать обломки зданий и чинить дороги. Нам не дали ни лопаты, ни молотков, мы должны были работать голыми руками. Немцы боялись, что молоток или лопата даже у истомленных восьмидневной голодовкой людей может оказаться гроз-

ным оружием против них, нашей стражи, вооруженной автоматами.

Обессилевшие от голода люди с трудом ворочали камни, падая от изнеможения. Упавших били нещадно. Но никакая боль от побоев не могла заставить подняться тех, кто и без этого был на грани смерти.

После первого дня работы те из нас, в ком еще осталось хотя немного сил, были вновь согнаны в сарай. Нам дали по маленькому куску хлеба и предупредили, что это вся наша пища на два дня.

Но даже этого кусочка многие проглотить не смогли, у них начались голодные спазмы...”

Мураев, рабочий.”¹⁰

Тогда, летом 1941 г. у воинов Красной Армии жестокость захватчиков породила страшную ненависть. У гитлеровцев было подавляющее преимущество. Уверенный в своей безнаказанности, враг действовал как садист.

В том аду, в той мясорубке, Иван Баранов уцелел. Разбитая танковая дивизия, в которой он воевал, с боями стала отходить на восток.

... Закончился сентябрь. Все лето и начало осени прошли в непрерывных боях. От танковой дивизии, где служил Иван Баранов почти ничего не осталось. Их вывели на переформирование. Исходя из опыта, вынесенного из боев, командование Красной Армии вынуждено было отказаться от такого воинского объединения, как танковая дивизия и перейти на бригадное. Да и при всем желании сохранить в армии танковые дивизии, не получилось бы. К осени 1941 г. эти танковые части потеряли до 80 – 90% танкового парка и дивизиями числились только на бумаге. Пополнять их техникой не представлялось возможным т.к. новые танки заводами производились в малом количестве. Оставшиеся танки на фронтах сводились в бригады и отдельные танковые полки и батальоны. Эвакуируемые на восток страны заводы еще находились на платформах железнодорожных составов и конечно же не могли начать выпуск бронетанковой техники. Танки на фронте стали на вес золота. От такой реорганизации получили и пользу. Подразделения бригадного и батальонного состава были более мобильными и легче управлялись в часто меняющейся обстановке боя. Вот как об этом вспоминал впоследствии генерал армии Д.Д. Лелюшенко, начинавший войну в должности командира 21-го механизированного корпуса: “... На втором месяце войны Ставка приняла решение упразднить механизированные корпуса, их дивизии подчинить непосредственно по армиям и приступить к формированию танковых бригад, полков и отдельных батальонов. Расформировали и 21-й мехкорпус. В конце августа меня вызвали в Москву для нового на-

значения... А между тем бои уже шли в районе Смоленска. Фронт быстро приближался к границам Московской области. 28 августа мне приказали явиться в Кремль, в Ставку... Не успел осмотреться в приемной, как ко мне подошел человек в штатском.

— Вы, наверное с фронта? – спросил он.

— Да, только вчера.

— Давайте познакомимся. Моя фамилия Малышев.

Я представился.

—Присядем. Хотелось бы кое-что спросить у вас.

Присели.

—Скажите, как показали себя в боях наши Т-34?

—Очень хорошо. Танки противника Т-IV с их короткоствольной 75-миллиметровой пушкой по силе огня, маневренности и броневой защите не идут с «тридцатьчетверками» ни в какое сравнение.

—А как БТ и Т-26?

—Эти явно устарели. Еще до начала войны мы, танкисты, предлагали надеть на них дополнительную броню. Приходилось приспособливать к этим машинам так называемые экраны, даже своими силами в походных мастерских. Помню, в экранированный таким образом танк Т-26, где я находился, попало во время финской кампании 12 снарядов. И ни один не пробил броню! Но это разумное предложение не было осуществлено.

—Решение в свое время состоялось, но не было доведено до конца, – с горечью сказал В.А. Малышев. - Только теперь мы проектируем новые машины. Хотите посмотреть модель?

—Хочу, конечно...

Мы поднялись наверх... В кабинете Вячеслав Александрович взял со стола увесистую модель незнакомого мне танка. Из башни глядели два пушечных ствола. Внешне машина чем-то напоминала «тридцатьчетверку», только башня была перенесена к корме.

—Как подсказывает боевой опыт? – спросил Малышев.

—Честно? – Я с пристрастием разглядывал модель.

—Совершенно честно, как думаете.

—Тут две 76-миллиметровые пушки. Значит, нужно иметь двух наводчиков, двух заряжающих. Не много ли? Габариты танка от этого увеличатся. Увеличится и вес машины, а, следовательно, замедлится маневр. Может быть, лучше поставить одну пушку, но дать к ней побольше боеприпасов, посильнее сделать броню, особенно в лобовой части корпуса и башни. Побольше иметь горячего.

—Соображения серьезные, над этим следует подумать, - сказал Вячеслав Александрович». ¹¹

После этого разговора у генерала Лелюшенко состоялась встреча со Сталиным и Шапошниковым. Как вспоминает Лелюшенко, начальник Генерального штаба поставил ему следующую задачу: «... Вам поручается в сжатые сроки сформировать 22 танковые бригады. Материальная часть будет поступать с заводов страны и из ремонтных мастерских. План формирования в Главном автобронетанковом управлении есть. По мере готовности докладывайте нам через товарища Федоренко или непосредственно в Ставку, когда мы потребуем».¹²

Из этих воспоминаний генерала армии Д.Д. Лелюшенко мы видим, какое огромное значение Ставка Верховного Главнокомандования придавала танковым войскам Красной Армии на начальном этапе Великой Отечественной войны. Стало ясно, что защита Москвы и других промышленных центров страны, в первую очередь, будет зависеть от количества созданных новых танковых и механизированных частей, оснащенных самыми современными образцами бронетанковой техники, превосходящей немецкие вооружения.

5 октября 1941 г. немецкие танковые и моторизованные войска заняли города Юхнов и Малоярославец, которые находились в сотне километров от Москвы. По шоссе немецкие танки могли пройти это расстояние за два часа. Но немцы не пошли на советскую столицу, а повернули на Вязьму, в тыл армиям Резервного и Западного фронтов. Так, еще на дальних подступах, началась битва за Москву. О замысле противника и его группировке советское командование тогда имело лишь ориентировочные данные. Позже стало известно, что немцы для наступления на Москву уже в конце сентября 1941 г. сосредоточили 77 отборных дивизий, в их числе 22 танковых и моторизованных, в общей сложности более 1 млн. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, 950 самолетов. Гитлеровским войскам противостояли силы наших трех фронтов: Западного, Резервного и Брянского, насчитывавшие в общей сложности около 800 тыс. человек, 6800 орудий и минометов, 780 танков (из них 140 тяжелых и средних), 545 самолетов в основном устаревших конструкций.

Эта операция у немцев получила кодовое название «Тайфун». По этому плану фашисты рассчитывали прорвать оборону советских войск, окружить и уничтожить наши основные силы в районе Вязьмы и Брянска, до наступления зимы овладеть Москвой и тем самым предредить исход войны.

Немецко-фашистские войска по живой силе и технике значительно превосходили советские войска. Имеющихся сил для защиты Москвы было недостаточно. Ставка решила укреплять фронты, обороняющие

столицу, добровольцами из рабочих предприятий города, комсомольцами московских заводов, фабрик и вузов. 13 октября в Москве собрался партийный актив столицы. Участники собрания выразили уверенность в том, что столичная партийная организация объединит и воодушевит трудящихся Москвы на беспощадную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. И трудящиеся столицы отозвались на призыв партийного и комсомольского актива. В Москве было сформировано 16 дивизий народного ополчения, которые значительно укрепили истекающие кровью части Красной Армии. Дивизии ополченцев сражались героически и почти все они заслужили звание гвардейских.

Одновременно было сформировано 87 истребительных батальонов и несколько отдельных отрядов, состоявших почти на 90% из коммунистов. Из Москвы ушло на фронт в те дни 100 тыс. коммунистов, 260 тыс. комсомольцев.

Тяжелейшие бои начались с 12 на 13 октября на Бородинском поле и вдоль автострады Москва – Минск. В этих боях советские воины проявили массовый героизм. Борьба шла за каждый населенный пункт, выгодный рубеж. Некоторые деревни по нескольку раз переходили из рук в руки, но советские воины стойко отстаивали каждую пядь своей земли.

В Московской операции гитлеровцы почувствовали особую мощь советских танков Т-34. Немецкие фашисты это признавали открыто. Вот как оценивал «тридцатьчетверки» Гудериан, большой знаток танков, после боев под Орлом и Мценском в октябре 1941 г.: «6 октября... южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить... Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию групп армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с нашим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущем». ¹³

Когда провалилось октябрьское наступление гитлеровцев на Москву, наступило временное затишье. Враг взял паузу, чтобы перегруппировать свои войска и подтянуть резервы.

7 ноября 1941 г. на Красной площади был проведен парад войск Красной Армии, который еще больше сплотил и вдохновил народ и армию на борьбу с врагом. С речью выступил И. В. Сталин. С Красной

площади танки, тягачи, пушки, броневики, пехота напрямик уходили на фронт, который находился в нескольких десятках километров от Москвы.

15 ноября немцы предприняли новое наступление на Москву. На этот раз они обходили ее с севера, со стороны Калинина, нанося главный удар на Клин, а на юге – в направлении Тулы.

В октябре 1941 г. Иван Баранов оказался под Москвой, в своем довоенном округе, где начинал службу. Отсюда было рукой подать до Калуги, откуда он отправил свою последнюю фотокарточку родителям в родное Песочное. “Видно будет ранняя зима”, – подумал Иван. Падал мокрый снег. В темноте он казался черным. Сапоги скользили по еще не схваченному морозом чернозему. Недалеко на западе полыхало зарево. “Горят подмосковные деревни. Уже почти зима, как же люди зимой жить будут без своих хат? Жгут фашисты проклятые,” – лезли мысли в голову Ивана. Низкие плотные тучи давили на это зарево, оно растекалось по горизонту, как лава огнедышащего вулкана. Это горел Красногорск. “Красногорск – уже почти Москва”, – сказал кто-то из танкистов. Все промолчали. Говорить не хотелось. А думалось о многом. Разве еще этой весной, совсем недавно, он предполагал, что немец окажется под Москвой? Если бы такое кто сказал в то время – расстреляли бы как паникера.

Танковую бригаду Ивана Баранова перебросили под г. Клин. В одном из боев он был ранен. Ему повезло – рана оказалась легкой. Подлежавший в медсанбате сержант Баранов снова сражался с врагом.

К тому времени командиры взвода, роты, батальона, знали, что Иван Баранов уже состоялся как танкист, хорошо чувствует машину, осмотрительный и не робкий. Он побывал уже не в одном бою, остался жив, поэтому ценен вдвойне. В бою с таким командиром башни танка Т-26 экипаж чувствует себя уверенно. Больше молчалив, чем разговорчив. О себе рассказывать не любит. Да и когда было? Все время в боях-сражениях.

25 ноября мороз достиг 30°. Резкое похолодание сопровождалось сильным снегопадом, который затруднял продвижение войск. Но несмотря на это, маневрируя танками, гитлеровцы продвигались вперед. Бои дошли до предельного ожесточения. Наши танкисты огнем, гусеницами и танковыми ударами крушили врага.

В конце ноября боевые действия под Москвой достигли своего апогея. Части Красной Армии, несмотря на многократное превосходство в силах гитлеровских войск, выдержали этот страшный удар и остановили врага. Они нанесли противнику большие потери, затормозили, а потом и остановили его наступление. На клинском и солнечногорском направлениях гитлеровцам удалось добиться некоторого успеха и вклиниться в оборону советских войск. Однако линия обороны, то выгибаясь вперед,

то отодвигаясь назад под натиском противника, все же сохранилась как единое целое. Стало заметно, что враг выдыхается. Инициатива явно переходила к Красной Армии.

Только с 16 ноября по 5 декабря 1941 г. фашисты потеряли под Москвой 55 тыс. убитыми, свыше 100 тыс. ранеными; было уничтожено 777 танков, 297 орудий и минометов, 1500 самолетов.

Весь мир с неослабным вниманием следил за великой битвой, развернувшейся на заснеженных полях Подмосковья и ждал ее исхода. Устоят ли русские? Не сдадут ли они свою столицу? Советский солдат устоял и не сдал Москву.

Фашистский генерал Блюментрит в своих воспоминаниях писал, что в те дни “каждому солдату немецкой армии было ясно, что от исхода битвы за Москву зависит наша жизнь или смерть. Если здесь русские нанесут нам поражение, у нас не останется больше никаких надежд”.¹⁴

... Однажды, выйдя из боя, оставшиеся невредимыми Т-34, БТ-7, Т-26, Т-28, остановились на краю небольшого леса. Иван открыл люк, внутрь танка хлынул поток свежего воздуха. Сразу же расхотелось оставаться внутри дымной, загазованной машины и он вылез наружу. Возле замерших танков царило оживление. Люди радовались, что остались живы. И на этот раз коса Смерти пронеслась мимо них. Иван спрыгнул на землю, опустился прямо в снег, опершись спиной о переднюю часть закругленной гусеницы. Рядом присели члены его экипажа. Все молчали, вдыхая чистый морозный воздух, и не могли надышаться. Сержант Баранов вспомнил о параде наших войск, который проходил 6 ноября на Красной площади. Тогда все танкисты находились под впечатлением речи Сталина. Верховный главнокомандующий сказал то, о чем думал каждый: “Придет время, и на нашей улице будет праздник”. Танкисты спрашивали друг друга: “Где Сталин произносил свою речь?” Знали только, когда он говорил: в те вечерние часы немецкие бомбардировщики совершали очередную налет на Москву и все вечернее небо было исполосовано белыми лучами прожекторных установок ПВО. В тот же день танкисты узнали, что репортаж с парада на Красной площади транслировался по радио и что все приемники Советского Союза были настроены на волну Москвы.

Иван вспомнил о родном Песочном. “Как там отец, мать, младшие братья и сестра? Живы ли, находясь в оккупации под немцем?” – задавал мысленно себе он вопросы и не находил ответов. Его память нарисовала картины, когда до войны устраивались деревенские парады на 7 ноября и 1 мая, и его земляки шли в праздничной колонне по центральной улице местечка. А во главе колонны ехал его родственник, школьник, Саша Никонович, на им же собранном макете самолета. “Где он сейчас, Саша

“Грибов”, как на них говорят по-уличному? Слышно было, что служит где-то в авиации. Жив ли? Эх, сейчас бы пройтись по местечку, да на садок взглянуть через забор, который я с отцом и братьями посадил когда-то, – вот была бы радость. А потом сходить на Неман и прокатиться по укрепившемуся льду на коньках...” Вспомнив о Москве, он думал о Песочном. В эту зимнюю пору местечко продувают порывистые ветры, метели сменяются короткой оттепелью, и тогда дорога, улицы, деревья покрываются ледяной коркой – начинается гололед...

Стустились сумерки и пошел мягкий снег. Было начало декабря 1941 года – самое тяжелое и кровопролитное время войны. К утру снегопад приутих. Стало подмораживать. Крепчал мороз. Чувствовалось, как резко понизилась температура. Из танка улетучилось последнее тепло. От брони веяло ледяным холодом, который пробирал тело до костей. “Да, зима полностью вступила в свои права и до тепла теперь далеко”, – невесело подумал Баранов. Не один раз он размышлял о немцах. “Зачем вы пришли сюда? Кто вас просил? Если бы в гости к нам пришли, мы всегда вам были бы рады, а так, как бандиты и воры непрошенные, значит, получите здесь свое. Вы получите не сказочные богатства, нарисованные вашей гитлеровской пропагандой в вашем воспаленном мозгу, а яму в два метра с березовым крестом. Уж, не обессудьте”. Так думал танкист сержант Иван Баранов о врагах, 21-летний парень из белорусского местечка Песочное, вставшего грудью на защиту столицы нашей Родины – Москвы.

Не раз и не два наши танкисты среди взятых в плен немцев, искали богатеев-капиталистов и не могли найти. На это обращал внимание танкистов и комиссар бригады. Он говорил, что трагедия Германии заключается в страхе немецкого обывателя перед страшной репрессивной германской машиной гестапо и СД. Обыватель, чтобы сберечь свою шкуру и разбогатеть, готов убивать каждого. Находились еще и такие среди наших бойцов, которые верили, что среди немцев где-то должны быть и порядочные. Но, когда узнавали о зверствах, чинимых гитлеровцами в отношении наших мирных жителей и пленных красноармейцев, эта вера быстро улетучивалась, и тогда в сердцах и душах таких бойцов рождалась ненависть. Они начинали понимать очень простой закон войны: чтобы победить врага, его нужно ненавидеть.

“Почему-то, – подумал Иван, – мгновения перед боем представляются вечностью, успеваешь о многом вспомнить и многое загадать. Такое обычно бывает, если ты рядовой солдат и тебе надо точно и быстро исполнять команды, да еще если командир предупреждает быть предельно внимательным и ни о чем не думать. Вот именно тогда в голову приходят

разные, часто посторонние мысли. Это было при обороне Москвы. Когда ты в бою, некогда предаваться размышлениям. Весь мир сужается до размеров поля боя. И тут главное одно: во всем опережай противника, или он опередит тебя. ... Поединок с фашистскими танками всегда захватывает, как может захватить страсть, сильная и неотступная. Других мыслей не бывает, кроме той, которая движет танкистом – не дать врагу уйти живым. Такой бой идет только на истребление. А немцы не молчат, не отсиживаются. Они – умелые вояки, поэтому почти всегда быстро приходят в себя от нашего огня, ведут огонь из пушек, и снаряды ложатся кучно, прицельно. Броня танка не гудит, а кажется стонет, и каждое попадание осколками в танк, близкий разрыв снаряда, отзывается жестокой болью, как будто чем-то острым металлическим прокалывают барабанные перепонки.”

...Очередной бой закончился. Т-26 развернулся. Механик-водитель подвел машину к пылающим немецким танкам и выключил двигатель. На снегу застыли в неудобных позах немецкие танкисты. Иван выбирается с товарищами из машины и рассматривает убитых. Немецкие танкисты, что удивительно, в парадной форме. Кто-то высказывает предположение:

— Это они, чтобы не переодеться. Прямо из боя – на парад, по случаю захвата Москвы.

Увиденное нашими танкистами объяснялось просто: в связи с очень суровой зимой 1941 года генерал Гудериан разрешил своим танкистам надеть парадное обмундирование поверх повседневного, как дополнительное для утепления, которое они везли с собою для парада в Москве.

Утром 5 декабря 1941 г. весь Западный фронт перешел в наступление. Устремилась вперед и 143-я танковая бригада Ивана Баранова. 12 декабря разнеслась радостная весть: Совинформбюро сообщило о провале немецкого плана взятия Москвы. В сообщении советских газет говорилось, что 6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери... С 6 по 10 декабря захвачено: 386 танков, 704 орудия, 305 минометов, 4317 автомашин. За этот же срок уничтожено нашими войсками (не считая действий авиации): 271 танк, 211 орудий и минометов, 565 автомашин. Кроме того, захвачено огромное количество другого вооружения, боевой техники и военного имущества. Противник с 6 по 10 декабря потерял на поле боя более 30 тысяч только убитыми. Это сообщение воодушевило воинов Красной Армии и весь советский народ. Час расплаты настал! В сводках Совинформбюро появились названия городов и деревень, освобожденных от врага. В ходе кон-

трнаступления под Москвой советские войска освободили от захватчиков свыше 11 тыс. населенных пунктов, вернули свободу более чем 1 млн. советских людей. Фашистов отогнали на 100 – 250 км от Москвы. Угроза столице СССР и всему Центральному промышленному району была ликвидирована. Это была великая победа. Она оказала решающее влияние на дальнейший ход Великой Отечественной и второй мировой войны. Главное – она была первой с начала этой войны. Под Москвой потерпели поражение 38 вражеских дивизий. Гитлеровский план “молниеносной войны” окончательно провалился. Но наступление не могло длиться долго. Обескровленные, измотанные в оборонительных и наступательных сражениях части Красной Армии, натолкнувшись на заранее подготовленную, глубокоэшелонированную оборону гитлеровцев, остановились. По всему было видно, наше зимнее наступление выдохлось. Давил январский мороз, и все чаще над полями и лесами черного от копоти Подмоскovie мели метели. Высокие сугробы, как запруды, опоясывали дороги. Из сугробов острыми углами торчала разбитая немецкая техника.

Заключительную фазу разгрома немецко-фашистских войск под Москвой сержант Иван Баранов не увидел. В декабре 1941 г. сложилась тяжелейшая обстановка под Ленинградом и его, вместе с другими экипажами танков перебросили на Ленинградский фронт. Это случилось оккурат под Новый год. Чтобы читатель мог более ясно и четко представить обстановку и события, происходившие в начале Великой Отечественной войны на северном фазе советско-германского фронта, обратимся к замыслам гитлеровского командования относительно Ленинграда, какое место в своей авантюре гитлеровские генералы отводили второй столице СССР.

Уже в первоначальных планах германского генштаба прямо указывалось на необходимость разгрома важнейших политических и экономических центров СССР. 17 декабря 1940 г., за день до утверждения плана “Барбаросса”, в него вносится существенное дополнение, непосредственно относящееся к Ленинграду. Уточнялась задача группы армий “Центр”, которая после захвата Беларуси должна была повернуть танковые клинья на север и оказать помощь армейской группе “Север” в овладении Ленинградом. В случае быстрого захвата города группа армий “Центр” одновременно смогла бы развить наступление на Москву. Это уточнение в план “Барбаросса” внес лично Гитлер. Развитая промышленность города, в том числе и оборонная, крепость Кронштадт, историческое, духовное значение Ленинграда для всех советских людей – все это выдвинуло его в качестве одного из первых стратегических пунктов, намеченных гитлеровцами к покорению, с падением которого, как считал Гитлер, в СССР, “может наступить полная катастрофа”.

Хотя вся предшествовавшая история показала, что захватить “вторую столицу СССР” с ходу – задача явно авантюрная, германские стратеги не позволили себе и тени сомнения в том, что Ленинград падет – никакой альтернативы этой уверенности у них не было. Однако, как покажет в будущем весь дальнейший ход войны, призрачными оказались, как весь план разгрома СССР за несколько недель, так и его составная часть – действия на ленинградском направлении с целью “через три недели быть в Петербурге”. Но это выяснится позже.

Командующим группой армий “Север” Гитлер назначил В. фон Лееба, одного из самых опытных германских генералов. В 1895 г. он уже служил в армии. В 1909-1911 гг. занимал офицерские должности в генеральном штабе Пруссии. Участвовал в боях в Первую мировую войну. В боях против Франции Лееб командовал группой армий “Ц”. Он провел молниеносный удар по французам, в полном соответствии с указаниями Гитлера и планами генерального штаба. За это Гитлер наградил его рыцарским крестом и присвоил ему звание фельдмаршала. При нападении на Советский Союз войска под командованием Лееба стремительно захватили Прибалтику и подступили к Ленинграду. Гитлер думал, что его любимчик очень быстро займет и этот город. Уже после войны, на Западе попытались создать вокруг Лееба миф о большом военном профессионале, добром христианине-католике, недолюбливавшем Гитлера, и состоявшем к нему в оппозиции. Но, скорее всего, это была надуманная легенда, состряпанная западными политиками и писателями-историками. Однако, все его “положительные человеческие качества” не помешали ему принимать активное участие в гитлеровской захватнической политике в Европе, причем осуществлять ее путем войны, и принять от кровавого Гитлера высшее воинское звание генерал-фельдмаршала за порабощение Чехословакии в 1939 г. и Франции в 1940 г. Путь войск под командованием Лееба по советской земле был отмечен кровавыми массовыми расправами с мирным населением, жестокостью по отношению к военнопленным, насилиями и грабежами. Под командованием Лееба находились огромные силы: около 725 тыс. солдат и офицеров, 13 тыс. орудий, 1500 танков. 4-й танковой армией командовал генерал-полковник Геппнер, который считался среди немецких генералов крупнейшим специалистом по танковым прорывам. Группе армий “Север” был придан 1-й воздушный флот. Пехотные войска, с частью усиления, представляли 16-я и 18-я армии. Основная масса рядовых и офицеров имела опыт ведения боевых действий в Польше и во Франции. В ведении войны с СССР немцам оказывали помощь и финские войска.

Первые дни войны оказались самыми горькими, самыми трагическими. Пограничники и немногочисленные передовые части оказывали

на дальних подступах к Ленинграду упорное сопротивление врагу. Но слишком уж неравны оказались силы. В течение первого дня войны танки врага продвинулись от границы на расстояние до 50 км. Контрудары по врагу, наступавшему на Шяуляйском, Каунаском и Вильнюском направлениях, провалились. 24 июня немцы заняли Вильнюс и Каунас. 26 июня Финляндия объявила войну СССР. 1 июля германские агрессоры захватили Ригу. Ленинград начал готовиться к обороне.

С самого первого дня, когда никто еще не знал, какая судьба уготована городу, на призывных пунктах очереди добровольцев были куда длиннее тех, кто пришел с повестками... Записывались академики и вчерашние школьники, отставные военные и безумные студенты. История вместе с именами великих сохраняет и документы рядовых, ибо это они, рядовые, составили десять дивизий народного ополчения, защищавших родной Ленинград.

И сегодня в Государственном мемориальном Музее Оборона и Блокады Ленинграда рядом со знаменами прославленных воинских соединений хранится знамя дивизии народного ополчения, состоявшей из рабочих Кировского завода. Музейные экспонаты, содержащие пронзительные детали, возвращают нас в то далекое прошлое. На фотографиях заколоченный памятник Петру I, укрытые мешками с песком сфинксы, закопанные в землю клодтовские кони. Ленинградцы, как могли, спасали от снарядов и бомб свою историю. Тогда, в одной из своих передач, Ольга Берггольц сказала: «Нет ничего страшнее и печальнее памятника, сошедшего с места».¹⁵ Памятник генералиссимусу А.В. Суворову остался на месте. Он помогал городу сражаться, вдохновлял ленинградцев на подвиги...

В те дни и недели, когда еще хватало у Ленинграда сил думать о памятниках, гитлеровцы готовились к падению города с истинно немецкой педантичностью. Заранее был отпечатан в типографии путевой лист для проезда по городу. На нем красовалась вензельная подпись генерал-майора Кнута, заранее назначенного комендантом Ленинграда. Но он так и остался чистым, нетронутым и не использованным. Гитлеровские генералы назначили и сроки торжественного парада немецких войск на Дворцовой площади, и офицерского банкета в ресторане гостиницы «Астория» с пригласительными билетами с золоченым обрезаем.

В течение июля немецко-фашистские войска потеряли много танков. Леебх прихотилось вводить в бой резервы. Хотя темпы продвижения германских войск снизились, враг по-прежнему упорно рвался вперед. Уверенность в скором захвате Ленинграда не оставила гитлеровцев. 8 июля Гитлер и его окружение приняли “непоколебимое решение” сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от насе-

ления этих городов, которое “ в противном случае мы потом вынуждены будем кормить в течение зимы...”¹⁶ Главному фашисту Германии тогда казалось, что его бредни скоро станут реальностью.

4 сентября город впервые подвергся сильному артиллерийскому обстрелу. Среди погибших были дети. Фронтная артиллерия переводилась на прямую наводку.

6 сентября ленинградцы увидели на стенах домов листовки со стихами казахского акына Джамбула. Строки, которые сложил 96-летний старец, узнала вся страна:

*Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!..
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житься!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!¹⁷*

Началось ожесточенное сражение на Лужском рубеже и на Новгородском направлении. Уже 16-17 сентября немецко-фашистским войскам удалось прорваться к Финскому заливу. 17 сентября гитлеровцы вошли в ленинградские предместья. От крайней точки немецкого клина до центра города оставалось 14 км. В Берлине объявили, что участь Ленинграда решена, максимум через две недели город падет. Сочтя себя победителями, гитлеровцы стали перебрасывать часть моторизованных войск на московское направление. Но фашисты жестоко ошиблись. Бойцы и командиры Красной Армии стояли насмерть перемалывая немецкую пехоту и технику и не пустили гитлеровцев в город. Более того, отчаянным ударом красноармейцы захватили на левом берегу Невы плацдарм, который получил название “Невский пятачок”. В музее истории города есть и земля с “Невского пятачка”, начиненная металлом. После войны подсчитали: на 1 м² приходилось 10 кг металла.

25 сентября Лееб сообщил в Берлин, что своими силами он не сможет захватить город. Немцам пришлось перейти к обороне. В штурме

Ленинград выстоял. Пройдя сотни километров от западной границы, гитлеровцы так и не смогли одолеть последние 6 километров. Потеряв половину личного состава и техники, армии Лееба безнадежно застряли под городом.

Не сумев захватить город силой, фашисты решили задушить его голодной смертью. Уже в октябре месяце в окруженный город прекратились всякие поставки продовольствия. 11 октября в воздухе появились первые снежинки, а 17-го выпал настоящий снег. На то время в городе оставалось около 2,5 млн. человек. Подвоз продовольствия по Ладоге прекратился совсем.

Гитлеровские генералы вермахта изо дня в день готовились к вступлению в город и были уверены: блокада очень быстро сломит сопротивление войск и деморализует население. У них все было продумано наперед: откуда выедет командующий парадом немецких войск, в какой форме офицеры явятся на парад, в какой – на банкет. Они не взяли в расчет “самую малость” – силу сопротивления города и его защитников.

Читать и писать обо всем, что связано с продовольственной проблемой в блокадном Ленинграде, тяжело. Большинство людей, не переживших мук голодной зимы 41/42 гг., вряд ли в состоянии себе их представить. Но помнить людей тех дней, постараться понять их и соизмерить свое время с героическим и трагическим временем блокадного Ленинграда, нам необходимо.

Первое снижение хлебной нормы в городе произошло 11 сентября 1942, второе – 1 октября, третье – 13 ноября. 20 ноября было проведено пятое по счету снижение и установлена самая низкая карточная норма: 250 граммов суррогатного хлеба на рабочую карточку и 125 гр. – на служащую, детскую и иждивенческую.

Несмотря на принимаемые меры, уже в ноябре 1941 г. голодная смерть дала о себе знать – от нее погибло свыше 11 тыс. человек. В декабре умерло 52 тыс. человек, в январе-феврале 1942 г. еще около 200 тыс., за всю первую половину 1942 г. – свыше 600 тыс. Зимой даже для захоронения людям подчас не хватало сил. “... В декабре 1941 г. в кабинете А.А. Кузнецова командир 168-й стрелковой дивизии, сражавшейся в те дни на “Невском пятачке”, генерал П.А. Зайцев говорил о жестоких боях и больших потерях. А.А. Кузнецов, сдерживая себя, кивнул в сторону начальника инженерного управления Ленинградского фронта полковника Б.В. Бычевского: “Спросите его, зачем мы берем с фронта саперов. Они братские могилы на Пискаревке отрывают! Съездите туда, сравните потери в бою с теми, которые несет ежедневно население. А ведь они не ходят в атаку...” 662 братские могилы протяженностью 20 тыс. погонных

метров, вырытые за первый год войны, - последнее пристанище сотен тысяч людей.¹⁸

Понятия “фронт” и тыл” в Ленинграде стирались. Шатающимся от голода девочкам из добровольных бытовых отрядов мужества надо было не меньше, чем бойцам на фронте. Каждый дом казался огромным островом-крепостью, потому что предстояло забраться по обледеневшим ступенькам. Забираясь все выше и выше, казалось, что ты совершаешь восхождение в горы, как альпинист. Идешь, еле переставляя подкашивающиеся ноги, хочется присесть, но понимаешь, что если присядешь, то уже не встанешь. И они шли, еле переставляя ослабевшие, дрожащие ноги, иногда окровавив закусенные губы, чтобы через боль прийти в себя и не потерять сознание, шли спасать людей. Потом, оказавшись в квартире, надо было найти в темных промерзших комнатах ослабевших людей, принести кипятку, сходить за хлебом, снова подняться по ступенькам лестницы, умыться, подбодрить. Надо было вдохнуть жизнь в полумертвых людей, забывая о собственном голоде, слабости, своих семейных потерях.

“... Да и самого понятия “мирная специальность” для ленинградцев не существовало. В музее Оборона и Блокада Ленинграда, за стеклом одного из стендов мы видим грамоту, выданную в те годы Ленинградским исполкомом: “За высокое качество работы по воспитанию детей и проявленное личное мужество при защите жизни детей во время бомбардировок и артиллерийских обстрелов”. Фотография мальчика четырнадцати лет, у которого, как у всех ленинградских детей того времени, взрослые глаза. Под фотографией подпись: “Фрезеровщик оборонного завода А.В. Романов, овладевший тремя специальностями”. Необоронных заводов в Ленинграде в то время не было”.¹⁹

В городе поддерживалась жесткая дисциплина, прежде всего за счет сознательности населения. Все попытки гитлеровской агентуры посеять панику, разброд, провалились. Фашисты надеялись довести население города до отчаяния, до голодных бунтов, но получали лишь проклятия в свой адрес.

24 декабря 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление № 00493: увеличить нормы отпуска хлеба рабочим и ИТР до 350 граммов, служащим, иждивенцам и детям – до 200 граммов. С этой хлебной прибавки началось улучшение снабжения ленинградцев продуктами питания. Но это мало чем изменило положение в городе. Смертность среди жителей была страшная.

13 января 1942 г. началось наступление Волховского фронта. На него возлагались большие надежды. Но они не оправдались. Соединиться войскам Мерецкого К.А. с войсками Ленинградского фронта не удалось.

Наступление развивалось тяжело, медленно, хотя воины Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта сделали все, что смогли. Наступательные действия продолжались до середины марта 1942 г. Волховский фронт и 54-ю армию разделяла полоса шириной не более 30 километров. Но соединиться не хватило сил. Борьба приняла позиционный характер. Гитлеровцы с варварской методичностью обстреливали Ленинград. С декабря 1941 по март 1942 г. в городе разорвалась почти 21 тыс. снарядов. Обстрелы были направлены прежде всего против гражданского населения.

Вся страна была с Ленинградом. Зимой бесперебойно действовала дорога через Ладожское озеро. Ее назовут “Дорогой жизни”. Тысячи тонн грузов продовольствия и боеприпасов будет переброшено через нее в осажденный город. Это спасет жизни тысяч ленинградцев.

Подвиг, не знавший примера в истории человечества, совершили водители Ладоги. Они, в первые недели совершавшие по одному рейсу, построили свою работу так, что за сутки проезжали через замершее озеро не менее 2-х раз. Многие из них успевали, невзирая на усталость, совершать три и даже четыре рейса. Рядом с плановыми грузами шли в Ленинград и подарки, собранные трудящимися всей страны. Всего было отправлено в первую военную зиму через “Дорогу жизни” 1546 тонн посылок.

Продовольственная помощь Ленинграду шла не только с Большой земли, но и с оккупированной территории Ленинградской области. Жители этих территорий собрали свыше двухсот подвод продовольствия. Прорываясь через немецкие гарнизоны, лесными тропами, партизанские отряды доставляли это продовольствие в город. Началась первая военная весна. Как не удалось гитлеровцам захватить город с ходу, так и не смогли они задушить его голодом. Ленинград выстоял.

*Ты выбивался из последних сил,
Ты пить хотел, но воду не просил –
Солдаты просят воду перед смертью.
А ты сражался. Ты стоял. Ты жил.²⁰*

Эти строки сражающемуся Ленинграду посвятил дагестанский поэт Расул Гамзатов.

В музее Оборона и Блокада Ленинграда в “комнате блокадника” находится репродуктор того времени. В радиокomitee у микрофона каждый день садился диктор. Передачи всегда начинались одними и теми же словами: “Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград”.

В этом музее много фотографий. Вот на одной видна надпись: “Бомбоубежище”. На других – истаявшие, исхудавшие, ссохшиеся лица маленьких серьезных старичков от голода. Но это не старики, а дети. Дети сутками не выходили на улицу из подвалов. В бомбоубежищах и подвалах размещались школы и детские сады. Читаем надписи дальше: “15 сентября обстрел продолжался 18 часов 32 минуты, 23 сентября сигнал воздушной тревоги был 11 раз. С сентября по ноябрь сигнал воздушной тревоги объявлялся 251 раз”. За 60 дней – 251 раз. Тому страшному времени блокады посвятил свои стихи прекрасный поэт Юрий Воронов, переживший всю блокаду:

*Какая длинная зима,
Как время медленно крадется!..
В ночи, ни люди ни дома
Не знают, кто из них проснется.*

*И поутру, когда ветра
Метелью застилают небо,
Опять короче, чем вчера,
Людская очередь за хлебом.²¹*

В одной из витрин можно увидеть блокадный ленинградский хлеб. Это неправдоподобно маленький черный кусочек. Глядя на него человеческое воображение рисует все что угодно, но только не обычный хлеб, к которому мы привыкли в своей повседневной жизни. Видим колбу с целлюлозой, которую в самое тяжелое время приходилось добавлять в тесто блокадного хлеба вместе с жмыхами, соевой мукой и рисовой пылью.

В Государственный мемориальный музей Оборона и Блокады Ленинграда приходят, чтобы помнить, чтобы понять, чтобы сравнить силу духа слабых и бессилие вооруженных до зубов.

Гитлеровские фашисты многое просчитали заранее: сколько самолетов, снарядов, бомб и танков нужно, чтобы сдался город. Но всего они просчитать не сумели. В блокадном Ленинграде выходили книги авторами которых были Вера Инбер, Ольга Берггольц, Всеволод Азаров, Николай Тихонов, Михаил Дудин. Монография Е. Тарле “Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона”, Седьмая симфония Шостаковича, пьеса К. Симонова “Русские люди”, также увидели свет в то тяжелое время в осажденном городе.

Им, завоевателям, этим “римлянам 20 века”, было не понять, что вместе с армией будут сражаться водители, водившие автомашины с продовольствием и боеприпасами по хрупкому льду Ладожского озера,

мальчишки-подростки, собиравшие стрелковое оружие на ленинградских заводах, наборщики, не отходившие от печатных машин во время обстрелов. Как им было понять, что вместе с армией призванными на войну будут считать себя поэты, ослабевшие от голода музыканты, которых вели на репетиции под руки, балерины, улыбавшиеся на ледяной сцене и надевавшие за нетопленными кулисами валенки.

Да, невообразимо как тяжело находится в музеях Санкт-Петербурга, экспозиции которых посвящены блокаде Ленинграда. И сегодня посетители музеев, и мужчины и женщины, смотрят на представленные экспонаты со слезами на глазах. Это невозможно все посмотреть, пропустить через сердце, через всего себя, и вынести, за один день. Некоторые делят просмотр на несколько раз. Уходят, отвлекаются, чтобы успокоиться, потом возвращаются. Которые слабее и не в силах побороть мучений души, идут в другие музеи и места города. Такие уж мы – восточные славяне. И любим, и ненавидим, и живем, и умираем со слезами на глазах.

Мы – белорусы приходим на место гибели Хатыни, как символа сожжения сотен белорусских деревень с их жителями. Петербуржцы приходят на Пискаревское кладбище, где покоится почти 1 млн. ленинградцев. На этом мемориале нет имен, здесь только даты: 1941, 1942, 1943, 1944. Здесь дни и человеческие судьбы спрессованы в годы. В музейном помещении мемориала, посвященном героическим защитникам города, годы распадаются на дни. Три года шесть научных сотрудников музея создавали то, что, пожалуй, будут считать главным трудом всей своей жизни. Три года они собирали хронику жизни блокадного Ленинграда на фоне жизни и борьбы всей страны. Они показали каждый день, каждый час и отлили это в бронзе. Отлили так, чтобы на века. Отлили в виде огромных бронзовых листов весом в 25 кг каждый, на котором содержится ежедневная информация о блокаде. Всего 900 бронзовых листов. Каждый день служащий музея на специальной тележке вечером после закрытия музейных помещений привозит новый лист и увозит лист минувшего дня.

Если спуститься вниз, в мемориальное помещение памятника, бронзовые листы с хроникой не нужно будет долго искать. Возле них всегда много людей. В своей поэме “Брат” Расул Гамзатов Пискаревскому мемориалу посвятил следующие строки, которые обращены и к нам, ныне живущим:

*Я голову безмалвно обнажил
У Пискаревского мемориала,
И там, среди бесчисленных могил,
Строфа Берггальц торжественно звучала.*

*Ее слова, что врезаны в гранит,
Потомству адресованы открыто.
Никто не будет на земле забыт,
Ничто не будет на земле забыто.* ²²

Каждый год 27 января и 9 Мая тысячи петербуржцев приходят к братским могилам, и оставляют не только венки и цветы. Можно увидеть краюшку хлеба, конфеты, сигареты. Это память о тех, кто погибал, но не сдавался. Рабочие привязывали себя к станкам, поддерживали друг друга, чтобы не упасть, вручную вращали станки. Ковали победу! Ленинград не стал городом, преисполненным опатии и отчаяния. Свидетельством тому – произведенные в самые тяжелые месяцы – в ноябре – декабре 1941 года 1050 орудий, 660 минометов, 3500 автоматов, 900 пулеметов, 872 тыс. снарядов, 850 тыс мин, 850 тыс. гранат, 5700 авиабомб.

Ущерб, нанесенный Ленинграду немецкими фашистами, был огромен. “Городская чрезвычайная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников, основываясь на тщательно проверенных документах, определила его более чем в 38 миллиардов рублей. На каждый квадратный километр площади Ленинграда пришлось в среднем по 16 фугасных и свыше 320 зажигательных бомб, более чем 480 артиллерийских снарядов. Голод, налеты, бомбежки унесли сотни тысяч жизней. Пострадали ценнейшие памятники культуры, восстановление которых продолжается и по сегодняшний день”. ²³

Ленинградцы возродили свой город после войны и сохранили память о небывалом героизме своих земляков в дни блокады. Например, эта память в нестираемой надписи на Невском проспекте, напоминающей, какая сторона его была наиболее опасной в блокадные годы при артобстрелах, в бережно сохраняемых домашних реликвиях ленинградцев-петербуржцев. Но самое главное – то, что память сохраняется в душах людей, передается последующим поколениям немеркнущими строками на гранитных плитах Пискаревского мемориала:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем.
Так их много под вечной охраной гранита.*

*Но знай, внимающий этим камням,
Никто не забыт и ничто не забыто.
В город ломились враги, в броню и железо одеты,
но с армией вместе встали
рабочие, школьники, учителя, ополченцы.
И все, как один, сказали они:
скорее смерть испугается нас, чем мы смерти.
Не забыта голодная, лютая, темная
зима сорок первого – сорок второго,
ни свирепость обстрелов,
ни ужас бомбежек в сорок третьем.
Вся земля городская пробита.
Ни одной вашей жизни, товарищи, не позабыто.
Под непрерывным огнем с неба, с земли и с воды
подвиг свой ежедневный
вы свершали достойно и просто,
и вместе с отчизной своей
вы все одержали победу.
Так пусть же пред жизнью бессмертной вашей
на этом печально-торжественном поле
вечно склоняет знамена народ благодарный,
Родина-Мать и Город-герой Ленинград.²⁴*

В тяжелейшее время конца осени 1941– зимы 1942 г. прибыл на Ленинградский фронт наш земляк Иван Баранов. Но воевать по своей специальности танкиста ему не пришлось. Танков при обороне города использовалось мало и прибывшим экипажам пришлось стать обычными пехотинцами. Сегодня это звучит как-то дико и неестественно, использовать танкиста в роли пехотного стрелка, но так сложилась тогда обстановка, нужно было любыми силами и средствами отстоять город. Иван стал воевать в составе лыжного батальона. Не раз войны-лыжники ходили в тыл немцев, захватывали “языков”, добывали сведения разведывательно-го характера о противнике. Лыжники воевали честно и мужественно, не думая о здоровье и наградах. На самоотверженные подвиги, на беспощадную борьбу с врагом их вдохновляли подвиги других бойцов и командиров, совершенных при обороне г. Ленинграда.

В то время на Ленинградском фронте было широко известно о несравненном, фантастическом подвиге советских танкистов, который произошел в августе 1941 г. Неочевидцы в него не верили, тот бой превратился в легенду, но это было правдой. Казалось просто невероятным то, что в не-

равном бою с немецкими танками наводчик танка “КВ” Андрей Усов уничтожил 22 фашистских танка. А произошло следующее: Усов был также как и Иван Баранов, кадровым, довоенным танкистом. Тогда, еще до войны, во время воинской службы, он стал одним из лучших наводчиков-стрелков в танковых войсках Красной Армии. Командир роты тяжелых танков, оборонявшей Ленинград, Зиновий Колобанов знал об этом и сделал все, чтобы Усов попал в его экипаж. Своего он добился. 19 августа 1941 г. танковой роте Колобанова, состоявшей из пяти “КВ”, приказали сдерживать наступление фашистов на Ленинград. Обстановка была чрезвычайная. От совхоза “Войсковницы” под Гатчиной, где заняли оборону гусеничные машины Колобанова, до Дворцовой площади немцам оставалось всего 40 минут ходу. Однако фашистскую танковую дивизию советские танкисты застали врасплох на марше. Меткими выстрелами Усов уничтожил по две машины в голове и хвосте колонны. А затем методично расстрелял остальные. “КВ” Колобанова тогда получил 150 вмятин на броне от попаданий вражеских снарядов и заклинившую башню! Рота Колобанова уничтожила 43 танка противника! Из них 22 – на счету Усова. Тогда наступление гитлеровцев было сорвано на две недели. Командиры представили старшего лейтенанта Колобанова и старшего сержанта Усова к званию Героя Советского Союза. Но вышестоящее начальство посчитало их биографии “неидеальными”. В итоге вместо Золотой Звезды первый получил орден Красного Знамени, а второй – орден Ленина. Андрей Усов был белорусом, родом из-под Толочина. “Вот с кого нужно брать пример, встретиться бы со своим земляком, обменяться боевым опытом”, - думал Иван Баранов, услышав впервые эту невероятную историю. Но сбыться этому было не суждено. Развели тогда фронтовые дороги белорусов-танкистов.

Иван Юлианович провоевал на Ленинградском фронте всего около 4-х месяцев, но в полной мере успел хватить солдатского лиха в то страшное время. Первая военная зима для города и оборонявших его частей Красной Армии была самой тяжелой. Иван получил ранение и был госпитализирован. На Ленинградском фронте он находился до 11 марта 1942 г. В марте 1942 г. он снова оказался на Большой земле. Так парень из белорусского местечка Песочное пролил свою кровь и за Ленинград. Это будет отмечено в наградном листе о представлении на награждение его орденом Красной Звезды в 1945 г.

А до полного снятия блокады с Ленинграда было еще далеко. Блокаду прорвали только 18 января 1943 г., а полностью сняли 27 января 1944 г.

После излечения старший сержант Баранов дальше воевал в составе 143-й танковой бригады командиром танка БТ-7 на Центральном фронте.

Вскоре он был направлен в 5-ю роту, 10-го учебного танкового батальона в качестве курсанта, где стал переучиваться на механика-водителя танка Т-34. После успешного окончания курсов И. Баранову присвоили звание “старшина”. Далее его служба проходила в 143-й танковой бригаде механиком-водителем танка Т-34.

Несколько слов о подготовке советских танкистов. Надо признать, обучение танкистов во время Великой Отечественной войны было скоротечным. Почему? Потому что в пламени той жестокой и кровопролитной войны танкисты погибали очень быстро и на тысячи новых танков, выпущенных советской промышленностью, требовалось все больше танковых экипажей. Поэтому обучение в училищах и учебных танковых полках было сокращено в несколько раз. Научить танкиста всему так, как это делалось до войны, за неимением времени, было просто невозможно. От этого являлась слабой и профессиональная подготовка. Настоящую учебу танкисты получали в бою. Например, ветеран И.Л. Деген вспоминал об учебе в эвакуированном в среднеазиатский г. Чирик Харьковском танковом училище: “Вожделение отработывали на танках БТ-7, для чего на каждый взвод выделялась одна такая машина. За все время учебы я всего лишь три раза стрелял из танка. Подготовка экипажей была нулевая. Экипаж в танковом учебном полку поморили голодом, но мало чему научили. Не было претензий только к командиру орудия – этот стрелять умел. Механик-водитель имел всего восемь часов вождения танка. Но тут даже дело не в профессиональной подготовке. Экипаж был физически истощен.”²⁵

То, о чем рассказывал И.Л. Деген, было правдой, потому что всюду работал принцип: “Все для фронта, все для победы!” Тылу из продовольствия доставались крохи, почти все шло в воинские части, которые вели боевые действия на фронте. Слова И.Л. Дегена подтвердил и бывший танкист В.П. Брюхов: “Немецкие танкисты были подготовлены лучше, и с ними в бою встречаться было очень опасно. Ведь я, закончив училище, выпустил три снаряда и пулеметный диск. Учили нас немного вождению на БТ-5. Давали азы – с места трогаться, по прямой водить. Были занятия по тактике, но в основном “пешим по танковом”. И только под конец было показательное занятие “танковый взвод в наступлении”. Все. Подготовка у нас была очень слабая, хотя, конечно, материальную часть Т-34 мы знали неплохо”.²⁶

В книге “Советские танковые армии в бою”, В. Дайнес описывает уровень подготовки танкистов военной поры на примере 2-й и 3-й танковых армий накануне Курской битвы: “... уровень и состояние боевой подготовки... оставляли желать лучшего. В директиве № 12768 Генштаба от 21 июня, посвященной проверке войск армии, отмечалось “низкое со-

стояние боевой подготовки одиночного бойца, отделения, экипажа и мелких подразделений в танковых корпусах. Неудовлетворительную оценку получили огневая подготовка экипажей, пулеметных расчетов и стрелковых отделений во всех частях. В 3-й гвардейской танковой армии дело обстояло не лучше: экипажи танков были укомплектованы выпускниками училищ и учебных полков из которых только 70% механиков-водителей имели по 2-3 часа вождения. Но, надо сказать, в этой танковой армии не сидели сложа руки. В результате принятых мер, механики-водители в течение месяца получили 25-30 моточасов практического вождения. Однако из-за недостатка времени личный состав не полностью освоил правила эксплуатации и ухода за машиной, а также вопросы преодоления труднопроходимых участков переправ”.²⁷

Вышеизложенное дает нам понять, почему в течение нескольких дней участия в Курской битве (Прохоровское танковое сражение), танковая армия генерала Ротмистрова потеряла до 70% танкового парка и почти перестала существовать.

После таких авторитетных свидетельств можно сделать вывод, что И.Ю. Баранов смог выжить в той страшной войне, благодаря своему высокому профессионализму, достигнутому в довоенные годы, помноженному на опыт, приобретенный во время Великой Отечественной войны, и осторожность, свойственную белорусам. Сюда еще можно добавить простое человеческое везение, о котором обычно говорят: “родился под счастливой звездой”, “его Бог спас и молитвы матери”.

Чтобы лучше представить себе, что представлял собой танк Т-34, на котором пришлось воевать Ивану Юлиановичу Баранову до конца войны, и чтобы быть, хотя бы немного беспристрастными в этом вопросе, обратимся к свидетельствам самих ветеранов- танкистов, которые даны в книге Андрея Мелехова “Танковая дубина” Сталина”. “Скажу сразу: советские танкисты прекрасно знали о недостатках Т-34 и не стеснялись о них говорить. Некоторые ветераны вообще ничего не упоминали (или забыли упомянуть) о достоинствах танка. Приведу несколько высказываний людей, переживших самую страшную войну. Подчеркну: я специально отобрал комментарии, которые касаются Т-34-76, а не более поздней и, соответственно, более “продвинутой” версии танка – Т-34-85. Так, ветеран А.В. Боднарь высказался по поводу “паравозных” катков, ставившихся на Т-34 в 1942 году, следующим образом: “К апрелю 1942 года мы подошли к Гжатску, это сегодняшний город Гагарин. Здесь мы встали в оборону. Нас пополнили. Пришло много Т-34, и батальон состоял практически только из этих танков. “Тридцатьчетверки”, к сожалению, пришли производства Сталинградского тракторного завода. У них опорные катки были без бандажей,

и при движении грохот стоял страшный”. Ветеран С.Л. Ария жалуется на переговорное устройство: “Из недостатков можно выделить внутреннюю связь, которая работала безобразно. Кроме того, были совершенно безобразные триплексы на люке механика-водителя. Они были сделаны из отвратительного желтого или зеленого оргстекла, дававшего совершенно искаженную, волнистую картинку. Разобрать что-либо через такой триплекс, особенно в прыгающем танке, было невозможно. Поэтому войну вели с приоткрытыми на ладонь люками. Вообще, в Т-34 забота об экипаже была минимальная. Я лазил в американские и английские танки. Там экипаж находился в более комфортных условиях...” Раскрывает Семен Львович и секрет самой нужной принадлежности Т-34: “Брезент был крайне необходим: им накрывались, когда ложились спать, на нем содились покушать, если грузились в вагоны, им нужно было танк сверху накрыть, иначе внутри было бы полно воды. Это были танки военного времени. На верхнем люке вообще не было никаких прокладок, а на люке механика-водителя были какие-то прокладки, но они не держали воду”. Тем не менее общий вывод С.Л. Арии: “В принципе удачная машина, достаточно надежная”.

Петр Ильич Кириченко, попавший на Т-34 в 1942 году, поначалу был радистом и занимался обслуживанием радиостанции. “Дальность связи на ходу, - вспоминает он, - у нее было около шести километров. Так что между танками связь была посредственная, особенно если учесть неравномерности рельефа местности и леса”. Сам он, кстати, считал, что без его должности в танке можно было обойтись: система связи была очень простой, а пулемет стрелка-радиста был практически бесполезен из-за очень плохого обзора и узкого сектора обстрела. Правда, на марше радист помогал механику-водителю, буквально боровшемуся с примитивной четырехскоростной коробкой передач: “Переключение передачи требовало огромных усилий. Механик-водитель выведет рычаг в нужное положение и начинает его тянуть, а я подхватываю и тяну вместе с ним. И только после некоторого времени дрожания она включается. Танковый марш состоял из таких упражнений. За время длительного марша механик-водитель терял в весе килограмма два или три: весь вымотанный был. Тем не менее Т-34 – машина простая, поэтому я довольно хорошо научился ее водить и стрелять из орудия”.

Не в восторге от переговорного устройства на Т-34-76 и ветеран П.П. Кулешов: “Общаться через переговорное устройство – это долго. Я должен сказать радисту, а он уже сообщает экипажу. Поэтому управлялись ногой! Так подтолкнул, сжак подтолкнул...” Плохо он отзывался и об управлении танком: “Управление на Т-34 тяжелое. По днищу на коробку скоростей идут тяги. Они иногда выскакивали из креплений, и

приходилось их кувалдой туда забивать. Рычаги переключать помогаешь себе коленом... тяжело. Что ломалось в танке? Летели топливные насосы, коробки скоростей, тормозная лента могла полететь, но это только от расхлябанности... Сама ходовая часть очень мощная. Наши танки Т-34-85 – это незаменимые танки во время Великой Отечественной войны. Качественные были! И маневренность хорошая, и проходимость хорошая... Могла гусеница порваться, но это опять от расхлябанности”.

А вот мнение фронтовика Г.С. Шишкина: “Рацией, как правило, не пользовались – она часто подводила... Танковым переговорным устройством тоже не пользовались. Механиком управляли ногами. Вправо, влево – по плечам, в спину – быстрее, на голову – стой”. Вместе с тем надежность Т-34 он расценил следующим образом: “Очень надежные были танки, я бы сказал, что сверхнадежные. Ну мы, конечно, хитрили, подкручивали ограничитель оборотов двигателя, что категорически запрещалось делать. Конечно, двигатель портился быстро, но ведь и жизнь танка была недолгой... Часто гусеницы соскакивали. А так, пожалуй, больше ничего не скажу... Мотор нормально работал. Надежность работы фрикционов зависела от механика-водителя. Если правильно пользовался, то он надежно работал”.

Ветеран А.С. Шлемотов подтверждает: “В сравнении с немецкими танками у Т-34 проходимость была, конечно, выше. Но в заболоченные места мы все равно особо не рвались”. К.И. Шиц, оценивая Т-34, свидетельствует: “Считаю, что с 85-мм пушкой он значительно лучше, чем с 76-мм. Конечно, в лоб “тигра” он не брал, поэтому старались подобраться сбоку. Самое главное, что он быстрый и маневренный. Закон выживания у нас был один – не останавливаться, постоянно маневрировать и укрываться. Недостатки? Вроде все было надежное, единственное, что процедура, в случае, если дизель засасывал воздух, была достаточно трудоемкая. И то, что топливные баки находились по бокам боевого отделения, это тоже был минус”. К.Н. Шипов оценивал Т-34 так: “Это была прекрасная машина. Настоящая изюминка, достижение мысли. Конечно, мы страдали от недостаточной толщины брони, но с точки зрения технологичности ремонта – простейшая. Ремонтпригодность – величайшая! А это одно из важнейших свойств танка. С точки зрения оружия он тоже хорош... Вот не было устройства для выброса гильз, и их приходилось выбрасывать через верхний люк, а в остальном отличная машина”. Ему вторит и бывший танкист Н.З. Александров: “... Что ломалось? Иногда тяги, которые идут по днищу машины, заклинивало. Аккумуляторы были тяжелые. Очень слабые были вентиляторы в башне. Гильза после выстрела падает вниз, на боеукладку. Ее же не возьмешь, она горячая. Дыма,

гари, как в газовой камере”. Вместе с тем: “Прекрасный танк. Прост в обслуживании, легко ремонтировался, надежная коробка передач, надежные гусеницы”.

Ветеран Отрошенко С.А., служивший танкистом с первых дней войны, сообщает интереснейшую информацию, касающуюся загадки противоречивых отзывов о броне Т-34. Так, часть экспертов и ветеранов называли броню танка “хрупкой”. Это приводило к частым ранениям членов экипажей металлической “крошкой”, отлетающей от внутренней поверхности брони при попадании снарядов. Другие эксперты говорили об обратном, считая качество брони “тридцатьчетверки” очень высоким, а ее бронелист – “вязким”. Вот что говорил по этому поводу Сергей Андреевич: “Большую опасность для экипажа представляли осколки брони. Причем сама броня была довольно вязкая, надежная, но грубо сваренные стыки броневых листов, окалина на внутренней отделке от попадания снаряда давали много мелких осколков, часто губительных для экипажа. Но, скажу прямо, танк Т-34 был сделан на совесть, с душой. Экипаж чувствовал себя защищенным. Другое дело, что артиллерия постоянно совершенствовалась, и неуязвимых танков не существовало”. А вот как Сергей Андреевич описывает имевшееся в начале войны полное превосходство новейших советских танков на поле боя: “Т-34 ходили как королевы. В полку оставался один танк, им командовал капитан, не вспомню фамилию, хороший мужик был, жизнерадостный. Он закрывал люк и выходил на горку, на открытое место. По нему немцы бьют, но броню пробить не могут, а он наблюдает, только где цель заметил, туда снаряд, и никто не шевелится, и никто к нему не подойдет. Так потом “тигры” в 43-м воевали. У них пушка мощная была, 88-мм, дальнобойная, и оптика отличная. Но ловили мы и “тигров”. А тогда, в 41-м, на Т-34 я с умилением смотрел. После боя подошли к нему:

—Ну, вам и попало, товарищ капитан!

—Да что попало! Видишь, все отскакивает, только считай!

Начали считать, вышло сорок четыре попадания! И ни одной пробоины, только лунки”. Приоткрывает ветеран и “тайну” того, каким образом в его части остался лишь один “чудо-танк”: “... Половину пришедших из Житомира “тридцатьчетверок” в одной из первых атак посадили в болото и бросили. Очень жаль. Танк Т-34 в начале войны был мощным оружием, с которым немцам приходилось считаться”.²⁸

В данном контексте изучения вопроса о советских танках периода Великой Отечественной войны, нам будет небезинтересно узнать и мнение немцев, которым приходилось вести боевые действия против Т-34 с первых дней войны.

Ханс фон Люк, служивший в 1941 г. адъютантом командира 7-й танковой дивизии вермахта, в своих мемуарах после войны написал: "... Тогда нам пришлось впервые столкнуться с танками Т-34, ставшими впоследствии знаменитыми и служившими стеновым хребтом русских бронетанковых войск. Конструктивно Т-34 не отличался особой затейливостью. Листы бронирования скреплялись грубой сваркой, устройство трансмиссии было простым, как, впрочем, и все остальное, за что ни возьмись. Поломки легко исправлялись". Эрхард Раус, командовавший в начале 1943 г. под Сталинградом 6-й танковой дивизией вермахта, отзываясь о, по всей видимости, Т-34 следующим образом: "... Советы имели в своем распоряжении в два раза больше танков, и все они представляли собой модели, являвшиеся полной ровней нашим панцерам..." Этот же немецкий военный отзывался о проходимости советского танка следующим образом: "... внезапное повышение температуры вызвало жуткую распутицу. Все машины, кроме тех, что двигались по шоссе с твердым покрытием Харьков – Курск, оказались беспомощными перед грязью... Даже Т-34 русского арьергарда застряли в ней так, что мы смогли вытащить их лишь с наступлением теплой погоды. ... Т-34 имел самую лучшую проходимость по пересеченной местности среди всех танков на континенте и порой мог проделывать поразительные трюки..."

Офицер-генштабист Эйке Миддельдорф, занимавшийся в ходе войны и обобщением боевого опыта вермахта, в своей книге "Русская кампания: тактика и вооружение" написал следующее: "Танк Т-34 уступал немецкому танку Pz.IV, состоявшему на вооружении в первые годы Русской кампании, по качеству вооружения и оптических приборов. Однако, по качеству брони и проходимости, танк Т-34 настолько превосходил немецкий танк Pz.IV, что стал весьма опасным противником немецких танков, а для пехоты и противотанковой обороны немецкой армии был настоящим кошмаром".

Немецкий историк (и бывший переводчик Гитлера) Пауль Карель написал о Т-34 следующее: «Но самым грозным противником стал советский Т-34 – бронированный гигант длиной 5,92 м, шириной 3 м и высотой 2,44 м, обладавший высокой скоростью и маневренностью. Весил он 26 тонн, вооружен 76-мм пушкой, имел большую башню, широкие траки гусениц и наклонную броню. ... Т-34 оставались грозным и внушавшим уважение вооружением на протяжении всей войны.»²⁹

В своей книге «Воспоминания солдата» знаменитый гитлеровский танковый генерал Гейнц Гудериан, командовавший 2-й танковой группой (армией) на Восточном фронте, написал: «... в ноябре 1941 г. видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34,

превосходящим наши боевые машины... Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же (!) танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно (!) неблагоприятного положения германских бронетанковых сил не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских». ³⁰

О признании высоких качеств советского танка Т-34 немецкими конструкторами и военными, говорит следующий документ, подготовленный и выпущенный 26 мая 1942 г. Это «Инструкция для всех частей Восточного фронта по борьбе с русским Т-34». В ней говорилось: «... Т-34 быстрее, более маневренный, имеет лучшую проходимость вне дорог, чем наши Pz.III и Pz.IV. Его броня сильнее. Пробивная способность его 7,62-см орудия превосходит наши 5-см и 7-см орудия. Удачное расположение наклонных бронелистов увеличивает вероятность рикошета. ... Борьба с Т-34 нашей пушкой 5 см KwK 38 возможна только на коротких дистанциях стрельбой в бок или корму танка... необходимо стрелять так, чтобы снаряд был перпендикулярен поверхности брони». ³¹

12 сентября 1941 г. после доклада генерал-инспектора моторизованных войск немецкой армии Брейта, начальник Генерального штаба Франц Гальдер, записал в своем дневнике: «Русский танк Т-34 (25 тонн) очень хорош и быстроходен. К сожалению, не захвачено ни одного пригодного образца этого танка». ³² Не понятно, что имел в виду этот гитлеровский генерал, сожалея о незахваченных советских «тридцатьчетверках». Может, его неправильно информировали, не известно. Зато сегодня мы знаем, что за все время Великой Отечественной войны, начиная с лета 1941 г., немцы захватили в виде трофеев сотни Т-34. Но их не демонтировали и не отправляли в переплавку. Более того, гитлеровские танкисты старались быстрее вернуть их в строй, зачислить в штат своего подразделения и на них воевать против советских танкистов. «Первые Т-34-76 появились на немецкой службе в 1, 8 и 11-й танковых дивизиях вермахта летом 1941 года. Правда, их использование считалось опасным, так как многие немецкие артиллеристы открывали огонь, едва завидев силуэт танка (!). Чтобы избежать подобных ошибок, экипажи рисовали на них огромные кресты или свастики. Очень часто такие кресты и свастики рисовали и на крышах башен, чтобы избежать случайных атак Люфтваффе. Еще одним способом решения проблемы было использование захваченных Т-34-76 в качестве танка пехотной поддержки. ... Начиная с конца 1941 г. взятые в

бою в качестве трофея Т-34-76, ремонтировались в Риге. С 1943 года этим занимались и заводы «Мерседес-Бенц» в Мариенфилде и Герлице. Там, взятые в бою в качестве трофеев Т-34-76 модифицировались согласно немецким стандартам, получая командирскую башенку и радиооборудование. ... Проблема запчастей не существовала, и около 300 (!) захваченных машин обслуживались на долговременной основе. ... Кроме уже упомянутых выше немецких дивизий, Т-34-76 имелись на вооружении 2, 9, 10, 20 и 23-й танковых дивизий. Помимо танковых дивизий, Т-34-76 использовали 18-я мотопехотная и 98-я пехотная дивизии. ... Согласно оригиналам захваченных немецких ведомостей, в июле 1943 года 28 танков Т-34 находились в распоряжении группы армий «Юг» и 22 – в группе армий «Центр». ... Т-34 пользовался большим уважением и в элитных частях. Так, мотопехотная дивизия «Великая Германия» использовала Т-34 даже в 1945 году. Войска СС также никогда не стеснялись использовать захваченные Т-34-76: они в значительном количестве состояли на вооружении 2-й танковой дивизии СС «Рейх» и 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». Когда в марте 1943 года танковый корпус вновь захватил Харьков, к эсэсовцам попало порядка 50 танков Т-34 различных модификаций. Все они были отремонтированы на местном тракторном заводе, превращенном в танкоремонтную мастерскую войск СС. Их модифицировали в соответствии с немецкими стандартами, установив на них командирские башенки, бронированные экраны-«юбки» над катками, прожектора «Нотек», ящики для хранения инструментов, радиооборудование и антенны. 25 из этих машин поступили на вооружение дивизии СС «Рейх». Гауптштурмфюрер СС Эмиль Зейбольд из 3-го танкового батальона СС за время своей карьеры подбил 69 танков противника, включая и те, что были уничтожены с помощью его Т-34-76 в июле и августе 1943 года на Курской дуге».³³

К лету 1942 г. великая война продолжалась. И продолжалась она не в пользу Красной Армии. После зимнего наступления, закончившегося поражением немецких войск под Москвой, весной 1942 г. гитлеровцы, словно оправдывая свое хвастливое заявление о том, что они «мастера» воевать летом, снова начали продвижение вглубь территории СССР. В сводках Совинформбюро, наряду с Курским, в те дни появились Белгородское и Волчанское направления, Воронеж и Старый Оскол. Газеты запестрели невеселыми сообщениями. Корреспонденты писали: «Наши части заняли новые рубежи для обороны», «Неприятелю удалось вклиниться в расположение обороняющихся», «На правом фланге Курского направления немцы пытаются соединиться с войсками, наступающими на Белгородском направлении...» Сообщения, на первый взгляд, казались, были довольно глухие, осторожные, они не давали общей картины

положения на этих фронтах. Но это только на первый взгляд. При некотором анализе и сложении этой замысловатой мозаики, проглядывала злобующая картина. Становилось ясно, что речь идет не об отдельных ударах на разных участках фронта, а о большом наступлении немецко-фашистских войск и продвижении их в южном направлении. Об этом было сказано в передовой статье «Красной Звезды» от 4 июля 1942 г. «За последнее время на ряде участков фронта немцы предприняли наступательные операции... Эти бои снова показывают, с каким сильным и неумолимым в своих захватнических вождениях врагом мы сражаемся. Они еще раз напоминают нам, что опасность, нависшая над нашей Родиной, еще не устранена, что угроза независимости, свободе, самому существованию народов Советского Союза еще остается в силе... Взоры всей нашей страны обращены теперь к районам западнее Воронежа и юго-западнее Старого Оскола, где происходят ожесточенные сражения. Озверевший враг рвется на восток, стремясь перерезать важнейшую железнодорожную магистраль, соединяющую центр нашей страны с югом, захватить новые советские города и села...»³⁴

На карте советско-германского фронта, в дни оборонительных сражений сорок первого года приходилось часто переставлять флажки на восток, а в дни контрнаступления под Москвой, возвращать их на запад. Весной они как бы застыли в неподвижности, а теперь вновь пришлось переносить их на восток. Сначала – Купянск, а потом был оставлен и Старый Оскол.

«Огромное танковое сражение в полном разгаре. Оно перемещается в пространстве, гаснет в одном месте, чтобы с новой силой вспыхнуть в другом. В его орбиту вовлечены большие технические средства и людские массы. Наиболее ожесточенные бои еще впереди»,³⁵ – сообщали специальные корреспонденты «Красной Звезды».

Ни днем, ни ночью не утихал гул большого сражения западнее Воронежа. Ценою огромных потерь немцам удалось перебросить часть своих сил на восточный берег Дона. После того, как гитлеровцы ввели в бой свежие силы и предприняли наступление одновременно в двух направлениях, войска Воронежского фронта были поставлены под угрозу окружения. Поэтому, по приказу командования они оставили Россось. В это же время, другая вражеская группа прорвалась в район Кантемировка. Появилось Лисичанское направление...

10 июля 1942 г. в «Красной Звезде» напечатана статья И. Эренбурга «Дон зовет». «Велика и прекрасна русская река Дон. Она начинается, как ручеек, среди ветров и полей. Она становится мощной рекой. Ее воды знают ретивость коня и тихую песню девушки, которая плетет венок. Кто

скажет «Дон», вспомнит славу донского казачества – как ходили в поход, как рубали. Кто скажет «Дон», вспомнит Дмитрия Донского, Русь, пошедшую на захватчика, первую нашу славу: Куликово поле. Теперь грязные немецкие фельдфебели хотят купаться в водах Дона. Может быть, генерал фон Вейх мечтает стать Вейхом – Донским? Бойцы не стерпят такой обиды: наберутся духу и отгонят немцев... Нужно их побить как можно скорее: нельзя пропустить этих грабителей дальше. ... Мы хотим победы на живой земле, а не победы среди пустыни...»³⁶

В эти дни поэт Илья Сельвинский написал стихи под названием «России». Они были посвящены битве на Юге:

*Какие же трусы и ввали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию это значит
Отнять надежду у Земли!
Пускай рыданья и гроба
Чернят простор моей Отчизны –
Бессмертно трепетанье жизни!
Зовуща русская труба!*³⁷

С каждым днем обстановка на юге становится все более угрожающей. Частями Красной Армии оставлены Богучар и Миллерово. Под непосредственной угрозой Ворошиловград. Продолжаются ожесточенные бои за Воронеж.

В те дни все советские фронты облетела весть о подвиге, потрясшем не только сражающихся воинов на фронте, но и весь советский тыл, всю огромную страну. Его совершил механик-водитель танка «КВ» Шаронов. «... Случилось так, что в танк, который вел Шаронов, угодил снаряд. Механик-водитель ослеп. Командир танка лейтенант Напольский склонился к Шаронову и прокричал:

—Шаронов, друг, ослеп? Уступай место Подосинникову. Сейчас заведем тебе глаза бинтом.

И вдруг водитель говорит:

—Я сам, я сам. Все равно лучше меня никто машину не знает. У меня сил много. Я поведу, а вы управляйте, управляйте...

Танк пошел дальше. Толчок в левое плечо, и танк идет влево. Легкий удар в спину, «КВ» устремляется вперед... Так со слепым водителем «КВ» раздавил четыре пушки и три миномета противника. История рассказана потрясающая. Никакая фантазия не смогла бы выдумать то, что было в действительности...»³⁸

Возможно, в те дни, узнав об этом подвиге, механик-водитель «тридцатьчетверки» Иван Баранов подумал о немцах: «Куда вы лезете? Мозгов у вас не хватает. Чего вы здесь можете добиться, что завоевать, если у нас с вами воюют даже слепые люди и выигрывают бой у вас – зрячих? Вот уж действительно слепые и безмозглые». Может, так думал наш земляк, а может что-то подобное говорили комиссары в подразделениях, трудящиеся на митингах, учителя в школах. Не суть важно. Главное, что такой подвиг звал бойцов и командиров Красной Армии совершать свои подвиги, бить и уничтожать врага еще сильнее, изгонять его с родной земли.

Рассказав об этом случае, вспомнился и другой, не менее невероятный и потрясающий, произошедший во время Великой Отечественной войны. В партизанском соединении Ковпака С. А. воевал разведчик без обеих кистей рук. Звали его Владимир Зебелов. Кисти рук он потерял еще во время советско-финляндской войны, где был ранен. Ему ампутировали кисти. Каждая рука была расчленена на два луча. Но этот мужественный человек не сдался перед превратностями судьбы, не пал духом. Он, своими «руками-лучами» научился сворачивать махорочную сигарку, стрелять из автомата, бросать гранаты. Когда началась война с гитлеровской Германией, Зебелов стал разведчиком. Более десяти раз самолеты перебрасывали этого необычного воина за линию фронта. Много подвигов совершил этот героический человек и остался жив. О нем и его боевых товарищах, еще во время Великой Отечественной войны написал военный корреспондент Л. Коробов.

Вот в таких примерах мы находим ответ на вопрос: «Почему мы победили, а фашисты проиграли эту войну?» Они не могли нас победить никогда, потому что с ними сражались даже слепые и безрукие, воевал весь советский народ.

16 июля 1942 года во всех фронтовых газетах было опубликовано постановление Государственного Комитета Обороны о введении для советских воинов отличительных знаков о числе ранений – темно-красные (за легкое) и золотисто-желтые (за тяжелое) – нашивок. Этому событию поэтесса Екатерина Шевелева посвятила свое стихотворение «Раненый»:

*Стихнет эхо сражений и стога,
И уже не таким молодым
Будет тот, кто сражался у Дона,
У широкой мозучей воды.
Но им каждый гордиться при встрече,
Замечая два узких крыла.
Навсегда он любовью отмечен,
Что в бои за Отчизну вела.³⁹*

Золотого и красного цвета две полоски, «два узких крыла», как знак воинской доблести, и через много лет после войны вызывают глубокое уважение. В войну многие воины, получившие ранения, носили эти нашивки, гордились ими, не меньше, чем другими наградами. В то время, две нашивки красного цвета появились и на груди И.Ю. Баранова.

В связи с этим не могу удержаться от комментария о том, что многие сегодняшние молодые люди мужского пола (девушкам простительно) не имеют никакого понятия, что означают такие нашивки на груди ветеранов Великой Отечественной войны, войны в Афганистане и иных военных конфликтов.

Летом 1942 г. на южном участке советско-германского фронта кровопролитные сражения продолжались. Еще 5 апреля 1942 г. Гитлер подписал Директиву №41 предусматривавшую, в частности, уничтожение г. Сталинграда и прорыв немецких войск через Кавказский хребет к советским нефтяным районам. Затем на очереди стояли Ленинград и Москва. Таким образом, целью летней кампании 1942 г. было «окончательно уничтожить» советскую военную силу. После поражения под Москвой и потерь в результате советского зимнего наступления, немецкие войска не были в состоянии перейти в наступление по всему фронту. Поэтому решили провести основную операцию на южном участке фронта. Группа армий «Юг» должна была форсировать Дон, после чего разделиться на группы армий «А» и «Б». Затем группа армий «А» должна была наступать к нижнему течению Дона, а оттуда захватить нефтяные районы Кавказа и поставить этот важный, как в экономическом, так и в военном отношении район, под фашистское господство. Одновременно группа армий «Б», в том числе 6-я армия вермахта под командованием генерал-полковника Паулюса, должна была выйти к Дону на линию Воронеж – Богучар – Клетская – Калач и из большой излучины Дона развить наступление к Волге, в направлении на Сталинград. Этим было бы блокировано движение по Волге, исключен экономический потенциал Сталинграда, а весь советский фронт оказался бы рассеченным надвое. По окончании этой операции и после уничтожения советских сил на южном участке, имелось ввиду возобновить наступление на Ленинград и Москву. Однако этот план провалился. Основная операция на южном участке советско-германского фронта не достигла ни одной из поставленных стратегических целей и стало ясно, что разрекламированные планы нового наступления на Ленинград и Москву были совершенно иллюзорными.

В первый месяц летнего наступления немецкому командованию удалось добиться крупных успехов в овладении новых территорий. Но

несмотря на это, немцы не смогли осуществить свой главный замысел – окружить и уничтожить войска Южного и Юго-Западного фронтов. Чтобы сорвать замыслы врага, Ставка вынуждена была принять решение об отводе советских войск на новые рубежи, закрепиться на них и не пускать дальше немцев. Но гитлеровцы продолжали продвигаться вперед. Как и летом 1941 г. Красная Армия оказалась в роли обороняющегося. Почему это произошло? Было ясно, что у гитлеровцев большое численное превосходство в танках, авиации, артиллерии и пехоте. Но были и другие причины. Одной из них, например, стал беспорядок в управлении войсками. «...Юго-Западный фронт не смог отразить удары противника главным образом потому, что командование фронтом лишилось связи с войсками и само оказалось дезорганизовано...»⁴⁰ Именно так оценил обстановку Сталин в разговоре по прямому проводу с Василевским...

Обстановка на Юге страны резко ухудшилась. Уже несколько дней в сводках Совинформбюро кроме района Воронежа фигурируют Цимлянская и Новочеркасск. Оставлены Донбасс и Ростов-на-Дону. Идут бои в районе Клетской, а это уже Сталинградская область. Область объявлена на военном положении. Создан Сталинградский фронт. Так, еще до первых боев на дальних подступах к городу на Волге было положено начало очередному этапу войны. Начиналось сражение, которое должно было решить исход летней кампании 1942 г. и, может быть, даже всей войны

Паромщик

*Опускалась туча к волнам Дона,
Опускалась черною вороной.
Помутнел, подернулся он рябью,
Камыши звенели, словно сабли.
Отступали наши к переправе,
Ветры пели об отцовской славе.
Грязные, не бриты долго лица,
Опалены брови и ресницы.
Их встречал паромщик бородатый,
Жилистые руки – как лопаты.
Рыбки вяленой принес к обеду.
Перевез.
Благодарили деда:
— Ты прости, отец, за отступление,
Мы придем еще в твое селенье...*

Валентин Солоухин.

Июльские дни 1942 г. ознаменовались чрезвычайным событием: в армии обнародован приказ Сталина № 227, который известен еще под названием “Ни шагу назад!”. Обычно номера приказов, и то лишь самых важных, помнят только канцелярские военнослужащие. 227-й и сегодня назовет нам любой фронтовик.

В связи с глубоким прорывом немцев к Волге и Кавказу и был издан этот приказ. С предельной правдивостью в нем объяснялось то отчаянное положение, в какое попала наша страна. Говорилось о смертельной угрозе, вновь нависшей над Советским Союзом. Вот некоторые выдержки из этого приказа: “28 июля 1942 г. враг бросает на фронт все новые силы И, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россось, Кулянк, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети...

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв...

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага...

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиям:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3 – 5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 100 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах”.⁴¹

Необходимо заметить, что летом 1942 года требовалось не только ужесточение репрессий, но и их публичность. Сталинский приказ № 227 был крайне мотивированным, эмоциональным, жестким и в значительной мере публичным. Хотя этот документ имел гриф “без публикации”, то есть в открытую печать не попадал, но уже на следующий день после выхода приказа “Ни шагу назад!”, как его стали именовать в войсках, был зачитан во всех частях и подразделениях и стал известен миллионам людей.

Константин Симонов, прочитав приказ № 227, написал стихотворение “Безымянное поле”. Первые беспощадные, горькие строфы стихотворения были созвучны приказу и дополняли его еще одним мотивом – голосом погибших воинов:

*Опять мы отходим, товарищи,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.*

*Мы мертвым глаза не закрыли,
Придется нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли
Последнюю почесть отдать.*

*Не в честных солдатских могилах –
Лежат они прямо в пыли.
Но, мертвых отдав поруганью
Зато мы – живыми пришли!..*

В этом стихотворении поэт как бы берет под свою защиту солдата, который честно воюет, но все равно приходится отступать перед силой, которую он побороть, пока, не может и отдает народ под ярмо немецких угнетателей:

*Ты, кажется слушать не можешь?
Ты, руку занес надо мной...
За слов мою страшную горечь
Прости мне, товарищ, родной.*

*Прости мне мои оскорбленья,
Я с горя тебе их сказал,
Я знаю, ты рядом со мною
Сто раз свою грудь подставлял.*

*Я знаю, ты пуль не боялся,
И жизнь, что дала тебе мать,
Берег ты с мужскою надеждой
Ее подороже отдать.*

*Ты, верно, в сорочке родился,
Что все еще жив до сих пор,
И смерть тебе меньшею мукой
Казалась, чем этот позор...⁴²*

В полной мере эти стихи можно отнести к Ивану Юлиановичу Баранову, который никогда не был штрафником, а с первых дней войны начал вести свой смертельный бой с немецко-фашистскими захватчиками, отступая, он честно дошагал до Дона и в 1942 г. оказался в самом пекле Сталинградской битвы.

В эти же дни в газете “Красная Звезда” были опубликованы стихи Александра Твардовского “Отречение”, посвященные штрафникам:

*И на глазах друзей-бойцов,
К тебе презренья полных,
Свой приговор, Иван Кравцов,
Ты выслушай безмолвно.
Как честь, прими тот приговор.
И стой. И будь, как воин,
Хотя б в тот миг, как залп в упор
Покончит счет с тобою...
А может быть, еще тот суд
Свой приговор отложит.
И вновь ружье тебе дадут.
Доверят вновь. Быть может.⁴³*

Как правило, уходя в бой, многие штрафники сражались мужественно, восстанавливая доверие своих боевых товарищей, командиров и народа, которое под огнем значило не меньше, чем жизнь и самая высокая награда. Всего за время войны через штрафные роты и батальоны прошло 427 910 человек. Сколько из них осталось в живых, история умалчивает. Но если посмотреть статистику потерь во время различных боевых операций, то штрафные роты и батальоны теряли от 50 до 90% своего личного состава...

Новый взрыв ненависти к фашистским захватчикам вызывали публикации во фронтовых газетах материалов об угоне советских людей в Германию и о издевательствах, которые там на них обрушивались. Новые факты об этом, ставшие известными, предоставляли фронтовые корреспонденты. Те, в свою очередь, информацию об этом получали из писем убитых гитлеровцев. Вот, что написал военный корреспондент Николай Тихонов из Ленинграда: “В Германию угоняют русских девушек. Их продают там на невольничьих рынках. Ужасна судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий полон. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405-го пехотного полка 121-й дивизии Рудольфа Ламмерсмайера. Это письмо написано его матерью из местечка Лютте близ Эйнкернрута: “Ты пишешь, что войной сыт по горло. Но мы питаем надежду, что когда-нибудь случится особенное. Ведь может же быть чудо. Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Хотя Анна Лиза обрезала веревку, пульс у русской уже не бился. Она была мертва. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокоили фрау Ростерт. Можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу”. И текст писателя: “Не нужно слов! Шапки долой перед трупом русской девушки, которая предпочла смерть рабству...”

А вот еще выдержки из одного письма, присланного убитому гитлеровцу: “Кто бы подумал, Вилли, что такое животное, как наша украинка, умеет прекрасно шить. ... Удрали три литовца, но они уже заменены белорусами. Мы ничего не потеряем. Это даже дешевле. Прокормить этих белорусов можно очень дешево. Русские получают хлеб только из свеклы. К 1 марта нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы на дому. Будь спокоен, уж они поработают! Все, у кого уже работают русские, говорят, что в общем это недорогое удовольствие...”

А вот письмо немецкой матери солдату Фрицу Греберу из Лайбша. Она пишет, что война принесла ей доход – на нее работает рабыня с Укра-

ины. Фрау Гребер рада войне: “Благодаря войне мы теперь получили хорошую рабочую силу – девку с Украины, ей 21 год. Фрау Леман получила сестру этой девки. Ей 26 лет, но она сильнее нашей. Я смотрела ее мускулы на руках и ногах. Но ничего – наша тоже будет работать”.

Другое письмо. Жена спешит поделиться радостью с солдатом Юзофом Шнеером: “ У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен, она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук”.

Жену солдата Карла Вишофа обошли при дележке рабов, она негодует: “ Пока нам ничего не дали. Безобразие! Впрочем, я не жалею – это плохая партия... Они совсем не могут работать, так они ослаблены”.

Смоленские партизаны захватили почтовый грузовик карательного отряда гитлеровцев. В автомашине они нашли мешки с посылками и письмами. В письмах фашисты с циничной откровенностью и бахвальством делятся своими подвигами. Один ефрейтор посылает своему другу письмо, которое нельзя читать без содрогания: “ Пошарив в сундуках и организовав хороший ужин, мы стали веселиться. Девочка попалась злая, но мы ее тоже организовали. Не беда, что всем отделением...” Ефрейтор Георг Пфалер без стеснения писал матери в Саппенфельд: “ В маленьком городке мы пробыли три дня. А сколько сундуков и шкафов перерыли, сколько маленьких барышень перепортили... Веселая теперь наша жизнь, не то что в окопах...” Рабочий типографии газеты “Красная Звезда”, получивший эти материалы для набора, прежде чем приступить к работе, собрал работников и стал читать эти письма. Люди стояли с сжатыми кулаками и из уст лились страшные проклятия по адресу фашистов. Узнав из газет об этих письмах, летчики, танкисты, артиллеристы, моряки, пехотинцы, проклиная немецких захватчиков, этих насильников и убийц, клялись: “Ничего, отольются им наши слезы. Наступит время, и мы придем в эту проклятую Германию, и месть наша будет такой страшной, что эти немецкие матери-волчицы, плача горючими слезами, будут проклинать тот день, что родили на свет своих сыновей-людоедов и отправляли завоевывать ту загадочную и богатую Россию”.

На обнаружение этих писем, благословлявших своих мужей на грабительский поход, на разбой, насилие, зверства, ответил своим стихотворением Алексей Сурков:

*Будет гнить он вот здесь, в долине,
Или раков кормить в Дону.
Пусть рыдает жена в Берлине!
Мне не жалко жену.*

На публикацию этих писем откликнулся другой известный русский, советский писатель Алексей Толстой. В своей заметке, напечатанной в “Красной Звезде” и перепечатанной в “Правде”, он написал: “Прочтите эти письма, товарищи. Они найдены в карманах убитых немцев. Эти документы потрясают своим цинизмом. В них вы увидите страшную судьбу советских людей, насильно увезенных в подлую и темную Германию. От вас, от вашей стойкости, от вашего мужества и решимости разгромить врага зависит – будут ли бесноватые немки хлестать по щекам русских, украинских и белорусских женщин да кормить их одним хлебом из свежлы, как скотину...”

Воин Красной Армии, закрой на минуту лицо своей рукой. Больно русскому читать эти немецкие строки. Штыком своим, омоченным в немецкой крови, зачеркни их.

Смерть рабовладельцам!”⁴⁴

Ознакомившись с этими страшными свидетельствами, подумалось вот о чем. Перед и во время начального этапа (1941-42 гг.) Великой Отечественной войны в умах советских людей-тружеников и воинов Красной Армии, долгое время теплилась надежда, что пролетариат Германии проснется, одумается, восстанет против Гитлера и его кровожадных помощников, и избрет народное правительство, которое прекратит войны и будет жить мирно со всеми народами. Но такие мысли советских людей были наивными. Они рисовали для себя не действительную, а желаемую картину из-за нехватки информации о происходивших в Германии политических процессах с момента прихода к власти нацистской партии. За восемь лет пребывания у власти А. Гитлера, вплоть до 1941 г., фашистская идеология и пропаганда отравила ядом шовинизма, расизма и нацизма, не только своих солдат, но и простых жителей Германии. Гитлер обещал им отдавать в рабство насильно угнанных граждан из оккупированных стран и награбленное добро. Жажда наживы и обогащения овладела почти всеми жителями нацистского рейха. Достаточно вспомнить, что в 1933 г. на выборах за Гитлера проголосовали 38 млн. немцев. Это составило 80% от всего числа избирателей. После победоносного похода по Европе, число приверженцев фюрера только увеличилось. Так что не нужно думать, что такой-сякой негодяй Гитлер одурманил и обманул немецкий народ и привел его в 1945 г. к краху. Так думать не верно. Почти все немцы Германии пошли за фюрером Адольфом Гитлером осознанно. Поддержали нацистов, потому что получили работу и заработок на промышленных предприятиях, которые стали выполнять военные заказы, бесплатных рабов на сельскохозяйственных угодьях. В первые годы нацистского режима некоторое сопротивление исходило от немецкой

коммунистической партии и очень малой части рабочих. Но эти честные немцы были быстро нейтрализованы. Часть из них была убита, а кому повезло больше, тот оказался в тюрьмах и концлагерях. Быстро трезветь немцы начали только к концу 1944 г., когда услышали приближающуюся к их границам тяжелую поступь советского солдата. Германия поняла, что приближается возмездие, оно придет неминуемо. Они, может быть, и поворотили бы вспять выборы 1933 г., но уже было поздно. Как говорится “нужно думать и все делать всегда вовремя”.

Сегодня, когда после нашей Великой Победы, прошло более 70 лет, на Западе находятся “заумные” политики и историки, которые говорят и пишут, что в 1945 году Красная Армия, пришедшая с боями в Германию, уж очень сильно разрушила немецкие города, поселки и деревни и вывезла более 2-х млн эшелонов разного добра на территорию СССР. По этому поводу у меня в голове теснятся вот какие мысли: “А может, мы тогда еще слабо разрушили эту неметчину и мало вернули своих ценностей, награбленных фашистами у нас. Может, нужно было так ее разрушить, чтобы ее не восстановили за каких-то 15-20 лет, а чтобы и 50-ят, и 100 лет, немцы жили в подвалах, землянках и бараках, чтобы они и через тысячу лет помнили их величайшее поражение в своей истории. И тогда не лезли бы сейчас со своим НАТО к нашим границам, не смотрели бы свысока и с ненавистью на нас, как когда-то смотрели их отцы и деды и считали нас “унтерменшами”. Нужно, чтобы они всегда помнили то, что произошло с ними в 40-х гг. 20 ст. Необходимо, чтобы знали, с Великой Русью, со всем славянским миром нужно жить в мире и согласии, по-добрососедски, а не враждовать.

Мы не будем здесь подробно рассматривать весь ход Сталинградского сражения, остановимся только на некоторых моментах этого грандиозного события, каковым являлась эта битва, как составная часть всей Великой Отечественной войны. Здесь, прежде всего, необходимо отметить, что сражение под Сталинградом всегда ассоциируется, преимущественно, с уличными боями в самом городе на Волге, а между тем, в нем огромную роль на заключительном этапе, сыграли танковые и механизированные соединения Красной Армии. Сыграли механики-водители, стрелки-радисты, командиры танков, каким и был Иван Юлианович Баранов. Открытая степная местность благоприятствовала применению танков, и они активно использовались. Этому предшествовало следующее: на протяжении прошедшего года войны Сталин, Генеральный штаб, Главное автобронетанковое управление Красной Армии анализировали и понимали, какую важнейшую роль в современной войне играют танковые войска. Накопленный опыт убеждал, что настало время использо-

вания против врага больших масс танков и коренного изменения тактики применения бронетанковых соединений Красной Армии на советско-германском фронте. Необходимо было быстрее и больше формировать танковые корпуса и армии. Только тысячами, десятками тысяч танков и бронетранспортеров, только таким стальным кулаком, можно было добиваться успеха в борьбе с таким серьезным противником, каким являлся гитлеровский вермахт, и в итоге сокрушить его.

В июле 1942 г. Сталин дал указание сформировать 40 танковых бригад и распорядился о распределении 25-ти уже сформированных. Двенадцать бригад подтянуть к Москве, создать под Москвой учебный центр и учить эти бригады слаженным действиям. 8-мь бригад оставить в Саратове и также обучать их. В каждой бригаде иметь по 45 танков, из них только 5-7 штук тяжелых КВ. Эти бригады считать сталинским резервом. К сентябрю должно быть сформировано еще 27 новых танковых бригад. Впоследствии эти танковые части должны послужить основой для формирования мощных танковых корпусов и армий. Эти замыслы и планы строились не на пустом месте. К середине года танковые заводы должны были дать 4 тыс. новых танков (в основном Т-34) и более 2-х тыс. старых образцов.

О том, какое внимание уделял Сталин танковым войскам во время войны, свидетельствует его беседа с генералом Катуховым, в те дни одним из самых авторитетных танковых командиров. Об этой встрече генерал Катухов рассказывал впоследствии на страницах своих мемуаров “На острие главного удара” следующее: “... Рассказывайте по порядку, как у вас, у вашего корпуса дела на фронте? Как воюет мотопехота и как наши танки?”

Как можно короче я рассказал о последних боевых событиях на Брянском фронте, о действиях наших танкистов и пехотинцев. А Сталин, вышагивая по кабинету, задает мне еще вопрос:

Как считаете, хороши наши танки или нет? Говорите прямо, без обиняков.

Отвечаю, что танки Т-34 полностью оправдали себя в боях и что мы возлагаем на них большие надежды. А вот тяжелые танки КВ и боевые машины Т-60 и Т-70 в войсках не любят.

Сталин на минуту остановился, вопросительно изогнув бровь:

— По какой причине?

— КВ, товарищ Сталин, очень тяжелы, неповоротливы, а значит, и неманевренны. К тому же КВ ломают мосты и вообще приносят много лишних хлопот. А на вооружении у КВ такая же 76-мм пушка, что и на “тридцатьчетверке”. Так, спрашивается, какие боевые преимущества дает нам тяжелый танк?

Раскритиковал я и легкий танк Т-60...

Уже по тому, что Сталин с особым пристрастием пытал меня, чем хороши и чем плохи по своим тактико-техническим свойствам наши танки, я понял, что Верховный Главнокомандующий хочет досконально, до самой, что называется, глубины, разобраться в сильных и слабых сторонах нашей бронетанковой техники сорок второго года. Нетрудно было догадаться, что его вопросы непосредственно связаны с неудачными боями летом и осенью сорок второго года. Сталин пытался найти причину этих неудач... Он спросил:

— Стреляют танкисты с ходу?

Я ответил, что нет, не стреляют.

— Почему? – Верховный пристально посмотрел на меня.

— Меткость с ходу плохая, и снаряды жалеем, – ответил я. – Ведь наши заявки на боеприпасы полностью не удовлетворяются.

Сталин остановился, посмотрел на меня в упор и заговорил четко, разделяя паузами каждое слово:

— Скажите, товариш Катухов, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? Надо. И кому в первую очередь? Конечно танкистам, которым вражеские пушки мешают продвигаться вперед. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в такой обстановке будут стрелять немцы?

— Конечно, меткость огня у противника снизится.

— Вот это и нужно, – подхватил Сталин. – Стреляйте с ходу, снаряды дадим, теперь у нас будут снаряды...”⁴⁵

Необходимо отметить, что интерес у Сталина к действиям танковых войск был не праздным и не случайным. Идея контрудара от Сталинграда напрашивалась сама собой. Клин немцев, упиравшийся в Волгу, так и просился, чтобы его подрезали у основания. Но чем подрезать? Отступившие в город советские войска, измотанные в непрерывных сражениях, сделать это не могли. Встал вопрос создания крупных танковых объединений, способных быстро сокрушить вражескую оборону и окружить его войска. Это могли выполнить только танковые и мотомеханизированные, подвижные, мобильные подразделения. Таких на тот момент не было, и их нужно было создавать. Поэтому, в те тяжелые дни, по приказу Сталина, формировались две танковые армии. Сталин проводил большую ежедневную работу по формированию танковых соединений. Он лично распределял танки, поступающие с заводов, и постоянно руководил работой танковых заводов через директоров, а также работой конструкторских бюро по улучшению бронетанковой техники.

В связи с вышеизложенным особый интерес вызывает книга, изданная в 1994 г. небольшим тиражом генерал-полковником танковых войск Н.И. Бирюковым “Эпистолярные тайны Великой Отечественной войны (служебные записки советского генерала)”. Вот некоторые примеры из той книги:

«...3 января 1942 г.
Указания тов. Сталина

Перейти на механизированные корпуса. В танковом корпусе иметь 2-е полные танковые бригады. Танковые бригады иметь типа “С” – сокращенные – по 46 танков и полные, типа “П” – по 93 танка. В корпусе иметь две полные танковые бригады и две мотострелковые бригады по 2500-3000 чел. В корпусе будет 187 танков. Шести фронтам дать по корпусу и армиям – по 2 сокращенных бригады. У фронта должно быть хотя бы по два мехкорпуса. Эти формирования первой очереди, т. е. к февралю.

Сформировать 12 корпусов. Взять штат старой мотострелковой дивизии и сократить его. Дать артиллерию, зенитки, минометы 82-мм и 120-мм.

Составить штаты на полную и сокращенную танковые бригады так, чтобы их потом не менять...

4 июля 1942 г.
Указания тов. Сталина

1. На Кировском заводе оставить производство танка КВ в размере 5-6 ед. в день, а в месяц – 150 ед.
2. Прекратить производство Т-60 с 5.07.42 г.
3. Производство Т-34 в размере 1800-2000 ед.
4. Вместо Т-70 в бригады давать легкие американские танки.
5. На заводах № 37 и 264 организовать производство Т-34. То же и на Кировском заводе.
6. В июле...
7. Сформировать:

В Сталинграде 6 рот	Маршевые роты Т-34
В Горьком 5 рот	Всего сформировать 20 рот
В Н. Тагиле 9 рот	восточнее Воронежа
8. Мерцкову танков пока не давать.
9. В июле дать заводам 1350 танков Т-34, а Т-70 – 700 ед.
10. Группе Федоренко дать 9 маршевых рот по 10 ед. Т-34.
11. В танковых корпусах иметь резерв танков.

12. На июль 183-й завод – 600 ед., СТЗ – 420 ед., 112-й завод – 250, 174-й завод – 50 ед., ГАЗ – 450.⁴⁶

В тот период в войсках Юго-Западного фронта находился член ГКО, секретарь ЦК Г.М. Маленков. Он немедленно вызвал из Москвы начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии Я.Н. Федоренко. Прибыв на фронт, он развил кипучую деятельность по подготовке танковых войск к предстоящему сражению. Он направил Сталину план реформирования танковых бригад. На фронте было решено оставить три бригады, а 18-ть отправить на реформирование. Тем самым было начато создание резервов, которым предстояло сказать свое веское слово в августе-сентябре. Одну танковую бригаду перебросили под Сталинград с Северного Кавказа. Весь выпуск танков с СТЗ шел прямо в войска, в восстанавливаемые бригады. Также по решению Федоренко в Сталинграде был оставлен автобронетанковый центр.

Так, в составе Сталинградского и Юго-Западного фронтов на 1 сентября 1942 г. уже было 8-мь танковых корпусов. В одном из них сражалась бригада, в которой воевал старшина И.Ю. Баранов.

Условия, в которых начиналось сражение, трудно назвать типичными для битв Великой Отечественной войны. Первоначально противники не соприкосались друг с другом. Немцы шагали на восток по казавшейся бескрайней степи. Маршевые колонны немцев и закапывающихся в землю советских пехотинцев и танкистов разделяли десятки километров. На фронте стояла необычная тишина. Никакой канонады, только редкие пролеты самолетов.

Одной из первых задач Сталинградского фронта стало выдвижение вперед передовых отрядов для выяснения сил и планов противника. Они должны были установить соприкосновение сдвигающимися на Сталинград немецкими частями. Передовые отряды было решено формировать из курсантов военных училищ и усиливать дивизионом артиллерии, ротой танков и ротой ПТР.

Уже 16 июля некоторые из высланных вперед передовых отрядов вступили в соприкосновение с противником. Первый бой Сталинградской битвы провел передовой отряд 147-й стрелковой дивизии. Ядром отряда были рота Т-34 и рота Т-60, два взвода автоматчиков, четыре взвода стрелков, шесть ПТР и три противотанковых пушки. В 17.40 16 июля три Т-34 и два Т-60 при разведке хутора Морозов были обстреляны противотанковыми пушками немцев и ответным огнем их уничтожили. После разведки танки возвратились, таща одну “тридцатьчетверку” на буксире. Но это была еще не боевая потеря – у танка просто отказала коробка передач.

Несколькими часами спустя произошло более серьезное столкновение. В 20.00 четыре немецких танка скрытно подошли к хутору Золотой и открыли огонь по отряду. Первый бой Сталинградской битвы длился 20-30 мин. Танкисты 645-го танкового батальона заявили об уничтожении 2-х немецких танков с экипажами, подбитии еще одного и уничтожении одной противотанковой пушки. Видимо немцы не рассчитывали столкнуться сразу с двумя ротами танков и послали вперед всего четыре машины. Потери отряда составили один Т-34 сгоревшим и два Т-34 подбитыми. Первый бой кровопролитного многомесячного сражения не был ознаменован ничьей смертью – людские потери двух танковых рот составили 11 человек ранеными. Таща за собой 2 подбитых танка, танковый отряд вернулся назад. Первые выстрелы великой битвы прозвучали.

Вскоре сражение запылало в полную силу. С запада подходили передовые части 6-й армии Паулюса. В районе станицы Чернышевской разгорелся тяжелый бой, который гремел с 4.00 до 20.00 20 июля. Безвозвратно было потеряно 10 Т-34 и три Т-60. Через день, 22 июля подобный бой произошел у населенного пункта Петровка. В направлении Петровки шел 14-й танковый корпус немцев. Т-34 651-го батальона и 88-й гвардейский полк контратаковали немцев. В ходе боя гитлеровцы потеряли 15 средних и тяжелых танков. Потери советских танкистов составили 2 Т-34 сгоревшими и 3 подбитыми.

В этих боях советские танкисты впервые столкнулись с действием немецких “термитных снарядов”. “Термитными” тогда называли кумулятивные снаряды, которые использовались немецкими самоходными артиллерийскими установками “Штурмгешютц”. Эти САУ были приданы 113-й немецкой пехотной дивизии в количестве 3-х штук. Вскоре на контратакующие советские танки обрушится шквал таких снарядов. От таких снарядов советский танк любой системы превращался в большой жаркий костер, зачастую вместе с экипажем.

Необходимо отметить, что к началу наступления на Сталинград немецкая 6-я армия являлась сильнейшей на Восточном фронте. Ее численность составляла около 400 тыс. человек. Только 18-я армия под Ленинградом могла похвастать большой численностью – 306 тыс. человек.

Для сравнения: по состоянию на 20 июля 1942 г. Сталинградский фронт насчитывал 386 тыс. чел. На 21 июля 1942 г. в 6-й армии насчитывалось 342 единицы танков и штурмовых орудий. Если только говорить о количестве танков, то советскому командованию на Сталинградском фронте было что противопоставить противнику. Например, 13-й танковый корпус полковника Т.И. Танасчишина к началу боев насчитывал 94 Т-34, 63 Т-70 и 10 бронемашин. Это было серьезным аргументом против прорывов

противника. Конечно, укомплектованность материальной частью корпуса была хорошей, чего не скажешь о подготовке самих танкистов. В докладной записке командир корпуса характеризовал подготовку своих танкистов следующим образом: “Укомплектованность удовлетворительная, но механики-водители танков имеют только по 3-5 часов вождения. Крайне необходимо, чтобы в корпусе было хотя бы 30 механиков-водителей со стажем 30-50-ят часов”.⁴⁷ В связи с этим хочется акцентировать наше внимание на И.Ю. Баранове. Таких танкистов, точнее механиков-водителей с довоенным стажем (их тогда называли “кадровиками”), к лету 1942 г. в танковых войсках Красной Армии оставалось очень мало. В основном, за год войны, они почти все были выбиты. Может поэтому, благодаря своему высокому профессионализму в вождении танка на поле сражения, смелости и находчивости, и остался в живых Иван Юлианович.

Город подвергался жестоким бомбардировкам гитлеровской авиацией. Только 23 августа 1942 г. немцы совершили более 2 тыс. самолетовылетов. Сталинград был засыпан бомбами. Более половины зданий оказалось разрушено. Из 450 тыс. жителей, остававшихся в городе, 40 тыс. погибло, а 70 тыс. было ранено и покалечено.

Сталинград выдержал три штурма немецко-фашистскими войсками. Первый – с 13 по 26 сентября 1942 г., второй – с 27 сентября по 7 октября, и третий – 14-19 октября.

В результате первого штурма немцы уже 15 сентября заняли Мамаев курган (высота 102,0). После этого бои начались в самом городе. В первом штурме города 6-я армия потеряла почти 6 тыс. солдат и офицеров. О накале боев говорит тот факт, что начиная с 18 сентября и по 21 сентября 1-я гвардейская армия, предпринимавшая наступление и имевшая в его начале 340 танков, потеряла 157 танков. За три недели боев армии Сталинградского фронта (с 1 по 20 сентября 1942 г.) потеряли 88 тыс. 715 чел. Потери были ужасающими.

Во время второго штурма 30 сентября 1942 г. в полосе советской 24-й армии предприняли контрнаступление. Две стрелковые дивизии поддержанные двумя танковыми бригадами – 241-й и 167-й вели этот наступательный бой 98-ю танками. В итоге с поля боя вернулись по два танка в каждой бригаде, и по одной машине эвакуировали. Вот через какую мясорубку пришлось пройти механику-водителю И.Ю. Баранову в начале осени 1942 г. под Сталинградом.

В ЖБД 6-й армии, впоследствии было отмечено, что на поле боя 3-й моторизованной дивизии (14-й корпус), было уничтожено 24 советских и 100 несоветских танков (имелось в виду английских и американских). Немцы потеряли 1 легкий, 1 средний и 1 тяжелый танки. Здесь, скорее всего, немцы занизили свои потери.

27 сентября только в течение дня немцами были уничтожены две советские стрелковые бригады – 9-я и 38-я. Квартал за кварталом, улицу за улицей занимали немцы. Они прокладывали себе путь ураганным огнем артиллерии. Расход боеприпасов 51-го армейского корпуса за 27 сентября составлял внушительную величину 444 тонны, в том числе 346 выстрелов 210-мм гаубиц и 2044 выстрела к 150-мм полевым гаубицам.

Третий штурм проходил 14-19 октября. 14 октября в результате штурма гитлеровцы заняли СТЗ и вышли к Волге. На территории завода немцы захватили 100 корпусов танков, 35 танковых башен и другое оборудование. В течение 3-х дней был уничтожен танковый батальон СТЗ (23 танка: 6 КВ, 8 Т-34, 3 Т-70, 6 Т-60. Они использовались, в основном, как неподвижные огневые точки. К вечеру 15 октября в строю оставались 2 КВ. Вскоре они были окружены немцами и подорваны самими экипажами.

Вот как описывал оборону Сталинграда Константин Симонов в своей известной книге “Дни и ночи”: “Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово “война”, то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжелый бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое гремяние перегоревшего кровельного железа.

Немцы осаждают Сталинград. ... Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волжских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет легких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков. Теперь этот город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город-солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастионов, с камнями героических развалин.

И Волга под Сталинградом – это не та Волга, которую мы видели когда-то, с глубокой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами сосновых плотов, с караванами барж. Ее набережные изрыты воронками, в ее воду падают бомбы, поднимая тяжелые водяные столбы. Взад и вперед через нее идут к осажденному городу грузовые паромы и легкие лодки. Над ней бряцают оружие, и окровавленные бинты раненых видны над темной водой.

Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогавшейся землей. В городе давно уже нет безопасных мест, но за эти дни осады здесь привыкли к отсутствию безопасности. В городе пожары. Многих улиц уже не существует. Еще

оставшиеся в городе женщины и дети ютятся в подвалах, роют пещеры в спускающихся к Волге оврагах. Уже месяц штурмуют немцы город, уже месяц хотят овладеть им во что бы то ни стало. На улицах валяются обломки сбитых бомбардировщиков, в воздухе рвутся снаряды зениток, но бомбежка не прекращается ни на час. Осаждающие стараются сделать из этого города ад.

Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой и земля содрогается под ногами. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных фашистами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, - так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.

Вечер. Мы стоим на окраине. Впереди расстилается поле боя. Дымящиеся холмы, горящие улицы. ... Ночь не прерывает боя. Тяжелый грохот: немецкие бомбардировщики опять обрушили бомбы на город за нашей спиной. Гул самолетов минуту назад прошел над нашими головами с запада на восток, теперь он слышен с востока на запад. На запад прошли наши. Вот они развесили над немецкими позициями цепь желтых светящихся “фонарей”, и разрывы бомб ложатся на освещенную ими землю.

Четверть часа относительной тишины – относительной потому, что все время продолжает слышаться глухая канонада на севере и юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называют тишиной, потому что другой тишины здесь уже давно нет, а что-нибудь надо же называть тишиной!

В такие минуты разом вспоминаются все картины, прошедшие перед тобой за эти дни и ночи, лица людей, то усталые, то разгоряченные, их бессонные, яростные глаза.

...Мы едем по мосту через один из городских оврагов. Я никогда не забуду этой картины. Овраг далеко тянется влево и вправо, и весь он кишит, как муравейник, весь он изрыт пещерами. В нем вырыты целые улицы. Пещеры накрыты обгорелыми досками, тряпьем – женщины стащили сюда все, чем можно закрыть от дождя и ветра своих птенцов. Трудно сказать словами, как горько видеть вместо улиц и перекрестков, вместо шумного города ряды этих печальных человеческих гнезд.

...Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нем лежит утопленница, обхватив его опаленными скрюченными пальцами. Я не знаю откуда принесли ее волны. Мо-

жет быть, это одна из тех, кто погиб на параходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо ее искажено: муки перед смертью были, должно быть, невероятными. Это сделал враг, сделал на наших глазах. И пусть потом он не просит пощады ни у одного из тех, кто это видел. После Сталинграда мы его не пощадим”.⁴⁶

Выход противника к Волге создавал опасность форсирования реки с использованием 2-х островов – Зайцевский и Спорный. На временное усиление островов была брошена часть сил 300-й стрелковой дивизии. Это был последний резерв, который советское командование могло бросить на защиту Сталинграда.

Ввиду слабого продвижения пехоты, нежелания ее идти в бой, на Донском фронте, который пытался пробиться в Сталинград с севера, по приказу Рокоссовского, были использованы заградительные отряды. Судьба Сталинграда в те дни повисла на волоске... Но сталинградцы выстояли. Это позволило советскому командованию подготовить мощнейшее контрнаступление.

19 ноября 1942 г., в 8 час. 50 мин., около 3,5 тыс. орудий и минометов, сосредоточенных на узких участках прорыва, обрушили на врага лавину огня. После 1 часа 20 мин. артиллерийской подготовки войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление. Но за несколько часов пехотные подразделения продвинулись незначительно. Это объяснялось тем, что действия советской артиллерии затруднялись из-за сильного снегопада и утреннего тумана. По этой же причине исключались и действия авиации. Однако атаки пехоты были лишь прелюдией атаки крупных танковых сил. В 13.00 в наступление перешли танковые корпуса. Преодолев с ходу очаги сопротивления врага, корпуса начали быстро продвигаться на юг. К середине дня погода улучшилась и в дело вступили авиация и артиллерия.

Вот как об этих днях впоследствии вспоминал командир немецкого 767-го гренадерского полка полковник Л. Штейдле: “ ... Еще царит полумрак. Взрывы гремят непрерывно. Наибольшую тревогу внушает усиление артиллерийского огня. Гром орудий раздается вдоль всей поймы реки, с севера на запад, напоминая широкий грозовой фронт. Так возвещает о себе начало операции Советской Армии, которая превзойдет все, что было до сих пор. ...Северо-западный ветер уже несет через наши позиции первые волны воздуха, густо насыщенного пороховыми газами. По-видимому в бой введено и большое количество советских самолетов. Затем из штаба дивизии приходит тревожное сообщение, что у румын фронт широко прорван и советские танки из района Серафимовича и Клетской устремились на юго-восток. Вскоре после этого штаб сообщает,

что он вынужден перенести свой командный пункт. При поддержании телефонной и радиосвязи ощущается сильнейшая нервозность. Неожиданно прерывается связь с румынской частью. Больше не существует контактов со штабом соседнего полка, а также со штабом румынской дивизии. Поступают первые донесения о бегстве, явлениях разложения, а также о переходе на новые оборонительные позиции менее чем в трех километрах от левого фланга моего полка, фронтом на юг.”⁴⁹

20 ноября 1942 г. из района южнее Сталинграда в наступление перешли войска Сталинградского фронта. В результате ожесточенных боев войска трех фронтов прорвали тактическую оборону врага, нанесли ему значительные потери, овладели многими населенными пунктами и продвинулись на запад на несколько десятков километров. 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе поселка Советский, окружив крупную группировку врага под Сталинградом. Так было завершено окружение 22 вражеских дивизий и 160 отдельных частей различных родов войск – в общей сложности 330 тыс. человек. Но до полной победы под Сталинградом было еще далеко.

Не нужно было быть большим стратегом, чтобы не понять, какие перспективы в ближайшее время могут ожидать 6-ю немецкую армию, после недельного наступления советских корпусов. Даже простой полковник на уровне командира полка или дивизии мог увидеть ту опасность, которая нависла над немецкими войсками, сумевшими войти в Сталинград и вышедшими к Волге. Паулюс, этот блестящий стратег, один из лучших генералов немецкого генштаба, один из главных авторов плана “Барбаросса”, конечно же, увидел эту угрозу. Поэтому, поняв, что нужно сделать для решения этой чрезвычайно важной задачи, заключававшей в себе дилемму “жить или не жить 6-й немецкой армии”, он обратился с предложением к Гитлеру. Вот выдержки из той знаменитой радиограммы от 23 ноября 1942 г.: “... Замкнуть котел на юго-западе и западе противнику не удалось. Здесь вырисовываются предстоящие вклинения противника. Боеприпасы и горючее на исходе. Многие батареи и противотанковые орудия израсходовали весь боезапас. Своевременное достаточное снабжение исключено.

Армии в самое ближайшее время грозит уничтожение, если путем концентрации всех сил противнику, наступающему с юга и запада, не будет нанесен уничтожающий удар.

Для этого необходим немедленный отвод всех дивизий из Сталинграда и крупных сил с северного участка фронта. Неотвратимым следствием должен явиться затем прорыв на юго-запад, ибо при таких слабых силах восточный и северный участки фронта удерживать больше невоз-

можно. При этом мы потеряем много материально-технических средств, однако сохраним большинство ценных бойцов и хотя бы часть техники.

В полной мере неся ответственность за это весьма серьезное донесение, докладываю вместе с тем, что командиры корпусов генералы Хайтц, Штреккер, Хубе и Йеннеке оценивают обстановку таким же образом.

Исходя из сложившейся обстановки, еще раз прошу свободы действий...”

Что же Гитлер? Вот какое решение принял он, почти три недели размышлявший над предложением Паулюса, и ознакомивший с ним своих генералов 12 декабря 1942 г.: “ ... Если смотреть на положение в целом, то я пришел к такому выводу... Мы ни при каких условиях не можем сдать Сталинград. Вновь его захватить нам уже больше не удастся. Что это означает, мы знаем.

Нам даже не восполнить того, что мы там имеем. Если мы поступимся этим, мы поступимся, собственно, всем смыслом этого похода. Воображать, что я еще раз дойду досюда, безумие...

Потому-то мы и не имеем права уйти отсюда... то, что мы отсюда не уйдем, должно стать фанатическим”.

После этого последовал приказ А. Гитлера Паулюсу следующего содержания: “ ... 6-я армия временно окружена русскими войсками. Я намерен сосредоточить армию в районе Сталинград – Норд – Котлубань – высота 137 – высота 135 – Мариновка – Цыбенко – Сталинград – Зюд. Армия может быть убеждена в том, что я сделаю все для того, чтобы соответствующим образом обеспечить ее и своевременно деблокировать. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг”.⁵⁰

Так с фанатичной уверенностью в победу, фюрер немецкой нации послал на смерть сотни тысяч своих солдат и офицеров.

Враг любой ценой стремился спасти окруженную группировку от гибели, подтягивал резервы на внешний фронт окружения. 27 ноября гитлеровское командование создало группу армий “Дон”, назначив его командующим генерал-фельдмаршала Манштейна. Вот как об этом вспоминал после войны полковник Л. Штейдле: “ ... Примерно в это же время создается новая группа армий “Дон” под командованием фельдмаршала Манштейна, до этого командовавшего 11-й армией и пользовавшегося у офицеров и солдат большим авторитетом. Этой группе армий будет подчинена и окруженная 6-я армия. Все считают, что теперь, когда во главе поставлен такой человек, можно быть уверенным, что кольцо окружения будет разорвано. Одно имя Манштейна служит порукой тому, что кризисная ситуация превратится в победу. К чему каркать о второй Москве? Москва не повторится.”⁵¹

Манштейн намеревался образовать две ударные группировки: первую в районе Котельникова с задачей овладеть высотами в 50-ти километрах юго-западнее Сталинграда и оттуда установить связь с южным участком фронта котла, и вторую в районе Тормосина с задачей, используя еще имеющийся немецкий плацдарм у Нижне-Чирской, взломать кольцо окружения на его юго-западном фланге у Мариновки и Карповки. Операция войск Манштейна по прорыву кольца окружения была закодирована под названием “Зимняя гроза”. Второй этап этой операции получил кодовое название “Удар грома”. По условному сигналу 6-я армия должна была нанести удар навстречу группировке Манштейна, прорывая внутреннее кольцо окружения советских войск, и одновременно основными силами начать отход от рубежа к рубежу, оставляя захваченные кварталы Сталинграда. Но ни гром, ни молния, ни зимняя или летняя гроза, не могли спасти окруженные гитлеровские войска от страшного разгрома. Это было лишь делом времени.

“Немецкие солдаты, участники Сталинградской битвы, оставшиеся в живых, всегда будут помнить радиogramмы Манштейна: “Держитесь, я пробьюсь к вам! Держитесь, мы наступаем!” Неспособный сделать правильные выводы из всего хода восточной кампании, прежде всего из поражения под Москвой, и правильно оценить силы противника, его стратегические и тактические возможности, Манштейн ради своего преступного тщеславия пожертвовал не только 6-й армией, но и жизнью десятков тысяч немецких, итальянских и румынских солдат, которые в эти декабрьские дни 1942 года погибли в донских и волжских степях, под Кантемировкой, в районе Алексеево-Лозовское, под Верхне-Чирской, Тормосином, Котельниковом”⁵² – написал впоследствии командир немецкого гренадерского полка полковник Л. Штейдле.

О первых симптомах растерянности, разложения, анархического поведения немецких солдат во время контрнаступления Красной Армии под Сталинградом рассказывает тот же полковник Л. Штейдле: “... 22 ноября в 9 часов по всему фронту нашего полка советские пехотинцы, преодолевая овраги, развернутым строем пошли в атаку. Мы пытаемся задержать противника и одновременно даем ракетой сигнал на отход со всех позиций. ... Спустя час я сталкиваюсь в Ближней Перекопке с первым ошеломляющим явлением: это происходит в доме, где расположена часть полкового штаба и почтовый сортировочный пункт. Все мешки и посылки полевой почты разграблены. Никто не попытался воспрепятствовать этому. Невозможно установить кто именно участвовал в грабеже, так как здесь побывали солдаты разных откатывающихся частей. Придя в ярость и под впечатлением всего случившегося за последние дни я теряю самообладание и ору на тех,

кого мне удастся схватить. Впервые в жизни отталкивая роющихся здесь солдат, я применяю к солдату физическую силу, выбиваю из рук одного из них разорванную посылку, хватаю его за шиворот, наношу несколько сильных ударов. Он летит через почтовые мешки и падает на пол. Солдат растерянно смотрит на меня, заросший, бледный, усталый, с глубокими тенями под глазами и со следом на лбу от слетевшего головного убора. Очевидно, он боится новых ударов и, подняв руку, закрывает лицо, искоса наблюдая за мной. ... Вскоре начинается артиллерийский обстрел. Противник прощупывает высоты и спуски в долины, ведет огонь вдоль дорог и по немногим узким проходам, где можно перебраться через сухие русла ручьев. Возникает всеобщий переполох, взводы и тыловые подразделения разбегаются. Наши молодые солдаты охвачены паническим страхом. Они боятся, что нас могут настичь русские танки. ... Красная Армия действует умело и дезорганизует нашу попытку оторваться от противника. ... На возвышенном западном участке фронта окружения идут упорные бои за так называемый Казачий Курган, считающийся ключом кольца обороны. С него можно контролировать переправы через Дон. Борьба за эти высоты, за высоту 102 (Мамаев курган-авт.), у которой погибли три немецкие дивизии, или за высоту 129, вокруг которой окопался мой полк, требует больших жертв.

... Если ехать на мотоцикле от Дмитриевки по пологому подъему, где все покрыто гладким льдом и путь преграждают похожие на дюны снежные сугробы, приходится включать малую скорость. Дорога разбита тысячами солдат, шагавших неуверенно, ошупью. Каждый, кто с трудом пробирается вперед, проходит мимо трупов, которые раньше лежали примерно в ста шагах южнее дороги. С каждым днем они оказываются ближе. Мертвые придвигаются к живым. Страшная картина. Снег, который сегодня, как саван, прикрывает трупы, на следующий день сметается ледянящим ураганом, и трупы тянутся к небесам в позах, в которых их оставила жизнь. Поле, усеянное мертвыми телами, неопишимо страшно.

Однако не только ветер и погода меняют облик этого поля. Сами солдаты посягают на мертвых – друзей или недругов. Если идешь по полю смерти после наступления темноты, то видишь зловещую картину ограбления мертвых. Они, эти солдаты, еще стыдятся друг друга, и они грабят мертвых ночью.

Через несколько дней и у моего связного появилась пара новых сапог. Бойкий юнец, не стесняясь, рассказывает, что эти сапоги стоили нескольких часов работы на поле мертвых. ... На поле мертвых остались обнаженные трупы, и оно выглядит еще более страшным. Среди мертвецов стоит во весь рост оледеневший труп, у которого рука и нога отки-

нуты, как у деревянного паяца. Ветер колышет конец перевязки на бедре, которую раненый намотал в надежде на спасение. Издали кажется, что среди мертвых стоит живой. Да, так оно и есть: трупы живут, напоминают. Гляди на нас, мертвецов, на мертвецов Казачьего Кургана, высоты 129, кладбища танков, оврагов у “Платины” и “Золота”, Дона, Клетской. Каждому из нас они напоминают, и каждый, кто идет мимо поля мертвых, наклоняет голову и невольно думает о самом себе. Значит большего мы не стоим... Значит, большего мы не заслужили. Вот так ограбят тебя, так же осквернят и твой заледенелый труп.”⁵³

Прочитав этот отрывок из книги бывшего гитлеровского полковника становится ясно, что это уже была не армия, победоносно прошагавшая до этого по просторам Европы, занявшая всю Беларусь, Украину, Прибалтику, часть России, и дошедшая до Кавказа и Волги. Это было уже скопище вооруженных убийц, садистов, мародеров, которые почти не подчинялись командам их командиров. Голодные, замерзающие в летнем обмундировании, они думали уже не о сопротивлении русской пехоте и танкам, а только о том, как бы утолить свой зверский голод и чем-нибудь прикрыть свое замерзающее тело. Тогда они, в заснеженных и продуваемых колючими ветрами донских и волжских степях России, погибали тысячами. И умирая, их обледенелые губы шептали не слова любви к Великой Германии, рейху, а страшные проклятия Гитлеру, Паулюсу, Манштейну, которые послали их на гибель в эту огромную, далекую и так ими никогда не понятую, загадочную Россию. Такая армия уже не могла сопротивляться. Она была обречена на неминуемое поражение. И поражение это станет таким, какого немцы не терпели со времен великой Грюнвальдской битвы 1410 года. Это уже была агония. Образно говоря, исполин, в лице великого советского народа, в Сталинграде, поднял над собой огромную, с еще вращающимися колесами, немецкую военную машину, именуемую 6-й армией Паулюса, и занес над своим коленом, чтобы ударив, разбить ее на мелкие осколки.

Полковник Л. Штейдле рассказывает далее: “... По замерзшей колее идти скользко. Один из солдат, судорожно прижав свой автомат, поскользнувшись, падает головой в глубокий снег, теряя при этом явно “организованную” банку мясных консервов. Его товарищи, чтобы не упасть, держатся друг за друга. Снова спуск. Как долго еще будут эти подъемы и спуски через возвышенности, долины и узкие балки, занесенные снежными сугробами? Мы уже много часов на марше. Надо перевалить через Донскую гряду, и притом не задерживаясь. ... Ботинки промерзли и сделались твердыми как камни; ноги распухли. После долгих недель позиционной войны это первый большой марш, и притом марш в неизвестное.

... Они предельно устали. Полусонные бредут они, скользя и спотыкаясь. Один солдат ранен в голову, у другого левая рука на перевязи, но оба считаются легко ранеными, и это означает, что они должны идти пешком. Солдат с обмороженными ногами сидит на козлах. Сегодня вечером его должны были отправить в госпиталь. ... Мы решаем сделать привал. Солдаты смертельно устали и спят. Ни один, буквально ни один, не шевелится. Первый батальон расположился прямо на заснеженном поле. В утренних сумерках он похож на замерзшее стадо. ... 23 ноября 1942 года. Рассвет. Восходит огненно-красное солнце. Бескрайние снежные поля похожи на окрашенное кровью море, от которого, как синее море, вдали острова и мысы, поднимается Донская гряда. ... В одной из балок я нахожу штаб. Там лихорадочно готовятся к передислокации. В глазах безмолвный страх. "Русские идут! Скорей отсюда!" ... Вот вывозят рогатый скот, а в деревянных клетках – кур и гусей. На машинах – матрасы и ящики с французскими винами. На снегу остались 70 обессиленных солдат, потому что из-за отсутствия горючего не было возможности их вывезти."⁵⁴

... Уже две недели как Юго-Западный и Сталинградский фронты замкнули кольцо окружения, а напряжение битвы не ослабевало. Мало оказалось окружить. Нужно было уничтожить армию Паулюса. Манштейн попытался деблокировать окруженные войска немцев. На лезвие немецких танковых клиньев советское командование бросало артиллерийские и танковые полки и бригады. В пламени битвы на реке Мышкова они сгорали как факелы. Командиры всех рангов в те дни просили танкистов об одном:

— Вы знаете: немец силен танками. Прошу, выбивайте их танки. Чем больше, тем лучше для Сталинграда.

Наконец пришел конец ожиданию боя. Ожидание всегда тягостно, с каждым днем невыносимей. По этому поводу танкисты шутили:

— Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. И все это худшее приготовлено для нас. Ожидание кончилось, догонять не придется. Немец пошел остервенелый.

— Да, немец не из трусливых, и все же бить его будем. Все к тому идет. Если здесь упустим победу – нас не простят потомки.

Под Сталинградом, в полку Ивана Баранова почти никого не осталось, кто начинал войну в июне сорок первого года. Таких, как Иван, даже во всей бригаде, оставались единицы. До танкистов бригады дошла горькая весть: на танковый клин немцев, нацеленный на Сталинград, был брошен танковый корпус. За сутки встречного боя от корпуса практически ничего не осталось. Командир батальона сказал:

— Да, сгорел корпус.

Иван подумал: “Это не полк, не одна сотня танков”.

Над необъятной сталинградской степью всю ночь полыхало зарево пожаров. В паре десятков километров от дислокации бригады И. Баранова горели танки, наши и немецкие. На далекое зарево сурово смотрели танкисты. Друг с другом говорили мало. Все жили близким боем. Никто не спал. В том нервном возбуждении было не до сна.

На рассвете бригада стала выдвигаться к переднему краю. Танкисты проходили по вчерашнему полю боя. Вокруг пестрели закопченные остовы танков. Их было очень много. Некоторые еще дымились. В воздухе летала копоть, стоял резкий запах гари. Сгоревших наших танков было так много, что невольно закрадывалась мысль: какими же надо быть героями, чтобы устоять перед океаном огня, устоять и не дрогнуть, сгореть заживо, но не отступить. Недалеко остановились на привал. Иван с группой танкистов подошел к сгоревшему “КВ”. Пламя на броне съело всю краску, жалюзи оплавилась. Огонь, конечно, проник и внутрь танка. Некоторые танкисты поднялись на танк. Заглянул в темный овал верхнего люка и Иван. Огонь не пощадил никого и ничего. Экипаж не покинул машину. От всех четверых остался только пепел. Иван передернул плечами, спазм сдавил горло. Он не в первый раз видел обгоревшие внутренности танков, и наших и немецких, обезображенные, превратившиеся в бесформенные трупы, фигуры танкистов, смотрел, и никак не мог привыкнуть. Каждый раз он ловил себя на мысли, что к войне привыкнуть нельзя, потому что это противоестественно человеческой жизни, его состоянию. Подумав так, он вернулся в настоящее. Кто-то произнес:

— Удивительно, почему не взорвалась машина?

— Ничего удивительного. Экипаж расстрелял все боеприпасы, - ответил кто-то.

Танкисты посмотрели вперед. Метрах в двухстах стояли несколько немецких танков. Вокруг, как гигантские оспины, виднелись воронки. Сгоревшие немецкие танки напомнили такую же картину, которая раньше, в 1941 году, имела место быть под Москвой. Там Иван со своими друзьями-однополчанами уже останавливал грохочущую танковую лавину. Ему это было не в первой.

Погибших ребят “КВ” было жалко до слез. Неизвестно, может, это был их первый бой, который стал и последним. Боевая жизнь этого танка и боевая жизнь экипажа, судя по характеру боя, вместились в несколько минут. Ивану подумалось, что где-то в глубоком тылу, в разных селениях рождались мальчики, так же как и он когда-то, садились за парты, учили историю своей земли, изучали героев в русской литературе, радовались

победам советской авиации, успехам полярников в освоении Севера, влюблялись в девушек-одноклассниц, и постепенно вырастали. Вырастали для того, чтобы потом, когда потребуется и Родина позовет, стать солдатами и встретить свой звездный час – свои несколько минут боя – на крыльях мужества.

Эти мысли пришли в голову Ивана не случайно. Как и раньше, в их бригаду привезли много писем от школьников. Дети просили солдат и командиров Красной Армии не выпускать фашистов из сталинградского котла. При этом они ссылались на великих писателей и поэтов Пушкина, Лермонтова, Шолохова, которые верили в свой народ и свою родную армию.

... Потом была танковая атака. Не легко вести бой на местности, где изобилуют балки и овраги. Посмотришь вокруг – ровная степь, а сильно не разгонишься, потому как всегда существует опасность загнать танк в глубокий овраг, вероятность опрокидывания. С другой стороны, движущаяся на небольшой скорости многотонная машина – легкая добыча для танкистов и артиллеристов врага.

За спиной всходило багровое, прикрытое копотью солнце. Оно скупо освещало гребни высот, откуда уже была вражеская артиллерия. Их батальон, набирая скорость, прорвал оборону немцев. Сопротивление фашистов было ожесточенным. Наши танки всюду натыкались на организованное сопротивление. Под Сталинградом немцы были не те, что под Москвой. Битые, а значит, ученые. Воевать умели. И жара и холод им досаждали точно так же, как и нам.

Очень неприятно для танка, когда немцы бьют болванками. От болванки броня колет, превращается в осколки. Этими осколками поражается экипаж так же, как и осколками от снаряда. Особенно наших танкистов донимали “термитные” снаряды, появившиеся недавно на вооружении немецких артиллеристов.

В очередной раз командир подал команду:

— Короткая!

Но призвести прицельный выстрел Т-34 не успел. Команда слилась с оглушительным ударом в гусеницу. Танк повело в сторону. Этого только и ждали немецкие артиллеристы. Несколько бронебойных и “термитных” снарядов ударили в броню. Танк вспыхнул факелом. Боль разлилась по телу Ивана, как горящее топливо из продырявленного танкового бака. Вокруг загудело пламя. В такой отчаянный момент перед глазами пролетает вся жизнь. Ему только 22 года, еще и жизни по настоящему не увидел, любви не познал, а придется, наверное, умереть. И как почти всегда бывает с человеком в такие минуты, Иван прошептал только одно, самое дорогое на свете слово:

— Мама.

Он хотел закричать, но послышался только слабый стон. Он вырвался, этот стон, потому что танкист подумал, что это конец, что нет спасения и он здесь сторит заживо, как те ребята из “КВ”, который они осматривали несколько дней назад. В воспаленном мозгу, перед его глазами, мелькнули такие далекие лица отца, матери, братьев. Они были такими далекими, что отсюда, от донской степи под Сталинградом, до родного местечка в Беларуси, сейчас было много дальше, чем от Земли до Луны.

Тяжело раненного механика-водителя из горящей машины вытащили товарищи из своего же экипажа. У старшины Ивана Баранова это уже было третье ранение за войну, на этот раз тяжелое. Так для него закончилась Сталинградская битва...

Необходимо отметить, что танковые и механизированные соединения Красной Армии вступившие в смертельную схватку с танковыми клиньями Эриха фон Манштейна и продолжавшими уничтожать окруженную армию Паулюса, так же, как и немцы, несли огромные потери. Вот только несколько примеров. “24-я армия перешла в наступление 22 ноября, но успеха не имела и на рубеж ввода танкового корпуса в прорыв не вышла. Задача была изменена. 23 ноября в 7.00 утра две бригады 16-го танкового корпуса (на этот момент имел в 3-х бригадах 114 танков КВ, Т-34, Т-70 и Т-60) перешли в наступление в боевых порядках стрелковых соединений 24-й армии. Фактически корпус становился средством непосредственной поддержки пехоты. Неприятности начались уже в первые часы наступления. Проходы в собственных минных полях не были как следует обозначены. В условиях равнинной местности без четких ориентиров танки мимо расчищенных проходов промахнулись. В результате на советских минных полях бригады корпуса потеряли 14 танков, а на немецких минных полях – еще 12 танков. Результативность советских минных полей в выбивании танков корпуса оказалась даже несколько большей, чем минных полей противника. Противотанковой артиллерией немцев было сожжено 3 КВ, 2 Т-34 и 2 Т-60. Общие потери первого дня наступления составили 55 машин (включая подбитые), почти половину первоначальной численности танкового парка. ... 24 ноября в 8.00 оставшиеся в строю 59 танков 16-го танкового корпуса атаковали противника на максимальных скоростях. Мотострелковые части были отсечены огнем противника. Общие потери дня составили 33 танка. За 24 ноября ремонтниками было восстановлено 13 танков. 25 ноября в наступлении участвовал 31 танк. 26 ноября оставшиеся танки корпуса в количестве 17 штук свели в одну бригаду (164-ю). В последующие дни сводная бригада вела бои, решая задачи непосредственной поддержки пехоты. К вечеру 30

ноября от нее остается 2 Т-34 и 2 Т-60".⁵⁵ Вот так, фактически в течение 7 дней танковый корпус перестал существовать.

Особенно ожесточенными сражения под Сталинградом происходили в декабре-январе месяце. Вот информация о потерях, на этот раз в 4-м мехкорпусе генерала В.Т. Вольского. "Потери корпуса Вольского под Верхне-Кумским в период с 15 по 19 декабря составили 52 танка подбитыми и сожженными. Людские потери были довольно тяжелыми: 994 человека убитыми, 3497 человек ранеными, 1075 пропавшими без вести и попавшими в плен. На 20 декабря в составе корпуса оставалось 6833 человека, 31 Т-34 и 19 Т-70. Действовавшая вместе с корпусом Вольского 85-я танковая бригада после боев под Верхне-Кумским к 19 декабря насчитывала только 1 Т-34 и 2 Т-70, т.е. потеряла почти всю имевшуюся матчасть".⁵⁶

А что же немцы? Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись и отходили пока можно было. Расчеты немецкого командования на организацию непрерывного снабжения окруженных войск по воздуху провалились. Гитлеровские Люфтваффе потеряли около 500 транспортных самолетов. Окруженным войскам Паулюса грузов досталось очень мало.

Прорвать кольцо советских войск знаменитому гитлеровскому фельдмаршалу Манштейну так и не удалось. Его танковые клинья обломались о непреодолимую оборону, стойкость и мужество войск Красной Армии.

10 января утром 7 тыс. орудий и минометов открыли ураганный огонь по окруженной группировке Паулюса. Артиллерийская подготовка длилась 55 минут. После этого вперед пошли советские танки и пехота. Так началось окончательное уничтожение 6-й гитлеровской армии. Гитлеровцы отчаянно оборонялись.

К 16 января кольцо окружения сильно сжалось, группировка немцев была рассечена на несколько частей, которые стали уничтожаться советскими войсками изолированно друг от друга. Армия Паулюса агонизировала. О последних днях жизнедеятельности окруженных частей гитлеровцев полковник Л.Штейдле написал следующее: "... Нас обстреливают со всех сторон. Где появляется танк, там одновременно видна и советская пехота, следующая непосредственно за "Т-34". Отчетливо слышны выстрелы и страшная музыка "сталинских органов", которые через короткие промежутки ведут заградительный огонь. Уже давно известно, что против них нет защиты. Апатия так велика, что это уже не причиняет беспокойства. Важнее вытащить из карманов или сухарных мешков убитых и раненых что-либо съедобное. Если кто-либо находит мясные консервы, он медленно съедает их, а коробку вычищает распухшими пальцами так, как будто именно от этих последних остатков зависит, выживет он или

нет. А вот еще одно ужасное зрелище: три или четыре солдата, скорчившись, сидят вокруг дохлой лошади, отрывают куски мяса и едят его сырым.”⁵⁷

Не повысило стойкости и сопротивления немцев присвоение Гитлером Паулюсу высшего воинского звания фашистской Германии “генерал-фельдмаршал”. Это присвоение несло в себе тайный смысл. С одной стороны, это было сделано для укрепления боевого духа Паулюса, а с другой – жила тайная надежда у фюрера: “фельдмаршалы в плен не сдаются”. Но уже ничто не могло спасти немецко-фашистских захватчиков. Именно в день присвоения этого высокого звания новоиспеченный фельдмаршал сдался в плен.

“Когда Гитлер получил сообщение об этом, его едва не хватил инфаркт. Он бился в истерике. Он кричал в исступлении:

—Как он мог сдаться большевикам!.. Какое малодушие!.. Если отказывают нервы, не остается ничего другого, как сказать: “Я ничего не могу больше сделать” и застрелиться... Это же так просто сделать... Теперь он подал такой пример, нельзя ждать, чтобы солдаты продолжали сражаться...”⁵⁸

А чтобы немцы продолжали сражаться, в Германии скрыли сдачу в русский плен 91 тысячи подчиненных Паулюса и объявили, что вся армия погибла. Именно так это преподносилось в газетях и по радио. По всей стране был объявлен траур, вывешены флаги с черными лентами.

2 февраля 1943 г. стало роковым для гитлеровского вермахта. Историческая Сталинградская битва завершилась. Полностью перестала существовать 330-тысячная вражеская армия, а ее остатки в количестве более 91 тыс. солдат, офицеров и генералов во главе с командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом взяты в плен, захвачены большие трофеи.

Фактически Сталинград был стерт с лица земли. На момент его освобождения в нем оставалось чуть более 30 тыс жителей.

“Весьма любопытную картину дает статистика собранного на полях сражений вокруг Сталинграда. Всего, по данным на 15 мая 1943 г., трофейщиками было учтено танков и бронемашин различных марок 2173 штуки. Из этого числа танки, принадлежащие Красной Армии, составляли 1794 единицы. Бронемашин было всего 39. Распределение по типам было следующим: 292 KB, 836 Т-34, 516 Т-60 и Т-70, 146 танков, полуторных по ленд-лизу, и 4 танка неуказанных марок. По этой статистике хорошо видно, какую роль в Красной Армии играли легкие танки и что “рабочей лошадкой” битвы были “тридцатьчетверки”. Немецких танков было учтено 298 штук, бронемашин – 42 штуки. По другому донесению, немецких танков было 296, а бронемашин – 44. Возможно, как “танк”

были поначалу индентифицированы пушечные бронев автомобили. Тягачей и тракторов было учтено 509 отечественных и 106 немецких”.⁵⁹

Необходимо заметить, что вышеуказанные потери советских войск в технике в Сталинградской битве, не дают нам реальной картины потерь. У А.В. Исаева ничего не сказано о тех советских танках, которые во время сражения, длившегося полгода, были подбиты, повреждены немцами, но восстановлены в ремонтных мастерских танковых и механизированных частей и возвращены в войска. Если бы знать еще эти цифры и суммировать с безвозвратными потерями, когда разбитая техника пошла в переплавку, то количество сгоревшей и подбитой советской бронетехники многократно бы возросло. Цифры потерь в технике говорят об исключительной ожесточенности сражения, которое произошло во второй половине 1942- в начале 1943 г. в междуречье Волги и Дона. Потери войск Красной Армии в Сталинградской битве составили более 1 млн. 129 тыс. солдат и офицеров.

Первый колокольный звон, возвестивший всему миру, что фашистская Германия потерпит крах в войне с СССР, прозвучал зимой 1941 года под Москвой. Но тогда это был еще звук такого небольшого звонкого колокольчика, который слышали, в основном, только на просторах СССР. Он прозвучал и затих, но принес великую надежду о неминуемом разгроме врага и навсегда поселил ее в сердца советских людей. На Западе же к этой советской победе отнеслись без большого воодушевления, настороженно, решив, что это случайность, частный успех, который не несет в себе перелома в войне. Зимой же 1942-43 гг. от берегов Волги раздался тяжелый набатный звон колокола, который возвестил о выдающейся победе советского оружия над германским, о превосходстве славянского духа над немецким. И этот колокольный звон понес весть о великой победе по всему земному шару. Он сообщал всем людям Земли, что хребет зверя, имя которому “гитлеровский фашизм”, надломан, и он попятился к своей берлоге. Но несмотря на то, что ему нанесена жестокая рана, зверь еще очень силен, он пытается еще больно укусить. И несмотря на все его ужасные, конвульсивные телодвижения, он будет достигнут в своем логове и уничтожен. Сталинградская битва стала тем громким звонком, который возвещал всем немцам о том, что для их фашистской Германии вскоре настанут тяжелые времена. Но тогда, в начале 1943 г., они еще очень сильно верили своему бесноватому фюреру и надеялись на благоприятный для них исход в войне.

*...Стали возвращаться наши к Дону,
И старик пришел к родному дому.*

*Опустился к голубому Дону,
Отдал три земных ему поклона.
Раздобыл весло, паром поправил
И опять пошел на переправу.
Подходили к Дону наши части,
Дед причалил. Слышит:
—Батя, здравствуй! —
Руку протянул солдат плечистый,
Ордена сверкают золотисто.
Показал старик свои медали:
—Мы здесь тоже малость воевали!*

Валентин Солоухин.

... После полученного ранения в донской степи, И.Ю. Баранов находился на излечении в госпитале. Сталинградская битва победоносно завершилась. Пролежав в госпитале около 1,5 месяцев, Иван Юлианович снова был направлен в действующую армию. А продолжил он воевать, как и раньше, механиком-водителем танка Т-34 в 5-й гвардейской танковой бригаде под командованием полковника П.К. Шуренкова. В конце лета 1943 г. бригада находилась на Северо-Кавказском фронте. К тому времени уже завершилась историческая битва под Курском, продолжавшаяся с 5 июля по 23 августа 1943 г. После Курска гитлеровское командование вынуждено было окончательно отказаться от наступательной стратегии и перейти к обороне на всем советско-германском фронте. Контрнаступление под Курском переросло в общее наступление Советских Вооруженных Сил на широком фронте. Началось изгнание врага с территории СССР.

10 октября 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта начали наступление с целью освобождения Таманского полуострова. Там оборонялась 17-я немецкая армия, в которой насчитывалось более 400 тыс. чел., 2860 орудий и минометов, свыше 100 танков и штурмовых орудий, 300 боевых самолетов.

Необходимо отметить, что приазовские и прикубанские плавни, горы, покрытые лесами, являлись серьезным препятствием на пути частей, громивших оккупантов. К этим трудностям, созданным самой природой, добавлялись еще и мощные фортификационные укрепления глубоко эшелонированной обороны противника, получившей название “Голубая линия”. Она простиралась от Азовского моря (северо-восточнее Темрюка) до Новороссийска. Немецкая оборона проходила по труднодоступным участкам местности и состояла из пяти укрепленных полос и рубежей с дзотами, дотами и траншеями общей глубиной до 60 км.

Особенно сильно была укреплена “Голубая линия”, простиравшаяся на глубину до 20-25 км. Левый фланг этой линии противник прикрыл подготовленным оборонительным рубежом в районе населенных пунктов Курчанская, Темрюк, Голубицкая. На центральном участке “Голубой линии”, протяженностью 32 км имелось две позиции с большим количеством узлов обороны и опорных пунктов, расположенных в станицах, хуторах и на господствующих высотах. Промежутки между опорными пунктами заполняли железобетонные огневые точки с броневыми колпаками. С учетом местности была хорошо организована система огня, установлены минные поля и проволочные заграждения.

Наиболее сильной являлась оборона в районе Новороссийска. Здесь перед 18-й армией, наносившей главный удар, действовал 5-й армейский корпус немцев в составе 4-х пехотных и горнострелковых дивизий, батальона морской пехоты, 2-х портовых команд по 700 человек каждая и других артиллерийских, инженерных и специальных частей. Противник особенно прочно укрепился в самом Новороссийске, на горе Сахарная Голова и на высотах северо-западнее Мысхако. Гора Сахарная Голова, возвышаясь огромной пирамидой над городом, позволяла просматривать позиции советских войск, подходы к городу вдоль Сухумского шоссе и по Цемесской бухте. Она была крупным узлом сопротивления: в карьерах и штольнях, где до войны добывалось сырье для производства цемента, были оборудованы прочные огневые позиции для артиллерии и минометов.

В самом Новороссийске выгодные в тактическом отношении здания и кварталы немцы превратили в сильные опорные пункты, особенно в районах электростанции, заводов “Пролетарий” и “Красный двигатель”, трамвайного парка, управления порта, элеватора, вокзала. На площадях и улицах сооружены доты, возведены баррикады. Единственный подход к городу – Сухумское шоссе, проложенное между горным хребтом и Цемесской бухтой, – находился под плотным огнем артиллерии.

Здесь, необходимо отметить, что советскому командованию в самом начале планирования Новороссийской операции стало ясно, что при построении такой глубоко эшелонированной обороны противника в условиях горно-лесистой местности, крайне затруднительно применять бронетанковые части. В таких условиях танки и САУ почти всегда лишены маневра, они стиснуты между гор и сопок, ограничены в скорости, и почти всегда вынуждены находиться на открытой местности, что приводит к большим потерям в личном составе и материальной части. Но, никто и ничего изменить не мог. Шла тяжелая, кровопролитная война, и нужно было уничтожать и изгонять с родной земли врага.

Вот что вспоминал после войны о действиях 5-й гвардейской танковой бригады полковник И.М. Морус, сменивший на должности комбрига

полковника П.К. Шуренкова в октябре 1943 г.: “ После реформирования 5-я гвардейская танковая бригада прибыла в распоряжение командующего 4-м Украинским фронтом, войска которого были нацелены на преодоление Карпат. Со времени сосредоточения в с. Медухе танкисты начали готовиться к действиям в сложных условиях горнолесистой местности. 19 августа 1944 года готовность бригады к боевым действиям проверял командующий фронтом. Посмотрев учения с боевыми стрельбами, генерал-полковник И.Е. Петров остался доволен.

8 сентября бригада сосредоточилась в лесу возле с. Добромили., а на следующий день приняла участие в наступательных боях. В первые четыре дня боев бригада разгромила противостоящего противника и освободила 9 населенных пунктов, в том числе Устшики-Дольне и Чарну. Было убито 250 и взято в плен 167 гитлеровцев, уничтожено 5 орудий, 9 пулеметов, подбито 2 самоходки. Это был первый большой успех нашей танковой бригады в карпатских сражениях, достигнутый в исключительно трудных условиях горно-лесистой местности с преодолением завалов, большого количества минных полей, надолбов и противотанковых рвов.

Особенно отважно действовали командиры танков гвардии лейтенанты Л.М. Дробышев и П.М. Осокин, павшие смертью храбрых под Чарной, гвардии сержанты А.Т. Могильный и Н.Я. Немичев, уничтожившие своим орудием 75-мм пушку и подавившие огонь двух самоходок противника. Решительно и смело действовали танковые экипажи роты гвардии капитана Г.М. Серганского.

После выполнения боевой задачи под Устшики-Дольне и Чарной бригаду подчинили командующему 1-й гвардейской армией генералу А.А. Гречко и сосредоточили в с. Гучеке. Перед нами была поставлена задача: во взаимодействии со стрелковыми частями овладеть Русским перевалом. Действиями мелких групп танков в тесном взаимодействии со стрелковыми частями противник был сбит с рубежа Яблонки, а затем и с Русского перевала. Наступающие с танками стрелковые части, преследуя отступающего врага, овладели населенными пунктами Русское и Великая Поляна.

В этих боях танкисты проявили высокую стойкость, мужество, самоотверженность и взаимную выручку. Действуя на высоте 1098, танковый взвод гвардии лейтенанта Карпова вырвался вперед пехоты, которая залегла под ружейно-пулеметным огнем противника. Карпов вышел из танка и, рискуя жизнью, поднял пехоту в атаку. Несмотря на ранение в ногу, он продолжал руководить боем.

У гвардии лейтенанта Мамырова был подбит танк. Гитлеровцы окружили машину, пытаясь взять экипаж в плен. Танкисты стойко отбивались от наседавшего врага гранатами. Увидев это, командир танкового

взвода гвардии лейтенант А. Чичев пулеметной очередью отогнал фашистов от танка Мамырова и приказал водителю отбуксировать поврежденную машину в безопасное место. Сам же стал пробираться к своим. В это время на него напали четыре гитлеровца. Чичев уничтожил их гранатами. Отлично действовали и танкисты взводов гвардии старших лейтенантов И.Т. Бучко и Н.М. Пастухова.

Помнится и такой случай. Нам очень мешала батарея противника, расположенная недалеко за перевалом. Она открывала огонь при малейшей попытке перейти перевал. Посоветовавшись, мы решили обстрелять эту батарею огнем 37-мм зенитных орудий. Уточнив расположение вражеской батареи и наметив на самом перевале огневые позиции для каждого орудия, с помощью приданных автоматчиков выкатили орудия на намеченные позиции. Каждое выпустило по вражеской батарее по 5 снарядов. Наши танки и автоматчики быстро перевалили через перевал, и уже никакая сила не могла их удержать. Противник бежал, оставив нам так и не выстрелившую ни разу батарею”.⁶⁰

... После упорных и кровопролитных боев части 18-й армии к 11 сентября достигли пригородов Новороссийска. Наиболее упорные бои разгорелись в полосе наступления Восточной группы войск армии, в районе заводов “Пролетарий” и “Октябрь” 13 сентября. В этот день для развития успеха командующий фронтом передал в состав 18-й армии свою подвижную группу – 5-ю гвардейскую танковую бригаду, 1448-й самоходно-артиллерийский полк, 103-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, батальон 2-й гвардейской стрелковой дивизии, 174-й армейский инженерный батальон, отдельную зенитно-пулеметную роту. Подвижная группа, совместно с другими подразделениями армии, должна была освободить район элеватора, вокзала, Лесной пристани.

13 сентября войска 18-й армии вели тяжелые уличные бои в Новороссийске, штурмовали отдельные строения и кварталы, на некоторых участках отражали контратаки. “... Вместе с штурмовыми группами танкисты уничтожали очаги сопротивления. При этом танк подходил к цели на 300-400 м и открывал огонь по нижнему этажу, куда по проломам врывались штурмовые группы. Танкисты вели огонь и по верхним этажам, помогая бойцам уничтожать засевших там фашистов. Так штурмовался дом за домом.

Немцы и румыны сопротивлялись ожесточенно, часто контратакуя советские части. 5-я гвардейская танковая бригада, в которой служил И.Ю. Баранов, сосредоточилась в районе завода “Пролетарий” в ночь на 14 сентября. Танкисты поддержали в наступлении пехоту 318-й стрелковой дивизии. К 15 сентября 318-я дивизия, при поддержке 5-й гвар-

дейской танковой бригады, овладела предместьем Стандарт. В этих боях советские воины проявляли образцы отваги, мужества и героизма. Здесь совершили свои героические подвиги и однополчане И.Ю. Баранова. "... В схватке, недалеко от клуба моряков, экипаж "тридцатьчетверки" во главе с командиром взвода гвардии младшим лейтенантом В.А. Михайловым, ведя огонь на ходу, рванулся вперед и проскочил в тыл гитлеровцам. Воспользовавшись их замешательством, отважные танкисты разгромили штаб немецкого полка, узел связи и уничтожили много вражеских солдат и офицеров. Однако противнику удалось поджечь машину гвардейцев. Танкисты были ранены, но не покинули горящий танк, продолжая разить гитлеровцев из пушки и пулеметов. Верные военной присяге, комсомолец гвардии младший лейтенант В.А. Михайлов, механик-водитель коммунист гвардии старшина К.Ф. Саенко, стрелок-радист коммунист гвардии ефрейтор И.М. Низов и башенный стрелок гвардии старший сержант И.Е. Гнидин погибли смертью храбрых."⁶¹

На рассвете 16 сентября 1943 г., в результате пятидневных ожесточенных боев, 18-я армия к 10 часам утра полностью освободила порт и город Новороссийск. К исходу дня части 5-й гвардейской танковой бригады прорвались к населенному пункту Гайдук.

Освободив город и порт Новороссийск, войска Северо-Кавказского фронта вышли во фланг противнику, а Черноморский флот получил свою вторую военно-морскую базу.

В тот же день, 16 сентября, вся страна услышала по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором перечислялись войска, отличившиеся при штурме Новороссийска. Среди отличившихся была и 5-я гвардейская танковая бригада. Этим приказом ряд частей и соединений Северо-Кавказского фронта, участвовавших в штурме и освободивших Новороссийск, получили почетное наименование "Новороссийских". Танковая бригада гвардии старшины И.Ю. Баранова стала именоваться "Новороссийской". Десятки танкистов бригады были награждены орденами и медалями.

В 20 часов в Москве, войскам освободившим г. Новороссийск был произведен салют двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

Высокому признанию Родиной заслуг воинов Северо-Кавказского фронта, вместе со своими однополчанами, со слезами на глазах радовался и 23-летний парень из белорусского местечка Песочное Иван Баранов.

После Новороссийска путь 5-й гвардейской танковой бригады в составе 18-й армии лежал на перевал Волчьих Ворота и на Анапу. Там противник оказал нашим войскам особенно сильное сопротивление. 17

сентября, в 17 час., после короткого, но тяжелого боя, 5-я гвардейская танковая бригада, во взаимодействии с 55-й гвардейской стрелковой дивизией овладели перевалом Волчьих Ворота. 21 сентября танкисты бригады штурмом взяли сильно укрепленный населенный пункт Раевская и устремились на Анапу. С 17 часов танкисты и пехотинцы 55-й стрелковой дивизии завязали уличные бои и к исходу 21 сентября овладели Анапой. Значительную роль в уличных боях с подразделениями 19-й пехотной и 4-й горнострелковой румынских дивизий сыграли танки и самоходно-артиллерийские установки. Их стремительные действия обеспечили успех стрелковых частей. В городе было захвачено более 300 солдат и офицеров, 49 орудий, 180 пулеметов, 77 минометов, 4 тыс. винтовок и автоматов, 40 складов с военным имуществом и много других трофеев.

5-я гвардейская танковая бригада, совместно с 55-й стрелковой дивизией вышла к Витязевскому лиману. Напряженные бои продолжались до 2 октября. К 8 час. 3 октября порт и город Тамань были полностью освобождены от противника. После этого 5-ю гвардейскую танковую бригаду временно передали в состав 56-й армии. 9 октября 56-я армия прорвала последний оборонительный рубеж и к 7 часам завершила очищение северо-западной части Таманского полуострова от немецко-фашистских захватчиков.

На этом завершилась Новороссийско-Таманская наступательная операция Северо-Кавказского фронта, а вместе с ней и битва за Кавказ. 9 октября 1943 г. Совинформбюро передало приказ Верховного Главнокомандующего о производстве салюта двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий и объявлении войскам фронта благодарности.

К середине октября 5-я гвардейская танковая бригада вернулась в 18-ю армию, которая была выведена в резерв.

Отличились танкисты 5-й гвардейской танковой бригады и во время Восточно-Карпатской операции осенью 1944 г. 5 октября, во взаимодействии с другими подразделениями армии, бригада захватила Верецкий перевал. В тяжелейших условиях лесистых гор, испытывая нехватку боеприпасов из-за трудностей подвоза, советские части продвигались медленно, победа доставалась с большим трудом. По мере углубления во вражескую оборону сопротивление противника все больше возрастало. Днем и ночью кипело в Карпатах яростное сражение. Когда войска 18-й армии вышли на Мукачевское направление, 5-ю гвардейскую танковую бригаду передали на усиление 95-му стрелковому корпусу. 20 октября передовые части корпуса, в котором находились и танкисты бригады, подошли к Сваляве. При штурме этого города – крупного узла дорог, было захвачено более 4,5 тыс. пленных.

Выполняя приказ командующего фронтом, бригада совершила 130-километровый переход от Русского перевала до Ужокского и 13 октября 1944 г. сосредоточилась в с. Борыне, где поступила в распоряжение командующего 18-й армией генерал-лейтенанта Е.П. Журавлева. Этим же приказом бригада наряду с 875-м самоходно-артиллерийским полком и другими подразделениями вводилась в состав подвижной группы полковника И.Ф. Хомича.

Особенно упорно враг оборонял Ужокский перевал. Попытки овладеть им атаками с фронта и флангов не дали результатов. Поэтому, для овладения этим перевалом советским командованием была создана армейская подвижная группа под командованием полковника И.Ф. Хомича, куда вошла и 5-я гвардейская танковая бригада. За рычагами одного из танков сидел гвардия старшина И.Ю. Баранов. Эта подвижная группа армии в районе Ужокского перевала, ночью, под проливным дождем, овладела высотами восточнее Ужока. О тех ожесточенных боях вспоминал полковник И.М. Морус: "... Перед подвижной группой была поставлена задача: преследовать противника в направлении Ужок – Ужгород. На подготовку к выполнению задачи ушло двое суток. В ночь на 16 октября произвели разведывательный поиск, во время которого были взяты в плен три хортистских солдата. Пленные показали, что на станции Ужок противник соорудил проволочные заграждения, надолбы. Дорогу и мост заминировал. Местность, на которой мы должны были действовать, исключала возможность маневра. Поэтому пришлось двигаться вдоль дороги. Трудности усугублялись испортившейся погодой: шли непрерывные дожди, туман не давал возможности вести разведку и огонь. Танкисты, совместно с "самоходчиками", прорвались через Главный Карпатский хребет и в первой половине 17 октября овладели г. Ужок.

... Таким образом, в результате усилий войск 18-й армии Главный Карпатский хребет, оборудованный мощными оборонительными сооружениями, был преодолен. 18 октября был освобожден румынский город Сигет. В тот же день войскам 4-го Украинского фронта, в том числе и 18-й армии, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Москва салютовала воинам двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий."⁶²

После этого главным направлением для фронта стало мукачевское. На пути советских воинов вставали различные заграждения и препятствия, созданные противником. Дополнительные трудности создавали проливные дожди и сильные туманы. Бурные потоки дождевой воды делали горные тропы и дороги непроходимыми. Но, несмотря на все препятствия, преодолев сопротивление противника, армейская подвиж-

ная группа, совместно с войсками 30-го стрелкового корпуса, 26 октября овладели г. Мукачево. В тот же день Москва салютовала отважным воинам, освободившим старинный украинский город Мукачево – важный промышленный центр, узел коммуникаций и опорный пункт фашистов у южных отрогов Карпат.

Подвижная группа продолжала преследовать отходящего противника в направлении Ужгорода. “27 октября решительной атакой с юго-запада наши танки и самоходные установки ворвались в город, завязав бои на его улицах. Противник в панике бежал. На железнодорожной станции скопилось много воинских грузов, которые достались нашим частям. Схватка в городе была короткой, но жаркой. Как только прекратилась стрельба, на улицах появились жители. Они обнимали советских воинов, угощали, кто чем мог. Каждый хотел сказать и сделать нам что-то приятное.

Во время боя за город и на его улицах некоторые жители, рискуя жизнью, оказывали помощь нашим бойцам. К танку Т-34, остановившемуся на одной из улиц, подбежали двое мужчин в штатском и предупредили экипаж, что к ним подкрадываются два гитлеровских солдата с фаустпатроном. Танкисты быстро покончили с фашистами.

Механика-водителя В.Я. Зайцева какая-то женщина предупредила, что впереди немцы устроили засаду. Вражескую засаду быстро ликвидировали.

Подвижная группа удерживала город до 16 часов 27 октября. К этому времени в Ужгород вошли основные силы наступающих на этом направлении войск, а нам было приказано продолжать преследование противника,⁶³ – вспоминал впоследствии полковник И.М. Морус.

В боях за Ужгород танкисты 5-й гвардейской Новороссийской танковой бригады уничтожили много живой силы и техники врага, взяли пленных и немалые трофеи. Наши воины проявили массовый героизм, показали образцы отваги и высокой воинской доблести.

В честь одержанной победы Москва вновь салютовала 20-ю артиллерийскими залпами из 224-х орудий. “... В боях за Ужгород особенно отличились солдаты и офицеры 5-й гвардейской танковой Новороссийской бригады полковника И.М. Моруса, 875-го самоходно-артиллерийского полка подполковника Д.А. Ольховенко. ... Первыми из танковой бригады в город ворвались роты старших лейтенантов В.Ф. Обраткина и И.П. Красовского. Танк Красовского нагнал отступающую вражескую колонну, огнем и гусеницами рассеял, смял ее. Экипаж танка, которым командовал лейтенант В.И. Пахомов, уничтожил три штурмовых орудия. Рота Обраткина уничтожила минометную батарею противника и взяла в

плен 300 гитлеровцев.”⁶⁴ В одной из “тридцатьчетверок” в том бою находился гвардия старшина Иван Баранов.

В дальнейшем армейская подвижная группа должна была наступать на Михаловце. Но войска армии, встретив ожесточенное сопротивление врага, остановились. До второй половины ноября войска 18-й армии подтягивали дополнительные силы и тщательно готовились к прорыву обороны противника. Дальнейшее наступление должно было развернуться на местности, примыкавшей к Западным Карпатам, пересеченной множеством горных рек и ручьев, заливающих во время половодья обширную территорию. Непрерывные дожди превратили низины с верхним торфяным покровом в непроходимые болота. Серьезной преградой для советских войск являлись реки Уж, Лаборец, Ондава, Бодрог и Гернад. Вместе с многочисленными ирригационными каналами они были выгодными рубежами обороны для противника.

“... 20 ноября широкая болотистая равнина к юго-западу от Ужгорода стала ареной жестокого боя. Пехота и танки, перешедшие в наступление, в течение первого часа углубились в расположение противника на 2-3 км. Для развития успеха командующий армией ввел в бой свой резерв – 5-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду. К исходу дня прорыв был расширен до 15 км по фронту и 16-17 км в глубину. Войска освободили 20 населенных пунктов Восточной Словакии, захватили в плен 860 солдат и офицеров противника.”⁶⁵

В ходе ожесточенных боев, продолжавшихся с небольшими перерывами в течение пяти месяцев, 18-я армия, в составе которой воевала и 5-я отдельная гвардейская танковая бригада, продвинулась на запад до 400 км и одержала ряд крупных побед. Ее войска, вместе с другими армиями, изгнали гитлеровских захватчиков из западных областей Украины, южных районов Польши, части северных районов Румынии и Венгрии и Закарпатской Украины. Освободили значительную часть Восточно-Словацкой области и, оттянув на себя вместе с другими войсками фронта крупные силы противника, оказали помощь Словацкому национальному восстанию. Подвиги войск были отмечены по достоинству. Среди 10 соединений и частей, награжденных орденами, была и 5-я отдельная гвардейская танковая Новороссийская бригада. Ее наградили орденом Красного Знамени.

В середине января 1945 г. 5-я отдельная гвардейская Новороссийская Краснознаменная танковая бригада в составе 18-й армии вела наступление на г. Кошице. Развернулись ожесточенные бои. 19 января, в 11 час. 30 мин. город Кошице, второй по величине промышленный, административный и культурный центр Восточной Словакии, был освобожден. Москва салютовала героям.

После этого 5-я отдельная гвардейская танковая бригада по приказу командующего фронтом была отозвана из состава 18-й армии.

Во время ожесточенного боя с фашистами за г. Санок гвардии старшина И.Ю. Баранов получил очередное ранение. Произошло это в начале марта 1945 г. За взятие г. Аннава 23 апреля 1945 г. снова объявлена благодарность И.В. Сталина.

Всего за взятие и освобождение городов и перевалов в красноармейской книжке И.Ю. Баранова насчитывается 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами И.В. Сталина. После выздоровления И.Ю. Баранов был направлен в одну из танковых частей, которая должна была наступать на Берлин.

К середине апреля 1945 г. войска Красной Армии, пройдя с победоносными боями сотни километров, разгромив гитлеровские войска в Восточной Пруссии, Польше и Померании, освободили Венгрию, взяли штурмом Вену и находились уже недалеко от столицы гитлеровского рейха Берлина. Со стороны Франции, не встречая организованного сопротивления, избежав крупного разгрома в горно-лесистом районе Арденн, благодаря предпринятому Красной Армией наступлению 12-14 января 1945 г. с Вислы, против немцев наступали англо-американские войска. Война близилась к завершению.

К этому времени войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж Одера от побережья Балтийского моря до устья Западной Нейсе, захватив ряд плацдармов на левом берегу Одера. Наиболее значительный из них в районе Кюстрина находился в 60 км от Берлина.

Войска 1-го Украинского фронта достигли рубежа Западной Нейсе от г. Рацдорфа до Пенциха. От столицы Германии их отделяло 145 км.

С каким-то особым чувством шли советские воины на последнюю битву с врагом. Каждый понимал, что до полного разгрома фашизма остались считанные дни. Но они понимали и другое, что битва за столицу фашистского рейха потребует от всех величайшего напряжения, больших жертв, высокого мужества и воинского мастерства. Нет, не 1800 километров, а значительно больше пришлось пройти солдату, чтобы попасть сюда, в Берлин, потому что сначала теснимый врагом шел он не на запад, а на восток, потому что путь его был не прям. И очень не легок. Но все четыре года войны – как говорили тогда в армии, от звонка и до звонка – именно сюда шел советский солдат, шел в стужу и жару, в осеннюю распутицу и метели, под свист пуль и грохот снарядов, прижимаясь к земле во время бомбежек и танковых атак. И на всем этом пути, на каждом километре могилы его павших товарищей. И вот он пришел в Берлин, туда, откуда к нам пришла война, пришел, чтобы навсегда покончить с фашизмом...

Гитлеровское командование, предвидя катастрофу, надвигающуюся с востока, пыталось судорожно найти выход. Оно было готово на любую сделку с англо-американским руководством, лишь бы избежать безоговорочной капитуляции и не допустить сдачи Берлина советским войскам.

Гитлеровскую столицу и прилегающие к ней сельские районы обороняли 1 млн солдат и офицеров, 10400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий и 3300 боевых самолетов.

“Враг создал многополосную оборону на реках Одер, Нейсе и Шпрее, эшелонировав ее на глубину 20-40 км, насытив артиллерией и массой противотанковых средств, оборудовав глубокими рвами, эскарпами, контрэскарпами, минными и другими заграждениями. Советское командование решило в короткий срок подготовить и провести завершающую операцию и стремительными действиями овладеть Берлином. Предстояла тяжелая борьба”.⁶⁶

Для участия в Берлинской операции Ставка Верховного Главнокомандования привлекала силы трех фронтов: 1-го Белорусского (командующий фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, 2-го Белорусского (командующий фронтом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) и 1-го Украинского (командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев).

Основная роль в овладении Берлином отводилась 1-му Белорусскому фронту. Ему надлежало разгромить противника, обороняющегося на восточных подступах к фашистской столице, овладеть Берлином и выйти к Эльбе.

2-му Белорусскому фронту ставилась задача разгромить штеттинскую группировку противника и через 10-12 дней с начала операции овладеть рубежом Анклам – Виттенберге, обеспечив действия 1-го Белорусского фронта с севера.

1-му Украинскому фронту надлежало разгромить гитлеровцев южнее Берлина и правым флангом фронта оказать содействие войскам 1-го Белорусского фронта в овладении Берлином.

В 6 час. 15 мин. 16 апреля началась мощная совместная артиллерийская подготовка. Артиллерию поддержала и авиация нескольких воздушных армий. В полосе 1-го Белорусского фронта развернулись ожесточенные бои на Зееловских высотах. Гитлеровцы сопротивлялись остервенело. На высотах сражение длилось несколько дней. Взав высоты войска Г.К. Жукова устремились к столице Германии. Выдающийся героизм проявили воины 3-й, 5-й ударных, 1-й и 2-й гвардейских танковых, 8-й гвардейской и других армий этого фронта. В этой битве в составе 5-го тяжелого танкового полка участвовал и наш земляк Иван Баранов. Бои отличались исключительной напряженностью и носили ожесточен-

ный характер на всех участках фронта. Гитлеровцы сражались за каждый квартал, за каждый дом, этаж, квартиру. Но, не смотря на это, враг не устоял против советского солдата.

22 апреля Гитлер, проводя в последний раз большое оперативное совещание, сделал своему генералитету запоздалое признание, что война проиграна. Он обвинил своих фельдмаршалов и генералов в неверности и предательстве и здесь же сказал, что хочет покончить с собой.

24 апреля войска 1-го Белорусского и правифланговые армии 1-го Украинского фронтов соединились юго-восточнее Берлина, окружив здесь 9-ю гитлеровскую армию. Этим актом завершился важный этап Берлинской операции – фашистское логово с 200-тысячным гарнизоном во главе с Гитлером было полностью окружено.

В честь этой победы, возвестившей миру о скором окончании войны, 25 апреля 1945 г. Москва салютовала доблестным воинам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 20-ю артиллерийскими залпами из 224 орудий.

25 апреля произошло знаменательное событие. В районе г. Торгау на Эльбе советские войска встретились с американской армией. Теперь фронт немецко-фашистских войск был разорван на две части – северную и южную, разообщенные между собой. В честь этой большой победы Москва вновь салютовала войскам 1-го Украинского фронта 24-мя артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Ставка Гитлера, потерявшая управление своими войсками, пережила предсмертную агонию. 26 апреля был взят г. Потсдам. Это явилось ударом в самое сердце реакционного прусского милитаризма. Ведь этот город – пригород Берлина – с 1416 г. являлся резиденцией прусских королей, местом бесчисленных военных парадов и смотров. Здесь в 1933 г. в гарнизонной церкви последний президент Веймарской республики фельдмаршал Гинденбург передал власть Гитлеру и благословил как нового вождя Германии.

Бои носили кровопролитнейший характер. Атаки и контратаки, как правило заканчивались рукопашным боем. Обреченный враг, потеряв остатки рассудка, рвался на запад, где надеялся, сдавшись англо-американским войскам, получить достойный прием и содержание в плену. Но советские войска всячески препятствовали этому и уничтожали врага, если он не сдавался.

В последних числах апреля сражение за Берлин достигло своего апогея. Воины Красной Армии с предельным напряжением, не жалея ни крови, ни самой жизни, шли в последний и решительный бой. “27 апреля в дневнике гитлеровского генерального штаба записано: “В Берлине идут ожесточенные бои. Несмотря на все приказы и мероприятия по оказанию

помощи Берлину, этот день явно свидетельствует о том, что приближается развязка битвы за столицу Германии...”⁶⁷

30 апреля фашистский фюрер Гитлер покончил жизнь самоубийством в своем подземном бункере. Некоторые его помощники последовали его примеру. Кольцо вокруг Берлина сжималось. В ночь на 1 мая над рейхстагом уже развевалось красное Знамя Победы, водруженное воинами 756-го стрелкового полка 150-й дивизии генерала В.М. Шатилова сержантом М.А. Егоровым и рядовым М.В. Кантария. 2 мая город пал. Окруженная в нем 200-тысячная гитлеровская группировка капитулировала. Пришла долгожданная победа, во имя которой отдали свои жизни более 27 миллионов советских людей.

Необходимо отметить, что сражение за Берлин характеризовалось высокой степенью напряженности боевых действий, участием огромных масс людей и техники. С той и другой стороны на берлинском направлении участвовало 2,5 млн. человек, 50 тыс. орудий и минометов, около 8 тыс. танков и самоходных орудий, свыше 9 тыс. самолетов. В результате героических действий войск Красной Армии и умелого руководства советского командования в 2-х недельный срок Берлинская операция была завершена, разгромлена миллионная группировка гитлеровских войск. С 16 апреля по 7 мая 1945 г. в плен были взяты 480 тыс. вражеских солдат и офицеров. И захвачено 1 550 танков и штурмовых орудий, около 11 тыс. пушек и минометов, 4 510 самолетов.

Последнее – тяжелое ранение, Иван Юлианович получил в самом конце войны, 28 апреля 1945 г. в Берлине. Осколком снаряда ему раздробило левую ногу ниже колена. Баранов снова оказался в госпитале. Когда встал вопрос об ампутации ноги, гвардии старшина, сходя с ума от страшной боли, закричал на врачей, что тогда он всех перестреляет. Не известно, подействовала ли его эта угроза или нет, но ногу не отрезали. Война закончилась, когда гвардии старшина находился на излечении в госпитале.

Всего за время нахождения на фронте Иван Юлианович Баранов дважды горел в танке, получил 6 ранений и контузию. Из них два ранения – тяжелые. Один осколок снаряда засел у Ивана Юлиановича в груди. Его врачи не смогли извлечь, потому что он находился рядом с сердцем. С этим куском крупнопрового металла он прожил всю оставшуюся жизнь, с ним его и похоронили...

Находясь в госпитале И.Ю. Баранов по радио услышал приказ И.В. Сталина об окончании войны. Этот приказ заслуживает внимания быть воспроизведенным на страницах данной книги. Вот его текст:

Приказ Верховного Главнокомандующего
по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, 30 артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

9 мая 1945 года.

Верховный Главнокомандующий,
Маршал Советского Союза И. Сталин ⁶⁸

Все народы СССР ликовали. Народы Европы, наконец-то вздохнули свободно. Москва салютовала победителям, салютовали себе и сами войска. Стреляли не только орудия в Москве, стреляли все, у кого в руках было оружие, стреляли, кричали “ура!”, было всеобщее счастье Победы!

5 июля 1945 г. Иван Юлианович был награжден орденом Красной Звезды. Этот орден стал второй боевой наградой танкиста. Кроме этого ордена еще имелась медаль “За боевые заслуги”. У читателя может возникнуть вопрос: “Провоевал всю войну, и так слабо отмечен наградами. Почему?” Этот вопрос задал себе и я. Думается, что причины в этом могли быть разные. Необходимо отметить, что в период 1941-го и 1942-го гг., когда Красная Армия терпела больше поражений (Вязьма, Крым, Харьков), чем одерживала побед (битва под Москвой), командиры и рядовые награждались редко. Это, во-первых. Во-вторых, Ивану Юлиановичу, возможно, не повезло с командирами, которые вовремя не отметили героизм этого человека и не представили к наградам. Во время Великой Отечественной войны это случилось сплошь и рядом. Здесь, можно вспомнить известный фильм “Старшина” в котором гвардии старшина, механик-водитель танка “Т-34” в конце войны направляется командованием для прохождения дальнейшей службы в авиационное училище. В

день Победы он надевает все свои награды и приходит в учебное заведение. На груди у него три ордена Славы, ордена Отечественной войны, Красной Звезды, множество медалей и несколько нашивок за ранения. Читатель может сказать: “Это же кино, там можно навешать на грудь чего угодно, и сколько угодно”. Да, я согласен, что это всего лишь художественный фильм. Но ведь были и такие случаи в жизни с ветеранами той войны, когда человек, прослуживший в танковых войсках с 1939 по 1946 гг., имел много наград. В-третьих, в силу своей скромности и незаметности, Иван не выпячивал себя перед командованием, а тихо делал свое солдатское дело. Это наблюдалось не только среди воевавших на фронте, но и среди партизан. В той страшной войне тысячи солдат и партизан, честно и героически воевавших, не были отмечены никакими наградами и остались безвестными героями. А сколько командиров и партийных работников, образно выражаясь, “грели руки” на подвигах своих рядовых подчиненных? Себе “вешали” ордена самые высокие, а исполнителю вручалась скромная медалька, а иногда и вообще ничего. Чтобы не быть голословным приведу один пример, который произошел во время Великой Отечественной войны в Беларуси. Речь идет о диверсии на железнодорожной станции Осиповичи, осуществленной одним из организаторов Осиповичского партийно-комсомольского подполья Федором Андреевичем Крыловичем (23.03.1916, г.Минск – 7.11.1959гг.) “...Участник боев около оз. Хасан (1938), на реке Халхин-Гол (1939), советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Во время оккупации немцами создал несколько подпольных комсомольских групп, одну из них возглавил. 30 июля 1943 г. на ж.д. станции Осиповичи магнитными минами взорвал эшелон с горючим. От него загорелось еще несколько эшелонов. Пожаром уничтожено 4 вражеских эшелона, в том числе 2 с боеприпасами, авиабомбами, горючим и продуктами, 1 с танками “тигр” и бронетранспортерами, поврежден угольный склад, блокпост и депо. С августа 1943 г. воевал в 752-м отряде 1-й Бобруйской партизанской бригады командиром диверсионной группы. С февраля по июль 1944 г. являлся уполномоченным ЦК ЛКСМБ по Осиповичам. После войны работал на железной дороге.”⁶⁹ В этой коротенькой справочке мы видим, что этот человек совершил героический подвиг, о котором люди в Беларуси будут вспоминать в веках. Вот только здесь не видно, был ли награжден Ф.А. Крылович за свой подвиг. На самом деле его, еще во время войны тихонько “отодвинули в тень” и не наградили ничем. Будто Крыловича в Осиповичах вообще не было. Зато ряд партийных и партизанских руководителей были награждены высокими наградами, а один или два человека представлены к званию Героя Советского Союза, так сказать, “за планирование и руководство операцией”.

Может, так это все и осталось, если бы уже после войны не выяснилось, что данная диверсия вошла в историю войн, как самая крупная и результативная наземная диверсия Второй мировой войны, осуществленная одним человеком. У бывших партизан и подпольщиков не было пределов возмущения, когда они узнали, что главный исполнитель диверсии на ж.д. станции Осиповичи ничем не награжден. Но даже тогда, когда все стало ясно и оставалось только, чтобы появился указ о награждении, Крылович не стал Героем Советского Союза. По каким-то причинам ему “пожалели” присвоить это высокое звание и наградили орденом Ленина.

Сколько было всего подобных случаев во время Великой Отечественной войны, сегодня история умалчивает. Особенно это относится к партизанскому движению. Командиры и комиссары все имели ордена и медали, а рядовые партизаны – очень мало. Думается, если бы партийные органы более тщательно, скрупулезно и честно подходили к этому вопросу, то награжденных орденами и медалями белорусских воинов-фронтовиков и партизан стало бы значительно больше, и число белорусов-Героев Советского Союза также увеличилось бы.

Возможно, что-то подобное произошло и с Барановым Иваном Юлиановичем на фронте. За то количество ранений, которое имел он, из которых – два тяжелых, этот человек заслуживал награждения орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I-й степени или Славы.

В этой связи хочется вспомнить о случае, который произошел во время Великой Отечественной войны с рядовым пехоты Красной Армии. После получения очередного ранения этот солдат снова оказался в госпитале. Вылечившись, его выписали, и он собрался убыть в свою часть. И надо было такому случиться, что в день его выписки в госпиталь прибыл генерал для вручения государственных наград отличившимся бойцам и командирам. Ходячих раненых построили во дворе госпиталя. Генерал вручил награды и стал обходить весь строй. Перед одним рядовым пехоты он задержался. Внимание генерала привлекли восемь желтых и красных нашивок на гимнастерке за ранения. Этим солдатом оказался тот рядовой пехоты, выписанный из госпиталя. Генерал спросил его:

—Товарищ красноармеец, а почему вы не носите свои награды? Это нарушение Устава.

—Я не могу их носить, товарищ генерал, потому что их у меня нет.

—То есть, как это нет, солдат? Ты же восемь раз ранен был, это же в скольких боях ты побывал и сколько пролил крови, а у тебя даже медали нет. Это не порядок. Жаль только вот, что награда у меня не осталось – все вручил награжденным раненым. Ничего, мы сейчас это исправим. Какой же я буду генерал, если не найду нужного решения в таком важном деле,

а? – спросил он вслух, улыбаясь.

Заулыбались и стоявшие в строю раненые. И с этими словами генерал снял со своей груди орден Боевого Красного Знамени и прикрепил его к гимнастерке опешившего рядового.

— Поздравляю вас с заслуженной наградой, товарищ красноармеец, – произнес генерал.

— Служу Советскому Союзу, – ответил ему дрожащим голосом, со слезами на глазах, пехотинец.

Повернувшись в сторону начальника госпиталя и своего адъютанта, генерал распорядился:

— На этого бойца оформить, как положено, наградные документы, – и после этого громко произнес: – Поздравляю всех вас, товарищи бойцы и командиры, с получением высоких государственных наград. Желаю вам скорейшего выздоровления, и возвращения в свои части, чтобы и дальше бить наших врагов.

Раскатистое «Ура-а-а!» разнеслось по двору госпиталя.

Вот, видимо, обделила судьба И.Ю. Баранова такими внимательными и справедливыми командирами, каким оказался тот генерал в госпитале.

Но, как бы там ни было, Иван Юлианович, гвардии старшина, механик-водитель танка Т-34, весной 1946 г. вернулся домой. Вернулся целым, с обеими руками и ногами. Это было большим удивительным счастьем, потому что любому человеку, кому пришлось воевать на фронте, было хорошо известно, что означало всю войну пройти танкистом и остаться в живых. Это было чудом. Иван выжил, выжил всем смертям назло, вернулся к родителям, братьям и младшей сестре.

Немного отдохнув, оглядевшись, Иван Юлианович приступил к мирному труду. С 16 сентября 1946 г. он начал работать старшим налоговым инспектором Дзержинского райфинотдела. В этой должности проработал до июня 1950 г. После этого И.Ю. Баранова судьба занесла в г. Лиду, где он в течение 2-х лет трудился в отделе снабжения местного пивзавода. Вернувшись в г. Дзержинск в октябре 1952 г., он уже больше никогда и никуда не уезжал. Работал на разных должностях и простым рабочим. Пришлось ему потрудиться в послевоенное время экспедитором потребсоюза в одном из сельпо района; более 10-ти лет работал слесарем и пилюрамщиком в Дзержинской МТС. С января 1969 г. стал работать на торговой базе экспедитором, потом инженером по погрузочно-разгрузочным работам, старшим товароведом. С марта 1973 г. трудился инженером-нормировщиком в ремонтной мастерской. В апреле 1975 г. Иван Юлианович был переведен на базу снабжения заведующим скла-

дом. В ноябре 1980 г. там же стал работать слесарем, откуда и был уволен по собственному желанию 23 февраля 1981 г. в связи с уходом на пенсию. Но не усидел спокойно дома ветеран-пенсионер И.Ю. Баранов. Начиная с марта 1983 г. и до февраля 1995 г. Иван Юлианович трудился в разных организациях и на предприятиях г. Дзержинска. С должности контролера КПП Дзержинского опытно-механического завода, в 75 лет, он окончательно ушел на пенсию.

Где бы ни трудился Иван Юлианович Баранов, он везде честно и добросовестно относился к своим обязанностям. Так было, когда воевал, так же происходило, когда жил и работал в мирной жизни. О его добросовестном и честном отношении к своим трудовым обязанностям говорят его многочисленные награды и поощрения. Только за 27 трудовых лет, начиная с 1962 и по 1989 год, в трудовую книжку И.Ю. Баранова занесено 46 различных поощрений. Его фотография, как лучшего работника помещалась на Доску почета р/о «Сельхозтехника» Дзержинского района. Иван Юлианович за добросовестный труд награждался медалью «Ветеран труда» и грамотой. В 1985 г. награжден юбилейным орденом Отечественной войны I степени.

Умер Иван Юлианович Баранов 6 июня 2009 г. Этот весь израненный ветеран Великой Отечественной войны прожил долгую жизнь, прожил честно и ярко. Похоронили его на кладбище г. Дзержинска.

Примечания.

1. Мелехов. А. Танковая дубина Сталина. Москва: Яуза-Пресс, 2012. С. 314.
2. Там же, С. 315.
3. Лелюшенко. Д.Д. «Москва. Сталинград. Берлин. Прага». Москва: Издательство Министерства Обороны СССР, 1979. С. 16.
4. Мелехов. А. Танковая дубина Сталина. Москва: Яуза-Пресс, 2012. С. 317.
5. Там же, С. 317.
6. Там же, С. 319.
7. Каваленя А.А., Саракавік І.А. Беларусь напярэдадні і ў гады дру-гой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мінск: Беларусь, 2008. С. 212, 213.
8. Мелехов А. Танковая дубина Сталина. Москва: Яуза-Пресс, 2012. С. 101.
9. Великая Отечественная в письмах. Москва: Политическая литература, 1982. С. 189.
10. Там же, С. 190.
11. Лелюшенко Д.Д. Москва, Сталинград, Берлин, Прага. Москва:

Издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 33, 34.

12. Там же, С. 34.

13. Там же, С. 83.

14. Там же, С. 103.

15. Брускова Е.С. Долгое эхо. Москва: Молодая гвардия. 1986 г. с. 128.

16. В.П. Островский В.П. 27 января 1944. Москва: Молодая гвардия. 1984. С. 13.

17. Там же, С. 30, 31.

18. Там же, С.52, 53.

19. Брускова Е.С. Долгое эхо. Москва: Молодая гвардия. 1986 г. с. 129, 130.

20. Гамзатов Р.Г. Вечный бой. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 23.

21. Брускова Е.С. Долгое эхо. Москва: Молодая гвардия. 1986. С. 129.

22. Гамзатов Р.Г. Вечный бой. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 345

23. Островский В.П. 27 января 1944. Москва: Молодая гвардия. 1984, С. 114.

24. Там же, С. 115

25. Мелехов А. Танковая дубина Сталина. Москва: Яуза-Пресс, 2012. С. 320.

26. Там же, С.320.

27. Там же, С. 322.

28. Там же, С. 110-115.

29. Там же, С. 101.

30. Там же, С. 102, 103.

31. Там же, С. 103.

32. Там же, С. 104.

33. Там же, С. 104-106.

34. Ортенберг Д. Год 1942. Москва: Прогресс, 1988. С. 247.

35. Там же, С. 248.

36. Там же, С. 252.

37. Там же, С. 256.

38. Там же, С. 259.

39. Там же, С. 259.

40. Там же, С. 267.

41. Каваленя А.А., Саракавік І.А. Беларусь напярэдадні і у гады другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мінск: Беларусь, 2008. С. 228-230.

42. Ортенберг Д. Год 1942. Москва: Прогресс, 1988. С. 277, 278.

43. Там же, С. 278, 279.

44. Там же, С. 288, 289.
45. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 407.
46. Там же, с. 406, 407, 412, 413.
47. Исаев А.В. Мифы и правда о Сталинграде. Эксмо. Яуза. Москва, 2013. С. 20-22, 42
48. В одной газете. Репортажи и статьи 1941-1945. Симонов К. Дни и ночи. Москва: Агентство печати Новости. 1979. С. 106-112.
49. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Москва: Прогресс, 1973. С. 144.
50. Там же, С. 158.
51. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Москва: Прогресс, 1973. С. 138, 139.
52. Там же, С. 141.
53. Там же, С. 184, 185.
54. Там же, С. 188.
55. Исаев А.В. Мифы и правда о Сталинграде. Эксмо. Яуза. Москва, 2013. С.341, 342. с.142, 143, 146, 147, 150'
56. Там же, с. 407. «Год 1942». С. 133.
57. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Москва: Прогресс, 1973. С. 160.
58. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 443.
59. Исаев А.В. Мифы и правда о Сталинграде. Москва:Эксмо. Яуза, 2013. С. 458.
60. Воспоминания полковника Моруса.
61. Восемнадцатая в сражениях за Родину. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1982. С. 261.
62. Воспоминания полковника Моруса.
63. Там же.
64. Там же.
65. Там же.
66. Лелюшенко Д.Д. Москва-Сталинград-Берлин-Прага. Москва: Издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 356.
67. Восемнадцатая в сражениях за Родину. Москва:Издательство Министерства обороны СССР, 1982 г. с. 441.
68. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 605.
69. Каваленя А.А., Саракавік І.А. Беларусь напярэдадні і ў гады другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Мінск: Беларусь, 2008. С. 74.

Баранов И.Ю., г. Калуга, 4 мая 1941 г.

Командование 5-й гвардейской танковой бригады с офицерами штаба и политотдела бригады. Сидят справа налево: начальник штаба И.И. Лушик, командир бригады П.К. Шуренков, начальник политотдела бригады Н.В. Бакасов, заместитель командира бригады А.П. Ковальский. 1943 г.

Баранов И.Ю. с женой, Юзефой Адольфовной и внуками: Андреем, Денисом, Галиной, Виталием, Алексеем и Аленой.

Баранов И.Ю. с женой, Юзефой Адольфовной и детьми: Анатолием, Светланой, Виктором, 1968 г.

*Баранов И.Ю.
с женой, Юзефой
Адольфовной.
Свадьба, 1 мая 1948 г.*

*Баранов И.Ю. с мамой, Дарьей Григорьевной, 80-е гг.
20 ст.*

*Баранов И.Ю. с однополчанами. На обороте надпись:
«На память родителям от сына Вани и его друзей.*

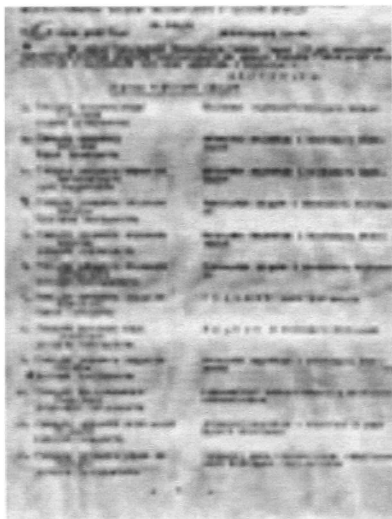
*Слева на право: ваш сын Ваня, сержант Верхов,
старшина Мирончук, сержант Дорофеев, и сидит
капитан Савченко. Привет от танкистов, г. Львов,
17.02.45 г. подпись Баранов».*

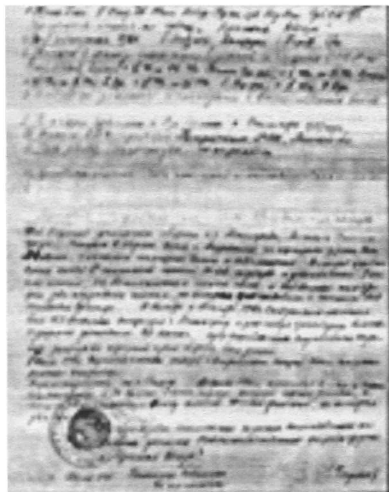
Благодарности Верховного Главнокомандующего Сталина И.В. Баранову И.Ю.

Записи о прохождении службы в красноармейской книжке Баранова И.Ю.

Приказ от 5 июня 1945г. о награждении Баранова И.Ю. орденом Красной Звезды.

Наградной лист на Баранова И.Ю.

Глава 11. **Баранов Александр Юлианович** **06.04.1924 – 23.07.2009 гг.**

*Я называю героем лишь того,
кто был велик сердцем.*
Р. Роллан

В 1939 г. Александр закончил 7 классов Песочанской неполной средней школы. С ноября 1939 по июнь 1941 г. работал в м. Песочное заготовителем швейной артели “Красный пролетарий”. С началом Великой Отечественной войны оставался в Песочном, проживал вместе с родителями, занимаясь земледелием и домашним хозяйством. Но это была только его внешняя сторона жизни. С первых дней оккупации родины гитлеровцами он думал, как начинать бороться с

врагом, потому что был настоящим сыном своей родной земли. О смелости Александра говорит тот случай, о котором рассказала его младшая сестра Елена Юлиановна. “Когда в июне 1941 года в Песочное входили немцы, мой брат Саша с одним песочанским парнем угоняли в лес колхозных лошадей. На тот момент колхозное стадо было уже угнано, но в конюшне оставалось еще где-то более 20 лошадей. Чтобы немцы не захватили, решили их спрятать в лесу, в районе деревень Калюга и Зарудное. Немцы заметили табун, верховых и стали стрелять, но ребятам удалось ускакать невредимыми”. В ноябре 1942 г. стал партизаном отряда им. Котовского, бригады им. К.Е. Ворошилова Копыльского района. С лета 1943 г. воевал в партизанской бригаде им. К.К. Рокоссовского в Дзержинском районе стрелком-партизаном, разведчиком. Принимал участие во многих операциях партизан по разгрому немецко-полицейских гарнизонов, уничтожению вражеских автоколонн на шоссежных дорогах, подрыву эшелонов на железной дороге Минск – Барановичи и рельсов во время операций “Рельсовая война” и “Концерт”. Обеспечивал ценными разведывательными данными партизанское командование бригад им. Ворошилова, а потом – им. Рокоссовского.

О партизанском периоде жизни Александра Юлиановича вспоминает его родная сестра Елена Юлиановна: “... Помню случай, когда был ранен наш Саша. Он вместе с группой партизан выполнял задание где-то возле Узды. На лошадях партизаны проскакали недалеко от д. Подъельники. Какая-то сволочь, видимо, их выдала немцам. Немцы и полиция сделали засаду и стали ждать, когда партизаны поедут обратно. К чему-то подобному партизаны были готовы, поэтому мой брат поехал на коне впереди, как дозорный. Остальные партизаны ехали сзади и немного в стороне. Когда из засады открыли огонь, Сашу ранило в ногу, а лошадь – убило. Он упал на землю, с головы свалилась кубанка. Брат был физически крепкий, молодой, поэтому, несмотря на ранение, он ушел от немцев и полицаяв, потому что хорошо знал местность. Пользуясь темнотой, Саша переплыл Уссу, потом Неман, и пришел в Песочное, на “засценак” (“волчий хвост” – авт.). Пришел он в дом, где проживала партизанская семья. Там ему оказали первую помощь. В тот момент в Песочном находилась группа партизан. Хозяйева дома, куда пришел брат, сообщили им о раненом. Партизаны пришли, осмотрели его, взяли у Саши автомат и гранаты, “наган” оставили ему, и пошли за повозкой, чтобы отвезти его в госпиталь.

Уже потом я с родителями узнали следующее. Когда Саша попал в засаду и возле Подъельников поднялась стрельба, то находившиеся в Песочном партизаны, а было их мало, не зная обстановки, на всякий случай дали команду, чтобы партизанские семьи уходили из местечка. На тот момент

никто не знал, как события будут развиваться дальше. Говорили, что может начаться очередная карательная экспедиция. Могло случиться и такое, что немцы большими силами займут Песочное, и тогда последовала бы кровавая расправа над людьми. Я с родителями пошла в сторону Костешей. Дойдя до хутора “Грядка”, попросили хозяина сходить в Песочное и узнать обстановку. От хутора до Песочного где-то около 2-х км. Через некоторое время он вернулся и сообщил: “Идите домой, вашего сына привезли”. Мама подумала, что Сашу привезли мертвого и упала в обморок. Хозяин хутора понял, что выразился неправильно и поспешил нас успокоить: “Не волнуйтесь так, сын ваш живой, только ранен в ногу”. Еще он сказал, что немцев и полицаев в Песочном нет. Мы направились обратно и пришли к Ульяне Бовтриковой. К этому времени Сашу с “засценка” перевезли к Ульяне. Мама с плачем бросилась к Саше. Он стал успокаивать ее: “Мама, не плачь, я же живой”. Через некоторое время нам стали известны подробности, связанные с ранением брата. На нашей улице, которая выходит к выгону, жила девушка. Имени и фамилии ее я уже не помню. Она была партизанской связной. Так вот она, незадолго до нас, пришла к Бовтриковым и рассказала о том, что после того как Саша ушел от засады, на том месте побывали партизаны и нашли его кубанку, которую и привезли в отряд. Там все подумали, что Саша, или погиб, или раненого его захватили немцы и полицаи, и увезли в Узду. Та связная тогда наклонилась к Саше и сказала: “Ну что, решил, что ты живой? А вот твой Коля в отряде думает и горюет о том, что у него больше нет брата в живых”. Мы все поняли, что это шутка и рассмеялись. Она еще сказала, что в отряд уже сообщили, что Саша живой, только ранен в ногу. Вскоре приехали партизаны на двух подводах. С ними был партизанский врач Жуковский. Он осмотрел рану, сделал перевязку, брата уложили на повозку и отвезли в партизанский госпиталь”.

В 1942 г. белорусский поэт Мікола Засім написал стихотворение “За Радзіму”, которое словно было посвящено молодому партизану из Песочного Александру Баранову:

*Ты не плач, матуля,
Родная, не плач,
Што мая кашуля
У крыві, як квач.*

*Кроў мая, матуля,
Дарма не цячэ:
Многа маіх куляў
Ворага пячэ.*

*А падлецаць раны,
Зноў пайду у бой,
Край акупаваны
Вызвалім мы свой.*

*І тады, як сокал,
Павярну дамоў
І зямлю глыбока
Заару плугом.*

*Сэрца будзе біцца
Радасна ў грудзёх,
Што край ад чужынца
Бараніў як мог. ¹*

За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков Баранов А.Ю. был представлен к награждению медалью “Партизану Отечественной войны 1941-1945 гг.” I-й и II-й степеней.

А.Ю. Баранов вместе со своими старшим и младшим братьями участвовал в партизанском параде 16 июля 1944 г. в Минске.

После освобождения стал работать и жить в г. Дзержинске. В течение непродолжительного времени проходил службу милиционером районного отдела милиции Дзержинского района. Вот, что об этом рассказала младшая сестра Баранова Елена: “Однажды, уже работая в милиции, брату Саше пришлось участвовать в обыске приусадебного участка одной из жительниц Дзержинского района. Женщина та жила без мужа, с маленькими детьми. У нее нужно было изъять какие-то вещи и что-то из живности за неуплату налогов. Женщина плакала и очень просила милиционеров не отнимать у нее последнее. Все это произвело на брата тяжелое впечатление, и он не захотел дальше служить в милиции. Он пришел к нашему старшему брату Николаю, работавшему председателем Дзержинского райисполкома и все рассказал. Саша сказал: “Я не могу находиться на такой работе, где нужно отнимать вещи и продукты у несчастных детей”. Уговоры брата ни к чему не привели. Он категорически отказался работать милиционером. Я знаю, что Саша, как и остальные мои братья, был очень честным человеком. Поэтому он не стал отсиживаться “на гражданке” в тылу, а попросился на фронт в Красную Армию. Тогда же летом 1944 г. он добровольно ушел в армию. Вернулся домой только осенью 1945 г. с тяжелым ранением. Тогда ему чуть не отняли ногу”.

Добровольца направили в 165-й стрелковый полк, 105-й стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта по военной специальности “радиотелеграфист”. Как и в партизанах, на фронте Александр Юлианович воевал честно и мужественно. 165-й стрелковый полк, в котором находился А.Ю. Баранов, участвовал в боевых действиях на территории Польши, в кровопролитнейших боях по уничтожению Курляндской группировки немцев в Прибалтике, в Германии.

Чтобы яснее представить, где пришлось воевать нашему герою, рассмотрим вкратце военные события, которые происходили на 2-м Белорусском фронте в конце 1944 и в 1945 г.

105-й стрелковой дивизии, в которую попал Александр Баранов, предстояло воевать в местности, которая была весьма своеобразна. Почти всюду – лесисто-озерный край, очень сложный для передвижения воинских подразделений. Советским войскам предстояло преодолевать многополосную немецкую оборону, укреплявшуюся на протяжении многих лет.

Восточная Пруссия издревле всегда была для немцев плацдармом, с которого они по-разбойничьи нападали на своих восточных соседей. А каждый разбойник, как известно, прежде чем пойти в набег, всегда заранее укреплял свое жилище, что бы в случае неудачи, вернуться и спрятаться здесь, спасти свою жизнь. На землях древних славян-пруссов, захваченных еще в 13-м веке немцами-крестоносцами Тевтонского ордена, веками строились крепости. Эти древние твердыни всегда служили как исходный рубеж для нападения и как спасительная преграда, если пришлось бы обороняться. Теперь войскам Красной Армии предстояло пробивать эти мощнейшие укрепления.

Вот как о предстоящей операции впоследствии в своих мемуарах вспоминал командующий 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский: “... В ходе боев нам предстояло форсировать Вислу, весьма широкую водную преграду. Были приняты меры, чтобы сразу же после прорыва вражеской обороны на Нареве снять оттуда все подвижные переправочные средства и двинуть их с наступающими войсками к Висле. На Нареве намечалось оставить только деревянные постоянные мосты, построенные нашими саперами у плацдармов. Предусматривалось оснастить войска, как и при наступлении в Белоруссии, всеми средствами, которые могут облегчить передвижение по лесисто-болотистой местности. К счастью, почти все соединения фронта прошли через бои в Полесье и у них имелся достаточный опыт действий в подобных условиях.

Бойцы, командиры и политработники были полны энтузиазма, горели желанием как можно лучше выполнить задачу. К этому времени мы уже имели хорошо подготовленные офицерские кадры, обладавшие богатей-

шим боевым опытом. Общевойсковые командиры научились в совершенстве руководить подразделениями, частями и соединениями в различных видах боя. На высоте положения были и командиры специальных родов войск – артиллеристы, танкисты, летчики, инженеры, связисты. А советский народ в достатке обеспечил войска лучшей по тому времени боевой техникой. Преобладающее большинство сержантов и солдат уже побывало в боях. Это были люди обстрелянные, привыкшие к трудным походам. Сейчас у них было одно стремление – скорее покончить с врагом.

Ни трудности, ни опасности не смущали их. Но мы-то обязаны были думать, как уберечь этих замечательных людей. Обидно и горько терять солдат в начале войны. Но трижды обидней и горше терять их на пороге победы, терять героев, которые прошли через страшные испытания, тысячи километров прошагали под огнем, три с половиной года рисковали жизнью, чтобы своими руками завоевать родной стране мир... Командиры и политработники получили категорический наказ: добиваться выполнения задачи с минимальными потерями, беречь каждого человека!"²

Как и в других дивизиях, в 105-й стрелковой было уделено большое внимание разведке как переднего края вражеской обороны, так и всех рубежей в ее глубине, которыми немцы могли воспользоваться при отходе. Командиры получили аэрофотоснимки местности, где предстояло действовать их подразделениям. Специально выделенным подвижным отрядам предстояло прорываться вперед, обходя вражеские узлы сопротивления, захватывать на пути движения противника переправы, мосты и удерживать их до подхода своих войск.

В дивизии были созданы несколько передовых подвижных отрядов для действий ночью. Их задача – не давать противнику отрываться от наступающих советских полков, если он попытается отходить в темное время суток. Эти отряды должны были всю ночь держать врага в напряжении, не отпускать от себя. В такой боевой обстановке всегда важнейшая роль отводится средствам связи. От постоянной устойчивой связи между наступающими подразделениями и командованием подчас зависит исход боя. Поэтому обеспечивающими связь во время наступления назначались самые опытные, умелые, храбрые и проверенные солдаты и сержанты. Учитывалось и то, что во время наступления, при часто меняющейся обстановке, нередко приходится действовать в ближнем соприкосновении с противником, зачастую в окружении, не только стреляя из автомата, но и вступая в рукопашные схватки. Вот, в одну из таких групп и был зачислен бывший партизан-разведчик, телефонист Александр Баранов.

До каждого солдата и командира, отвечающих за связь, довели приказ начальника связи фронта генерала Н.А. Борзова об обеспечении

всех войск фронта бесперебойной связью во время наступления и об ответственности за ее отсутствие. Генерал выразил надежду на успешное выполнение этого приказа и желал успехов своим подчиненным. И его никто не подвел.

Вот-вот должен был наступить день начала наступления. Войска спокойно готовились к этому моменту. И тут неожиданно поступило распоряжение Ставки Верховного Главнокомандующего о переносе наступления на 6-ть дней раньше. Делалось это по просьбе союзников, попавших в тяжелое положение в Арденнах. Их войска подверглись сильнейшему удару немецких войск и находились на краю гибели. Немцы могли их разбить и сбросить в Ла-Манш. К.К. Рокоссовский вспоминал об этом: "... Выполняя союзнический долг, Советское правительство приказало своей армии перейти в наступление, чтобы выволить из беды американские и английские войска. А как нужны были нам эти шесть дней для завершения подготовки! Но делать нечего. Будем наступать. Трудности для нас усугублялись тем, что установилась отвратительная погода. Густым туманом заволокло окрестность, что затрудняло действия авиации. Пришлось быстро вносить кардинальные поправки в план наступления. Теперь вся надежда была на артиллерию. Мы уже привыкли, что артиллеристы выручают нас в трудные моменты.

Время начала наступления было твердо определено Ставкой: для 2-го и 1-го Белорусских фронтов – утро 14 января, для 1-го Украинского – на два дня раньше, 12 января".³

Усилиями командиров и рядовых воинов было сделано многое для того чтобы, несмотря на сокращенные сроки, лучше подготовиться к наступлению. Не успевало только прибыть пополнение. В подразделениях штатная численность достигала 50-70% личного состава.

14 января, на рассвете, ничего не было видно: все скрыто пеленой тумана и мокрого снега. Погода подвела. Отменили действия авиации. Но это не могло повлиять на общее настроение наступать, не ожидая прояснения. В назначенное время несколько тысяч орудий и минометов, сотни реактивных установок БМ-13 открыли огонь.

Вместе со своими однополчанами устремился вперед и связист рядовой Александр Баранов. Туман еще больше сгустился, усилился снегопад. С поля боя доносился сплошной грохот. Но несмотря на это связь работала бесперебойно. Пехота постоянно поддерживала связь с артиллеристами. В местах, где замедлялось продвижение пехоты, сразу же по связи сообщалось артиллеристам и те своим огнем орудий прокладывали ей дорогу. Немцы упорно сопротивлялись, но несмотря на это, наши войска везде вклинились в его оборону. Труднее всего было выбивать гит-

леровцев из укрепленных районов и узлов сопротивления. Командование приняло решение, частями идущими впереди, такие районы обходить и оставлять часть сил для их окружения и уничтожения. Это позволяло не снижать темпов наступления.

Советская пехота везде овладела почти без боя первой траншеей врага. За вторую траншею пришлось драться, но наши бойцы захватили и ее. По мере продвижения в глубину обороны сопротивление врага усиливалось. Немцы стали переходить в контратаки, но советские войска везде продвигались вперед. Наступление продолжалось и ночью. Конечно, очень не хватало помощи авиации, которая не смогла действовать из-за плохой видимости.

Основная тяжесть боя легла на пехоту, которая, взаимодействуя с танками, продолжала прорывать оборону немцев. Крепко помогали ей самоходные установки СУ-76.

Не подвел своих командиров рядовой А.Ю.Баранов. Он успешно выполнял все задания командования. Во время наступления ему не один раз приходилось оставлять на время свои телефонные трубки и провода, брать в руки свой ППШ и отстреливаться от наседавших гитлеровцев. После одного из таких боев он был представлен к награждению орденом Славы 3-й степени.

Наши войска впереди ожидала такая трудная задача, как преодоление Вислы в нижнем течении, где на ее берегах были расположены сильные опорные пункты Торн (Торунь, польск.), Бромберг (Быдгощ), Грауденц (Грудзендз), Мариенбург (Мальборк), Эльбинг (Элблонг). Немцы ожесточенно контратаковали и прочно удерживали рубеж по Августовскому каналу. Но, несмотря ни на что, войска 2-го Белорусского фронта продвигались к морю. 20 января советские войска пересекли польскую границу и вступили на территорию Восточной Пруссии. Гитлеровцев разгромили в Алленштайне (Ольштыне) и заняли этот город. Кавалеристы и пехотинцы захватили большие трофеи и несколько тысяч пленных. Путь вглубь Восточной Пруссии был открыт.

Уже 25, 26 января танкисты 5-й гвардейской танковой армии вышли к заливу Фриш-Гаф в районе Толькемито (Толькмицко) и блокировали Эльбинг, отрезав этим пути отхода гитлеровцам из Восточной Пруссии на запад.

В это же время войска 2-й Ударной армии вышли к Мариенбургу (Мальборку). Эта крепость на протяжении многих веков являлась главным опорным пунктом Тевтонского ордена крестоносцев, разгромленного объединенными войсками славян в 1410 г. в битве при Грюнвальде и Танненберге. Во время Первой мировой войны русские солдаты под командовани-

ем генерала Самсонова вели ожесточенные бои с войсками кайзеровской Германии на территории Восточной Пруссии, и почти все погибли. И вот ноги славян снова ступили на эту землю, на этот раз ноги советских солдат.

25 января советские части вышли к рекам Висла и Нogat. Частью сил были захвачены небольшие плацдармы. Этому способствовало то обстоятельство, что преследование немцев велось днем и ночью непрерывно – крепко помогли отряды, специально подготовленные для ночных действий. В одном из них героически действовал и рядовой Александр Баранов.

Предстояло форсировать Вислу. В нижнем течении она достигает более четырехсот метров ширины, при глубинах не менее 6-ти метров. Вислу форсировали в нескольких местах и захватили плацдармы. С них войска 2-го Белорусского фронта начали свое дальнейшее продвижение. Фашисты пытались остановить наступление советских войск контратаками, но были остановлены и разбиты. Особенно ожесточенные бои происходили в районе городов Торн и Грауденц. Сражение длилось 10 дней.

Начавшееся в январе 1945 г. наступление советских войск развивалось успешно и стремительно. Затухая временно на одном участке, оно вспыхивало на другом. В движение пришел весь громадный фронт – от Балтийского моря до Карпат. Красная Армия обрушила на врага удар огромной силы, взломав на протяжении 1200 км мощные рубежи, которые он создавал в течение нескольких лет. Только слепой мог не видеть, что война фашистской Германией проиграна. Но несмотря на это Гитлер особой директивой приказывал войскам держать каждый город, поселок, деревню, каждый дом или отдельное строение до последнего патрона, до последнего солдата. Если немецких солдат окружили, то не сдаваться, не отходить, а сражаться и сковывать как можно больше советских войск. Нарушившим эту директиву грозила смертная казнь. Гитлеровские фанатики следовали этой директиве до конца, хотя ничто уже не могло их спасти от неминуемой катастрофы.

Еще задолго до вступления на территорию фашистской Германии в штабах и подразделениях частей Красной Армии обсуждался вопрос о поведении советских солдат на немецкой земле. Это необходимо было сделать потому, что фашисты совершили на нашей земле столько преступлений, столько причинили страданий и горя советским людям, что сердца наших солдат и командиров законно пылали ненавистью к этим извергам, желанием отомстить. Но нельзя было допустить, чтобы священная ненависть к врагу вылилась в слепую месть по отношению ко всему немецкому народу. Советским солдатам внушалось, что Красная Армия воюет не с мирным населением, а с гитлеровским вермахтом.

В связи с пересечением границы Германии, Военный совет 2-го Бе-

лорусского фронта издал приказ в котором поздравлял солдат и офицеров со знаменательным событием и напоминал, что мы в Германию вступаем как воины-освободители. Красная Армия пришла сюда, чтобы помочь народу Германии избавиться от кровавого фашистского гитлеровского режима и той идеологии, которой он отравлял людей.

Военные советы фронта, армий, политотделы дивизий, политработники подразделений всех уровней, призывали бойцов и командиров соблюдать образцовый порядок и дисциплину, высоко нести честь советского солдата. Всем военнослужащим Красной Армии разъяснялось существо освободительной миссии армии Советского Союза, ее ответственность за судьбу Германии, как и за судьбы всех других стран Европы, которые мы освободим от фашизма.

Вступившие в Восточную Померанию войска 2-го Белорусского фронта встретили отчаянное сопротивление немцев. Противник сосредоточил здесь крупные силы. Немецкие войска объединились в группу армий “Висла”, которой командовал главный палач гитлеровского режима рейхсминистр СД, СС и гестапо Гиммлер. Она насчитывала свыше 30 дивизий, в том числе 8 танковых и моторизованных.

Немцы использовали благоприятные для организации обороны условия местности, изобилующей лесами и болотами, озерами и реками. С огромным трудом наши войска преодолевали рубеж за рубежом. Оттепель делала наступление еще более тяжелым. Но главной причиной была малочисленность наших войск.

Бои становились все тяжелее. Особенным ожесточением они стали отличаться с 22 февраля. Гитлеровцы дрались за каждый опорный пункт, бросались в контратаки. Но врага побеждали отвага и мастерство наших солдат, искусство командиров. Советские бойцы и командиры совершили тысячи подвигов. Героизм, инициатива, взаимная выручка помогали им взламывать вражеские укрепления и опорные пункты, уничтожать танки и пехоту. Не стихающие на всем фронте бои подтверждали стремление противника во что бы то ни стало удержать Восточную Померанию. Но этим устремлением врага не суждено было сбыться. 5 марта 1945 года советские войска овладели городом Кёзлин (Кошалин). Остатки гитлеровского гарнизона капитулировали. Мужество и отвага помогли нашим бойцам и командирам быстро разгромить мощный опорный пункт гитлеровцев. Соединения 3-го гвардейского танкового корпуса вышли на побережье Балтийского моря. Тем самым было завершено рассечение восточнопомеранской группировки немецко-фашистских войск.

Вместе со своими товарищами в те дни омочил свои руки в балтийской воде и рядовой Александр Юлианович Баранов. Попробовал он ее

и на вкус. Горьковато-соленая, с запахом водорослей. Вода Балтийского моря! Как же долго к ней шел советский солдат А.Ю. Баранов. Шел он через партизанские бои и засады, блокады карателей, через фронтовые сражения.

Враг был еще очень силен. Фашистское командование было беспощадно к своим солдатам. Оно заставляло их сражаться даже тогда, когда была видна бесцельность сопротивления. Гарнизон Грауденца, отрезанный от своих войск, сражался до конца. Только 6 марта, в результате многодневных уличных боев, город заняли части 142-й и 37-й стрелковых дивизий.

Войска 2-го Белорусского фронта продолжали громить врага. За 8 и 9 марта они продвинулись от 20 до 60 км, заняв свыше 700 населенных пунктов. Попытка противника задержать советские войска на рубеже Цукау, Картхауз, Витцков, Шуров, Шмользин провалились. Громя отходящие колонны неприятельских войск, танки 1-й гвардейской танковой армии устремились к Данцигской бухте.

Продвижению советских войск сильно мешали беженцы. Геббельсовская пропаганда вбила в головы немцев столько клеветы о Красной Армии, что люди с криками: “Русские идут!” в ужасе покидали насиженные места. Захватив с собой домашний скарб, они целыми семьями бежали куда глаза глядят. Все дороги, и главные, и второстепенные, были забиты обезумевшими людьми. Одни бежали на запад, другие на восток. В дополнение к этому людскому море-океану все дороги были загромождены брошенным фашистами военным имуществом. Советские войска с огромным трудом прокладывали себе путь. Беженцы же убедившись, что никто их не трогает, что геббельсовская болтовня – самая дикая ложь, успокоенные возвращались в свои дома. Снова людская река захлестывала дороги, но теперь она текла в обратную сторону.

Несмотря ни на какие препятствия Красная Армия продвигалась вперед. Части 2-го Белорусского фронта подошли к Данцигско-Гдыньскому укрепленному району. Данциг – сильнейшая крепость. Железобетонные и каменные форты держали всю местность под обстрелом своих орудий и пулеметов. Древний крепостной вал кольцом охватывал город. А перед этим валом – внешний пояс современных капитальных железобетонных укреплений. На всех высотах – железобетонные доты. Система долговременных сооружений дополнялась позициями полевого типа, а территория, прилегавшая к городу с юга и юго-востока, затопливалась при помощи шлюзов.

Первоклассной крепостью являлась и Гдыня.

Обороняющихся в крепостях с моря поддерживали боевые корабли.: в Данцигской бухте стояли 6 крейсеров, 13 миноносцев и десятки бо-

лее мелких боевых судов. Но вопрос с кораблями был решен быстро. Летчики армии генерала К.А. Вершинина нанесли тогда по ним такой удар, что гитлеровские моряки быстро ретировались в открытое море. Нашим войскам стало легче. Все рода войск тесно взаимодействовали друг с другом. Этому способствовала хорошо налаженная связь между войсками. С одним из подразделений пехоты шел и связист рядовой А.Ю. Баранов.

Штурм начался 14 марта. 25 марта советские войска ворвались в Цопот (Сопот) и очистили его от врага. 28 марта пала Гдыня. “Здесь враг потерял 50 тысяч убитыми, 229 танков и самоходных орудий, 387 полевых орудий и более 3500 автомашин. Нашими частями было захвачено св. 18 тыс. пленных, около 200 танков и самоходок, 600 орудий, 71 самолет, 6246 автомашин”,⁴ – вспоминал после войны в своей книге “Солдатский долг” К.К. Рокоссовский.

30 марта Данциг (Гданьск) был освобожден. В бою за Гданьск советскими войсками было взято в плен свыше 10 тыс. солдат и офицеров, захвачено 140 танков и штурмовых орудий, 358 полевых орудий и много другого военного имущества.

Проведенная советскими войсками Восточно-Померанская операция имела очень большое стратегическое и политическое значение. Непрерывность боевых действий, не дававших гитлеровцам ни минуты передышки для перегруппировки и накопления резервов, явились важнейшим условием успеха. В результате победных действий войск Красной Армии были освобождены польские земли, которые издревле принадлежали этому народу и захваченные в разное время немцами. Польше было возвращено все польское Поморье с крупными городами и портами на побережье Балтийского моря.

Войскам 2-го Белорусского фронта далее предстояло принять участие в Берлинской наступательной операции, в которой должна была участвовать и 105-я стрелковая дивизия. Но стать участником этого грандиозного военного действия рядовому Александру Баранову не пришлось из-за полученного ранения.

В боевых действиях Александр участвовал на протяжении 9-ти месяцев. На первый взгляд, если посмотреть, так по времени, кажется, очень мало. В гражданской жизни эти 9-ть месяцев пролетают очень быстро, незаметно, и мы на это почти не обращаем внимания. На войне же, когда 1 месяц идет за три, эти 9-ть месяцев превращаются в 2 года и 7 месяцев. А это уже большой временной отрезок. Если учесть еще то, какие тяжелейшие сражения и бои, происходили между германским вермахтом и Красной Армией в 1944-1945 годах на заключительном этапе Великой Отечественной войны, когда одних только белорусов на фронтах

(особенно в Польше), полегло 250 тысяч, а представителей всех национальностей СССР – более миллиона, то можно представить себе, в какую мясорубку попал наш двадцатилетний земляк. Но, как ни было тяжело, как ни было страшно, Александр Юлианович, закаленный в полуторагодовой партизанской борьбе с врагом, и на фронте повел себя героически. Он не прятался за спины товарищей, не перекадывал свои обязанности по обеспечению командования и стрелковых подразделений бесперебойной связью на плечи других солдат. Он добросовестно исполнял свой солдатский долг перед Родиной. В ходе исполнения своих основных обязанностей связиста, Александру не раз приходилось, находясь в сложной обстановке, вступать в бой с немцами, и выходить из него победителем. На фронте ему очень пригодились навыки партизанского разведчика. Может, поэтому он и выжил.

За свои героические дела на фронте А.Ю. Баранова представили к награждению вторым орденом, на этот раз Красной Звезды.

За месяц до окончания войны, 6 апреля 1945 г. в районе г. Кроаку А.Ю. Баранов получил тяжелое ранение в левую ногу. На этом Великая Отечественная война для него закончилась. Осколок немецкого снаряда попал в бедро, разорвав сонную артерию. Врачи говорят, что, при таких ранениях, человек почти всегда умирает быстро. Работающее сердце выталкивает кровь через такую рану в течение нескольких минут. О таких, как Александр Юлианович говорят: «он в рубашке родился». Санитары быстро оказали ему помощь, умело перевязали, и отправили в медсанбат, а оттуда – в госпиталь. Война закончилась уже без него и день Великой Победы А.Ю. Баранов, со слезами на глазах, встретил на госпитальной койке. Врачи, наши замечательные фронтовые хирурги и медсестры, сделали главное – спасли жизнь солдату. Тыловые же врачи приложили максимум усилий, чтобы он остался с двумя ногами. Рваная рана долго не заживала, гноилась, стоял вопрос ногу отрезать. Но, видя, совместными усилиями медицины, молитв матери и желания Бога, Саша остался с двумя ногами. Осенью 1945 года он вернулся домой. Быть может, Бог, посмотрев сверху на этого израненного паренька из белорусского местечка Песочное, что в верховьях Немана, решил: «Не быть ему калекой. Он, в свои 20 лет, в этой долгой четырехлетней войне, почти 2,5 года воевал, не спрятался подпол, не отсиживался в хлеву на сеновале, а защитил родную землю от врага. За это пусть он остается с двумя ногами, живет нормальной жизнью, заведет семью, народит деток, обретет счастье и покой. Он это заслужил перед людьми всей Земли и передо мной». Так думал наш Всевышний или как-то иначе, но, как бы там ни было, Александр Юлианович Баранов вернулся с войны героем, человеком, полностью ис-

полнившим свой долг перед матерью, отцом, земляками, перед родной Беларусью.

Походив некоторое время с палочкой, подлечившись и окрепнув, с февраля 1946 года Александр Юлианович пошел работать заготовителем по государственным поставкам в Дзержинском районе. В этой должности проработал до января 1952 года. С весны 1952 года начал работать на Минской железной дороге в качестве практиканта-весовщика. На станциях «Минск – Товарный» и «Минск – Восточный» проработал до июля 1954 года, откуда был уволен по сокращению штатов. Но, по складу своего характера, честности и добросовестности, Александр Юлианович не мог длительное время находится без дела. Он понимал, что несет ответственность, как глава семьи, перед женой и маленькими детьми, перед обществом. Буквально на следующий день он начал трудиться слесарем в небольшой артели “Красный Штамповщик”, которая со временем стала Дзержинским механическим заводом. Здесь Александр Юлианович проработал до весны 1963 года. В мае 1964 г. вступил в КПСС.

В течение нескольких месяцев 1963 г. работал товароведом в одной из организаций г. Дзержинска. Работая в этой должности, у Александра Юлиановича произошел не совсем приятный поворот в его, до этого, чистой и безупречной биографии. Органами милиции в организации были вскрыты нарушения финансового характера. Несколько человек привлекли к уголовной и административной ответственности. Как материально ответственное лицо, попал под эту “раздачу” и А.Ю. Баранов. Его наказали исправработами на 3 месяца. Александр Юлианович стал работать рабочим на лесопилке.

Потом до 23 октября 1967 г. работал снова на Дзержинском механическом заводе. С 11 декабря 1967 г. стал работать в Передвижной механизированной колонне №22 (ПМК-22) г. Дзержинска в качестве рабочего в отделе снабжения. После этого, до октября 1974 г., работал в должности заведующего центральным складом ПМК-22. 7 июля 1975 г. из ПМК-22 уволился по собственному желанию.

С 14.07.1975 г. начал трудиться старшим товароведом в автобазе №15 г. Дзержинска Миноблвавтотреста. Потом работал раздатчиком нефтепродуктов. 23 марта уволился по собственному желанию.

С марта 1977 г. вернулся на Дзержинский механический завод и стал работать мастером, где и проработал до 11 апреля 1979 г., когда был уволен в связи с уходом на пенсию.

Но не смог сидеть “сиднем” дома ветеран войны и труда. Уже с августа 1979 г. он продолжил свою трудовую деятельность старшим механиком автоколонны МПМК-86 г. Дзержинска, где проработал до мая 1980 года,

после чего уволился. С ноября 1982 года начал работать завхозом СШ №2 г. Дзержинска. Уволившись в августе 1986 г., находился на пенсии.

Где бы ни проходила трудовая деятельность Александра Юлиановича, он всюду работал честно и добросовестно. Об этом говорят записи о поощрениях в его трудовой книжке. За хорошие показатели в работе по выполнению производственных планов, примерную трудовую дисциплину и за изобретательство А.Ю. Баранову 12 раз выносилась благодарность руководством организаций и предприятий, где он трудился. 19 раз он награждался премиями, 1 раз награждался Почетной грамотой. В 1965 году в числе лучших работников его фамилия помещена на Доску Почета Дзержинского механического завода.

Александр Юлианович после войны женился, вместе с женой вырастил двоих детей – сына Игоря и дочь Анну. Они стали достойными людьми. Своему отцу, после его смерти, Игорь посвятил стихотворение:

*Рожден был ты в апреле довоенном,
Мальчишкою ушел ты воевать.
И рвался в бой, и не был пленным,
Всех братьев взяв с собой, оставив мать.*

*Там на войне характер закалялся,
Чуть-чуть не так, и не было б тебя.
Но слава Богу – жив остался,
С войны пришел медалями звеня.*

*А после – свадьба, жены, дети...
Планировал и строил ты судьбу.
Хотел любви, как все на свете,
Искал свою заветную звезду.*

*Прошли года, тебя не стало...
Как быстро ты ушел, отец.
Так провели мы время мало,
И жизни наступил конец.*

*Среди людей мелькает шапочка,
Та, что ты любил носить.
Нет, то чужой, это не папочка,
Время не подвластно изменить.*

Август 2009 г.

Это стихотворение, может, не совсем написано профессионально, но зато честно и от души.

За самоотверженность и героизм в Великой Отечественной войне А.Ю. Баранов был награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, двумя медалями «Партизану Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» I и II степеней, медалью «За победу над Германией»; юбилейными: орденом Отечественной войны I степени (золотым), 15-ю медалями и знаком «Ветеран войны» в честь 55-й годовщины победы в Великой Отечественной войне.

Прожив 85 лет, Александр Юлианович Баранов 23 июля 2009 года умер. Похоронен он рядом со своими братьями на городском кладбище г. Дзержинска.

Примечания.

1. Партизаны, партизаны... Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 165.
2. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 275, 276.
3. Там же, с. 279.
4. Там же, с. 316.

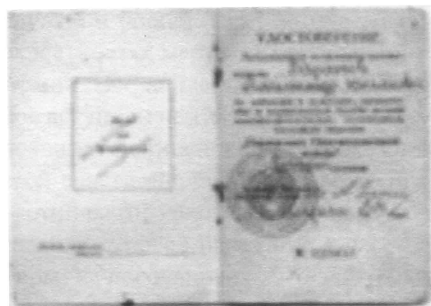
Баранов А.Ю. на праздновании дня Победы.

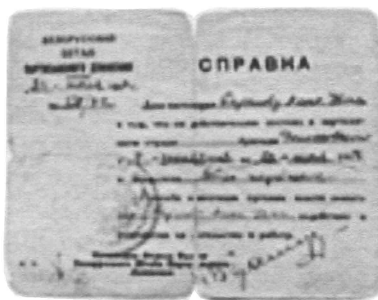
Баранов А.Ю. после войны.

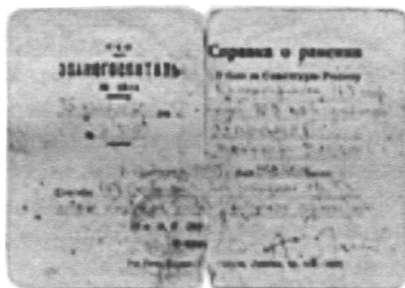
Баранов А.Ю. с женой Ниной Николаевной и детьми: Игорем и Аней, 1966 г.

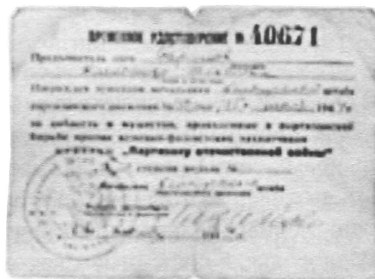
Удостоверение Баранова А.Ю. к медали «Партизану Отечественной войны 1941-1945 гг. 2-й степени».

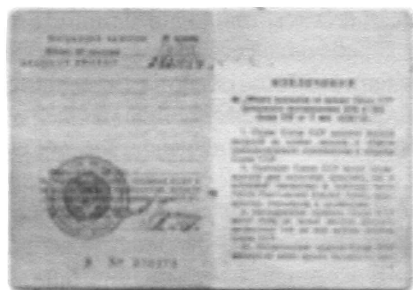
Справка из Центрального штаба партизанского движения на имя Баранова А.Ю.

Справка из эвакогоспиталя о ранении Баранова А.Ю.

Временное удостоверение о награждении Баранова А.Ю. медалью «Партизану Отечественной войны 1941-1945 гг. 1-й степени».

Удостоверение Баранова А.Ю. к орденам Красной Звезды и Славы 3-й степени.

Глава 12
Баранов Семен Юлианович
05.03.1927 – 14.08.2007 гг.

*Всякий мужественный, всякий
правдивый человек приносит
честь своей родине.*

Р. Роллан

В марте 1927 года в семье Юлиана Иосифовича и Дарьи Григорьевны Барановых родился четвертый сын. Назвали его Семеном. Время конца 20-х годов было тяжелое, голодное. До этого из всех родившихся детей Барановых, двое умерли от разных болезней. Поэтому, родители не знали того, выживет этот хлопчик в этом голодном мире или нет. Мать изо дня в день молилась, просила Бога, чтобы он сохранил жизнь младенцу, дал ему здоровья, а она с отцом как-нибудь вырастит его, поставит на ноги. Помогли те молитвы или нет, осталось неизвестным, но мальчик выжил и присоединился к своим живым старшим братьям.

Детство Семена ничем не отличалось от детства его братьев или других местечковых детей. С малого возраста родители стали его приучать к разным работам на приусадебном участке. Ему приходилось помогать матери в прополке огорода, пасти овец, гусей, а когда подрос, то и уличное стадо коров. Через все эти занятия и работы, в свое время, прошли и его старшие братья. Для деревенской жизни это было обычным явлением, так жили все вокруг. Как и все песочанские дети Семен учился в школе. До начала войны он успел закончить 6 классов. Когда началась война Семену исполнилось 14 лет. В один миг для этого подростка, так же как и для его сверстников, детство закончилось. Началось быстрое взросление, которое происходит с подростком только тогда, когда начинается война и в родной дом приходит беда и горе. К тому времени старших братьев Николая и Ивана уже давно не было дома. Они проходили службу в Красной Армии. Старшим братом на тот момент был Александр. В первые дни войны многие юноши и подростки Песочного начали собирать

оружие и боеприпасы, которое было брошено в большом количестве в окрестностях местечка отступающими бойцами и командирами Красной Армии. Все найденное надежно пряталось. 27 июня 1941 года в Песочное вступили немцы. Вскоре повсюду была установлена немецкая власть, появился полицейский участок. Одним из многочисленных требований этой власти явилось сдача всего огнестрельного оружия, в том числе и охотничьего, находящегося на руках у населения. За хранение оружия грозило суровое наказание – расстрел. Но, несмотря на такие жестокие меры, из песочанских жителей только единицы сдали винтовки, ружья и патроны. Многие молодые люди из Песочного и не собирались сдавать оружие, потому что думали, как начинать борьбу с врагом. К таким жителям местечка относились и братья Александр и Семен Барановы.

В страхе, тревоге и неопределенности прошло лето и осень 1941 года. Казалось, местечко замерло, затаилось в ожидании чего-то. Среди людей наблюдалась растерянность от беды, внезапно обрушившейся на страну, на весь белорусский народ. Но это затишье длилось недолго. Еще с лета 1941 года по деревням и районам Восточной Беларуси распространились слухи о появлении партизанских групп и отрядов. Они нападали на оккупантов, убивали их, отбирали награбленное имущество, продольствие и возвращали его мирному населению. Знали об этих слухах и в семье Барановых. Но Саше и Семену приходилось выжидать. К тому времени стало известно, что в местечке действует подпольная группа, которая распространяет листовки, написанные от руки. В них сообщалось о положении на фронте, о лживой немецкой пропаганде, о том, что Москва не сдана гитлеровцам, Красная Армия не разбита, а сражается с немецкими захватчиками и скоро погонит с советской земли ненавистного врага.

Положение в семье Барановых изменилось после того как в конце осени 1941 года неожиданно в доме появился их старший брат Николай, командир-артиллерист, попавший в окружение и пришедший в родные места. Вскоре Николай вошел в подпольную группу, которой руководил политработник Красной Армии, окруженец Иван Савелов. Николай стал выполнять его поручения по сбору сведений о немцах и полициях, размножению и расклеиванию листовок. Вскоре к этой работе старший брат привлек и младших – Александра и Семена.

Весной 1942 года Николай ушел в партизаны. За ним последовал через некоторое время и Александр. Дома с родителями из братьев остался только Семен. Но он не сидел сложа руки. По заданию старшего брата Николая, он собирал сведения о противнике, оружие и все передавал партизанам. Семен, время от времени, ходил по близлежащим деревням и собирал информацию о немецко-полицейских гарнизонах. По словам его сына Ва-

лентина Семеновича: “... за отцом охотились полицаи. Однажды его выследили и схватили, но партизаны-разведчики прикрывали своего связного. Они отбили его у полицаев, и тем самым спасли от истязаний и расправы”.

В партизаны Семен ушел осенью 1943 года, когда старший брат Николай уже командовал партизанской бригадой им. К.К. Рокоссовского. Семен любил лошадей, умел с ними обращаться и был хорошим наездником. Поэтому его назначили ординарцем к комбригу. “Кто такой ординарец?” – спросит кто-нибудь. Здесь нужно отметить, что ординарец – это не “принеси-подай”. Во время войны ординарцы партизанских командиров выполняли широкий круг обязанностей. Они не только оказывали помощь своему командиру в вопросах быта, приема пищи, но и осуществляли роль связных между партизанскими отрядами, перевозили устные и письменные приказания партизанского командования, всегда и везде сопровождали своего командира, обеспечивая ему охрану. Нередко ординарцу приходилось вступать и в открытый бой с врагом. Этот человек должен был быть смелым и расторопным партизаном. Ординарцы являлись особо доверенными людьми командира. Таким и был Семен Баранов. В 1982 г. поэт Рыгор Бородулин написал стихотворение “Купае партызан каня”, которое посвятил молодым белорусским партизанам, таким, каким был во время войны Семен Баранов:

*Спакой хавае глыбіня.
Хвіліна зацішы скупая.
Вясёла партызан купае
Свайго гарачага каня.*

*І юнаку і скакуну
Нязвычайна хораша абодвум
Абдаць спакоем
Перад боем
Спатнелай рызыкi спіну.*

*Сляпяя жмурыцца бяда.
Трывога адусюль цікуе.
Ў хвіліну вольную такую
Сабой любуецца вада.*

*Славянскі даўнінай сівой
І партызанскі звычай гэты:
Памыўшыся, сустрэць свой бой,
Згадаўшы продкавы прыкметы.*

*Ці пад канём ці на кані –
Лёс вынесе прысуд цвярозы,
І, крылы абпаліўшы, крозы
Імкнуцца ў неба чысціні.*

*І неўзабаве цішыня
Закрывае немым енкам.
Нібы ў маленстве даваенным,
Купае партызан каня...¹*

Шестнадцатилетнему пареньку приходилось участвовать во многих партизанских операциях и боях, пока не пришел долгожданный день освобождения. После освобождения Дзержинского района войсками Красной Армии, Семен Юлианович, вместе со своими старшими братьями Николаем и Александром, прошел в праздничной колонне бригады им. К.К. Рокоссовского на партизанском параде 16 июля 1944 года на ипподроме г. Минска.

Но на этом военная служба для Семена не закончилась. В декабре 1944 года его призвали в ряды Красной Армии. 25 декабря он принял военную присягу. Семен попал в снайперскую школу, учился этому важному и мудрому делу, но полученные навыки не пригодились. Его воинская часть не принимала участия в боевых действиях на фронте.

Через некоторое время Семен Юлианович познакомился с девушкой Марией. Они полюбили друг друга и вскоре она стала его женой.

Воинскую часть Семена перевели на Украину, в г. Днепродзержинск, где он продолжил свою службу. До октября 1950 года службу проходил на должностях рядового и сержантского состава. С октября 1950 и до февраля 1952 года служил командиром взвода. В 1952 году Семена Юлиановича, как имеющего только начальное образование, направили для учебы на 7-ми месячные окружные курсы усовершенствования офицерского состава при Белорусском военном округе. После курсов ему было присвоено воинское звание “лейтенант”. 26 февраля 1954 г. он был уволен в запас.

С 22 мая 1954 г. Семен Юлианович стал работать помощником налогового инспектора Днепровского райфинотдела г. Днепродзержинска. На этой должности он проработал до конца декабря 1955 года. С 10 января 1956 г. проходил службу в военной строительной организации, откуда был уволен по сокращению штатов в августе 1956 года.

Вскоре после этого вернулся на родину в Беларусь, где в г. Дзержинске, Минской области проживали его родители, братья и сестра. С 19 мая начал работать заведующим сельскохозяйственным участком Дзержин-

ской опытной станции. В июне 1958 г. уволился. С апреля 1959 г. трудовую деятельность продолжил слесарем в районной тракторной станции. С марта 1962 г. начал трудиться слесарем Дзержинского механического завода. С марта 1965 г. там же на заводе стал работать товароведом группы снабжения. На этом предприятии проработал до января 1967 г., после чего уволился по собственному желанию.

В 1965 году поступил и в 1969г. закончил Марьиногорский сельскохозяйственный техникум, получив специальность агронома.

В октябре 1969 г. снова вернулся на Дзержинский механический завод и работал бригадиром погрузочно-разгрузочной бригады. В этой должности Семен Юлианович трудился до июня 1970 года, после чего уволился по собственному желанию.

С 1971 года трудовая деятельность С. Ю. Баранова связана с Сибирью. В январе 1971 г. он приехал в Оймяконский район Якутской АССР, где на разных должностях проработал до февраля 1988 года, когда ушел на пенсию. В Якутии Семен Юлианович начал работать учеником слесаря по ремонту горного оборудования. В течение некоторого времени трудился в совхозе “Дружба”, затем грузчиком, экспедитором в Индигирском продснабе.

В течение восьми лет, до ухода на пенсию, работал учеником промывщика, затем кладовщиком-раздатчиком в артели “Западная” прииска “Маршальский”.

Везде и всегда Семен Юлианович честно и добросовестно трудился. За время работы в Сибири имел шесть благодарственных записей в трудовой книжке, награждался ценными подарками и денежными премиями.

За партизанскую деятельность в годы Великой Отечественной войны Семен Юлианович в 1965 году был награжден медалью “За отвагу” и юбилейной медалью “Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” В 1985 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года в связи с 40-летием победы в Великой Отечественной войне С.Ю. Баранов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Знак “Ветеран войны 1941-1945 гг.” ему вручили, когда он находился в Якутской АССР. Кроме вышеназванных наград был награжден еще 9-ю юбилейными медалями.

За добросовестный многолетний труд его наградили медалью “Ветеран труда”.

Вместе с женой Марией Иосифовной вырастили двоих сыновей – Анатолия и Валентина. Сын Валентин Семенович, отслужив в рядах Советской Армии, в 1976 г. женился на дочери партизана бригады им. К.К. Рокоссовского Станислава Войтеховича Галине, учительнице английско-

го языка. Вместе вырастили и воспитали троих детей: Ольгу, 1975 г. р., старшего преподавателя Белорусской Академии музыки, лаурета многих международных музыкальных конкурсов; Юлию, пианистку, преподавателя Белорусской Академии музыки, лаурета конкурсов; Татьяну, которая закончила колледж, Белорусский университет культуры, владеет двумя иностранными языками, работает в областной библиотеке им. А.С. Пушкина.

Таким героям войны, партизанам и фронтовикам, какими были братья Барановы в 1944 г. посвятил стихотворение “Верш пра медаль” белорусский поэт Пятро Глебка:

*Аб нашых смелых справах,
Таварыш партызан,
Ідзе над светам слава
За мора-акіяп.*

*І хоць мы тоім самі,
Ды што там ні кажы,
Прыемна, што вякамі
Наш подзвіг будзе жыць.*

*Здабудзем перамогу
І прыйдзем, ты і я,
Да роднага парогу,
Дзе нашая сям'я.*

*І ўсе адразу ўцямяць:
Былі хлапцы ў баях –
У кожнага, як памяць,
Медалі на грудзях.*

*Не будзе нават п'яны.
Пытацца: - Хто яны? –
Відаць, што партызаны
Айчыннае вайны...*

*Яны краіне славу
Кавалі так, як сталь,
І ў кожнага па праву
Сярэбраны медаль.²*

Тогда, весной 1945 г., в самом конце войны с фашистской Германией погибать никому не хотелось – и погибали. Но братьям Барановым повезло – все четверо остались живы. Мир все же пришел на исстрадавшуюся землю. Он не мог не прийти, как не могла не прийти весна.

Их мать Дарья Григорьевна Баранова встретила своих сыновей с победой. А сколько слез она выплакала за четыре немислимо длинных года войны, как ждала и как боялась прихода партизанских командиров с недоброй вестью о сыновьях-партизанах, а потом, после освобождения из-под оккупации – почтальона – что принесет он: треугольник солдатского письма или похоронку? И вот счастье – вернулись, войне конец...

Вот такими были братья Барановы – верными, надежными, добрыми, честными. Люди, бывшие на войне, о таких как они, говорят: “Я бы с ним пошел в разведку”. Эти очень известные и понятные каждому из нас слова – высшая оценка человека. Все четыре брата Барановы похоронены на одном и том же городском кладбище г. Дзержинска. Земля Дзержинщины стала их последним местом упокоения. Они легли в родную землю, которую так любили и защищали во время войны, не щадя своей крови и здоровья, прожив долгие жизни. Она их приняла в свои пуховые объятия, благодарная за их отношение к ней, как принимает мать в родном доме долго отсутствовавших своих детей. Спите спокойно песочанские герои, белорусские богатыри. Вечная вам слава, и вечный покой.

Примечания.

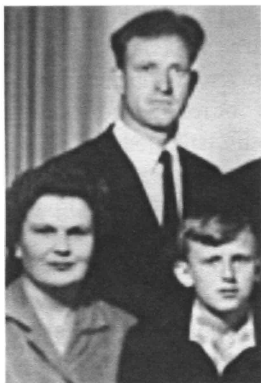
1. Партизаны, партизаны... Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 270, 271.
2. Там же, с. 145, 146.

*Баранов С.Ю. с женой
Марией Иосифовной,
50-е гг. 20 ст.*

Братья Барановы (слева на право): Иван и Семен, 1944 г.

*Баранов С.Ю. с
женой Марией
Иосифовной и сыном
Валентином.*

*Сын Баранова С.Ю.
Валентин Семенович.*

Глава 13. Наследие Великой Победы.

Такого сражения, когда огромный фронт почти целиком вступил в огромный (260 тыс. домов) город, в истории человечества никогда не было. Немцы яростно сопротивлялись и стояли насмерть. Сравнить их сопротивление можно только с нашим, когда мы защищали Москву и Сталинград. Но, несмотря на это, 1 мая 1945 г. воины Красной Армии штурмом овладели рейхстагом полностью. В 6 часов 30 минут 2 мая 1945 г. генерал Вейдлинг, командовавший обороной Берлина, сдался в плен. Он отдал приказ войскам о прекращении сопротивления. С середины дня 2 мая 1945 г. гитлеровцы прекратили оборону Берлина. Необходимо заметить, что Берлинская операция была проведена в кратчайший срок. За Москву и Сталинград войска Красной Армии сражались несколько месяцев. Берлин же был взят за 9 дней! 21 апреля советские войска ворвались на окраины Берлина, а в 21 час 50 минут 30 апреля сержант Егоров и младший сержант Кантария водрузили Знамя на рейхстаге.

Умелыми совместными действиями войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов ликвидировали и окруженные группировки гитлеровцев юго-восточнее Берлина. В этот же день в Москве были произведены два победных салюта: первый – в честь двух советских военачальников – Жукова и Конева, был дан в 21 час из 224 орудий; второй – по случаю взятия Берлина, прозвучал в 23 часа 30 минут, на этот раз из 324 орудий. В истории Великой Отечественной войны это был первый салют из такого количества орудий.

Писатель В.В. Карпов, окопный лейтенант, видевший войну “во всей своей красе”, снаружи и изнутри, в своей книге “Генералиссимус” отмечал: “... Гитлеровская армия, претендовавшая на власть над всем миром, дошла до последних степеней деградации. Это состояние можно отчетливо разглядеть в той картине, которую увидел личный шофер фюрера эсэсовец Эрих Кемпка, выйдя из бункера, где он находился последнее время вместе с ближайшим окружением фюрера: “... Глазам нашим представилась потрясающая картина. Смертельно усталые солдаты, раненые, о которых никто не заботился, и беженцы, лежали у стен, на ступеньках лестниц, на платформе. Большинство этих людей уже потеряло всякую надежду на бегство и было безучастно ко всему происходящему”. Каков итог: под заборами, под стенами, на асфальте лежат и солдаты и беженцы – то есть те, кто когда-то стройными, четкими рядами шел, сверкая алчными глазами, на Восток, и те, кто, вытягивая вверх руку в фашистском приветствии, неистово раздирали рты в крике “Хайль!” Когда-то они мечтали о восточных землях, о большой добыче, а теперь “потеряли всякую надежду на бегство”. Уже и бежать некуда! Полный крах всех планов, всех намерений, всех иллюзий, всех претензий, вообще всего!”¹

Рейхстаг – огромное здание, брал со своим полком Герой Советского Союза полковник Зинченко, который, после его взятия, стал его комендантом. Впоследствии он рассказывал: “Бои за рейхстаг были очень тяжелыми, и на подступах и в самом здании. Оно огромное, сюда несколько тысяч гитлеровцев сбилось. Спротивлялись отчаянно. Бои шли на этажах и в подвалах. Кантария и Егоров со знаменем тоже расчищали себе дорогу огнем из автоматов”...²

По словам Зинченко, еще в здании шла стрельба, а советские солдаты и командиры стали расписываться на стенах рейхстага. Вначале расписывались внизу, потом начали подниматься выше, вставали друг другу на плечи. С помощью лестниц, принесенных из подвала, подписями расписали все здание до самых карнизов. На одной из стен свою фамилию оставил и командующий 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жуков. Если бы не тяжелое ранение, полученное 28 апреля, возможно на рейхстаге появилась бы и фамилия старшины Ивана Баранова.

В конце 60-х гг., во время капитального ремонта, многие росписи, в том числе и Жукова, были затерты. Да, немцы хотели бы отправить в небытие те славные имена представителей великого советского народа, повергнувших в прах фашистскую Германию в 1945 г., тем самым хотя бы частично скрыть свой великий позор, но, несмотря на это, мы – потомки, никогда не забудем этих имен. Немцы посчитали, что если стереть имена наших воинов-освободителей, так они этим скроют от мира и от

нас этот факт в нашей славной истории. Но они ошибаются. О наших солдатах-победителях, дедах и отцах, взявших с боем Берлин и рейхстаг – главный символ гитлеровской Германии, мы будем помнить вечно. Будем помнить и в устных рассказах, и в прозе, и в поэзии. Например, в таких стихотворениях, как “Ремонт рейхстага”, которое когда-то написал Расул Гамзатов:

*Под сенью собственного флага
На стенах взятого рейхстага
Мы начертали письма:
“Конец войне!”, “Победа!”,
“Слава тебе, Советская держава!”
А рядом – наши имена.
Перед грядущими веками
Мы начертали их штыками,
Когда окончили поход.
И слез не прячут ветераны,
Подняв не рюмки, а стаканы,
Вернувшись в сорок пятый год.
Но лег рубеж в самом Берлине,
И на заречной половине
Отремонтирован рейхстаг.
Велась работа быстротечно,
И не без умысла, конечно,
Осуществлялся этот шаг.
Хоть камень крепче чем бумага,
Был дан приказ: со стен рейхстага
Стереть автографы солдат.
Притом в заносчивой гордыне
Решили в Западном Берлине
И время повернуть назад.
Но время не переупрямить,
И сохранит людская память,
А с ней свободная молва,
Какие были на рейхстаге
Начертаны рукой отваги
Неистребимые слова.³*

7 мая 1945 года в 2 часа 40 минут по средневропейскому времени в Реймсе был подписан Акт о капитуляции Германии, в соответствии

с которым немцы прекращают всякое сопротивление с 23 часов 8 мая. Инициатором немедленного подписания этого документа был генерал американской армии, главнокомандующий союзными войсками в Европе Дуайт Эйзенхауэр.

На это “хитрое” действие союзников немедленно отреагировал И.В. Сталин. В этот же день, 7 мая, он позвонил Г.К. Жукову и между ними состоялся следующий разговор:

– Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск. Я не согласился и с тем, что акт капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главного командования советских войск назначаетесь вы. Завтра к вам придет Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части.⁴

Подписание акта о военной капитуляции германских вооруженных сил произошло 8 мая 1945 г. в предместье Берлина Карлсхорсте в помещении столовой инженерного училища. От имени Германского Верховного командования акт подписали Кейтель, Фридебург, Штумпф. По уполномочию Верховного Главного командования Красной Армии свою подпись поставил Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, а по уполномочию Верховного Командующего Экспедиционными силами Союзников Главный Маршал Авиации Теддер.

Благодаря мужеству и героизму советского солдата для европейских народов завершилась длившаяся почти шесть лет Вторая мировая война. Страны Европы получили свободу и независимость, возможность самостоятельно определять свой путь развития.

С того незабываемого дня прошло 70 лет. 30 апреля 2015 г. с обращением “Не забывать уроки прошлого” к гражданам Беларуси и России обратился Совет Парламентского собрания Союза Беларуси и России. В нем говорилось:

“ Уважаемые граждане Беларуси и России!

9 Мая мы празднуем 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Для каждого из нас День Победы стал священной датой, одним из наиболее значимых событий мировой истории. Именно

в этот день мы с особой остротой осознаем, как важно уметь отстаивать интересы своего Отечества, защищать его от любых посягательств.

Празднуя День Победы, мы отдаем дань уважения тем людям, для которых понятие патриотизма было исполнено высшего смысла и которые не пожалели своих жизней ради свободы и независимости Родины. Мы помним, что Победа стала возможной во многом благодаря нерушимой дружбе народов Советского Союза – дружбе, которой наши страны остаются верны и поныне.

Жертвы Беларуси и России в этой войне исчисляются миллионами жизней, поэтому мы не можем спокойно относиться к кощунственному желанию осквернить светлую память павших и одновременно – реабилитировать нацистских преступников.

Наш священный долг перед всеми отдавшими жизнь и всеми ныне живущими участниками Великой Отечественной войны – не только хранить память об их подвиге, но и отстаивать историческую правду и твердо противостоять попыткам переписать историю.

Мы, депутаты Парламентского собрания Беларуси и России, как полномочные представители своих народов, призываем всех граждан Беларуси и России не забывать уроки прошлого, чтобы не обрекать себя на их повторение, не мириться с попытками героизации нацизма, всеми силами защищать правду о минувшей войне. В этом – залог прочного и стабильного мира на нашей планете, безопасности нашего общего дома.

С праздником Великой Победы вас, дорогие друзья!”⁵⁵

Тысячи памятников и монументов, увековечивших славу погибших советских солдат за свободу своей Родины и других народов, стоят на огромных просторах бывшего СССР и Европы. Но, пожалуй, самый известный и большой из них – это памятник в Берлинском Трептов-парке архитектора Е.В. Вучетича. Интересна история создания этого памятника. В 1949 г. в Москве, в ЦК ВКП(б), был создан специальный комитет под председательством Н. М. Шверника, который стал заниматься вопросами празднования 70-летия Сталина. Этим комитетом было принято много решений по поводу знаменательной даты. Одним из таких решений стало строительство памятника в Берлине в честь Победы над Германией. Объявили конкурс на проект. После того как были отобраны наиболее перспективные работы, ознакомиться с ними пригласили И.В. Сталина. Вот как это описано у писателя В. Карпова в его книге “Генералиссимус”: “... Сталин обошел и внимательно осмотрел все макеты. Большинство из них представляли вариации фигуры Верховного Главнокомандующего, что казалось естественным, как бы обобщающим итог войны.

Сталин посмотрел на скульпторов, в его взгляде многие уловили иронию, чему очень удивлялись.

Сталин спросил, показав жестом на проекты:

— А не надоел вам этот усатый?

Скульпторы были просто ошарашены. Не посмели даже засмеяться. Молчали. Сталин увидел у Вучетича фигуру солдата с девочкой на руке. Подошел, присмотрелся и молвил:

— Вот это то, что надо. — Помолчал. — Только автомат уберите и вложите в руки карающий меч...

На том и порешили. И стоит солдат в Берлине по сей день с “карающим мечом Сталина” в могучей руке, с разбитой свастикой у ног и девочкой, прильнувшей к груди избавителя, символизирующей спасенные народы Европы и их вольное будущее”.⁶ Этот памятник не позволяет никому забывать вехи слова князя Древней Руси Александра Ярославича Невского: “Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет!”

Для нас, сегодня живущих, этот памятник солдату-освободителю – символ нашей Великой Победы. В Трептов-парке, где находится мемориал павшим советским воинам, всегда многолюдно. Туристы со всех континентов Земли посещают этот мемориал. Это один из старейших (создан в 1876 – 1888 гг.) парков Берлина. Кроме Тиргартена и Трептова в Берлине есть еще Панков-парк, там захоронены почти 13 тысяч человек. Надо сказать, что они никогда не были и не могли быть частью немецкой души. А наша душа болит и сегодня, и будет болеть еще долго, а может, и всегда, за всех тех наших, которые легли в сырую землю ради нас в Германии и в других странах Европы.

Сегодня на Западе наши политические противники говорят о солдатах Красной Армии Советского Союза 40-х гг. 20 ст. как о жестоких варварах, ворвавшихся в Европу, совершавших преступления против ее народов, особенно в Германии, и принесших им коммунистическое поражение. Что на это можно и нужно ответить этим господам? Придется им кое-что напомнить, если у них такая короткая память.

Необходимо сказать, что война, сама по себе, как явление, есть одно сплошное преступление с точки зрения человеческой морали. Всегда во время ведения войн страдало и страдает гражданское население. Это было, есть и, наверное, пока еще будет на планете Земля. Как бы нам не хотелось, но пока работает принцип: “лес рубят – щепки летят”. И пока что человечество изменить это не может.

Нужно признать, что несмотря на принимаемые меры командованием Красной Армии, случаи жестокого обращения советских солдат с гражданским населением Германии в 1945 г. имели место, но они не но-

силы массового характера. Речь может идти об отдельных случаях. Как говорят: “в семье не без урода”. Наверное, не стоит теперь нам строго судить наших дедов за какие-то неправильные действия на территории Германии, даже если они носили криминальный характер. Когда-то в старину говорили: “Даже самый грязный проступок, совершенный во имя Отчизны, не есть лихо”. И это мудро и правильно. Так нельзя сказать о военнослужащих гитлеровской Германии и их союзниках, которые на оккупированной советской территории совершали такие преступления, о которых и сегодня нельзя слушать без содрогания. То, что делали немецкие фашисты и их союзники на оккупированной территории Беларуси, Украины и России, не может идти ни в какое сравнение с тем, что совершили на территории Германии советские солдаты.

Раз уж разговор зашел о жестокости воюющих сторон на войне, можно остановиться на нем подробнее и разобраться “кто был кто” в той войне, и попытаемся ответить господам “западникам”. Акцентируем внимание читателя вот на чем. Как уже отмечалось выше, в Трептов-парке в Берлине стоит огромный монумент советскому солдату, бережно обнимающему немецкую девочку. Прообразом этого воина-освободителя стал рабочий Минского трансформаторного завода Лукьянович Трифон Андреевич, который 29 апреля 1945 г. во время тяжелого кровопролитного боя на одной из улиц Берлина спас немецкого ребенка ценой своей жизни. Хочется спросить у господ-“западников”, этот советский солдат, совершая свой благородный поступок, был жестоким славянином-варваром или человеком, воплотившем в себе самые лучшие черты солдата-освободителя, человека-героя, в минуты опасности для своей собственной жизни не спрятавшегося за стеной равнодушия, не струсившего, не утонувшего в болоте злобы и ненависти к немцам и спасшего немецкого ребенка? Задумайтесь, господа, почему он это сделал. Не знаете? Я вам скажу. Потому что этот белорус спасал не просто немецкую девочку, а маленького человека, голодного, обессиленного и беспомощного. В этом ребенке, прежде всего, он видел маленьких советских детей, пострадавших от войны, маленького человечка, остро нуждающегося в помощи. Несмотря на то, что в его мозгу и в ожесточившемся сердце вставали страшные картины войны, разрушений, бедствий, смертей, сожженных заживо в белорусских хатах, в концлагере Тростенец, таких же белорусских детей, стариков и женщин, он бросился спасать немецкого ребенка. В связи с этим очень правильны и справедливы следующие слова: “Не тот богатырь кто всех побеждает, а тот, кто в минуты ярости может сдерживать себя”.

Как вы, господа, думаете, что делали немецкие солдаты, когда в 1941 г. пришли в горящие и разрушенные Брест, Минск, Могилев, Смоленск, Киев, Вязьму, Орел, Брянск, Ельню, другие советские города, где по их улицам метались обезумевшие белорусские, русские, украинские матери и дети? Не знаете? Немецкие солдаты фюрера Гитлера спокойно в них стреляли, часто под пьяный хохот. И кто из этих двоих – советский солдат или немецкий – жестокий варвар? Спасший немецкого ребенка советский солдат или немецкий, убивший сотни тысяч советских детей? Очень даже могло быть, что отец той спасенной девочки был одним из тех жестоких фашистов, убивавших советских детей во время оккупации советских городов и деревень. И наш солдат, понимая и зная это, не смотря ни на что, бросается под огнем фашистов, соотечественников той девочки, готовых убить ее, и спасает ее. Так кто же здесь жестокий варвар, который выступает врагом человечества – советский солдат или гитлеровский? Ответ ясен, как “божий день”. Необходимо заметить, что случаи спасения советскими солдатами немецких детей во время военных действий на территории Германии в 1945 г. были не один, и не два, их произошло много. Следующий вопрос, господа. Может вы мне назовете подобный пример самопожертвования и совершения подобного подвига немецким солдатом при завоевании Европы и СССР, когда он также спас ребенка своего врага? Что, не можете назвать? И не назовете, потому что такого случая не было нигде и никогда.

А может в странах Европы, в Беларуси, Украине, России, где-нибудь установлен памятник гитлеровскому солдату? Полноте, господа, и не трудитесь думать. Нигде нет такого памятника гитлеровскому солдату-фашисту. Нигде! Говорят, где-то в Германии поставлен памятник немецкому солдату-дезертиру. Но ведь такого военнослужащего и солдатом-то трудно назвать. Наоборот, вся Европа, не говоря уже о республиках бывшего СССР, уставлена памятниками и монументами солдату Красной Армии, который освободил народы своей земли и европейские от фашистского порабощения. Такие памятники стоят в Берлине, Вене, Варшаве, Белграде, Софии, Будапеште и др. городах.

А может, господа, вы вспомните случай, когда немецкие солдаты из своих походных кухонь кормили безвозмездно советское население на захваченных территориях? Не трудитесь вспоминать, потому что не вспомните, ибо этого не было никогда. Это делали красноармейцы в захваченных городах Германии, особенно в разбитом Берлине. Об этом можно узнать подробнее, прочитав статью Д. Новоплянского “Освободители” в “Правде” за 27 марта 1975 г. “Жителям Берлина не забыть, как советские солдаты подкатывали к тротуарам свои походные кухни и рот-

ный повар – парень из сожженной смоленской деревни или растерзанного белорусского городка – раздавал голодающим берлинцам щи да кашу. Осиротевшие дети – бледные, испуганные – впервые за много дней досыта наедались. И тут же, на улицах, только что очищенных от гитлеровцев, беседовал с людьми военный комендант Берлина генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, командующий 5-й ударной армией. Еще гремели бои, а он жил бесконечными заботами о завтрашнем дне, ремонтом Траттендорфской электростанции, откуда сбежали инженеры, пуском Тагельского водопровода, нуждами пекарен, больниц, родильных домов.

– Скажите им, – просил комендант переводчика, – объясните, пусть не волнуются: советские воины не трогают мирных жителей...

По обочинам дорог двигались люди с котомками, чемоданами, самодельными тачками – они возвращались в столицу. Народ убедился, что победители не мстят, а дают хлеб, картофель, да еще столь любимую немцами чашку кофе.

Из многих районов, питавших города молоком, население бежало. Гитлеровцы уничтожили скот, а кое-где брошенные коровы бродили без присмотра. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление “О снабжении молоком детей города Берлина”. Пять районов обязаны были ежедневно поставлять 700 000 литров молока для выдачи детям. Из трофейного скота было передано молочным пунктам города 5000 дойных коров. Каждые пять дней ответственные лица докладывали военному совету, как снабжаются немецкие дети молоком. И вскоре принято было постановление № 0110 – за столицей закрепили еще четыре района...”⁷

Так кто же, господа, был жестоким варваром, изувером и убийцей? Советский солдат или гитлеровский? Немецкий солдат только грабил и убивал ни в чем не повинных советских людей, а советские солдаты на германской земле проявили нравственное превосходство над гитлеровцами, подлинную гуманность и благородство, спасая от голодной смерти немецкое гражданское население, да и пленных фашистских солдат. Так было не только в Германии, но и в других европейских странах. Наверное и это явилось одной из причин, что разбитая вдребезги Германия смогла быстро возродиться.

К сожалению, после окончания Великой Отечественной войны прошло всего 70 лет, а в Германии и почти во всех европейских странах забыли об этом. Забыли о нашей доброте, сострадательности, сопереживании к чужому горю, о нашей честности и порядочности, о стремлении жить в мире со всеми народами. Видно, забыли и о нашем характере, о душе, о гордости и непокорности врагам. Но это – наше счастье, а их – беда.

Сегодня приходится признать, что ту Великую Победу добытую нами

в 1945 г. в невероятных страданиях, сопровождавшихся десятками миллионов жертв граждан СССР, западные “ястребы” хотят у нас украсть. Они на всех уровнях стремятся принизить решающую роль советского народа в победе над европейским фашизмом, в разгроме главного фашистского государства – нацистской гитлеровской Германии, претендовавшего на мировое господство. В Европе и на американском континенте политики, историки, общественные деятели стараются отодвинуть Россию, Беларусь, Украину в тень истории, а себе забрать лавры победителей и в своих интересах переписать историю Второй мировой войны. Нам сегодня очень важно не соглашаться с этим, не смотреть на это безучастно, не позволять им это делать, а на всех уровнях раскрывать и бороться с этой западной ложью, отстаивать объективную правду о той войне. Это было отмечено и в выступлении Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на торжественном собрании, посвященном 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 8.05.2015 г.: “... В наших странах, образовавшихся на пепелище Советского Союза, появилась политическая шпана, решившая переписать страницы истории и Великой Отечественной войны под диктовку западных ревизионистов и местных националистов. Нашу молодежь пытаются убедить в том, что не фашисты пришли к нам с мечом, а мы развязали ту страшную войну. Героев Сопротивления, партизан называют бандитами, а пособников нацистов, полицаяв – патриотами. Эти так называемые “патриоты” жгли людей и их дома целыми деревнями и городами, насиловали женщин, убивали детей и стариков.

Никто не имеет права забывать суровую правду той войны! Тем более – чернить светлое имя воина-освободителя, кощунствовать над великими символами, глумиться над памятниками и воинскими захоронениями”⁸.

Мы, ныне живущие под мирным небом, не должны забывать о той войне, не должны забывать умерших и живущих ветеранов. Самое страшное, что мы можем совершить – это забыть. К сожалению, приходится констатировать, что мы научились забывать. Боль забвения – то, что нельзя вылечить никакими лекарствами. Сегодня мы – послевоенное поколение – преклоняем головы перед этими седыми ветеранами, мужественными и благородными людьми. Ах, как же их осталось мало ...

Мы – восточные славяне: русские, белорусы, украинцы, всегда стояли за родную землю, за правду и справедливость. Будем стоять и дальше. Нам не нужно забывать, что наша правда – в памяти. Память жива, пока помнят живые. У нас, у живых, если не станет памяти, не будет и жизни. Об этом нужно помнить всегда и тогда у нас будет все хорошо, или, хотя-бы, почти хорошо.

*И совесть беспокойная опять
Допытывается в часы ночные:
Скажи, неужто павших забывать
Мы начинаем, братья их живые?*

*Но если мы забудем их, тогда
Ни пакты не спасут, ни договоры
Весь этот мир и новая беда
Обрушится на города и горы.⁹*

Пользуясь случаем, на страницах этой книги мне хочется коснуться немного вопроса нашей духовности и патриотизма. Кто-то, возможно, подумает: “Как же это нам надоело, достало еще во времена КПСС, и это туда же!” Я понимаю таких читателей и на это отвечу так: “Кому не нравится, можете не читать”. Со своей стороны считаю, что об этом нужно говорить всегда и могу напомнить, что у нас получилось после развала Советского Союза. Тогда о патриотизме никто не говорил, а думал, как выжить, заработать денег и прокормить семью. Что из этого вышло, думаю, все знают. Хорошо, что вовремя спохватились.

Говоря о духовности в нашем обществе, необходимо помнить, что духовность у каждого своя, увлечения у каждого свои, и сравнивать их просто невозможно. Духовность – это субъективное понятие. Но я убежден, что настоящая духовность ведет человека к достижениям, дает силы преодолеть трудности, найти себя в этом сложном мире. Это давно доказано всем ходом жизни наших славных предков о которых мы помним всегда и сведения о которых черпаем из нашей истории. Трудно не согласится с Т. Сулимовой (“Деньги и духовность”. “СБ Беларусь сегодня”. 29.08.2014 г.), которая написала: “... Деньги и правда отличные веса. Честные. Но они всегда в настоящем. Им сегодняшнее подавай. Духовность вне времени. И чем там, на небесах, наши души измерят? Точно не деньгами”.¹⁰

Несколько слов еще о правдивости и объективности показа войны в книгах и кинофильмах.

Написав эти строки, я вспомнил великого русского писателя, фронтовика, Виктора Астафьева, который почти 30 лет назад написал: “... Я как увижу в современном театре или военном кино артистов с гривами, девиц с косами, разодетых в хромовые сапожки, под музыку вальса и танго танцующих или с ранением в живот исполняющих романс: “Ах не любил он, нет, не любил он...”, так мне хочется взять утюг и шархнуть им в телевизор. И ведь эта красивая, “киношная” война сделалась куда как

привычной и приятней для сердца и глаза, чем та, которая была на самом деле и о которой сняты серьезные фильмы. А вот “комедия о войне”... Хотя бы вслушались в дикость этих слов! Хотя бы почувствовали кощунство и глумливость их если не сердцем, то умом. Тысячи и тысячи людей в Ленинграде, в основном детей и стариков, умирали от мучительной, голодной смерти. Сотни тысяч пленных погибли в жутких фашистских концлагерях, муки мученические пережили наши беззаветные труженицы – сестры, матери и дочери, надорвавшиеся в тылу непосильным трудом, от многих ран в госпиталях и на поле боя погибли миллионы людей, раны у старых бойцов болят до сих пор и не дают им спать ночами, а тут – комедия! О войне! “Мы парни brave, brave, brave!..” А! Каково?!

Да ладно. Это комедия – комедией и задумана, но когда пытаются вроде бы всерьез поведать о войне, получается комедия с показом такого “героизма”, что война уж выглядит нелепым фарсом, – в таких “комедиях” запросто, “одной каской десять фрицев уложил” наш боец, да еще и песенки напевая, такой он насмешливый и неустрашимый, в таких “комедиях” драпают тучами ошалелые фашисты-статисты, крича по-рязански или по-вологодски: “Гитлер капут! Гитлер капут!”, в таких “комедиях” наши бойцы, будто с игрушками, расправляются с вражескими танками посредством гранат и зажигательных бутылок – зачем только и нужны тогда были нам артиллерия, авиация и танки? Лишние расходы!

В таких “комедиях” фанерные танки палят без устали, на ходу, хотя вам любой танкист, с подлинного танка, скажет, что это нелепость, что на ходу можно стрелять только сдуру и для испугу и попасть в цель можно лишь случайно, что после четырех-пяти выстрелов танк, даже новейший по тем временам, полон дыма и поэтому выстрелами, особенно первыми, когда все еще видно и кашель не забивает экипаж, надо дорожить и стрелять как можно точнее, иначе попадет самому.

Палят из автоматов и косят врагов, как траву, и столь метко и много палят, что в диске автомата должна быть, по крайней мере, тысяча патронов. Но в круглый диск автомата входило семьдесят с чем-то патронов, в “рожок” – сорок, в рожке и в диске были очень тугие пружины, и более пятидесяти патронов опытный боец в диск никогда не заряжал, иначе в самый опасный момент поставит патрон на попа или перекосит его; затвор в автомате был почти полностью открыт, и от попавшей в него земли и особенно песка, оружие это часто “заедало”. Автомат ППШ был мало-прицельным оружием “ближнего боя”, и “старички” – опытные солдаты, постреляв из него и попользовавшись им, постепенно перешли обратно на матушку-винтовку; мы, связисты, – на карабины – эти никогда не от

казывали... И прицельность у карабина такая, что в воробья-беднягу попадали за сто шагов.

Вот такая “комедия”. Между прочим, ни разу я не слышал, чтоб “зарубили” кино или книгу с шапкозакидательской войной. И сколько же приспособленцы всех мастей состряпали лжегероев, демагогов, военных кавалеров, красавчиков лейтенантов, миловидных игрунчиков, хохотуш-санструкторш и совершенно отрешенных от мира, насквозь героических и до того непреклонных радисток диверсионных и партизанских отрядов, что уже невольно начинаешь думать: слава тебе господи, судьбою обнесло – жена у меня не радистка, а обычный военный медик, сержант; душу ж леденит и сжимает от одного неустрашимого взгляда радистки-разведчицы”.¹²

Этот большой отрывок из воспоминаний ветерана войны В. Астафьева я вставил намеренно, чтобы читатель понял (или хотя бы попытался понять), с какой “правдой” о войне мы сталкиваемся ежедневно на экранах наших телевизоров и на широком формате. Если бы можно было показать этому человеку, прошедшему фронт, какой мутой о войне, доходящей зачастую до маразма, нас пичкают сегодня, то он десять раз перевернулся бы в гробу от ужаса и возмущения.

Когда-то была высказана мысль, что зрителей и читателей “перекормили” войной, что, мол, в книгах и кинофильмах нужно сделать крен к другим темам. Писать и снимать, например, о современниках, больше детективного жанра, православной литературы и т. д. И ведь крен был сделан. Но какой! После распада Советского Союза появилось изрядное количество низкопробных фильмов и таких же книг, направленных на скорейшее “отбитие бабок” и получение быстрой прибыли. Авторы этих произведений не думали ни о высоком художественном наполнении своих работ, ни о патриотизме, ни о нашей славянской душе, которой свойственны чувства правдивости, справедливости, сопереживания, гордости и любви за своего героя, ненависти к нашим врагам. В лихие 90-е годы это почти никого не интересовало, потому что перед глазами были только “марочки”, “еврики” и “господин доллар”. Наши потенциальные враги тогда только усмехались и потирали руки. Они отлично понимали к чему ведет человека, особенно подростка, молодежного возраста, потребление такой продукции, благо, они сами были превосходно с ней знакомы, потому что сами ее создавали (и сегодня создают). Эти западные идеологи и деятели от их так называемой “культуры” отлично знали и знают, что без знания прошлого невозможно успешное настоящее, как без настоящего не может быть будущего. Цель этих деятелей – лишить нас памяти – нашего основного ориентира в окружающем мире, потому

что она делает каждого из нас тем, кто мы есть – человеком. Потеряв память, человек теряет себя. Их цель – превратить нас в машин-роботов, без души, без чувств, без настоящей любви к своему ближнему и к Родине. В 90-е годы Западу это во многом удалось. Но мы вовремя спохватились, поняв простую истину, высказанную еще когда-то: “Тот, кто не помнит своего прошлого, будет осужден на то, чтобы пережить его вновь”. Мы поняли, что “будущее – в настоящем, также как и будущее – в прошлом. Это мы создаем его. И если оно плохо, в этом наша вина”, – говорил Анатоль Франс. Мы также помним и руководствуемся в своей жизни словами Н.Г. Чернышевского: “Все настоящее, хорошее приобретено борьбой и лишениями людей, готовивших его; и лучшее будущее должно готовиться точно также.”

О человеческой памяти, о том, кто мы есть, вспомнили вовремя и в России, потому, как уж очень настойчиво, открыто (хочется сказать “нахально и беспардонно”) европейские и американские деятели от политики и истории пытаются приписать себе главную роль в победе над фашизмом во Второй мировой войне и принизить в этом роль Советского Союза, роль многонационального советского народа, который вынес на своих плечах основную тяжесть той войны и победил фашистского зверя в его логове. Понятно, что у нас банально хотят украсть Великую Победу. Но мы никому не позволим этого сделать. Беларусь, вместе с великой Россией, встряхнулась, повсюду слышатся призывы активизировать работу по сохранению исторической правды о Великой Отечественной войне, подвиге наших народов, одержавших победу над “коричневой чумой”.

Работой по патриотическому воспитанию нашей молодежи, сохранению правды о Великой Отечественной войне в памяти народной занимается и Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., открывший двери своего нового здания во время празднования 70-й годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Эту почетную миссию музей выполняет с осени 1944 года. Да, он – ровесник того далекого и счастливого времени, когда на многострадальную белорусскую землю пришел долгожданный мир. Тогда, в разрушенном и сожженном дотла Минске, еще только разворачивались работы по восстановлению города, а музей уже начал свою благородную деятельность. И вот, уже более 70-ти лет этот музей несет правду людям всего мира о событиях Великой Отечественной и Второй мировой войн. Да, я здесь не оговорился, именно всего мира. За почти два года музей посетили многие граждане стран Европы, Южной и Северной Америки, Азии и Африки. В 2016 г. ожидается миллионный посетитель. Главы государств и правительств, известные деятели науки и культуры,

промышленники и бизнесмены являлись почетными гостями музея. Это видно из записей в книге посетителей музея.

8 мая 2015 г. на торжественном собрании, посвященном 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне Президент Беларуси А. Г. Лукашенко сказал: «Как дань глубочайшего уважения к тем, кто отдал свою жизнь во имя Отчизны, мы построили масштабный мемориальный музей Великой Отечественной войны, единственный в мире, бережно храним величественные памятники и скромные обелиски, уважаем, ухаживаем за могилами погибших». И это действительно так. Молодому поколению есть, что посмотреть и чему научиться в этом музее. В самом величественном и красивом месте музея – зале Победы принимают присягу молодые воины и курсанты учебных заведений Вооруженных Сил и иных силовых ведомств Республики Беларусь. Здесь школьники становятся пионерами. В дни государственных праздников проходят торжественные построения молодых воинов и ветеранов войны и труда. Вся деятельность музея направлена на то, чтобы помочь людям в определении главных жизненных ценностей.

В год 75-летия начала Великой Отечественной войны и в последующие годы музей ожидает напряженная работа с молодежью по воспитанию у нее чувства патриотизма и верности своей Родине.

Нет, никто не забыт, и ничто не забыто. На этом мы стояли и стоять будем.

В Положении о порядке увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн, утвержденном Советом Министров Республики Беларусь, подчеркивается, что уважительное отношение к памяти защитников Отечества является священным долгом всех граждан страны. Мы обязаны защищать эту память, давать жесткий отпор различного рода фальсификаторам истории. Только вместе с Россией и прогрессивными людьми всего мира мы можем решать благородные задачи сохранения священной правды о Великой Отечественной войне, преградить путь беспамятству, сохранить патриотическую и духовную стабильность в наших странах.

Примечания.

1. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 599.
2. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 607.
3. Гамзатов Р.Г. Стихи и поэмы. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 18, 19.
4. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 599.
5. “СБ Беларусь сегодня”. Союз/Беларусь-Россия. № 16 от 30.04. 2015. С. 2.

6. Карпов В.В. Генералиссимус. Москва: Вече, 2013. С. 737.
7. Великая Отечественная в письмах. Москва: Политическая литература, 1982. С. 287, 288.
8. Лукашенко А.Г. Вечный огонь. СБ Беларусь сегодня от 8.05.2015. С. 2.
9. Гамзатов Р.Г. Стихи и поэмы. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1979. С. 346.
10. Сулимова Т. Деньги и духовность. СБ Беларусь сегодня от 29.08.2014. С. 13.
11. Овсепьян И. Свойства нашей психики. СБ Беларусь сегодня от 8.08.2014. С. 3.
12. Имя его известно. Сборник. Астафьев В. Там, в окопах. Воспоминания солдата. Москва: Современник, 1987. С. 269, 270.

Заключение.

О ужасающих человеческих потерях во время Второй мировой войны говорит то, что если бы минута молчания была объявлена на всей Земле по каждому из погибших, мир замолчал бы на 50 лет. (Из программы “Слово за слово” за 6. 05. 2015 г.). Кем-то из ученых подсчитано, что после 1945 г. на Земле произошло более 160 малых войн. Это говорит о том, что для человечества Земли Вторая мировая война не послужила уроком. Люди продолжают методично уничтожать друг друга и все ближе подходят к той черте, перешагнув которую, возврата уже не будет, потому что они исчезнут. Жаль, но войны их ничему не учат.

9 мая 2015 г. народы бывшего СССР отпраздновали 70-ю годовщину Великой Победы над гитлеровским фашизмом. Это явилось важнейшим событием в нашей новейшей истории. Праздничные парады прошли в столице Российской Федерации Москве, Республики Беларусь Минске, во всех городах обеих стран. Выступая на параде войск Минского гарнизона в ознаменование 70-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отметил: “... В великий, светлый, победный майский день многим казалось: война никогда не вернется. Но новые времена не принесли человечеству избавления от войн. Сегодня мы видим: трагические уроки войны забыты. Вновь торжествует не сила права, а право силы. Вновь рвутся снаряды, полыхают пожары и гибнут люди. И мир, и Европа приближаются к опасной черте. И сейчас, как никогда, важно помнить уроки

Великой Отечественной. Помнить об этих уроках должны и политики, и руководители, и народы. Важнейший из этих уроков таков: нет ничего ценнее мира. И никакие амбиции, никакие расчеты, никакие интересы не стоят того, чтобы приносить им в жертву человеческие жизни. Всем нынешним политическим лидерам, несомненно, будет полезен мудрый опыт руководителей стран антигитлеровской коалиции. Они сумели преодолеть непримиримые идейные разногласия и вместе победили фашизм”. (“СБ Беларусь сегодня”. “Мир нужно уметь защищать”. 11 мая 2015 г., с. 4). К вышесказанному трудно что-либо добавить.

Каждый из фронтовиков прошел на войне свой курс науки – испытание на силу духа. Не хуже других этот экзамен выдержали братья Барановы. Они были, без всякого сомнения, мужественными людьми. Ибо только мужественные люди способны выстоять и победить врага. А мужество, как известно, воспитывается всей жизнью, в том числе и исторической памятью народа. У таких людей, как братья Барановы, нам, ныне живущим, нужно учиться жизни, необходимо и дальше осваивать глубинные пласты истоков героизма защитников нашей Родины. Эта тема всегда была важна, и во времена СССР, и сейчас, когда мы живем в независимой Беларуси. Сегодня, когда наше молодое белорусское государство взяло курс на духовное обогащение народа, эта тема особенно актуальна.

Каждому новому поколению нужен пример для подражания. Его можно найти и в этой книге. Ее герои – наши земляки – люди крепкого нравственного здоровья, огромного личного мужества. Жизненный путь братьев Барановых убедительно и страстно подтверждает, что только нравственно зрелые люди способны умело и успешно защищать свой народ, свою Родину в годину смертельной опасности. Они воевали, как все, не щадя своей жизни. В смертельных боях не трусили и не прятались за чужие спины, честно и добросовестно выполняли военные задания командования, известных героических подвигов не совершали, не стали знаменитыми. Но мы сегодня знаем, что именно такими незнаменитыми белорусскими барановыми, русскими ивановыми, украинскими тарасюками, грузинскими кантариями, армянами, татарами, азербайджанцами, таджиками, туркменами, киргизами, другими представителями народов СССР и завоевана Победа. Они воевали не ради наград, а ради чести и независимости своей Родины, разгрома фашизма, достижения полной победы над врагом, ради жизни, счастья, свободы и мира для всех народов.

Таких героев у Беларуси – миллионы. Каждый, кто ушел на войну. Каждый, кто вернулся. Каждый, кто пришел домой. Каждый, кто выжил в оккупации, концлагере, плену и тылу. Наша жизнь и наша память о

них – лучший им памятник. Мы преклоняем головы перед всеми седыми ветеранами, мужественными и благородными людьми. Спасибо вам, живущим, спасибо ушедшим в мир иной. Вечная вам память.

Слава вам, салдаты!..

*Пражытае – не памяці рубцы
І не ўспамінаў вохкая трывога.
Яно – са мной навечна, як байцы,
Што неслі ў сорок пяты перамогу;
Яны мяне ў сыры хавалі склеп,
Каб не забіла куля-шаляніца.
Біклагі напаўняючы крыніцай,
Нам пакідалі свой салдацкі хлеб;
Ён порахам усіх франтоў прапах...
Акраец беручы, штодня і сёння,
Здаецца мне, бяру яго з далоняў,
Што развіналі перамогі сцяг;
Няхай сваім крылом ён ахіне
І будучыню!
Слава вам, салдаты,
Што Перамогі дзень узнеслі датай
Другога дня радзін не толькі мне!
Як галубы, над намі самалёты,
Блакiт з азёраў, рэк – не пераліць,
Вясна сцягі зялёныя лістоты
Спяшаецца з тушынак расчахліць –
І гэтак будзе – будзе з году ў год,
А тых байцоў ніколі не забудзем,
Пакуль на гэтым свеце жыць мы будзем,
Пакуль жыць будзе чалавечы род!
І гэтак будзе, бо праз нас прайшлі,
Трымаючы ля сэрцаў аўтаматы,
Байцы, што пакідалі хлеб па хатах,
Мір несучы навечна ўсёй зямлі!..*

Алег Лойка.

Оглавление:

От автора.....	3
Глава 1. р. Неман. д. Песочное.	6
Глава 2. Семья Барановых. Родители.	9
Глава 3. Война началась.	11
Глава 4. м. Песочное.	42
Глава 5. Партизанская война разгорается.	53
Глава 6. Оккупационный режим.	63
Глава 7. Партизаны копыльщины сражаются.	72
Глава 8. Дзержинщина в огне.	89
Глава 9. В мирном труде. Баранов Н.Ю.	130
Глава 10. Баранов И.Ю.	139
Глава 11. Баранов А.Ю.	233
Глава 12. Баранов С. Ю.	250
Глава 13. Наследие Великой Победы.	257
Заключение.	271

Литературно-художественное издание

Умрейко Александр Ярославович

Братья Барановы

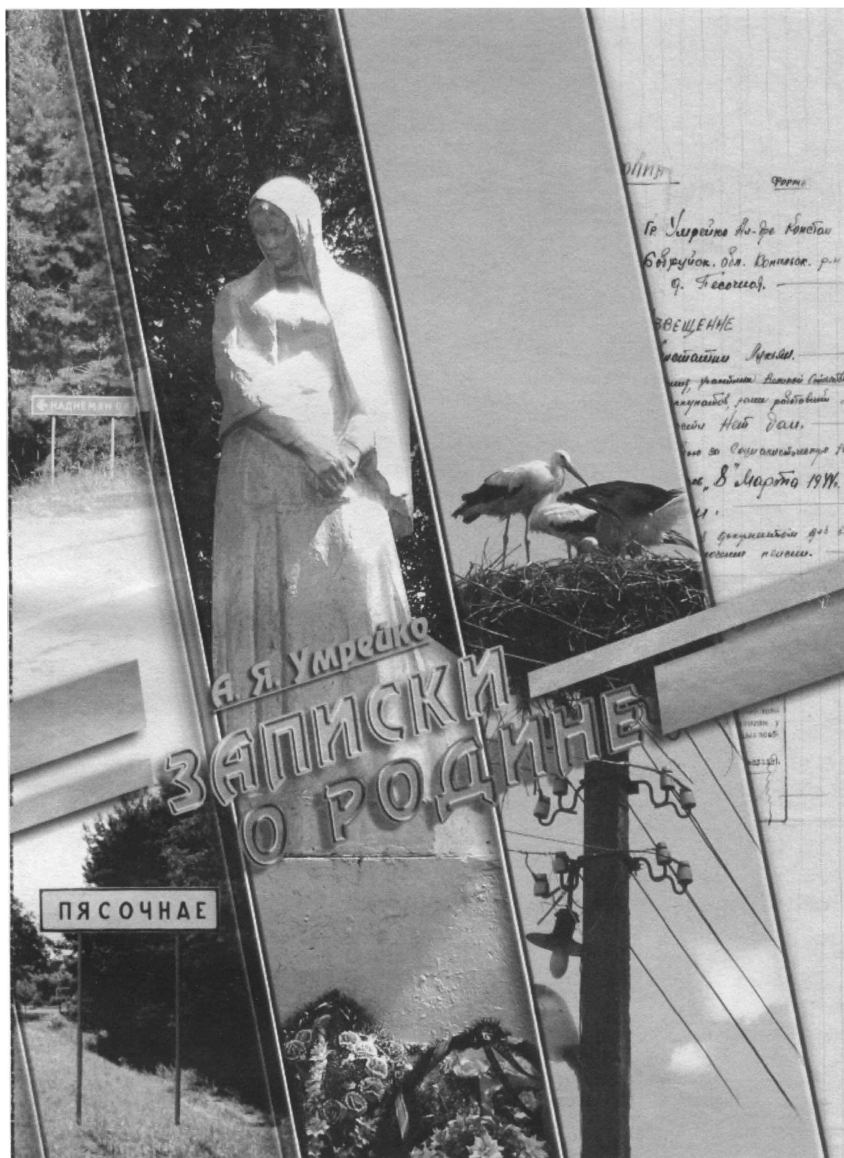
Документальный очерк

Ответственный за выпуск *А. Я. Умрейко*
Компьютерная верстка *З. Н. Клишевич*

Подписано в печать 22.04.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 19,11.
Тираж 50 экз. Заказ 1422.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Коммунальное унитарное предприятие
“Несвижская типография им. С. Будного”.
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/21 от 16.08.2013, № 2/96 от 1.04.2014.

Ул. Гейсика, 1,
222603, г. Несвиж, Минская обл.
Тел.: 8(01770) 5-48-77

Краеведческий очерк

А. Я. Умрейко «Записки о Родине»

(В книге автор отобразил богатую историю родного края).

Александр УМРЕЙКО

*Живите в мире с собой
и со всем миром...*

Крест Евфросинии

Повесть А. Я. Умрейко «Крест Евфросинии»

(Книга о знаменитой просветительнице Евфросинии Полоцкой. Предназначена для православных верующих, студентов, школьников старших классов, интересующихся историей нашей страны и религии). Обложка в 2-х вариантах.

Александр Умрейко

*Живите в мире с собой
и со всем миром...*

Крест Евфросинии

Повесть А. Я. Умрейко «Крест Евфросинии»

(Книга о знаменитой просветительнице Евфросинии Полоцкой. Предназначена для православных верующих, студентов, школьников старших классов, интересующихся историей нашей страны и религии). Обложка в 2-х вариантах.

Александр УМРЕЙКО

“И понесли они крест”,
или Жизнь и удивительные
приключения Яна - полоцкого воя

«И понесли они крест», или Жизнь и удивительные приключения Яна – полоцкого воя

(Данный исторический роман является продолжением книги «Крест Евфросинии», вышедшей в 2014 году).

Умрейко Александр Ярославович

Родился в д. Песочное Копыльского района Минской области. Окончил исторический факультет БГУ им. В. И. Ленина. Трудился в различных организациях, учреждениях, на предприятиях Беларуси. В настоящее время работает в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автор книг «Записки о Родине», «Крест Евфросинии», «И понесли они крест, или Жизнь и удивительные приключения Яна полоцкого воя».

Книга посвящена братьям Барановым – уроженцам д. Песочное Копыльского района Минской области, простым белорусам, которые в лихую годину Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. встали на защиту родной земли от немецко-фашистских захватчиков. Через судьбы братьев показана борьба белорусских партизан с гитлеровцами на оккупированной территории Копыльского и Дзержинского районов Минской области, военные события на фронтах Великой Отечественной войны, тяжёлый ратный труд человека на войне, его мужество и негибаемая воля перед врагом, готовность пожертвовать собой ради независимости своей Родины.

